АЛЕКС БЕЛЛ

ДУМАЙ КАК ВЕЛИКИЕ

ГОВОРИМ
С МЫСЛИТЕЛЯМИ
О САМОМ ВАЖНОМ

БОМБОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мы привыкли думать, что философия – это скучно и сложно. Но авторы великих идей – Платон, Будда, Лао-цзы, Декарт и другие – были в первую очередь людьми, причем весьма неординарными. На страницах книги каждый из них рассказывает о своих концепциях сам, живым и понятным языком. Вы перенесетесь в прошлое и узнаете, как родились идеи, которые формируют настоящее и будущее – идеи, за которыми стоят лучшие умы человечества.

- Алекс Белл
  -
  - Предисловие
  - Предыстория
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

Алекс Белл
Думай как великие. Говорим с мыслителями о самом важном

© Алекс Белл, текст, 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Каждый человек задумывался о том, кто он, откуда взялся он сам и окружающий его мир, как возник уникальный голос его внутреннего «я», для какой цели он пришел на эту землю, и что останется после него.

При всей важности этих вопросов наука и сегодня, к сожалению, не может дать на них однозначный ответ. Но сам поиск ответа становится стимулом, который ведет вперед лучшие умы планеты. Этот поиск и неустанное развитие человеческого интеллекта вместе с расширением наших знаний происходит непрерывно вот уже несколько тысяч лет.

Сейчас, когда люди, родившиеся в XXI веке, уже становятся совершеннолетними, а скорость изменений в мире и потоки информации вызывают головокружение, одна из главных исчезающих ценностей – роскошь приятного, неторопливого, вдумчивого человеческого общения.

Знакомая нам сегодня картина мира и принятые обществом системы ценностей возникли не вчера. Все они формировались постепенно с глубокой древности. Это был долгий и трудный путь. Некоторые особенно выдающиеся мыслители выдвинули в свое время настолько сильные и яркие новые идеи, что их имена стали бессмертными, а их мысли и открытия и сегодня влияют на мир, который нас окружает.

Давайте представим, что нам, сегодняшним людям, выпал уникальный шанс – встретиться с этими мудрецами и визионерами и задать им вопросы о том, что нас волнует. Каковы были бы их ответы?

Из этой книги каждый сможет почерпнуть для себя идеи, созданные самыми яркими умами в мировой истории, изложенные понятным и близким нам языком. И, разумеется, с пользой применить эти знания на практике – чтобы сделать более разумной, приятной и счастливой свою собственную уникальную и неповторимую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА:

Путешествия в прошлое невозможны, так как они нарушали бы физический принцип причинности. Книга является художественным вымыслом, но ее содержание основано на исторических фактах и оригинальных работах избранных мыслителей.

«Я бы обменял все свои технологии на один день разговора с Сократом».

Стив Джобс, основатель компании Apple

«Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов».

Исаак Ньютон, изобретатель физики как науки

«Наступит время, когда все станет известным, закончатся споры о законах физики, и именно тогда… придет время философов».

Ричард Фейнман, Нобелевский лауреат, выдающийся ученый-физик XX века

Предыстория
Миссия выполнима

Место: Нью-Йорк, офис главного редактора медиа-холдинга New York World Times

Время: 2054 год

– Сэр, я по-прежнему не могу понять, что вы от меня хотите.

– Все довольно просто. Например, вы хотите побывать в Египте первого века до нашей эры, чтобы оценить, так ли уж прекрасна и искусна в постели была царица Клеопатра. Правда лично вам предстоит заняться кое-чем другим: встретиться с людьми, сформировавшими самые влиятельные идеи в истории человечества. Пообщаться с ними. Узнать о них как можно больше. И рассказать затем об этом нашим разработчикам. Видите ли, все доступные в мире научные и философские тексты в наши нейросети уже загружены. Чтобы они развивались дальше, нужно нечто принципиально новое. Личный опыт, зафиксированный в нейронах вашего мозга.

– Вы хотите сказать, я окажусь в прошлом, где все будет происходить как бы на самом деле?

– Примерно так, да. Что-то вроде сверхтехнологичного, невероятно правдоподобного варианта дополненной реальности. По-настоящему переместить вас во времени мы, конечно, не можем. Но даже и такой шанс выпадает немногим.

– Что ж, считайте, что я согласен. Давайте начинать.

Спустя полчаса я уже лежал дома в наушниках, слушая свой любимый прогрессив-рок семидесятых, о котором теперь мало кто помнит. Я начинал засыпать, но вместо привычных обрывков прошедшего дня мне предстояло увидеть нечто совершенно иное – отстоящее на сотни и тысячи лет. История почти наяву.

Глава 1
Рассвет единого бога Заратустра)

Место: Древняя Парфия, восточная часть Иранского нагорья (север современного Ирана)

Время: 950 год до нашей эры

Трудный, изматывающий донельзя день. Хорошо, что под вечер начался сильный дождь, буквально тропический ливень. Ткань моей нехитрой одежды – серого льняного хитона до колен – промокла насквозь, но меня это не заботило: напротив, я почувствовал себя гораздо лучше.

Мои плечи, руки, истерзанные и онемевшие после напряженной физической работы в течение многих часов, омытые потоками небесной воды, почти перестали ныть. Кожа на ладонях, покрытая мозолями до потери чувствительности, как будто очистилась, раны на ней зарубцевались. Кажется, никогда в жизни я не был так рад дождю.

Все утро я, не останавливаясь, носил на вершину холма трупы. Мертвецов было много, к полудню их телами была покрыта вся вытоптанная и выложенная острыми камнями площадка вблизи вершины. В этом городке, затерянном на границе гор и великой пустыни на северо-востоке Парфии, бушевала эпидемия, мор. Среди свежих тел у подножия холма были и как будто только что заснувшие дети с черными как смоль волосами и длинными ресницами, и седые старики, и молодые женщины. Мертвецов было много: сотни, тысячи. Большинство скончались недавно, накануне или этой ночью, но тяжелый запах гниющей человеческой плоти уже стоял в воздухе.

В это утро с рассвета я работал насусаларом – мойщиком и носильщиком трупов. В Индии это самая презираемая работа, ею занимаются люди из нижнего слоя касты неприкасаемых. Но здесь, на землях индоариев, на нее смотрели иначе: носильщики трупов помогают умершему пройти по лезвию, не упав вниз, и достичь прекрасной Долины Песен. Я стоял над телом мальчика лет восьми, с темными волосами, красивыми чертами лица, бледной алебастровой кожей.

– Слава Ахурамазде! Ему не пришлось мучиться. Болезнь не успела покрыть его тело язвами. Значит он заболел вчера днем, и умер от лихорадки ночью. Начни с него. Потом займешься взрослыми. Они гораздо тяжелее, – обратился ко мне невысокий кареглазый мужчина с торчащей вперед черной бородой, командовавший мойщиками тел.

На вид ему было лет сорок пять, но на самом деле, вероятно, не больше тридцати: изнурительная работа под палящим солнцем старит довольно быстро. Я приподнял с земли тело мальчика, ловя себя на мысли, что подспудно боюсь причинить ему боль. Он выглядел как живой, и лишь неестественный холод тела давал понять, что это не так. Всех умерших сначала надо было тщательно омыть водой, а затем, с трудом сгибая их отекшие, деревянные конечности, одеть каждого в седре – белую рубаху с девятью широкими швами, символизирующими девять составляющих человека. Даже у самых бедных местных крестьян есть хотя бы одна такая тонкая белоснежная рубаха, которую хранят с детства. Затем мертвых надлежало перевязать поясом кошти, сплетенным из тонких полосок овечьей шерсти, таким же белым. Этот пояс дарят младенцам при рождении, с ним же человек и уходит: кошти – своего рода духовная пуповина, вечная связь с Ним – величайшим и благостным творцом нашего мира.

Я спросил, зачем нужно нести мертвых на гору, почему их нельзя просто похоронить в земле. Старший посмотрел на меня сначала удивленно, но затем, вспомнив, что я нездешний, пояснил:

– Бог создал мир из четырех чистых священных стихий: огня, воды, воздуха и земли. Человеческая плоть и душа, созданные Им, тоже чисты. Но смерть – это зло, самое страшное. В момент смерти телом человека овладевает Ахриман, злой дух, подручный верховного демона. Это из-за него мертвые тела гниют и от них так дурно разит. Поэтому человека нельзя ни хоронить в земле, ни сжигать, ни класть вблизи источника, чтобы не загрязнить их высшим злом. К умершему нельзя подходить ближе, чем на тридцать шагов: демон коварен, легко может перескочить и в твою душу.

– А как же тогда мы?

– У нас есть особое разрешение от самого первосвященника. Кроме того, после работы вечером нам надо вслух читать Гаты, песни Бога, пред наичистейшим огнем.

– А ты сам видел первосвященника?

– Да, но всего пару раз в жизни. В обычных мистериях нашей общины он появляется редко. А в его великий храм на горе вход разрешен лишь абсолютно чистым людям и его доверенным слугам. Не таким, как мы с тобой.

– Вас туда не пускают стражи первосвященника?

– Нет, его храм не охраняется. Но запрет священен, и потому никто не посмеет нарушить его и навлечь на себя гнев Господа.

Капли пота стекали по моему лбу и спине, я дышал тяжело и надрывно. Тащить вдвоем носилки на вершину холма вверх по

склону, по скользким, предательски осыпающимся мелким камешкам – настолько изматывающее дело, что хотелось лишь одного: бросить все и уйти. Но нас было мало, а все трупы должны оказаться на вершине точно к полудню. Тогда диск солнца и с ним сам Ахурамазда окажутся на вершине небосвода, чтобы обратить на умерших свой божественный взор. Солнце восходило быстро. Оставалось только упорно идти, превозмогая боль.

Мы успели. Тела в нарядных белых одеждах теперь были аккуратно сложены на ровной каменной площадке – дахме. Мы присели рядом ненадолго, только чтобы перевести дух. Кто-то поправил висевшие на вбитых в землю высоких шестах широкие белые ленты, заметные издали, чтобы никто случайно не приблизился к этому проклятому месту.

Огромная стая из сотни крупных грифов сидела буквально в десяти метрах от нас. Они не торопились, ожидая свою законную добычу. Стоит нам уйти, и они всей стаей набросятся на трупы. Начнут выклевывать им глаза, чтобы побыстрее добраться до вкусного питательного мозга, затем станут потрошить кишечник, отрывать запястья, чтобы унести большие куски мяса в гнезда своим птенцам. Никто не знает, сколько точно времени нужно, чтобы кости, как того требует закон, стали белыми и блестящими. Обычно за ними приходят через месяц: к тому времени кости полностью лишаются плоти, впитавшей в себя зло и грех. Их аккуратно складывают в погребальные урны на том же холме.

Наконец мы ушли, но один из нас все же остался. Ему предстояло дежурить у трупов до ночи, чтобы проклятые язычники, индийские бродяги агхори, поедающие свежие трупы людей для укрепления своих духовных сил, не разграбили дахму и не навлекли величайший грех ни на себя, ни на умерших.

Язычники. Старший заговорил о них, спускаясь с горы:

– Разум этих несчастных людей находится в непроглядной тьме. Они верят, что Вселенной управляют множество богов и божков, похожих на нас, простых людей. Какая несусветная глупость. Ахурамазда не похож на людей. Он абсолютно бесплотен и не подобен никому и ничему. Он находится везде и не находится нигде. Он – единственная причина всех вещей, всех событий и он же – единственный исход всего и вся. Он – луч солнечного света. Прямо сейчас он слышит наш разговор. Он смотрит за нами непрестанно, каждое мгновенье. Когда мы умрем, он решит, сколько каждый из нас сделал добра или зла на этой земле. Умерев, мы окажемся там, где прямо сейчас находятся те, чьи тела мы только что носили. Там нам предстоит пройти по тонкому как лезвие мосту Чинвад. Если Ахурамазда

рассудит, что мы причинили миру больше зла, чем добра, то мы не дойдем до конца моста. Соскользнем вниз, прямо в кипящее масло. Но если мы были на стороне добра, нас ждет вечное блаженство. Там, в Долине Песен, мы всегда будем молоды, здоровы и красивы. Нас, как суженых мужей, ждут пригожие девы на ложах, разубранных подушками, в золотых браслетах и ожерельях. У них тонкий стан, длинные пальцы, они столь прекрасны, что сладостно смотреть. Дочери светлой Аши, всепроникающей доброты и праведного пути. Эх, оказаться бы там прямо сейчас…

Внизу солнце палило сильнее. После того, как мы утолили жажду колодезной водой, показавшейся теперь мне прекраснее изысканного вина, старший призвал нас на молитву:

– Кажется, полдень. Преклоним колени пред всемогущим и милосердным Ахурамаздой.

После молитвы я вновь спросил:

– А что еще есть в этой прекрасной долине?

– Табуны сильных, чистокровных лошадей, которые слушаются малейшего движения руки всадника. Озера, прохладные и прозрачные как слеза. Кладовые, полные серебра и злата без меры. Вечная радость. Мы увидим момент, когда Господь окончательно победит Ангра-Майнью, верховного демона, противника добра. После этого вся Вселенная станет как одна райская долина.

– А что станется с женщинами? С язычниками?

– Женщины, если они были скромны, благочестивы и верны мужу, пройдут через мост бок о бок с мужчинами. Ахурамазда, в отличие от всех придуманных божков, не делит людей по полу. Пред ним все едины, как дети пред добрым, щедрым отцом. Язычники, конечно же, попадут в ад. Не познав мудрость мира, не услышав Слово великого Пророка, им не перейти через мост.

Поблагодарив за питье и скромную пищу, я ушел. Мне не страшно было нарушить запрет и пересечь порог храма пророка Солнца. Кроме того, я знал, что именно сегодня ему грозит огромная опасность. Да, я не вправе вмешиваться в ход истории. Но кто знает, может быть, мои действия в прошлом когда-то и предопределили его?

Храм Заратустры (так родители нарекли то ли пророка, то ли первосвященника) стоял на горе далеко от города. Места здесь неспокойные, если не сказать больше. Много лет назад, когда пророк был молод, он открыл суть своего учения правителю ариев, который принял его веру и делал все, чтобы как можно больше подданных обратились в нее. Но теперь пророк был уже немолод, и все изменилось. Прежний правитель умер, началась

смута. Если бы не сильно разросшаяся община, новый царь, не принявший учение о Свете и едином Боге, казнил бы даже самого пророка. Теперь его сторонники вынуждены были собираться на молитвы тайно, под покровом ночи, в небольших пещерах. А сам Заратустра укрылся в небольшом храме на холме посреди пустынной долины почти в полном одиночестве, не считая самых близких жрецов и нескольких преданных слуг.

Но сейчас даже и этому хрупкому миру грозила смертельная опасность. Племена из дикой, почти первобытной горной Бактрии, неуютного края (позже его назовут Афганистаном), как чума опустошали соседние страны, совершая жестокие грабительские набеги. Я знал, что именно сегодня бактрийцы вторгнутся в земли индоариев и, как обычно, не станут щадить ни женщин, ни детей.

Странный сильный дождь, столь необычный для этих мест в такое время года, поначалу не на шутку испугал меня. До храма пророка от города нужно было идти километров пятнадцать. По пути мне пришлось пересечь узкую, неглубокую, но довольно бурную речку с водой темно-оранжевого от песка и растений цвета. Ее течение могло бы убить меня, увлечь в водоворот чуть ниже по реке, если бы не старый прогнивший канатный мост. Цепляясь за его поручни, с замершим от страха сердцем я все-таки перебрался на тот берег. Заросшая тропа вела мимо пустых вымерших деревень, по бесплодной равнине, вдоль каменистых холмов. На склоне одного из них издали я заметил небольшую стаю волков. Я знал, что местные считают волков, как и змей, порождениями дьявола. Волки меня учуяли и подняли головы. Но в этот момент они разделывали чью-то массивную тушу и не стали на меня отвлекаться.

Дождь прекратился, когда я достиг нужного мне холма. Каменный храм на вершине, с массивными стенами, оказался совсем небольшим, высотой всего метра три. Я даже не смог сразу разглядеть его очертания через листву деревьев. Поднимаясь по склону и стараясь привлекать как можно меньше внимания, я заметил двух людей с бородами, в белых одеждах, похожих на те, в которые мне утром пришлось одевать мертвецов, только гораздо богаче. Их одеяния украшались затейливой вышивкой, а на пальцах красовались перстни с драгоценными камнями. Они о чем-то очень оживленно говорили, почти кричали, но содержание беседы я разобрать не смог. Внизу, с другой стороны горы, их ждали несколько вооруженных слуг и пара повозок с лошадьми. Дождавшись, когда все они уедут, я поднялся к храму.

Прежде чем заглянуть внутрь, я почувствовал запахи. Ветер окропил меня каплями с нависших веток деревьев. Это была

удивительная смесь запахов. Кажется, что природа после дождя переродилась, и чахлые, сожженные солнцем растения вдруг начали источать терпкий сладкий аромат. И было еще что-то в этом запахе, чего я не могу объяснить словами – нечто волшебное, что-то, чего в наше время природа уже не создает.

Быстро смеркалось. Из-за дверей храма ветер разносил легкий белесый дым. Наконец я заглянул внутрь. Не знаю, сколько лет было этому человеку. Может быть, немного за пятьдесят, может, гораздо больше. Я многое повидал в своей жизни, но столь величественных людей вряд ли встречал.

Он был высок, широк в плечах, одет в такие же белые, словно снег, одежды. Его массивный пояс был украшен золотыми вставками. Одухотворенное, благородное лицо обрамляла окладистая почти седая борода. Человек молился вполголоса. Его голова была поднята вверх, к каменному потолку, через щели которого пробивался еще яркий, хотя и предзакатный красноватый солнечный свет. На постаментах перед ним и вдоль стен храма горел огонь в керамических сосудах (но странным образом на стенах храма не виднелось следов копоти, не было и запаха дыма). Молитва первосвященника, произносимая мелодично на разные лады, была похожа на затейливую магическую песнь. Я понимал парфянские наречия, на которых говорили окружающие, но этот язык был иным, лишь отдаленно похожим. Из слов песнопений я не понял ничего, но их дух, настроение, мелодика завораживали так, что я был не в силах шагнуть внутрь.

Служитель сделал паузу, произнес еще несколько слов на все том же древнем, малопонятном наречии, запрокинул голову, глядя вверх с поднятым указательным пальцем правой руки, словно напряженно ожидая чего-то. Спустя несколько мгновений случилось чудо: солнце оказалось прямо над небольшим окошком у западной стены храма и через него яркими красными лучами осветило первосвященнику лицо. Оно бросило лучи на его фигуру, на одежды – словно разговаривая с ним. Священник поднял вверх обе руки, лицо его источало блаженство, кажется, совершенно неземное. Беззвучно, все так же с поднятым пальцем, он произнес несколько слов, обращенных, кажется, прямо к лику Господа. Через мгновение солнце опустилось ниже, перестав проникать через окно. Внутри храма стало намного темнее, чем прежде – теперь его освещал только горящий в сосудах огонь.

Я смелее зашел внутрь. Увидев меня, величественный священник вздрогнул, но тут же его глаза вспыхнули гневом, и он громогласно спросил, кто я такой.

– Я посланец нашего господина, правителя. Он собирает

войска, чтобы дать отпор врагу. Он передает, что вам грозит великая опасность, и что прямо сейчас, не мешкая, надо уходить отсюда. У меня есть оружие, я знаю тайные тропы и надежное место – пожалуйста, следуйте за мной.

– Я знаю о вторжении. Меня предупредили слуги. Как раз сейчас я молился Мудрому Господину, Ахурамазде, чтобы эта напасть прошла стороной, и мои люди не пострадали. И он ответил мне, что с ними все будет в порядке, а захватчики будут разбиты.

– Он сам вам ответил?

– Да. Я слышу его голос и его слова вот уже много лет.

– Простите. Я мало знаю о вашей общине. Я сам принадлежу другой вере.

Заратустра повернул голову к окну, в котором заблестели последние яркие лучи заката. Посмотрел вверх, что-то прошептал и вновь поднял палец.

– Что означает этот жест?

– Я не знаю, какую веру ты исповедуешь, и скольким ложным богам молишься. Я поднимаю голову к небу и солнцу, к их творцу – великому, милосердному, вечному Господу. Поднятый палец означает, что Бог – один, и я обращаюсь к нему, вижу его лик, перед красотой которого меркнет даже само солнце. Язычники верят, что богов много. Каждому из них надо приносить свою жертву, чтобы тебе сопутствовал успех. Глупцы. Господь – един. И ему не надо приносить жертв. Разве дети приносят жертвы своим родителям? И Бога не надо просить об удаче в обыденных, мирских делах. Он и так деятельно заботится о каждом, кто идет по праведному пути. Обо всех тех людях, через которых добра в мире становится больше.

– Почему Господь выбрал своим проводником именно вас?

Заратустра удивленно посмотрел на меня. Видимо, немногие простые смертные отваживались задать такой вопрос. Но что-то в моем голосе и моем взгляде его заинтересовало.

– Я сам спрашиваю себя об этом каждый день, но ответ узнаю, наверное, уже не в этом мире. До тридцати пяти лет, до почтенного возраста, я был простым человеком, и мне казалось, что я уже все имел и все постиг. Я был скотоводом и торговцем лошадьми, я был богат, у меня было три прекрасных жены и много детей от них. Казалось бы, о чем еще мечтать. Однажды я должен был устроить большой праздник. Рано утром я подошел к реке, чтобы напиться и набрать воды. В этот миг я услышал повелевающий голос, который сказал мне, что отныне я должен нести людям свет и открыть им правду. Потом Господь говорил со мной еще много дней. Вот уже двадцать лет я делаю все, что Он

мне повелевает.

– Господь сам следит за всем? У него на небесах нет помощников?

– Конечно, есть. Его правая рука – великий Митра, посредник между Богом и земным миром. Митра – воплощение заботы; он следит за тем, чтобы среди людей царил мир, они не нуждались и не голодали. Его левая рука Аша – женский дух, воплощение добра и праведности, согревает души и помогает людям не поддаваться соблазнам демонов, влекущих их в ад. Есть и много других посланцев Ахурамазды, его творений. Но все они лишь исполняют его всевышнюю волю.

– Пророк, для чего в храме столько огня?

– Из четырех земных стихий огонь – самая главная. Огонь горит внутри самого солнца, благодаря которому в мире существует все живое. Огонь все время очищает сам себя. Огонь, который ты видишь в моем храме, был дарован мне самим Господом. Молния много лет назад попала в сухое дерево на склоне этого холма. Я бережно перенес горящую ветвь сюда, пламя наполнило этот большой священный сосуд, и с тех пор огонь в нем не угасал ни разу. И, я надеюсь, не угаснет никогда. Ведь это означало бы, что Господь лишил людей своей милости.

– Простите, что прерываю. Я слышу топот лошадей и голоса. Великий пророк, нам надо бежать сейчас же.

Первосвященник усмехнулся. Солнце уже почти село, на потолке и стенах храма гуляли неровные тени и блики, то появляясь, то исчезая. Лишь негромкий треск огня нарушал тишину.

– Неужели ты, посланец, думаешь, что твой господин могущественнее Ахурамазды, который сам только что говорил со мной? Да исполнится его воля. Я сделал все, что было в моих силах. Похоже, мой путь близок к концу. А ты уходи, спасайся.

Я хотел возразить, но понял, что это бесполезно. Мне осталось только повиноваться. Я выбрался наружу, укрывшись за деревьями, исчезая во тьме быстро спустившейся беззвездной ночи.

Храм был прекрасно виден, ярко освещенный изнутри. Бактрийские воины в доспехах, с бронзовыми щитами, с дикими лицами вбежали внутрь, что-то громко крича. Затем один из них ударил первосвященника клинком плашмя по голове. Тот молча согнулся, и бактрийцы с криками, стали жестоко избивать его руками и ногами. Когда он потерял сознание, его выволокли наружу и ударом тяжелой деревянной палицы разнесли его голову.

Смеясь, бактрийцы вернулись в храм и долго искали в нем

ценности. Не найдя ничего, от досады они разбили малые сосуды с огнем. Но когда настал черед главного сосуда, ни один из воинов так и не решился нанести по нему удар. Быть может, бактрийцы опасались, что пламя перекинется на них самих. Они вновь принялись рыскать по храму, пытаясь расколоть каменные плиты в полу. Затем принялись копать яму перед входом. Так ничего и не найдя, бактрийцы наконец спустились с холма и ускакали восвояси.

В последний раз я подошел к храму. Голова Пророка была обезображена, его лицо было невозможно узнать. Но одежды странным образом, несмотря на лужи крови повсюду, остались белыми и почти незапятнанными. Внутри храма был беспорядок, на полу валялись груды черепков разбитых сосудов вперемешку с комьями земли. Но большой круглый сосуд у главного алтаря остался нетронутым. Огонь в нем ровно потрескивал, как ни в чем не бывало, точно так же, как еще час назад, при жизни первосвященника.

У меня не было чувства, что на моих глазах свершилась трагедия. Напротив, произошедшее показалось мне чем-то возвышенным. Изменившим ход вещей.

Его смерть, кажется, и не могла быть иной. Конец гениального человека, первого в истории, поведавшего людям о рассвете единого Бога. О его огромной, не имеющей границ отеческой любви к ним. А значит – и о неминуемой победе добра над злом в конце времен.

Ведь так говорил Заратустра.

Глава 2
Только этот путь (Дао Лао-Цзы)

Место: Древний Китай, граница империй Восточная Чжоу и Ци (современный центральный Китай)

Время: 557 год до нашей эры

Мне пришлось отдать начальнику пограничной заставы несколько золотых монет. Коррупция в Китае – что две с половиной тысячи лет назад, что сейчас – кажется, неискоренима.

Инь Си, на коне, в легких доспехах и шлеме, выглядел величественно. Это был сильный, уверенный мужчина в расцвете сил. Я просил его закрыть глаза на пересечение мною тщательно охраняемой границы в это неспокойное время. Я был явно не китайцем, что несколько упрощало дело. Да и плата была достойной: всего за пару таких монет можно купить приличный деревенский дом. Так что за эти деньги я хотел еще и кое-что узнать.

Инь Си снова смерил меня взглядом, попробовал монеты на зуб. Конечно, они были настоящими. Наконец, не без традиционного презрения к чужеземцу, Инь изрек:

– Так уж и быть, помогу тебе. Если сможешь объяснить, что и зачем ты ищешь.

Я хотел было ответить, что ищу Истину и ничего больше. Но он вряд ли оценил бы мою иронию. Я спросил его о произошедшем с утра.

– Ладно. Уговор есть уговор. Но запомни хорошенько. Если хоть один человек из Восточной Чжоу узнает о том, что я тебе расскажу, то я найду тебя где угодно, своими руками отрежу тебе язык и поджарю его на ужин.

Мы проследовали с ним в тесное каменное строение размером с сарай. Вокруг во все стороны простирался лес, свежий и благоухающий в этот весенний полдень. Здесь никто не смог бы нас подслушать.

Инь Си принялся рассказывать, как было дело.

На рассвете после дождливой ночи, он, как и каждое утро в последние несколько лет, совершал обход вверенной ему заставы. Редко кто пытался пересечь этот важнейший рубеж. Империя Восточная Чжоу занимала почти весь центр Китая, ее правители – ваны – вот уже пятьсот лет имели неоспоримый мандат неба на управление всем Китаем. Но в последние сто лет железная рука правителей Чжоу ощутимо ослабла, и от нее стали откалываться приграничные территории. Формально они признавали

императора Чжоу своим сюзереном, платили ему дань, делали вид, что выполняют его приказы, но на самом деле с каждым годом становились все самостоятельнее. Самым опасным из таких новых государств была империя Ци.

Ци была невелика по территории, зато имела выход к океану, порты для торговли, и в этой стране процветали наука и искусство. Там были лучшие во всем Китае ремесленные мастерские, приносившие большой доход. Правители Ци уже почти перестали притворяться, что подчиняются Чжоу. Отношения накалились, и не случайно великий ван назначил главой пограничной заставы одного из самых преданных лично ему военных – Инь Си. Пересекать границу было запрещено всем, кроме лично знакомых Инь Си крупных торговцев и послов, имевших разрешение императора. Но я не являлся подданным Чжоу, я даже не был китайцем, поэтому на меня этот запрет распространяться не мог.

Во время утреннего обхода военачальник заметил приземистого старика, который шел через границу так спокойно, словно ее и вовсе не было. Это было неслыханной дерзостью, и Инь Си уже занес над головой большой хлыст, чтобы с силой, – возможно, до смерти, – отхлестать им странного бродягу, явно выжившего из ума. Но как только тот с озорной улыбкой поднял голову, они со слезами радости бросились друг другу в объятия.

Инь Си отлично знал этого человека еще с тех пор, как был юнцом. Звали его Лао-Цзы. На китайском, в зависимости от контекста, это имя означало «старый мудрец» либо «старый ребенок». Странным образом оба эти значения отлично подходили ему. Седые волосы и фигура пожилого мужчины сочетались в нем с почти детским задором, невероятной скоростью мысли и огромной любознательностью. Лао-Цзы умел читать, видимо, с рождения, и всю жизнь читал все, что ему попадалось. Он происходил из знатной семьи, и правитель назначил его смотрителем своей личной библиотеки, в которой хранились горы пергаментов, накопленные за века. Говорят, что этот книгочей мог читать месяцами напролет, все это время не выходя из архива. Там же Инь Си с ним и познакомился.

Позже библиотекарь оказал ему большую услугу. Семилетний племянник жены Инь Си, живший у важного богатого чиновника, скоропостижно умершего, по древним традициям должен был быть заживо погребен вместе с покровителем, так же, как жена чиновника, его наложницы и прислуга. Женщина горько оплакивала еще живого мальчугана, и Инь Си в отчаянии попросил у мудреца помощи. Тот во время аудиенции показал правителю древний манускрипт, который запрещал предавать

живых детей погребению, а затем упросил пощадить ребенка. С того момента Инь Си стал не только другом уважаемого архивариуса, но и отчасти его последователем.

Встретив Лао-Цзы этим утром (по счастливой случайности солдат рядом не было), он, конечно, не стал его задерживать. Инь Си с удивлением узнал, что тот попросил у правителя отставки со своей почетной должности. Он решил, что сделал все, что мог, для просвещения жителей Чжоу, и собирался полностью изменить свою жизнь, навсегда уйдя в Ци. Инь Си был крайне этим опечален. Он спросил Лао-Цзы, не оставил ли тот письменный трактат о своих идеях, превратившихся в очень популярное в среде образованных людей Чжоу учение. Мудрец ответил, что всю жизнь только размышлял, но так и не написал ни строчки.

Инь Си был не просто этим расстроен, он был в ярости. Он встал перед учителем во весь рост, стал трясти его за плечи (что, конечно, было совершенно неподобающим), сказал, что пока он жив, он не выпустит Лао-Цзы из страны. Тогда Лао-Цзы со своей привычной рассеянной улыбкой попросил принести несколько больших кусков пергамента и перо с чернилами. Несколько часов подряд он без отдыха диктовал Инь Си трактат «Книга пути (Дао) и достоинства». Закончив последнюю фразу, старик еще раз тепло и крепко обнял друга, а после встал и незамедительно продолжил путь.

Они расстались всего пару часов назад. Опечаленный военачальник зашел домой и рассказал о случившемся жене. Та не могла ему поверить, а затем показала великолепный шейный платок из тончайшего шелка, вышитый ее руками золотой нитью, уберегающей от зноя. Она собиралась вскоре проведать родителей в столице и заодно зайти в библиотеку, чтобы подарить его Лао-Цзы.

Я сказал, что почти наверняка нагоню Лао-Цзы еще до заката и с удовольствием передам ему подарок. Инь Си поблагодарил, вручив мне платок (и в самом деле, дивной красоты), за которым сбегал к нему домой его подручный. Страж границы подробно объяснил, каким путем мне следует добираться в новую столицу империи Ци, куда держал путь мудрец. Она находилась не очень далеко – на расстоянии одного дневного пешего перехода от заставы.

После полудня солнце палило нещадно, но с листьев все еще капала скопившаяся за ночь вода, поэтому идти по тропе в густом цветущем лесу было приятно. Такого звонкого, разноголосого гомона птиц мне, возможно, в жизни не приходилось слышать. Где-то в подлеске шуршали антилопы, наверное, там же рыскали тигры, и бог весть какие еще хищники, не истребленные

человеком в ту давнюю эпоху.

Я едва не разминулся с ним. Пройдя часа три быстрым шагом, почти бегом, я уже практически проскочил мимо развилки, где в тени, у реки, вдали от тропы, решил присесть отдохнуть старый философ. Меня выручил лишь мой тонкий слух. По пути я постоянно прислушивался, не шуршат ли в кустах, переступая, лапы изготовившегося к прыжку тигра. Вблизи же этого места я услышал тихие, нежные звуки игры на сяо – тонкой длинной бамбуковой флейте. Казалось, что мелодия вторит легкому ветерку в ветвях деревьев. Некоторое время я просто стоял, наслаждаясь ею, а затем, стараясь ступать как можно тише, подошел к игравшему.

Он сидел ко мне спиной. Я был уверен, что это и есть тот самый мудрец, хотя пока и не видел его лица. Действительно невысокий и хрупкий на вид, он сидел в укромном месте на камне у берега речушки, повернувшись к воде. Когда я подошел вплотную, старик не перестал играть – кажется, не услышал меня. Его крупный лоб выглядел необычно высоким и совершенно облысевшим, но на затылке росли густые волосы, абсолютно седые и длинные, почти до плеч. Звуки флейты стихли внезапно. Человек же остался сидеть, не оборачиваясь.

– Добра вам. Это вы – мастер Лао-Цзы?

Старик продолжал молчать, созерцая течение воды.

– Вы меня слышите? Я ремесленник и иду через много стран с далекого запада. Направляюсь в столицу Ци. Меня просили передать вам ценную вещь.

Я обошел его сбоку, вынул платок и показал ему. Лао-Цзы наконец посмотрел на меня, в его глазах мелькнула улыбка.

– Знаю. Я специально присел передохнуть, чтобы тебе не пришлось бежать за мной до самого вечера.

– Вы знали? Как?

– Знающий не говорит, говорящий не знает.

Неожиданно он протянул мне блестящий речной камушек, еще влажный от воды.

– Ты оказал мне услугу. Я должен заплатить тебе за это, но у меня нет с собой ни единой монеты. Возьми этот камешек на память. В нем запечатлена вся Вселенная. Как и в любой вещи.

Я принял подарок, отдал старику прекрасный платок (о том, откуда он, мудрец даже не спросил), который тот сразу же повязал себе на шею. Я присел на соседний камень. Снова повисла тишина.

– Инь Си по секрету рассказал мне о пергаменте, на котором он сегодня утром записал ваше учение. Я хотел его прочитать, но ваш друг отказался его даже показывать. Сказал, что это теперь

главное государственное сокровище. Всю дорогу я шел и горько сожалел, что упустил такую возможность. Солнце еще высоко, а идти уже остается немного. Вы не могли бы рассказать, о чем это учение?

Пожилой философ снова задорно, но не без тени сомнения взглянул мне в лицо.

– Дело не в том, могу ли я рассказать, а в том, готов ли ты понять. Когда ученик готов, учитель сразу найдется. Для начала объясни, зачем тебе знать учение?

– Я не знаю точно. Я постоянно задаю себе сложные вопросы, и не так уж часто нахожу на них ответы. Порой мне кажется, что я полжизни проблуждал в темноте.

– Да, я вижу это. Ты выглядишь бледным и встревоженным. Тот, кто думает о прошлом – живет в тоске и печали, кто думает о будущем – в тревоге. Лишь тот, чей разум находится здесь и сейчас, в реальности истинной (в отличие от других реальностей, на самом деле не существующих), чувствует радость.

Мудрец взял пригоршню мелких камешков, бросил их в воду.

– Все беды человека – от того, что он сошел со своего пути. Каждый человек и каждая вещь в мире имеет свой путь. Счастлив и спокоен только тот, кто идет по дороге, предначертанной ему одному. Делает в жизни то, ради чего родился. Но большинство людей, к сожалению, сворачивают со своего пути. Кто-то или что-то их заставило. Хотя почти все могли отказаться и идти себе дальше, но им не хватило духа. Кому-то захотелось больше денег, кому-то славы, но чаще всего на людей слишком влияют чужие мнения, которые для них почему-то становятся важнее собственного. Не надо копаться в прошлом. Не надо чрезмерно заботиться о будущем. Видишь речку? Как тихо и спокойно струится ее вода. Как затейливо на ней играют лучи солнца. Она находится в полной гармонии с собой. А что же мешает тебе? Заметь, Природа никогда не спешит, но при этом никогда никуда не опаздывает. Будь как она. Все вещи в мире случаются тогда, когда им предписано случиться. Попробуй помешать этому дивному порядку, естественному ходу всех вещей – и ты обречешь себя на вечные беды. Просто примешь мир, каким он создан – и твой дух воспарит от счастья. Довольствующийся собой – богаче прочих, ибо его богатство некому украсть.

– Просто так сидеть, ничего не делать и ни о чем не думать? В этом весь секрет?

– Это состояние называется У-вэй. Созерцательная пассивность. Не стремись изменить то, что ты не в силах изменить. Просто следуй своему пути.

– А в чем смысл окружающего мира? И откуда он вообще

возник?

Лао-Цзы поднял голову, словно вглядываясь в облака.

– Путь Вселенной нельзя описать никакими человеческими словами. Попытаться сделать это значит наплодить новое незнание и заблуждения. Присвой любой вещи имя, и она тут же изменится навсегда, потеряет свою первоначальную сущность. Но человек слишком любопытен. Поэтому я все же отвечу на твой вопрос.

В основе Вселенной лежит Дао. Дао – порождение двух противоположных начал: Инь и Ян. Свет и мрак, холод и огонь, вода и твердь, мужчина и женщина. Когда Инь и Ян прикоснулись друг к другу, возникло Нечто. Затем в него вселился дух, позитивная энергия Дэ. Она оживила Нечто, превратив его в Дао; это привело в действие космические силы, дало начало постоянному движению. Сначала появилась одна вещь, потом две, затем их стало три. А из трех вещей, которых достаточно для бесконечного разнообразия свойств, возникла и вся безграничная Вселенная.

Дао не имеет формы, но определяет форму всего. Дао ничего не делает, но нет того, что оно не может сделать. Дао – как вода: оно есть гибкость и слабость, легко побеждающие любую силу. Дао так велико, что его нельзя увидеть, и в то же время настолько мало, что его нельзя увидеть. Дао создает вещи, но не владеет ими – оставляет их свободными. Кажется, что Дао пребывает в недеянии, но его деяния деятельнее всех прочих. Дао никогда ни с кем не ссорится и ни с чем не воюет, поэтому его нельзя победить. Оно не говорит словами, но лишь оно делает все логичным и понятным. Следовать Дао – значит быть частью гармонии Вселенной. Тот, кто противится Дао, обречен на исчезновение.

– И все же откуда оно взялось? Ведь должен был быть миг, когда его не существовало?

– Этот вопрос задавать бессмысленно. До самого конца времен не родится мудрец, который сможет познать, откуда появилось Дао и что наполнило его духом Дэ. Вполне возможно, оно существовало всегда, ведь даже само время – суть его порождение. То есть до него времени просто не было. Кстати, мы с тобой – тоже проявление Дао. Его сила наполняет чудесными способностями и нас.

– Мудрец, дай мне немного времени, чтобы осмыслить твои слова.

Тон голоса Лао-Цзы казался тихим и вкрадчивым. Старик словно не говорил, скорее, его слова лились так плавно, что они и мягкий плеск воды как будто превращались в одно.

Я удивился, откуда в этом древнем учении так много современных понятий – просто мы представляем их себе и называем по-другому. Дао, обретшее энергию Дэ – то, из чего возникла Вселенная. Конечно, мы до сих пор не знаем, что именно в начале времен взорвало бесконечно малую точку материи в момент Большого Взрыва. Как верно говорит старик, мы тем более не знаем, из какого источника это точка приобрела энергию, которая, допустим, называется «Дэ». Инь и Ян похожи на положительный и отрицательный заряд частиц, из которых состоит Вселенная. Протоны и электроны, первооснова материи. В то же время, если Дао, как он говорит, заранее четко запрограммировано, это может идти вразрез с неопределенностями квантового мира. Хотя по большому счету это не аргумент. Мы ведь до сих пор слабо представляем себе, как устроен этот самый квантовый мир.

Тем временем мудрец прикрыл глаза, чтобы в них не светило солнце. Я встревожился, что он заснет, а мне хотелось продолжать его слушать.

– Почему вы разрешили этим утром записать учение?

– Потому что оно не принадлежит мне. Чаша, наполненная водой, не может в себя ничего принять. Только отдавший что-то владеет этим. Передав учение людям, я стал действительно свободным.

– И вы полагаете, что знаете все об окружающем мире?

– Отнюдь. Знать, как ничтожно мало ты знаешь – признак величия ума. Не осознавать, как ничтожно мало ты знаешь – болезнь духа. Мудрый человек может не знать многого. А тот, кто знает многое, чаще всего не мудр.

– Мастер Лао-Цзы, почему вы ничего не взяли с собой в дорогу? Все те годы, что вы служили правителю Чжоу, вы получали щедрое жалованье. У вас наверняка осталось в столице немало имущества и денег.

– Если у тебя нет денег, тебе не страшны разбойники на дороге. Кто имеет много, потеряет больше, чем тот, кто имеет мало. Место, где можно поесть или остановиться на ночлег, я найду всегда. А если даже и нет, тогда с удовольствием засну прямо под звездами, а утром утолю голод лесными ягодами. Все, что у меня есть, находится во мне. И я не понимаю, что еще кроме этого человеку может быть нужно.

Мне показалось, что философ посмотрел на солнце, чтобы проверить, не склонилось ли оно уже слишком низко над горизонтом. Мне стало неловко задерживать его расспросами. Но, кажется, мы нашли общий язык. Возможно, ему понравилась моя любознательность. Или он счел интересной мою внешность. Ведь

людей с Запада ему вряд ли доводилось встречать.

Учитель положил руку мне на плечо и улыбнулся.

– Ты выглядишь намного лучше, чем в то мгновенье, когда я впервые увидел тебя. Спокойнее. Я редко даю советы. Жизнь сама учит человека лучше любого наставника. Но все же скажу. Ты явно пытаешься стать тем, кем не можешь быть. Трепетной антилопе не стать тигром, и наоборот. Делай только то, что хочешь ты, а не то, что тебе говорят. И помни, что ты не должен творить зло, вмешиваясь в чужое дао, нарушая счастье других людей. Просто вернись к своему началу, к истоку.

– Прямо сейчас закрой глаза. Я обычно проделываю это недолго, но каждый день. Делай это тоже, когда будешь оказываться в одиночестве. Дыши спокойно, медленно. Сделай две простые вещи. Отбрось все дурные, вредные или суетные мысли. Ведь именно из-за них мы совершаем в жизни ошибки; подгоняемые ими, мы постоянно вредим сами себе. Затем обрати взор внутрь себя. Почувствуй себя песчинкой необъятного мира: она слаба, но без нее Вселенная все равно была бы неполна. А дальше, когда ты научишься хорошо делать эти два необходимых шага, в твою голову потекут новые, прекрасные мысли. Это и будет третьим шагом. Чтобы стать тем, кем ты хочешь быть, прежде всего надо обрести свободу от того, чем ты являешься сейчас. Расслабься.

Кажется, я просидел так недолго, пару минут, или даже меньше. Но за мгновения у меня перед глазами пронесся целый мир. Я видел над собой вращающуюся хрустальную сферу, из которой лился мягкий свет, слышалась музыка, ощущались приятные ароматы. Это был словно яркий красивый сон, пронесшийся вихрем, как один миг. Я открыл глаза, и хотел спросить, что это было.

Но рядом со мной уже никого не было. Я был совершенно уверен, что он не мог уйти так, чтобы я не заметил или не услышал. Я резко встал на ноги, окликнул его, всмотрелся вдаль. Никого. Только тишина и тихие шорохи весеннего предвечернего леса.

Я осознал, что мне надо срочно, прямо сейчас, написать о встрече с Лао-Цзы. Поделиться основами его учения со всем миром, не расплескав по дороге ни капли.

Ведь это было гораздо больше, чем просто мое задание, работа, профессия или ремесло.

Это было мое личное Дао.

Глава 3
Наслаждение порядком (Конфуций)

Место: Древний Китай, город Цюйфу, столица царства Лу (современный восточный Китай)

Время: 506 год до нашей эры

Это было трудное, жестокое, кровавое время.

Великая многовековая империя Чжоу окончательно распалась, и на ее обломках возникло более сотни независимых китайских государств – от крохотных до достаточно крупных.

Войны этих государств (а иногда и просто городов) друг с другом шли почти безостановочно. И даже те страны, чьи правители предпочитали мир, жили в постоянном страхе перед соседями. В те годы немногие мужчины в Китае доживали до преклонного возраста. Большинство погибали в боях, а многие из уцелевших умирали от голода: уберечь свой урожай от разбойников было почти невозможно. Понятий о милосердии у воюющих сторон не было. Женщин и младенцев сжигали, иных закапывали живыми. Разрубить человека на части значило дать ему умереть быстрой, легкой смертью. Старинные пергаменты сохранялись лишь в нескольких крупных библиотеках, остальные в хаосе тех десятилетий были сожжены или просто утеряны. Великая история и традиции древнего Китая теперь оказались почти повсеместно преданы забвению.

Впрочем, были и такие государства, где жизнь (благодаря здравому смыслу их правителей) текла спокойнее, чем в других. Одним из таких мест было царство Лу, где правили князья из рода Цзи, родственники бывших императоров Чжоу. Царство Лу находилось на востоке, на берегу Желтого моря, между государствами Ци и Вэй. Ее столица Цюйфу была не таким уж большим городом, но она возвышалась на величественном холме, откуда открывался великолепный вид, и была окружена мощнейшими каменными стенами. Отовсюду Цюйфу казалась неприступной крепостью.

Ночью эти стены выглядели особенно зловеще. В этот раз мне пришлось освоить новое для себя ремесло: я стал колесничим. Мне надо было подвезти одного человека. Еще вчера этот человек был ученым и чиновником, уважаемым всеми. Но теперь, в самом расцвете своей жизни, он, словно вор или загнанный зверь, тайком, один, был вынужден бежать из царства Лу, презираемый и, кажется, никому больше не нужный. В те времена судьба любого человека могла перевернуться в один миг.

Ночью шел сильный дождь, и единственная принадлежавшая ему телега, угодив в канаву с водой прямо у порога его дома, из-за сломанной оси пришла в негодность. Я правил колесницей с двумя сильными, хорошо обученными лошадьми, и, узнав о его беде, ринулся ему на помощь. Но сделал все так, чтобы происшедшее показалось философу случайностью.

Когда я увидел его вблизи (пусть даже в бледном мерцающем свете луны), он произвел на меня сильное впечатление. Это был очень видный человек, высокого роста, широкоплечий, с длинными густыми и еще почти не седыми волосами, заплетенными на старый китайский манер. В этот миг он бессильно стоял у своей разбитой телеги в глубокой грязи. В его фигуре и позе было что-то величественное и трагичное одновременно. Рядом хлопотала, плакала и что-то нервно выкрикивала его миниатюрная, просто одетая жена, внешность которой, напротив, была ничем не примечательна. Приблизившись, я предложил ему свои услуги. Человек, оглянувшись (его лицо было строгим, с правильными чертами), сначала отнесся ко мне с явным недоверием. Но его положение, очевидно, было отчаянным, и другого выхода у него не было. Тем более, что я запросил за свои услуги умеренно, несмотря на то, что путь предстоял очень длинный. Человек собирался в соседнее царство Вэй, до границы которой было не менее двух дней езды. Вопреки явно высокому социальному статусу и врожденному благородству, он, кажется, был небогат. Я согласился принять плату не золотом, а несколькими горстями странных на вид железных фигурок разной формы, которые здесь ходили как деньги. Вещей у путника было немного: кое-какая одежда и скромная деревянная коробка с пергаментами, очевидно, написанными им самим.

Я помог ему переложить вещи в мою колесницу. Жена с новым приступом плача бросилась к нему на шею, но он довольно грубо оттолкнул ее. Строго и без всякой приязни приказал ей не поднимать шум, чтобы не разбудить соседей, и возвращаться домой. Добавил всего пару слов о сыне (видимо, тот был ребенком, и в это время спал дома), наказав ей воспитать его достойным человеком. Когда он сел в мою колесницу и приказал трогаться, то даже не обернулся, чтобы бросить взгляд на то, что, очевидно, много лет было его родным домом, и где он, возможно, навсегда оставил свою семью.

Первое время стук копыт и грохот жестких деревянных колес по ухабам пустынной земляной дороги, ведущей к городским воротам (каждая встряска древней колесницы отзывалась крайне болезненно в спине и ягодицах) было единственным, что

нарушало тишину ночи. Несмотря на то, что я был его спасителем, я спиной ощущал, что человек не горел желанием общаться со мной. Лишь перед самыми воротами он попросил накрыть его сверху вещами, чтобы охранники не узнали его. Я сказал им, что везу заболевшего родственника к знахарям в его родную деревню и затем щедро отсыпал им железных фигурок, чтобы нас выпустили без долгих расспросов.

Еще через пару часов езды дорогу осветили первые лучи рассвета. Мы проезжали мимо деревень, в основном пустых и разоренных. Тут и там виднелись брошенные и покосившиеся небольшие деревянные дома, поля заросли бурьяном. Там, где еще недавно жили тысячи крестьян, теперь было сплошное вымершее пространство.

Мой пассажир какое-то время спал, а проснувшись, видимо, пришел в лучшее расположение духа. Я предложил ему ненадолго остановиться, чтобы перекусить сухими рисовыми лепешками, которые у меня были с собой. Мой новый знакомый ответил, что нам нельзя терять времени, но затем голод взял свое, и он согласился. Завтракал он с видимым удовольствием. Чтобы как-то разговорить спутника, я спросил, что он чувствует, когда обстоятельства заставляют его бросить дом, семью, расстаться навсегда со всей прежней жизнью. Но он даже в такой ситуации не собирался терять лицо перед простым возницей и жаловаться на судьбу. Ответил коротко:

– Не стоит бояться перемен. Чаще всего они случаются именно тогда, когда необходимы.

Задумался ненадолго, и затем добавил:

– Если ты ненавидишь, значит, тебя победили. То, что ты можешь воспринимать спокойно, больше не управляет тобой. Надо прощать людей, даже если они обошлись с тобой несправедливо.

Благородного чиновника звали Кун-Цзы (некоторые из большого почтения называли его более официально – Кун-Фу-Цзы, что означало «мудрый учитель Кун»). Он коротко представился мне после того, как переоделся и совершил краткую молитву Всемогущему Небу. Кажется, даже сейчас он считал недопустимым быть одетым неподобающе своему положению и времени суток. Когда мы снова поехали, он опять глубоко погрузился в мысли, не горя желанием делиться ими со мной. Но я все же спросил:

– Вы были в Лу высокопоставленным чиновником? Если да, то из-за чего мы так спешим? Что вам угрожает?

– Не поговорить с человеком, который достоин этого – потерять для себя этого человека. Говорить с человеком, который

этого не достоин – впустую потерять свои слова, что еще хуже. Зачем ты докучаешь мне вопросами?

– Потому что, как мне кажется, вы – прирожденный учитель и очень образованы.

– Даже если и так, какой мне смысл обучать того, кто вряд ли поймет хотя бы ничтожную часть сказанного мной?

– Как хотите. Но ответьте хотя бы на один вопрос. Вы знакомы с мастером Лао-Цзы?

Низкий, звучный голос бывшего чиновника был полон искреннего удивления.

– Ты, неграмотный возница, слышал о сем великом мудреце?

– Я много читал. А об этом достойнейшем учителе слышали многие люди во всех частях Поднебесной.

– Верно. Я встречался с ним лично два раза. Первый раз – мельком. Еще совсем юнцом меня, уже хорошего мастера каллиграфии, послали из Лу в библиотеку Чжоу сделать копии старинных пергаментов. Тогда я лишь видел его, но мы не разговаривали. Второй раз случился лет пятнадцать назад. Меня как посланника направили в княжество Ци вручить местному правителю документы. Лао-Цзы перебрался туда на склоне лет. Мы встретились случайно на окраине деревни близ окутанного туманом красивого зеленого холма, где он сидел на большом камне и что-то рассказывал прохожим. Он был уже очень стар и почти слеп. Я представился, хотел поделиться своими идеями. Но он, лишь мельком оглядев меня, посоветовал умерить гордыню и смириться с тем, что я всю жизнь буду скитаться по разным странам, и что при жизни мои идеи так и не будут воплощены. Тогда мне эти слова показались забавными – что вообще этот старик мог знать обо мне? Но как раз сейчас я задумался над тем, что он, возможно, был не так уж и неправ.

– Так что же случилось с вами?

– Всю жизнь, с детства и до вчерашнего дня я старался каждую минуту служить во благо обществу. Ведь это – главное призвание благородного человека. Я родился в знатной семье, но мое детство было тяжелым. Мой отец, признанный воин и герой, был женат трижды, но все его жены рождали только девочек. Не иметь наследника – позор. Отчаявшись, уже в старости он женился на юной безродной наложнице, пусть это и не принято. Она, наконец, подарила ему долгожданного сына – меня. Вскоре отец умер, и мою мать со мной на руках выгнали из дома его старшие жены. Чем мне только не приходилось заниматься с раннего детства, чтобы заработать на кусок хлеба для себя и для нее. Я был пастухом, и благодаря этому научился считать. Смотрителем амбаров с зерном, где мне пришлось научиться

писать. Ночами я читал старинные пергаменты, запоминал как можно больше иероглифов. Затем стал жрецом в храме: в мои обязанности входило общение с духами умерших. Родственники умерших требовали, чтобы я делал это для них по многу раз в день. Именно тогда я понял, что, хотя духи сильны и существуют на самом деле, человеку надо держаться от них как можно дальше, чтобы не лишиться собственного рассудка. Наконец меня приметил кто-то из приближенных правителя, и мечта всей моей жизни сбылась. Я стал чиновником и смог начать полноценно служить обществу. Но моя радость длилась недолго. Я стал часто ездить по разным важным поручениям за границу и ужаснулся тому, что творится в соседних царствах. Я понял, что великого Китая, о котором столько прекрасного написано в древних пергаментах, больше не существует. Общество расколото, всюду война и страдания. Каждый человек думает только о себе и своей быстрой и легкой наживе. В современных царях не осталось и крупицы былой мудрости и благородства. Что же это за правители, если они не пекутся о вверенном им народе, простых людях, так, как должен заботиться о своих детях внимательный и чуткий отец? Ведь счастье или беды любого народа прежде всего зависят от того, как устроено общество, каковы его ценности и как организовано государственное управление. Я потратил годы жизни и размышлений, но в итоге продумал абсолютно все, вплоть до мелочей. Затем я решился поделиться своими идеями с правителем. К счастью, он оказался мудр, воспринял мои предложения с интересом и даже пообещал утвердить некоторые из них как непреложные законы. Но почти ничего так и не было принято. Зато против меня оказались настроены главы трех самых влиятельных в царстве семей, так как мои идеи, став законами, могли лишить их немалой части доходов. Моя репутация в глазах правителя была настолько чиста, что просить мой отставки они не могли, но они явно искали способ от меня избавиться. Ко мне подсылали в ночи убийц, но мои молодые ученики, которых у меня набралось к тому времени две сотни, были настороже. Главный военачальник, чтобы скомпрометировать меня, предложил мне сместить правителя и занять его место, но я гневно отказался. И все же трагедия случилась. Из одного из дружественных соседних царств правителю прислали дорогой подарок: шестьдесят прекрасных юных наложниц. Он развлекался с ними три дня напролет, еще и пьянствуя при этом. Опоздал на заседание Совета, а когда появился, то был нетрезв и одет в мятую домашнюю одежду. Все сделали вид, что ничего не произошло, но я, преисполненный праведным гневом, тихо и вежливо, шепотом, сказал ему, что

государю не к лицу такое поведение. Мне казалось, что он устыдится. Как я ошибался. Он, всегда относившийся ко мне с уважением, швырнул в меня глиняную чашку. Сказал, что я, ничтожный пес, не имею права говорить ему такие вещи. Стража хотела обезглавить меня, но он дал им знак отступить, пообещав, что через день соберет Совет, который определит форму моего наказания. Зная, как много в нем моих недоброжелателей, я не стал испытывать судьбу и решил бежать этой ночью.

– А как же ваши ученики? Они знают, что произошло?

– Я специально не стал никого из них впутывать в это дело. К тому же, их слишком мало, чтобы они могли послужить мне защитой. А даже если бы их было много, я бы никогда не затеял бунт с их участием. Я скорее умру, чем принесу своей стране боль, вражду и несчастья.

– Что вы теперь собираетесь делать?

– Я пару раз бывал при дворе царства Вэй. Им управляет овдовевшая молодая правительница. Я общался с ней, и она тогда живо заинтересовалась моим учением. Сказала, что ее окружение то и дело плетет против нее интриги, и ей жаль, что у нее нет такого мудрого и преданного советника, как я. Она также воспитывает сына, будущего князя Вэй, но не может найти ему достойного ученого наставника, просила моих рекомендаций. Я решил попытать счастья у нее.

Солнце взошло уже достаточно высоко. Мне было радостно от того, что Кун-Цзы все же счел меня достойным слушателем. Время от времени бывший чиновник с тревогой оглядывался назад. Наверняка о его бегстве успели доложить правителю, тот мог разгневаться и отправить своих людей в погоню. Но позади нас была тишина.

– В чем суть вашего учения? Что может сделать страну и ее людей счастливыми и богатыми? И если весь Китай почитает мудреца Лао-Цзы, как соотносится ваше учение и его?

– Я, как и все, чту труды Лао-Цзы. Но сам исследую совершенно другие вопросы. Да, я верю во всесильное Небо, которое, почти как его Дао, управляет всем на земле. Но меня это не интересует. Зачем изучать путь Дао, если мы не можем его никак изменить? Признаться, если бы кто-нибудь пообещал мне за одну мелкую монету рассказать в точности, кто, как и зачем сотворил этот мир и чем все когда-нибудь закончится, и даже что станет с нами после смерти, я бы отказался от такого знания. Для какой практической надобности оно может пригодиться? И для чего вообще нам что-то знать о смерти, если до сих пор мы почти ничего не знаем о жизни? Размышления о Вселенной пусты. Правильно думать только о человеке. Как помочь ему сделать его

жизнь долгой, счастливой, достойной? Как построить из эгоистичных личностей общество людей, которые желают друг другу добра, радеют только о мире и взаимопомощи? Вот единственная истинно важная тема.

– Но как вы сами пришли к учению о всеобщем благе? Разве ваше изгнание не свидетельствует о том, что благородных и достойных в жизни ничтожно мало? Вы не сдадитесь?

– Три пути ведут к знанию: путь размышления, и этот путь самый благородный; путь подражания – самый легкий, и путь опыта – самый горький. Однако, увы, самый верный – именно последний. Не тот велик, кто не падал, а тот, кто падал и вставал. Драгоценный камень нельзя отшлифовать без трения. Так и настоящего успеха в большом деле нельзя добиться без множества трудных и неудачных попыток. Я буду делиться учением с людьми где угодно, покуда я жив, до последнего вздоха.

– Но разве может быть идеальным целое общество и тем более государство? Ведь любое сообщество людей всегда приходит к противоборству разных сил внутри него. И всякий раз неизвестно, зло или добро в конечном итоге окажется сильнее.

– Правильное общество подобно крепкой, любящей семье. Обычная семья – это самая маленькая, но при этом важнейшая его ячейка. Секрет хорошей семьи – безмерная, искренняя преданность и послушание детей своим родителям. Если ночью в дом налетели комары, дети должны намазать на себя что-то сладкое, чтобы все укусы комаров достались им, а сон их родителей не был потревожен. Для детей слово отца – даже более непреложный закон, чем законы государства. Следующая, более крупная ячейка – это род, все родственники. Род должен жить дружно, родичи обязаны помогать друг другу, а юноши обязаны вырасти крепкими воинами для своей страны и государя. Чиновники – следующий уровень общества. Хорошие чиновники умны, образованы и абсолютно бескорыстны. В идеальном государстве они вообще не должны получать жалование (кроме еды, одежды и самого необходимого), ведь они и так удостоены высшего блага, о котором можно мечтать: участие в управлении страной и возможность принести ей много пользы. Нечестных чиновников, нечистых на руку, следует прилюдно казнить. Наконец, надо всеми стоит добрый, благодетельный государь, отец всем людям, посредник между великим Небом и народом. Если он правит справедливо и с заботой о людях, то он будет прославлен в веках, а его династия будет продолжаться до скончания времен.

Кун-Цзы сделал паузу и задумчиво погладил свою пышную

бороду.

– Жаль конечно, что я сам не рожден правителем. Я был бы лучшим императором, которого только знал мир. Это надо признать со всей очевидностью.

– А как заставить общество жить честно, по законам? Ведь низких людей не меньше, чем благородных.

– Для этого есть Пять основ, они же добродетели и постоянства, которые в обществе следует признать главными ценностями, и на уровне законов всегда им следовать. Первое – «Жень», или человеколюбие. Принимая любое, даже самое незначительное решение, надо спрашивать себя: а поможет ли это окружающим, не навредит ли им? Быть добрым – не трудно, это вполне в природе человека. Попробуйте думать с добром обо всем хотя бы несколько дней, и вы ощутите, что у вас больше рука не поднимется сотворить нечто дурное. Вторая основа – это «И», долг. Перед родителями, родственниками, страной, императором. Третья основа – «Ли», ритуал. Наши древние учителя неукоснительно следовали правилам. Во-первых, они делают твою собственную жизнь упорядоченной и приятной. Во-вторых, бесспорно, идут на пользу обществу. Забудьте о ритуалах, о приличиях, – и вы из человека превратитесь в животное. Грубое нарушение ритуалов я не смог простить даже своему правителю, за что и поплатился всем, что имел; но, повторись все снова, я еще раз сделал бы ему то же замечание. Наконец, четвертая и пятая основы – это знание и честность. Всякий благородный муж должен всю жизнь учиться, ибо знания бесконечны, а также никогда не лгать, даже под угрозой смерти.

– А что следует делать со злом? Правильно ли отвечать на него добром?

– Добром надо отвечать на добро. А на зло необходимо отвечать справедливостью. При этом к самому себе всегда следует подходить строже, чем к другим. Только таков путь к самосовершенствованию.

– Учитель, не слишком ли вы много требуете от людей? По силам ли им быть благородными?

– Благородству надо учиться всю жизнь. В этом нет ничего недостижимого. Неважно, быстро или медленно ты идешь. Ты все равно придешь к своей цели, если только не остановишься.

– Но разве ваше учение не приносит вам одни только несчастья и разочарования?

– Счастье – это когда тебя понимают. Большое счастье – когда тебя любят. Но истинное счастье – это когда любишь кого-то ты сам. Я люблю людей, и готов пострадать ради их блага. Я вижу, что многим простым, особенно неграмотным, людям мои речи

кажутся сложными, и они часто внимают мне с недоверием. Но я не огорчаюсь, если люди меня не понимают. Гораздо хуже, когда я не понимаю людей.

– Учитель, а что если я тоже в душе добрый человек и стараюсь работать над собой, но у меня не всегда хватает сил и времени на добрые дела? Мне кажется, что для них еще будет время.

– Три вещи никогда не возвращаются: упущенное время, необдуманное слово и потерянная возможность. Побороть любую дурную привычку (в данном случае – эгоизм и лень) можно только сегодня, а не завтра. Когда мы доберемся до границы, там будет что-то вроде ночлежки для слабых и старых людей. Не теряй возможности, зайди туда хотя бы на час. Набери им воды, наруби дров. Для добрых дел нужны не деньги, достаточно и добрых намерений.

– Учитель, я часто хочу многое изменить в моей жизни. Но дальше мыслей дело не заходит.

– Ты просишь совета? Что ж, это хорошо характеризует тебя. Обычно люди советы принимают каплями, а раздают ведрами. Дело в том, что ты боишься серьезных перемен. Но если хаос настойчиво стучится в твой дом, открой ему. Он-то и расставит все по нужным местам. Когда кажется, что цель недостижима, изменяй не цель, а план, как ее достигнуть.

– А если я ошибаюсь, и перемены пойдут мне во вред?

– Ошибка – это не когда ты ошибаешься, а когда не исправляешься. Что мешает тебе попробовать, а если не получится – извлечь опыт, и попробовать еще раз, уже с новым уровнем знания? Наша жизнь – это путь постоянного совершенствования.

Я и учитель Кун вздрогнули почти одновременно. Позади, пока еще на большом расстоянии, но совершенно явственно слышался мощный топот лошадиных копыт. Преследователи. Вероятно, правитель послал их, чтобы его советник не ускользнул и понес суровое наказание за свою вчерашнюю неслыханную дерзость. Перечень долгих, страшных и мучительных казней в древнем Китае был необъятным. Я обернулся к нему. Высокий, величавый еще минуту назад человек вжался в деревянное сидение, сгорбившись и втянув плечи, в его глазах светился страх, граничащий с отчаянием.

Я изо всех сил подхлестнул лошадей, но состязание в скорости с наездниками было неравным. Спустя недолгое время они были уже за нашими спинами. Я боялся, что они начнут стрелять в нас из луков. Впереди, прямо посреди дороги, как назло, виднелась глубокая прогалина, наполненная водой и

грязью, преодолеть которую на скорости, не разбив колесницу, было невозможно. Мне пришлось резко осадить лошадей. Я оглянулся. Преследователей было трое; они казались молодыми, почти юными, и были одеты не по-военному.

Кун-Цзы закрыл глаза – возможно, читая короткую молитву Небу. Затем резко оглянулся. Тут же вскочил на ноги, вне себя от радости.

– Цзэн-Цзы! Ю Жо! Янь Юань!

– Учитель, как вы могли покинуть нас, не взяв с собой? Как мы можем жить, не следуя вашему учению?

– Я не хотел навлечь на вас беду!

– Мы узнали о вашем отъезде на рассвете и сразу же, бросив все, поспешили за вами!

Молодые ученики клялись учителю в верности и обещали следовать за ним куда угодно. Я понял, что моя дальнейшая помощь Кун-Цзы уже не требуется. Перед тем, как уйти, я задал ему еще один, последний вопрос.

– Вы могли бы сформулировать главную идею вашего учения в одной фразе?

Он обернулся ко мне с улыбкой.

– Разумеется. Не делай другому того, чего не желаешь себе.

Это было известное во все века так называемое «золотое правило нравственности». Задолго до христианских мыслителей, впервые в истории, его сформулировал этот китайский мудрец две с половиной тысячи лет назад.

Я долго стоял на грязной проселочной колее, глядя им вослед. Я знал, что в государстве Вэй дела у Кун-Цзы вновь не сложатся, он сменит еще несколько покровителей, история повторится и с ними. В старости ему придется вернуться домой, в княжество Лу, которое он сейчас так спешно покидал, и встретить там смерть: по-прежнему в бедности, и по-прежнему в кругу верных учеников. На закате жизни Кун-Цзы напишет несколько книг, которые не оценят современники – и они сохранятся в библиотеках после его смерти лишь по счастливой случайности.

Эти книги миллиарды китайцев всех последующих эпох будут знать наизусть.

Глава 4
Ничего снаружи, все в тебе (Будда Шакьямуни)

Место: Древняя Индия, Бенарес (современная северо-восточная Индия, город Варанаси)

Время: 522 год до нашей эры

Индия. Такое разнообразие красок, вкусов, запахов, архитектуры вряд ли можно еще где-либо увидеть. Я отметил про себя, что за две с половиной тысячи лет эта страна почти не изменилась.

Я стоял на берегу Ганга, в Варанаси, который уже тогда был священным городом индуизма. Вокруг было настоящее столпотворение. Погонщики слонов громкими криками разгоняли прохожих на своем пути. Берега великой реки были застроены длинными каменными трех– и даже пятиэтажными зданиями, которые для столь древних времен казались настоящим чудом. Передо мной был практически людской муравейник. Яркая одежда, сильный запах пряностей в воздухе, миниатюрные смуглые девушки с гибким станом, множество торговцев едой и самыми разными товарами. Оказавшись здесь, я просто стоял, завороженный открывшимися видами. Нет, древность не была скучной, отсталой, убогой. Напротив – колорит, краски, эмоции, архитектура вокруг поражали воображение.

Варанаси и тогда, и сейчас был главным местом религиозного поклонения на берегах Ганга. Здесь построены десятки величественных храмов, посвященных в основном Шиве. На каменных лестницах, ведущих от храмов к реке, лежали десятки тяжелобольных и умирающих людей. Они с нетерпением ждали смерти, кремации, чтобы их прах был развеян над великой рекой. Мимо жалких неприкасаемых, почти голых, сидящих спиной к спине человек по десять в смердящей грязи отхожих придорожных канав, следовали грандиозные экипажи с величественными брахманами, чьи одежды из тонких цветных тканей были украшены искусной вышивкой и драгоценными камнями и источали ароматы мускуса и дорогих специй. Отовсюду доносилась резковатая, нестройная музыка. Возницы то и дело с криками разгоняли хлыстами незнатных прохожих, невовремя замешкавшихся на их пути.

Вдоль реки стояли длинные деревянные обозы, на которых с почетом, цветами и неспешными проникновенными молитвами

сжигали трупы умерших. Вода Ганга в центре Варанаси казалась черной от высыпаемого в нее праха людей. От реки тянуло запахом нечистот, но множество людей, в основном женщин, наклонялись, чтобы набрать воды для домашних нужд в большие кувшины. Некоторые пили прямо из реки, зачерпывая мутную и грязную воду ладонями.

Я шел дальше вдоль берега, наблюдая один погребальный костер за другим. Внезапно окружающий шум, к которому мой слух уже начал привыкать, пронзил громкий и отчаянный детский крик. Я невольно оглянулся в сторону кричавшего. Открывшаяся картина столь сильно поразила меня, что я вряд ли смогу ее забыть. Двое высоких, в ярких одеяниях и высоких головных уборах мужчин не торопясь, обстоятельно привязывали юную, смуглую, с тонкой талией девушку к обозу для погребального костра, где уже лежал труп полного пожилого мужчины с окладистой бородой. Очевидно, это был обряд сати, когда живую жену, согласно древнеиндийским обычаям, сжигали вместе с умершим супругом, чтобы она могла сопровождать и ублажать его также и в мире мертвых. Я бросился помочь ей, но двое крепко сложенных индийцев оттолкнули меня с такой силой что я упал на землю. Встав, я снова попытался вмешаться, но получил еще один сильный удар в спину. Тем временем брахман, прочтя молитву, факелом поджег связки соломы, на которых сидела девочка. Почти сразу весь обоз объяло пламя, а жуткие предсмертные крики несчастного ребенка вскоре стихли в громком треске большого огня.

С трудом взяв себя в руки, я быстро зашагал прочь от этого места и от грязного, смердящего берега реки.

Я окликнул колесничего, попросив его довезти меня в Оленью рощу. Она находилась за пределами Варанаси, километрах в десяти к северу. Здесь был густой лес, принадлежащий местному радже. В этом живописном природном уголке водились антилопы и олени, на которых раджа иногда охотился вместе со своими высокородными гостями. Посторонним в рощу входить не воспрещалось, однако людей там было немного: все знали, что местная трава буквально кишит смертоносными королевскими кобрами. А тех смельчаков, которых не пугала встреча с коброй, отталкивала возможность встретить одного из суровых аскетов, которые часто находили приют в этой роще. Их облик был настолько неприятным, что желающих повстречаться с таким отшельником было немного.

Но как раз эти люди, чрезвычайно странные во всех отношениях, мне сейчас и были нужны.

Издали аскеты казались похожими на неподвижные растения.

Их было пятеро. У каждого – длинные, лоснящиеся жиром волосы и жутковатые, годами нестриженные ногти на руках и ногах. У некоторых волосы были длиннее метра и закручивались в причудливые космы. Аскеты сидели под деревьями одной тесной группой, неподвижно, в позе лотоса. Казалось, что они не меняли позу по многу дней подряд, а может, и по многу недель. Питание этих людей часто состояло из одного-единственного зернышка риса в день. Но порой, стремясь к некоторому разнообразию, они охотно ели траву под своими ногами, закусывая ее лепешками из слежавшегося коровьего навоза.

Старший из аскетов лежал в густой траве под раскидистым баньяном, одетый в древесную кору. Когда я приблизился, он повернул ко мне голову и открыл глаза. Более страшного взгляда я не видел еще никогда. Его глаза – и зрачки, и белки – были абсолютно желтыми. Казалось, на меня взирала сама преисподняя.

Я взял себя в руки и протянул ему небольшую миску с кашей, которую купил на базаре в Варанаси. Отшельник зашипел на меня, оттолкнул миску ногой, и каша разбрызгалась по траве. Один из его спутников что-то выкрикнул и швырнул в меня комком навоза. Я сделал вид, что благодарен мудрым отшельникам за радушный прием и попросил разрешения остаться с ними ненадолго. Объяснил, что у меня нет в Индии ни одного родственника, ни жены, ни детей. Я пришел к ним с нижайшей просьбой не отталкивать меня и помочь в познании мира.

Наконец этот старший из пятерых аскетов по имени Брамачарин жестом дал своим единомышленникам разрешение, ползая на четвереньках, собрать остатки каши в густой высокой траве. Видимо, они давно не вкушали столь изысканной пищи. Глядя на их внешность, можно было подумать, что они давно забыли нормальную человеческую речь. Однако когда Брамачарин наконец заговорил со мной, его речь звучала связно, разумно, образно, и выдавала его изрядный интеллект. Я еще раз поблагодарил его и попросил разрешения помедитировать среди них хотя бы до заката.

Раздетый до набедренной повязки, я занял место под толстыми ветвями баньяна, где солнце палило не так нещадно. Скоро мне захотелось пить, но, когда я увидел общую плошку, наполненную грязной серой водой, моя жажда сразу утихла. Я прислушивался к шорохам в траве, которые могли означать приближающуюся огромную кобру, но все было спокойно, и через недолгое время, сидя почти обнаженным в тени в позе лотоса, я погрузился в дрему. Перед моим внутренним взором мелькали

яркие образы – люди и события, которые почему-то в этом месте, в полусне, казались мне даже более настоящими, чем если бы я их видел на самом деле.

Разбудили меня шум и крики отшельников, когда солнце уже начало клониться к закату. Кричали они столь громко, что сперва я подумал, будто они увидели разозленного слона или даже тигра – нечто страшное, сильно их напугавшее. Однако это были не звери, а люди: к нам неспешно приближались трое. Шедшего впереди я сумел рассмотреть внимательно.

Это был довольно высокий для индийца, статный, широкий в плечах, и в то же время очень поджарый человек с коротко стриженными волосами необычного для Индии рыжеватого цвета, довольно светлые. Черты его лица были правильными, но трудно было бы назвать его красивым. Привлекательным было скорее выражение его лица – чрезвычайно спокойное и уверенное. За ним почтительно следовали двое скромно одетых молодых людей непримечательной внешности.

При виде этой троицы аскеты, с ужасом вскочив на ноги, принялись кричать и кидаться комьями грязи, изрыгая изощренные ругательства сразу на нескольких древних языках. Но человек, в которого попало несколько комьев, словно не обращал на такую реакцию никакого внимания – будто ничего другого от отшельников и не ожидал. Старший аскет негодовал сильнее всех. Приблизившись к пришедшему, он грозно указал на него пальцем:

– Презренный Гаутама! Изменник! Сластолюбец! Как ты вообще посмел вновь появиться здесь спустя столько времени? Боги обрушат на тебя весь свой гнев! Шива разотрет тебя в порошок за твою гордыню и непомерные грехи!

Человек просто стоял, молча глядя в лицо аскету. Из дальнейшей гневной отповеди я понял, что пришедший когда-то был одним из них, и даже прожил с ними долгое время – похоже, несколько лет, но затем покинул их общину и выразил несогласие с их образом жизни, назвав их «глупыми и бесполезными», чем оскорбил аскетов до глубины души. Люди всегда особенно сильно ненавидят тех, кого когда-то любили.

– Преклони колени, несчастный, в свой смертный час! Шива поразит тебя своим вселенским огнем! Нет тебе прощения ни в этой жизни, ни в следующих!

Дождавшись окончания тирады и словно наслаждаясь наступившей тишиной, подошедший заговорил. Его голос был негромким, невероятно спокойным и словно повелевающим:

– Один день человека, узревшего Истину, ценнее целой жизни того, кто о ней не знает. Забудьте о Шиве и всех остальных ваших

богах. Их не существует. Вы сами их выдумали.

– До чего же ты возгордился, уйдя от нас, Гаутама. Твой разум явно помутился. Как смеешь ты говорить, что великие боги, создавшие мир и управляющие им, не существуют? Не позорь своим дерзким пустословием славный род Шакьев. Это надругательство над памятью твоего отца!

– Не смейте звать меня Гаутамой. Меня прошлого более не существует: я узрел свет ослепительной истины и пробудил свой разум. Сюда же я пришел, чтобы принести вам весть об этом.

– Уж не считаешь ли ты себя Буддой, великим Пробужденным? Даже из тысяч святых отшельников Буддой еще никто не стал при жизни. И уж точно им не стать тебе, предатель!

Выкрики и оскорбления аскетов на человека, похоже, производили впечатление не большее, чем комариный писк. Казалось, что его вообще ничто не может вывести из себя. Он продолжил:

– Знаете, почему хороший музыкант никогда не тянет струну ни слишком сильно, ни слишком слабо? Потому что тогда он либо порвет ее, либо не издаст ни звука. Хороший музыкант играет на струнах плавно, натягивая их примерно на половину от возможного. Так же поступает и мудрый человек: он ступает аккурат посередине: не поддается похоти и соблазнам, но и не впадает в крайнюю аскезу. Отказывая себе абсолютно во всем, вы лишь напрасно изводите собственные тело и ум.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе ведом другой путь достижения мокши – религиозного экстаза?

– Я знаю, как добиться несоизмеримо большего. Я мог бы открыть вам прямую дорогу в нирвану. В ней можно слиться духом со всей Вселенной, отринув навечно любое из страданий.

– И кто же из великих брахманов поделился с тобой этим тайным знанием?

– Я первый среди людей, родившихся с начала времен, которому открылось это знание. Это стоило огромных усилий. Покинув вас, я долго скитался и почти потерял надежду. Я понял, что мне незачем жить в мире дальше, не зная истины. Я просидел неподвижно под деревом Бодхи 49 дней. Дьявол Мара испытывал меня так, как не соблазнял еще никого из смертных. Прозрение пришло ко мне в один миг. Мне стали ведомы тайны сансары – цикла перерождений, счастья, горя, любого знания. Мне не хватило бы целой жизни, чтобы рассказать обо всем, что открылось мне в этот миг. Пробудившись, я долго размышлял о том, должно ли делиться этим Знанием с людьми, или оно принадлежит только мне одному. Я блуждал по саду, где мне случайно встретились двое торговцев. Заметив мою крайнюю

худобу после столь долгого поста, они протянули мне с улыбками две медовых лепешки, и за всю свою жизнь я не пробовал ничего вкуснее тех лепешек. Я понял, что это – знак, и обратился к ним с речью. Когда я закончил, они сказали, что будут следовать за мной и помогать проповедовать мое учение до конца своих дней.

Я взглянул на молодых людей, стоявших на почтительном расстоянии от Просветленного. Аскеты собрались в круг, о чем-то тихо переговариваясь. Казалось, интерес к познанным отступником тайнам бытия боролся в них с желанием прогнать его прочь. Шли минуты, аскеты по-прежнему совещались, повернувшись к нему своими изможденными спинами.

Чтобы прервать неловкое молчание, я заговорил первым. Просветленный – а это и был Будда – не знал меня, но даже моя необычная для Индии внешность и светлая кожа, как и все остальное в этом мире, его не смущали.

– О, славный принц из рода Шакьев! Прошу тебя, раскрой нам твою мудрость.

Отшельники, кажется, тоже были не против, хотя из гордости им это и было трудно признать.

– Прежде всего, мне открылись четыре благородные истины. Первая истина заключается в том, что вся человеческая жизнь – это страдание. С болью человек приходит в этот мир, и с болью уходит. Кем бы он ни был, итог всех его жизненных усилий – увяданье, старость, болезни, смерть, нередко мучительная. Кто-то возразит, что в жизни есть немало удовольствий. Однако любому мало-мальски мудрому человеку известно, сколь они мимолетны и непостоянны. Радость обладания чем-либо вскоре сменяется страхом потери. Кроме того, человек, заполучив что-то, сразу мечтает о чем-то большем, и, не имея этого, вновь испытывает досаду и тоску. Радость любви сменяется ревностью, а затем и огромной болью утраты любимого человека из-за его измены, ухода или смерти. Мне самому довелось обладать всем, чего только может пожелать человек: я жил в великолепном дворце, вкушал изысканные яства, у меня были прекрасные жена и сын, не было числа драгоценностям в моих ларцах и на моих пальцах. Но был ли я счастлив? Иногда мне казалось, что мне хорошо. Но такое чувство всегда было скоротечным. Большую часть времени я ощущал себя глупым и беспомощным как младенец; в душе моей всегда таилась глубокая тоска. И чем дальше, тем сильнее. По-настоящему я жаждал только одного: мудрости и знаний. Когда я обрел мудрость, я стал счастливейшим из людей.

Итак, любое удовольствие – это врата страдания, причем со временем все более сильного. Но в чем источник этих тяжелых страданий, этой неизлечимой болезни души?

На это дает ответ Вторая истина. Источник страданий – это желание, жажда, влечение. Но не они страшны сами по себе, а та привязанность к вещам, людям, образам, которую они порождают. Истина в том, что наши привязанности – основа наших страданий. Привязанность возникает из ложного понимания мира. Нам кажется, что мир – это нечто наполненное и постоянное, и что нечто из него – реально, долговечно и нам принадлежит. Истина же состоит в том, что мир на самом деле совершенно пуст. Все, что, как нам кажется, мы имеем, существует только в нашем личном воображении. Вы любите женщину, и вам кажется, что она любит вас. Но на самом деле то, что происходит в ее душе, вам неведомо. Вы любуетесь прекрасным золотым кольцом на пальце, но стоит ему соскользнуть и упасть в колодец, и оно никогда впредь не будет вашим – потому что оно никогда и не было вашим. Вы смотрите на нежно-розовый цвет распустившейся розы, но, когда солнце зайдет, вы обнаружите, что ее цвет – темный, а наутро она уже увянет. Мир внутри человека – всего лишь иллюзия. Вы уверены в том, что вы существуете. Но для Вселенной вы – ничто, а ваша жизнь короче, чем взмах крыльев бабочки. Все вокруг ежесекундно меняется. Человек… Дерево… Храм… Ничто не имеет «истинной», подлинной сути. Все, что вы видите вокруг, является «настоящим» только сейчас и только в вашем воображении.

Для чего испытывать страсти и привязанности, если все столь призрачно, если мир бесконечно меняется?

Ответ на это дает Третья истина. Тот, кто не испытывает привязанностей, не поддается страстям о преходящем, контролирует свой разум – не подвержен страданию. Им просто неоткуда взяться, и они прекращаются, не начавшись. Если мир воображаем, то почему бы не использовать сокрытые в себе силы, чтобы наполнить себя радостью, постоянным блаженным спокойствием? Забудьте об эгоизме, постарайтесь увидеть вещи не такими, какими вы их хотели бы видеть, а беспристрастно, в их истинном свете. Кто отрекся от всех стремлений, сбросил оковы стремления к секундным удовольствиям, тот никогда не утонет в пучинах страстей. Как ветер не ловится сетью, так и несчастья не пристанут к мудрому.

Вы спросите – как можно добиться прекращения привязанностей и страданий? Как нужно жить, и что благородного, обуздавшего страсти человека ожидает в конце его пути?

Здесь мы приходим к Четвертой истине. Я уже упоминал о наилучшем для человека Срединном пути, одинаково далеком от

крайностей. Он также называется Восьмеричным путем. Это путь соблюдения восьми главных заповедей. Первые две – это заповеди мудрости: о правильном воззрении и намерении. Под воззрением следует понимать отказ от страстей, намерение же – это Путь Освобождения. Следующие три заповеди – нравственные. Правильная речь: не лги, не груби, не пустословь. Правильное поведение: не убей, не укради, не изменяй жене. Правильный образ жизни: не ешь мясо, не торгуй оружием, не принимай алкоголь и дурман. Когда вы совладаете с этими пятью заповедями, тогда следуйте еще трем, духовным: правильное усилие, запоминание и сосредоточение. Сохраняйте постоянный полный контроль над своим телом и духом, старайтесь проникнуть в истинную суть и форму вещей, медитируйте. Соблюдать восемь заповедей необходимо неукоснительно. Сколько бы мудрых слов вы ни услышали, какой от них прок, если вы не следуете им? Тот, кто сумеет пройти прямо Восьмеричным путем, в момент физической смерти получит главную, сверхчеловеческую награду. Он не просто навсегда прекратит болезненную, полную разочарований цепь своих перерождений на земле, как об этом твердят брахманы. Его дух также станет частью великой Вселенной в вечной, блаженной, лишенной любых страданий нирване.

Один из аскетов, затаив дыханье слушавший бывшего принца Гаутаму, прервал его:

– Что такое нирвана? Она сулит достигшему ее вечное удовольствие?

– Нирвана стоит выше любых удовольствий. Это – конечная, высшая Цель. Однако объяснить ее понятными нам чувственными земными образами невозможно. Это просто иное состояние духа.

Настроение аскетов резко изменилось. Теперь они наперебой задавали вопросы.

– Люди каких каст могут попасть в нирвану? Только брахманы? Презренные неприкасаемые и шудры после смерти могут переродиться разве что в таракана, или, если повезет, в крокодила?

– Ни один человек не рождается презренным. Презренны только дела. Даже Верховный Брахман достоин презрения, если поступает низко и подло. А человек, рожденный в сточной канаве, но помогающий ближним, заслуживает уважения, и при условии соблюдения заповедей и упорной работы над собой может достичь нирваны, как и любой другой.

– Существует ли карма, предопределена ли человеческая судьба?

– Карма человека меняется каждый день в зависимости от его

поступков, которые проистекают от его мыслей. В мире нет ничего предопределенного. Все происходит по воле людей, а не сверхъестественных сил. И если воля людей направлена на добро, то и весь мир вокруг будет добрым.

– Думаешь, люди поверят и пойдут за тобой? Как им жить, когда ты отказываешь им в их богах?

– Зачем нужны боги? Каждый человек – сам себе светило. Самый яркий свет исходит изнутри.

– Ты полагаешь, что все люди, а не только святые или монахи, могут встать на путь умеренности? Добровольно лишить себя мирских удовольствий?

– Даже если на вашу голову снизойдет дождь из золотых монет, часть из них наверняка подберете не вы. И тогда даже столь приятное событие обернется досадой и недовольством. Мудрец же знает, что от денег мало радости. Истина – вот сладчайший плод этого мира. Самообладание – это главный шаг к ней.

– Значит ли это, что твоему последователю надлежит пребывать в бедности и лишениях?

– Смысл всего моего учения можно уместить в одно слово – Освобождение. Не обладание вещами делает человека рабом, а привязанность к ним. У человека могут быть богатства. Но он должен быть готов расстаться с любой вещью в один миг и без малейших сожалений.

Аскеты, пораженные ответами, отошли под тень дерева, чтобы осмыслить услышанное. Мне же странным образом учение Просветленного навеяло ассоциации с науками о человеческом мозге, исследования которого так активно ведутся в наши дни. Все хорошее или плохое для нас заключено в мозге. Научитесь в совершенстве управлять работой своего мозга, направляйте мысли туда, куда нужно вам. Презирайте боль, не переживайте о недостижимом, не злитесь, забудьте о гневе. Пусть мозг испытывает только хорошие, приятные, спокойные эмоции.

Воспользовавшись перерывом, я подошел к Просветленному. Его внимательные карие глаза излучали особенную энергетику. Двое его спутников хотели подскочить и оттеснить меня, но он дал им знак не беспокоиться.

– Скажи, мудрый странник: если мы не существуем, то кто же тогда сейчас стоит здесь? И если все вокруг – лишь наша иллюзия, то зачем же тогда следовать Срединному пути?

– Ты понял сказанное мной слишком прямо, а значит – превратно. Мир есть пустота. Мир существует одно мгновенье, затем безвозвратно изменяется, и так происходит бесчисленное множество раз. А если мир пуст, то в нем существует лишь то,

чем мы наполняем его. Наша жизнь – результат наших мыслей. Только ты сам можешь сделать себя несчастным или счастливым. Свеча не становится меньше от того, что от нее зажгли тысячу свечей. Люби себя и все, что тебя окружает.

– Но избавиться от желаний невероятно сложно. Весь человеческий дух соткан из них.

– Освободиться разом от всех желаний невозможно. Для этого надо пройти долгий постепенный путь. Поэтому сначала можно представлять себе удовлетворение этих желаний. Например, тебе хочется сладкой ягоды, но ее неоткуда взять. Зайди внутрь себя, задействуй воображение. Предприми усилие. Через минуту твой рот будто бы наполнится сладостью ягоды. Но это лишь начало. Прозревший Истину легко отринет от себя само желание. И тогда ничто не сможет отвлечь его, нарушить состояние Пробуждения, самое прекрасное из всех состояний.

– А что ждет тех, кто откажется идти по указанному тобою праведному пути?

– В этом случае ты будешь наказан. Но не мной. И не богами, которых нет. Ты будешь наказан самим собой, а это худшее наказание. Тот, кто гневается, наказан собственным гневом. Тот, кто стремится только к деньгам, погибнет от ощущения своей бедности, независимо от степени его богатства. Демон, которого ты добровольно впустил в свою душу, тебя и погубит.

– Какие еще наставления ты, мудрец, мог бы дать?

– Нет в мире счастья, равного спокойствию. Забывай зло, причиненное тебе, как можно быстрее. Не стоит тащить в свою душу ненужный хлам. Будь снисходителен к юным, почтителен со старшими, помогай слабым. В какой-то момент жизни ты сам был или будешь одним из них. Ни с кем никогда не сражайся. Ведь даже твоя победа станет горем для побежденного и его близких, а значит, рано или поздно вернется злом и к тебе, повредит твою карму. Помни: твои тело и ум – это сосуды. Вылей из них все ненужное и суетное. Когда они станут пустыми, наполни их светом и радостью. И тогда ты ощутишь больше счастья, чем любой из смертных.

– И все же, как правильно понимать твои слова о том, что мир – это только нечто кажущееся?

Будда вздохнул, и сказал, что сейчас покажет мне это. Он поднял с земли увесистую палку и неожиданно ударил ею меня по плечу – не настолько сильно, чтобы нанести рану, но довольно болезненно. Я тихо вскрикнул и поморщился от неприятного ощущения. Тогда Будда сказал, что ударит меня еще раз, только во много раз сильнее.

Он широко размахнулся, я сжался, закрыл глаза и

почувствовал в плече электрический разряд, едва не сбивший меня с ног. Я схватился за плечо. Он спросил меня, насколько это было больно. Я сказал, что очень. Он засмеялся и объяснил, что в момент удара остановил палку в сантиметре от моего плеча и в этот раз даже не коснулся его.

– Ты просто представил себе удар, и твое собственное воображение едва не повалило тебя на землю. Я могу научить тебя выдерживать самый сильный удар так, чтобы он казался тебе легким дуновением ветерка. В этом нет ничего сложного. Сильный удар, слабый удар, отсутствие удара – все одно и то же. Разница лишь в том, как ты сам воспринимаешь их. Если ты правильно сосредоточишь свои мысли, тебе по силам сокрушить железо голыми руками.

Тем временем аскеты прекратили совещаться, торжественно подошли к Будде и склонили пред ним головы. Им не нужно было ничего говорить. Теперь они были готовы следовать за ним повсюду.

Бывший принц Гаутама, кажется, в первый раз широко улыбнулся. Все это время его лицо было сосредоточенным, но сейчас его улыбка казалась светлой, искренней, почти детской. Он простер руки над головами аскетов и проговорил:

– Я, Пробужденный, всегда жил в этом мире. И я всегда буду в нем жить, даже после моего ухода. Однажды услышав мое учение, вы уже не захотите ничего другого в своей жизни. Великий царь награждает и наказывает подданных. Но даже и он не в силах избавить их от болезней и смерти. Я же могу полностью исцелить ваш Дух и подарить вам Вечность.

Затем повернулся в сторону леса, за которым протекал священный Ганг, и произнес:

– Все живые существа, малые и большие, старые и молодые, и даже те, что еще в утробе матери, да будут счастливы!

Уходя с пятью верными новыми последователями, урожденный принц Сиддхартха Гаутама, отныне избравший до конца своей долгой жизни путь нищего бродяги, странствующего проповедника, обернулся ко мне:

– Ты идешь со мной?

– Прости, Учитель. Ты прав во многом. Но у меня есть свой, другой Учитель. Хотя сейчас он пока еще даже не родился в человеческом теле на этой земле.

Он посмотрел с удивлением, но не стал начинать расспросы. На миг принц прикоснулся к моему плечу:

– Что ж. Каждый вправе сделать свой выбор.

Восемь человек неспешно шагали, навсегда покидая Оленью рощу, и вели оживленную беседу. Какое-то время я видел их

спины, потом исчезли и они, – так, словно их здесь никогда и не было…

Последователи Будды уверены, что именно в этом месте, и в этот вечер Колесо Дхармы (Судьбы Мира) совершило свой первый и главный за всю историю человечества поворот.

Глава 5
Вселенная – в логике, музыке, числах (Пифагор)

Место: Кротон (современный юг Италии, город Кротоне на побережье Ионического моря)

Время: 516 год до нашей эры

Мне еще ни разу не встречался человек, которому бы совершенно не нравилась Италия.

Летний рассвет на берегу разделяющего Италию и Грецию Ионического моря. Чистейшая, прозрачная голубая вода с яркими солнечными бликами на ней. Рыбацкие лодки, вышедшие в море затемно и кажущиеся теперь лишь крохотными пятнышками на горизонте. Свежий морской воздух, который, кажется, исцелит даже безнадежного больного. Этот рассвет давностью в две с половиной тысячи лет показался мне самым прекрасным в жизни.

Этот период греческой истории позже назвали «архаическим». Древнегреческая цивилизация с центром в Афинах еще не вполне сложилась. Но великая эллинская культура уже заявила о себе в полный голос. Не только на территории Греции, включая многочисленные острова, но и во многих других соседних регионах – на Апеннинах, в Сицилии, в Азии – создавались эллинистические полисы, объединенные общим языком, религией, культурой, зарождающейся греческой наукой.

Один из крупнейших греческих городов того времени, Тарент, с большой каменной крепостью, величественными храмами Зевса и Геры, сильной военной дружиной, находился на юге Апеннин, в районе каблука «итальянского сапога». Южнее, на побережье, лежал город Кротон, славившийся прекрасной песчаной гаванью и портом для торговых кораблей. Еще недавно Кротон был небольшим прибрежным поселком, но теперь разросся до вполне самостоятельного полиса.

Я снял обувь и шел, утопая по щиколотку в мягком, влажном от ночной росы золотистом песке, огибая брошенные полусгнившие деревянные лодки, сети и многочисленные хибары рыбаков, из которых доносились голоса детей и женщин, уже проснувшихся и хлопотавших по хозяйству.

В древнем мире не было понятия времени в том смысле, к которому привыкли мы. Не было точных часов, люди ориентировались по положению солнца, а личные встречи

назначались примерно: прийти на них с задержкой в полчаса значило практически не опоздать. И все-таки я спешил. У людей, к которым я шел, ежеутренняя встреча восхода была особенным, почти магическим ритуалом, который я хотел застать.

Когда я поднялся на вершину холма в трех километрах от городка, меня остановили суровые стражи. Я объяснил им, что я ученый-математик, что я прибыл из далекой страны, которая находится за Геркулесовыми Столпами, и что я потратил много недель, чтобы добраться сюда и поделиться своими знаниями с самим Мастером, слава которого разносилась за пределы Эллады. Я действительно выглядел странно для них: говорил с акцентом, и рядом с бронзовыми эллинами казался совершенно белокожим. Мое физическое сложение свидетельствовало, что я ни дня своей жизни не прослужил в войске, да и вряд ли работал в поле – явно занимался лишь умственным трудом.

Стражи поверили мне, и сказали, что отведут меня к Милону, который, видимо, был главным по безопасности в этой большой общине, а заодно и «правой рукой» основателя. Мне разрешили с некоторого расстояния посмотреть на ритуал встречи солнца, который уже завершался.

Пришлось подняться еще немного, на самую вершину холма. Там, у склона, откуда открывался превосходный вид на песчаную гавань и море на востоке, над которым прямо посередине поднимался солнечный диск, собрались десятки крепких статных мужчин; нужно было понимать, что это была далеко не вся община, а лишь ее избранные члены. Они были одеты в длинные белые хитоны. Одни стояли на коленях, обращая руки к светилу, другие держали в руках лиры, стройно и умело аккомпанируя певцу, исполнявшему проникновенную, хотя и несколько заунывную песнь. Его высокий подрагивающий голос очень эмоционально, на грани плача, благодарил бога Аполлона за еще один подаренный день прекрасной жизни. Поодаль стояли несколько десятков девушек и детей, которые не участвовали в священнодействии, но были благодарными зрителями.

После ритуала начинались занятия по группам. По сути, это была школа. Детей обучали основам арифметики и геометрии: их наставники чертили тонкими палками на выровненных и покрытых ровным слоем песка площадках многоугольники и буквенные формулы, объясняя материал на языке, специально придуманном внутри общины – так, чтобы многие слова были непонятны непосвященным чужакам. На второй стадии юноши и девушки подросткового возраста, сдавшие лично основателю братства экзамены по математике и логике, переходили к обучению основам музыки: играли на лирах и больших духовых

инструментах, пели, овладевали основами музыкальной теории. Третья стадия отводилась взрослым, и на ней предполагалось обучение философии. Этот странный на первый взгляд термин («любовь к мудрости») придумал сам основатель общины, и таким образом слово «философия» впервые попало в обиход. Философские занятия велись на столь сложном, почти полностью «зашифрованном» языке, что, проходя мимо такой группы, я не понял из их беседы почти ни слова.

Те, кто успешно преодолел все три стадии – а таких было немного – могли либо навсегда покинуть общину, получив благословение ее великого основателя, чтобы разносить свет его мудрости по всему эллинскому и не только миру, либо остаться в качестве наставников. Желающих присоединиться к братству было все больше, но попасть в него дозволялось лишь самым одаренным.

Мне пришлось прождать Милона несколько часов. С утра он был по делам в городе, вернувшись в общину лишь после полудня. Когда он наконец появился, я безо всяких представлений сразу понял, кто передо мной. Он отличался особой статью, сильным и мускулистым телом и могучим торсом. Милону было около сорока, в его коротких волосах уже пробивалась седина. Он был высокого роста, но все же не великан. Его тело в тунике атлета, с почти открытой грудью и крупными, мощными руками напоминало ожившую статую Геракла. На мой изумленный взгляд он никак не отреагировал, выслушал мой краткий рассказ и сказал, что отведет меня к Мастеру.

Перед этим он внимательно ощупал мою одежду, убедившись, что под ней нет кинжала или другого оружия. Я решил пошутить, чтобы сделать разговор более непринужденным.

– Насколько я слышал, мастер – уже в преклонном возрасте. Я намного моложе. Вы не опасаетесь, что во время разговора один на один я могу напасть на него без оружия, с одними лишь голыми руками?

Милон расправил богатырские плечи, откинул голову назад и негромко, но от души рассмеялся.

– Ты? Голыми руками? В молодости Мастер был чемпионом Олимпийских игр по кулачному бою. Даже в свои шестьдесят с небольшим он может сломать тебе шею двумя пальцами. Но не бойся, он добрейший из людей. Даже не ест мяса, считая убийство животных большим грехом. Он так силен от природы, что мог бы победить на Играх еще не раз. Но в финальном поединке со знаменитым борцом Мастер случайно сломал ему шею, и тот погиб. На Играх такое случается каждый день, и не

только в борьбе: ни один заезд колесниц не обходится без смертей под колесами. Но для Мастера это была трагедия: он отдал все свои деньги вдове погибшего и поклялся больше никогда не выходить на арену.

– Но я слышал, что он все-таки не прекратил занятий и какое-то время тренировал?

– Да, мы тогда жили на Самосе, и он не хотел, чтобы известная школа борцов с этого острова прекратила существование. Мои родители привели меня к нему. Юношей я был крепким, ловким и жилистым, но слишком худым. Тогда он попросил родителей привести новорожденного бычка. Он сказал, что я каждое утро должен таскать его на вершину горы. Днем и вечером бычок отъедался, его вес увеличивался с каждым днем. Осенью он стал уже почти взрослым быком, но я по-прежнему таскал его на гору. Я изменился так, что когда я пришел их навестить, родители едва меня узнали.

– А что произошло потом?

– А затем Мастер поссорился с тираном острова Поликратом, который хотел демонстрировать его умения и знания высоким заморским гостям, как ученую обезьянку, во время застолий, полных пьянства и разврата. Однажды Мастер резко отказал ему и был вынужден бежать, перебравшись сюда. Он взял с собой лишь нескольких самых близких учеников, включая меня. Мы живем здесь уже более двадцати лет. За это время я пять раз становился чемпионом Олимпиад по кулачному бою, ни разу не проиграл на арене. В этом году я хотел установить рекорд всех времен, став чемпионом в шестой раз. Но, как ни уговаривал меня учитель, я не поехал в Афины. Боюсь оставлять его одного даже ненадолго. Слишком сейчас тревожно. Впрочем, мы с тобой заговорились. Пойдем.

Мы вдвоем прошли мимо веранды над морем, украшенной мраморными статуями полуобнаженных атлетов и задрапированных в длинные платья девушек. Когда мы спустились вниз к небольшому гроту, окруженному морем, я увидел благостную, почти идиллическую сцену. Крепкий мужчина среднего роста с могучими плечами, густой, черной, почти лишенной седины бородой (которую в общине дозволялось носить из всех мужчин только ему) и такими же длинными курчавыми волосами – правда, с крупной лысиной на затылке, – с любовью держал на руках крошечного младенца, видимо, всего нескольких дней от роду. Рядом сидела его прекрасная юная жена – Феано, со светлыми волосами и голубыми глазами. Здесь же играл их сынишка лет трех, уже довольно самостоятельный. Почти до старости Пифагор сторонился женщин (хотя и

принимал их для учебы), считал блуд наравне с пьянством причиной многих несчастий, был убежденным девственником. Но, дожив до преклонных лет, неожиданно для всех без памяти влюбился в юную ученицу общины, равно блиставшую красотой и умом и ответившую ему взаимностью.

Милон дождался, пока девушка взяла младенца на руки, нежно поцеловав мужа, и ушла. Он подвел меня к учителю, коротко представив. Видимо, ему уже утром передали новость о моем прибытии, поэтому он понимающе кивнул и обернулся ко мне, оценивая проницательным взглядом. Лицо его казалось чуть простоватым для столь выдающегося мудреца, но глаза сияли исключительным умом.

– Приветствую тебя, чужеземец. Я очень рад, что ты проделал долгий путь ради знакомства со мной. Как гостю тебе окажут все почести, дадут лучшую еду, ты будешь спать сегодня на ложе, а утром сможешь посмотреть, как происходит наше обучение. Но прежде я хотел бы задать тебе один вопрос. Ты представился математиком. И тебе, разумеется, знакомы священные числа: два и десять. Скажи же, сколько будет, если число два перемножить само на себя десять раз? Я могу дать тебе время, чтобы произвести расчеты.

– Тысяча двадцать четыре.

Я выпалил ответ мгновенно и с некоторым удивлением. Два в десятой степени – один килобайт информации. Об этом знает любой школьник, начинающий изучать программирование.

Мастер был удивлен скоростью ответа, и сделал рукой знак Милону, что тот может идти. Оставшись наедине, он спросил о том, что еще в моей стране знают о математике. Я сказал, что в моей стране о математике знают многое, но для начала я на правах гостя хотел бы сам задать несколько вопросов. Я попросил мудреца немного рассказать о себе.

– Моя жизнь, слава Творцу, была долгой, пусть и нелегкой. Однако я и сейчас ощущаю себя совершенно молодым (ибо возраст есть степень гибкости ума) и здоровым благодаря умеренности в пище, питье и привычках. Когда моя мать была беременна мной, они с отцом побывали в Дельфах, у Пифии, которая предсказала, что родится сын, который превзойдет всех рожденных прежде в уме, мудрости и силе. Еще она сказала, что ребенок будет необыкновенно красив. Мне кажется, что вот это она явно преувеличила. Родители были поражены предсказанным и назвали меня Пифагором, то есть «предсказанным Пифией».

Когда мне было около двадцати, сразу после победы на Играх, я решил отправиться в долгое путешествие, так как только в странствиях и упорном стремлении к истине можно обрести

действительно новые знания. Я нанялся моряком и побывал в Египте. Там, у жрецов фараона, я получил первые познания в области истории и природы. Затем за мою силу меня приняли в персидскую армию, и я смог побывать в Вавилоне, где познакомился с древними шумерскими работами по астрономии и математике. Там же я общался с философами из немыслимо далекой Индии, большой страны далеко на востоке, которые посвятили меня в свою веру и рассказали о переселении душ после смерти, во что теперь верю и я сам. На севере Персии я видел храмы огня и людей, верящих в единого бога. Что-то я перенял и у них. Через пятнадцать лет странствий, за время которых я выучил несколько языков и не раз бывал на волоске от смерти, я вернулся на Самос, где основал ученую общину, а затем был вынужден перебраться сюда.

– Мастер, вы занимаетесь сразу столькими науками. Что для вас самое важное?

– Прежде всего я стараюсь изучать гармонию мира. Гармония – это отношение частей друг к другу и к целому. Суть науки – в познании гармонии мира и небес. Яснее всего она выражена в числах, в математике. Задолго до меня мудрецы Востока познали базовые численные закономерности и секреты сложных правильных фигур. Моя заслуга в том, что я объединил арифметику и геометрию. Например, теорема о равенстве квадратов длин двух коротких и длинной стороны прямоугольного треугольника была известна еще в древнем Вавилоне, я встречал ее описание на глиняных табличках. Но я первый доказал ее, используя геометрию, с помощью квадратов, построенных на каждой стороне такого треугольника. Хочешь, я начерчу это доказательство на песке?

Я ответил, что в этом нет необходимости.

– Но это простейшая теорема. Наши наставники рассказывают о ней детям еще на начальных занятиях. Я открыл и доказал много других, более сложных теорем, которые касаются многоугольников, простых и сложных чисел, пропорций и других областей науки. С каждым таким открытием я словно приоткрываю небольшую дверь в неизвестное, впускаю в наш темный мир еще немного света. И это не просто метафора. Сам Бог есть вечный свет. Я, как и персидские огнепоклонники, верю, что Бог един, вечен, и состоит из светоносного эфира. Я не верю в Зевса, Геру и прочих наших комедийных божков, которые ведут себя как земные люди. Сказки Гомера и его последователей не имеют к науке и истинной природе вещей никакого отношения.

Я также открыл, что Земля – это огромный шар, который вращается вокруг Солнца. Да, чужестранец, тебе это может

показаться удивительным, но мои вычисления говорят именно об этом. Глядя на то, как корабли уходят за горизонт, мне пришло в голову, что поверхность Земли – не плоская. Я наблюдал за ними с берега, поднимался на вершину горы, строил воображаемый треугольник и приходил к математическому выводу, что Земля геометрически не может быть плоской – это на самом деле сфера. Кроме того, наблюдая за ночным небом, я обнаружил, что некоторые из ярких видимых небесных тел на самом деле не звезды: так же, как и Земля, они обращаются вокруг Солнца. Меня всегда интересовала наука о звездах, и мне жаль, что на свете нет инструмента, который позволил бы рассмотреть небесные тела более четко и близко.

Ты наверняка успел заметить, что мои ученики искусны в музыке. Еще в молодости меня посетила мысль, что музыкальные ноты – это числа, выраженные в звуке. Красивые мелодические гармонии – это те же математические формулы. Длинные и толстые струны издают низкие тона, тонкие и короткие – высокие. Каждый тон – это лишь некое число, соответствующее высоте звучания струны. Я пошел в логических рассуждениях дальше и осознал, что в некотором смысле вся Вселенная – это музыка. Постоянно звучащая, сладостно поющая высшая гармония сфер. И лишь потому, что наши уши крайне несовершенны, мы, как тугоухие кузнецы, оглохшие от грохота молотов в мастерской, не можем расслышать эту музыку и оценить ее красоту. Когда мои ученики с лирами и песнями встречают рассвет – это лишь примитивная, неловкая, но искренняя попытка звучать в один тон со Вселенной.

Ученый прервал речь и указал рукой на солнце, которое стояло еще высоко, но постепенно начинало клониться к закату.

– Посмотри внимательно на этот свет. В зависимости от времени суток он бывает желтым, белым, оранжевым, красным. Но я глубоко убежден, что все эти оттенки цвета можно исчерпывающе описать цифрами. Например, ты присваиваешь единицу самой светлой частице света и тысячу – самой темной. Далее ты выстраиваешь все оттенки по порядку в зависимости от яркости. Любой вид солнца и его цвет ты можешь описать просто перечнем соответствующих чисел. Это все, конечно, звучит надуманно, и я понятия не имею, как это можно применить в повседневной жизни. Но я чувствую, я готов сложить за это голову, что числами можно идеально точно описать весь наш мир и всю бесконечную Вселенную над нашей головой.

Великий философ… Если бы ты знал, насколько ты прав. Целые миры виртуальной реальности, созданные из десяти цифр компьютерными программами… Цвета компьютерной графики…

Как многое я мог бы тебе рассказать! Но я не имею права забегать вперед и изменять ход истории.

Я поблагодарил Пифагора за его откровения и попросил дать несколько советов для обыденной жизни.

– Будь спокойным и умеренным во всем. В работе делай все вдумчиво, по порядку, везде ищи свою систему. Не пей много вина: пьянство есть состязание в безумстве. Пей только изредка, один небольшой кувшин лучшего вина и только в компании с близким другом. Не болтай попусту. Слова должны звучать только тогда, когда они лучше молчания. Нерадивых учеников за леность мои наставники наказывают временным запретом разговаривать, и поверь, это наказание гораздо хуже порки. Каждый день хотя бы понемногу тренируй свое тело, а после физических занятий проси сделать тебе хороший расслабляющий массаж. Не женись до тех пор, пока не разобрался в себе и в своей собственной жизни, иначе брак принесет тебе только новые несчастья. Выбирай себе надежных, верных друзей – таких, как Милон. Меня часто спрашивают о том, в чем состоит смысл жизни. Я честно отвечаю, что я, как и любой человек, недостаточно мудр, чтобы знать точный ответ. Но для меня самого смысл жизни – в созерцании совершенства ночного неба, которое мы, люди, едва только начали постигать.

– У вас столько последователей, такая большая община. Вы могли бы с их помощью стать политиком, правителем Кротона или даже Тарента, и сделать лучше жизнь многих тысяч людей.

– Есть два вида жизни: деятельная и созерцательная. Жизнь подобна Олимпиадам. Одни приходят на них состязаться, другие – торговать, а самые счастливые – просто созерцать. К ним я себя отношу, и считаю это действительно большим счастьем. Я не хочу быть правителем. Я хочу учить жаждущих знания тому, что постиг сам – математике, философии, музыке, астрономии. Хотя я не полностью лишен честолюбия, и мне порой бывает досадно, что история Эллады сохранит имена множества тиранов, а вот мое имя после моей смерти не будет знать ни одна живая душа.

Я с трудом заставил себя промолчать. Понимая, что беседа близится к концу, задал еще вопрос.

– Философ, над чем вы работаете в данный момент?

Он вздохнул, как будто с печалью. Кажется, я невольно растревожил какую-то потаенную рану.

– Подобно Сизифу из легенды, вот уже много месяцев я ежевечерне бьюсь над этой проблемой. Но все еще не нашел решения. Это простая математическая задача, но она буквально сводит меня с ума. Как математику, вам хорошо известно, что продолжение теоремы о треугольниках – это тройки целых чисел,

в которых сумма квадратов двух чисел (как в прямоугольном треугольнике) равна квадрату третьего. Например, 3 в квадрате плюс 4 в квадрате равно 5 в квадрате; 5 в квадрате плюс 12 в квадрате равно 13 в квадрате, и так далее. Мои ученики исследовали ряды чисел до нескольких тысяч, легко обнаружив десятки таких троек. Тогда я решил сделать следующий шаг и найти такие же тройки чисел, но не в квадрате, а в кубе, а также в четвертой степени. Я был абсолютно уверен, что и таких троек множество. Но как я ни подбирал числа, какие огромные вычисления ни производил, ни я, ни ближайшие ученики, с которыми я поделился этой тайной, до сих пор не смогли обнаружить такие тройки. Ну не может же быть, что их вообще нет! Это было бы насмешкой Творца над людьми! Я извожу себя каждый вечер, стал плохо спать. Но я не остановлюсь, пока не найду хотя бы одну такую тройку.

Я внимательно посмотрел на великого Пифагора. Он внушал мне неподдельное восхищение. Поэтому я сделал то, на что не имел права, но не мог не сделать, видя его душевные страдания.

– Философ, позвольте мне дать вам искренний, дружеский совет. Не тратьте ваши силы. Таких чисел не существует.

– Ты смеешься надо мной, чужестранец? Откуда ты можешь знать это?

– В моей стране жил ученый, которого звали Ферма и о котором вы точно не слышали. Он сформулировал великую теорему, в которой говорится о том, что таких троек нет, а еще спустя много лет другой выдающийся математик это неопровержимо доказал.

– Ты можешь привести мне это доказательство? Я бы все отдал, чтобы узнать его!

– Конечно нет. Насколько мне известно, оно занимает тысячу страниц формул.

– Я не понимаю… Как человек вообще может придумать столь длинное доказательство?

– Я тоже не понимаю. Но он как-то смог. К сожалению, я больше ничего не могу рассказать об этом.

В этот момент за нашими спинами раздался шум, послышались шаги и крики. К Пифагору подбежал один из его учеников:

– Мастер, мы поймали еще двух шпионов. Они только что пытались тайно поджечь наш амбар с зерном и библиотеку!

Пифагор спешно встал и необычайно быстро для человека его возраста зашагал от грота вверх по очень крутому склону холма, а я поспешил за ним. Когда мы оказались в центре событий, то увидели двух молодых людей, прикованных к стенам. Их грозно

допрашивал Милон, – впрочем, не прибегая к физическому насилию. Шпионы, как их назвали, выглядели крайне испуганно.

Я не стал дожидаться развязки этой сцены, крикнул вослед Пифагору слова искренней благодарности (которые он вряд ли расслышал) и не спеша стал спускаться с холма. Солнце опускалось к горизонту со стороны гор на западе, его диск уже скрылся за вершинами. Было еще светло, но зыбкая поверхность моря казалась почти черной.

Я знал, что община Пифагора, которую из зависти недолюбливали все окрестные правители – сначала тайно, но с течением времени и ростом ее славы все более явно – будет и дальше подвергаться странным на первый взгляд нападениям одиночек, которым на самом деле платили сильные мира сего. Тем не менее, она благополучно просуществует еще около двадцати лет – до тех пор, пока на нее не нападет целая армия, многократно превосходящая общину числом и хорошо вооруженная. В ходе битвы все постройки общины будут сожжены; все еще здоровый и крепкий 80-летний Пифагор и его верный Милон – предательски убиты ударами в спину. Однако уцелевшие пифагорейцы, как уже покинувшие к тому времени общину, так и пережившие нападение, разнесут свет его учения по всем уголкам эллинского и средиземноморского древнего мира. Спустя столетия лучшие греческие и римские умы будут почитать Пифагора как великого ученого, визионера, мудреца.

Я вспомнил о его печальном конце. Когда я обернулся назад, на мои глаза навернулись слезы.

Но это были слезы радости.

Глава 6
Первый человек (Сократ)

Место: Афины, Греция
Время: 399 год до нашей эры

Он казался совершенным чудом. Парфенон, возвышающийся на афинском Акрополе и видный из любой точки великого города, был прекрасен как сказочный мираж.

Увы, кое-как восстановленные массивные ионические колонны без стен и крыши, которые можно увидеть в столице Греции в наше время, даже отдаленно не идут в сравнение с древним храмом богини Афины, каким он был построен. Тот Парфенон был выкрашен в белый цвет, подчеркивавший природную белизну мрамора, его портики и фронтоны расписаны прекрасными картинами в синих тонах. По всему периметру храма были установлены высокие мраморные статуи богов и героев. У подножия Парфенона, уровнем ниже, находился еще один храм, более древний и не столь утонченный, но и он впечатлял своими размерами и массивной крышей. У подножья Акрополя лежала главная площадь Афин – на современный взгляд небольшая; и все же на ней и поблизости в дни всенародных голосований и обсуждений новых законов собирались многие тысячи мужчин – свободных граждан еще недавно самого просвещенного, развитого и демократического города античности.

Этим утром на площади было почти пусто, лишь изредка по ней проходили туда-сюда прохожие, среди которых попадались и женщины в светло-зеленых туниках, с прикрытым полупрозрачным шарфом лицом (привычное многим представление, что в Афинах им предписывалось сидеть дома – преувеличение). Мне было жаль, что я не оказался в этом удивительном городе лет на тридцать раньше. Тогда, в расцвете своего могущества после блестящих побед над грозными персидскими армиями и строительства Парфенона, город буквально блистал богатством. Им управлял доблестный и справедливый Перикл, золото и серебро текло в казну рекой, а философы, архитекторы, ученые и ораторы составляли важную часть афинской элиты той, «классической» эпохи.

Теперь все было иначе. Несколько тяжелых войн со Спартой, длившихся долго и с переменным успехом, закончились в итоге поражением Афин, которое вдвойне усугублялось эпидемиями тифа и холеры, унесших жизни множества граждан. Жестокая

непреклонная Спарта в конце войны проявила милость, решив не сносить город, и ограничилась уничтожением афинского флота (еще недавно принесшего великую общегреческую победу над Персией), срытием мощных городских стен и передачей города во власть марионеточных правителей. Внешне перемены в повседневной жизни Афин могли показаться незначительными. Однако атмосфера города стала совсем иной. Менее зажиточные граждане, составлявшие теперь большинство, вконец обеднели и нередко погибали, нанимаясь в чужие армии в ходе стычек между мелкими полисами, которые случались теперь в Элладе гораздо чаще. Простые граждане были озлоблены на властителей и то и дело конфликтовали друг с другом по поводу и без оного, а также искали виновных в случившемся крахе.

Разумеется, я не мог не подняться по высоким ступеням к входу в Парфенон. Я представился торговцем оливками из Фессалии – большой греческой области, не участвовавшей в войне, – добавив, что приехал принести в дар Афине несколько крупных золотых монет. Двое стражей у входа в полном боевом снаряжении ухмыльнулись и негромко сказали, что я могу отдать свой дар им, и за это они разрешат зайти в храм на пару минут, хотя негражданам Афин это запрещалось. Нравы в городе изменились: раньше подобное было бы невозможно; но мне в моей ситуации это было скорее на руку. Отдав им небольшой кошелек, я зашел внутрь. В храме не было никого, свет лишь слабо просачивался через небольшие окна под потолком, так что внутри было довольно темно и тускло. Крупные цветные фрески на стенах изображали сцены из древней истории Греции, мифической и реальной: битвы богов с титанами в начале времен, штурм Трои, морское сражение Фемистокла. Легендарная статуя богини мудрости и войны Афины, которую многие античные авторы описывали как огромную, высотой до потолка храма, на самом деле была скромнее по размерам, всего несколько метров высотой, но казалась гораздо монументальнее благодаря тому, что стояла на высоком постаменте. Она не была сплошь золотой, как ее нередко описывали: тело богини было высечено из мрамора, лицо отделано желтоватыми вставками из слоновой кости, из золота же изготовлены были только роскошный шлем на голове Афины и одежда. Интерьер Парфенона показался мне более скромным, чем его волшебный вид снаружи, но все-таки исполненным достоинства. Когда я выходил, стражи посмеялись мне вслед, пригласив зайти сюда как-нибудь еще.

Некоторое время я со смешанными чувствами блуждал по немноголюдным каменным улочкам центра Афин, почти на каждом углу видя скульптуры и бюсты работы Фидия. Мне было

очень приятно находиться в сердце города, подарившего миру демократию, пусть даже теперь для него наступили не лучшие времена. Однако, возможно, главную достопримечательность Афин, соперничавшую по известности с Парфеноном, застать на городских улицах в эти дни я уже не мог.

Вероятно, на фоне идеальных мраморных тел атлетов этот старик смотрелся особенно комично. Нескладный, с толстым свисающим животом под старым засаленным хитоном летом или ветхим заплатанным плащом зимой, всегда в стоптанных почти до негодности сандалиях. Сварливый, громкий, умеющий сбить спесь с любого встречного острой, колкой, но всегда попадающей точно в цель шуткой или грубоватой насмешкой. Его забавное лицо с выпученными глазами и большим приплюснутым носом казалось типичным образом сатира, сошедшего с картины. Отдаленно похожих на него странных чудаков не раз встречал каждый из нас.

Но прозорливая Пифия при многих свидетелях назвала Сократа – а именно так звали беспокойного старика – мудрейшим из ныне живущих людей. И этому никто не удивился. Кажется, не было ни одного философского или ученого трактата, события в истории или просто традиции, о которой Сократу не было бы известно во всех деталях. Широта и глубина его познаний, казалось, не имели предела. Что было тем более удивительно, так как за долгую жизнь он покидал Афины один единственный раз, в преклонном возрасте – чтобы принять участие в одной из главных битв со Спартой. На войне Сократ, кстати, проявил себя героем: подбадривал молодых соратников, в зимний холод обходился без обуви и спал на снегу, а когда верховный стратег Афин был ранен, – вынес его на плечах с поля боя.

Сам Сократ мудрецом себя не считал, наоборот – всячески подчеркивал свое «незнание». Он любил говорить: «я знаю только то, что ничего не знаю». Правда, потом добавлял: «но другие не знают даже этого». Рожденный в незнатной семье каменотеса и повитухи, он уподоблял свое «дело», за которое, в отличие от всех других ученых и философов, принципиально не брал денег, ремеслу своей матери. Он утверждал, что никто из афинян на самом деле, если хорошо разобраться, ничего не смыслит ни в своей профессии, ни даже в собственной личной жизни. Но в результате разговора с ним, Сократом, «повитухой истины», человек мог «родить» новое, гораздо более точное и глубокое знание о себе и своей работе (если, конечно, был хоть на что-то способен, что бывало далеко не всегда).

Сократ был женат на еще более сварливой, чем он сам женщине (к чему относился философски), поэтому почти всю

жизнь проводил вне дома, в публичных местах, домах знатных и не очень афинян, а еще чаще – просто на городских улицах. Его любимым делом был интеллектуальный спор на абсолютно любые темы. И даже его друзья, знакомые с ним не один десяток лет, не могли припомнить за все годы ни одного спора – хоть с ребенком, хоть с другим известным философом или даже с правителем Афин, – в котором Сократ в итоге не одержал бы блестящую логическую победу.

Когда Сократа спрашивали, с какой целью он это делает, он или отшучивался, или отвечал, что в каждом таком разговоре он «познает самого себя» и помогает в этом же самом своим собеседникам.

Однако далеко не всем жителям города беседы Сократа приходились по душе. Немало знатных афинян чувствовали себя публично униженными, когда им указывали на их невежество. Сократа обожали дети, а он любил их – поэтому подростки, в том числе отпрыски самых знатных семей, нередко убегали из дома без спроса на многие часы, а вернувшись, «дерзили» родителям, отстаивая свое мнение. Когда кризис в Афинах после военного краха и конфликтов граждан с правителями достиг апогея, в бедах города немалая часть населения обвинила не в меру разговорчивого старика, которому на тот момент перевалило уже за семьдесят. Суд над ним стал событием, которое обсуждали все Афины.

Сократу предъявили два обвинения: развращение молодежи и презрение к греческим богам. Он вызывался сам защищать себя; сделал это, конечно, блестяще, логически не оставив от обвинений и камня на камне. Но, на свою беду, на этом он не остановился и принялся зло иронизировать: сначала лично над обвинителями, затем над членами суда и даже нелестно прошелся по присутствующей афинской публике. Настроения в зале переменились, и в итоге, при молчаливом согласии граждан, суд вынес Сократу смертный приговор. Его исполнение должно было состояться в течение трех недель, которые на днях как раз истекали.

К мудрецу и военному герою, к тому же имевшему много друзей и последователей, власти по меркам эпохи отнеслись с изрядным уважением: ему позволили выбрать вид казни, поместили его в самую «почетную» тюрьму Афин и даже почти не стерегли, давая тем самым понять, что никто не против, если Сократ отправится на все четыре стороны, – лишь бы подальше от Афин и навсегда.

От холма Акрополя и центра Афин до Холма Муз не более километра. Эти две величественные возвышенности подобны

братьям, гордо взирающим друг на друга. На склоне Холма Муз находились три небольших храма греческих божеств и естественная пещера с широким входом, размером с просторную комнату.

Трое совершенно безразличных стражников играли в кости за деревянным столом, отложив в сторону оружие. Как я и ожидал, заметив меня, они даже не удосужились отвлечься от игры. Горожане время от времени приходили к Сократу, чтобы пообщаться с ним напоследок и попрощаться. Еще поднимаясь, я заметил двоих спускавшихся с холма молодых людей, безмерно, до слез опечаленных. Позже я узнал их имена – Критон и Платон: с последним мне еще предстояло познакомиться, правда, в другом месте и в другое время.

Когда я зашел в пещеру, узник лежал на ложе навзничь, полуприкрыв глаза. На меня он взглянул с неподдельным удивлением: сколь бы ни были велики древние Афины, он, вероятно, хотя бы в лицо знал и помнил почти всех афинян. Меня неожиданно охватило оцепенение. Довольно долго – пару минут, а может, и больше – я молча стоял, едва перешагнув порог пещеры. Сократ заговорил первым.

– Скажи же что-нибудь, чужестранец. Я хочу увидеть тебя в твоих словах.

Я со всей вежливостью поздоровался с философом. Как и стражам храма, ему я представился жителем Фессалии, но уже не торговцем, а драматургом.

– Я хочу написать о вашей жизни произведение. Драму или трагедию. Вы сами ведь не написали за всю жизнь ни строчки. А я хочу сохранить память о вас в веках.

– А разве я стою того, чтобы обо мне помнили в веках? Да и что ты можешь написать? Слово изреченное не есть вполне то слово, которое мы задумали. А слово написанное всегда отличается от сказанного хотя бы оттенком смысла, но и это немалое различие. Наконец, слово, прочтенное кем-то спустя столетия – это слово совсем иное, нежели написанное сейчас. Так что же тогда обо мне люди смогут узнать через века из твоего сочинения? Будет ли это хоть как-то ко мне относиться?

– Мне обидно, что ваш недоброжелатель Аристофан сочинил комедию «Облака», в которой злейшим образом вас высмеял, выставив пустословом и безбожником. Разве такого вы заслуживаете?

– Ну, полно же. Я от души смеялся вместе со всеми, когда смотрел эту комедию в театре. Она популярна и весьма забавна. Аристофан просто не понял разницу между мной и софистами, выставив меня худшим из софистов. А ведь я всегда стремился

делать прямо противоположное. Софисты учат подвергать сомнению любую истину, в этом их конечная цель, да они еще и берут за это с учеников большие деньги, чтобы жить сладко, припеваючи. Я, как и софисты, начинаю беседы с разрушения ложных утверждений, но лишь для того, чтобы в результате глубокого исследования предмета в конце разговора прийти к новым истинам. Помочь собеседнику понять себя и немного – окружающий мир. К тому же я делаю это от чистого сердца и, разумеется, бесплатно.

– И в чем же тогда их благодарность вам? Суд, тюрьма, яд? В этой трагедии я возьмусь описать вас так, чтобы люди сами устыдились того, как они с вами обошлись.

– Вероятно, ты делаешь это из лучших побуждений. Но скажи мне, что сделал бы моряк, увидев, как птица запуталась в веревках паруса, и сжалившись над ней?

– Это ведь очевидно. Распутал бы веревки и выпустил в небо.

– Иными словами, он немедленно перешел бы к делу. Позволь мне спросить тебя: а давно ли ты приехал в Афины?

– Мой корабль пришел в порт рано утром.

– Стало быть, ты в Афинах уже больше, чем полдня. Зашел ли ты за это время в библиотеку, чтобы ознакомиться с материалами дела и протоколом моего суда?

– Нет, Сократ.

– Предпринял ли попытку поговорить с людьми на улицах, чтобы от них узнать что-то о Сократе?

– Нет, я ни с кем не разговаривал.

– Ко мне только что приходили Платон и Критон. Скорее всего, ты встретил их по дороге. Они оба знают меня давно. Попробовал ли ты поговорить с ними, узнать, можно ли как-то помочь?

– Нет, они мне показались совершенно убитыми горем, и я не захотел их беспокоить.

– Прости тогда мне мое любопытство. Чем же ты был тогда занят эти полдня?

– Любовался Парфеноном, гулял по прекрасным улицам Афин.

– Я спрашиваю не ради того, чтобы обвинить тебя: Афины и впрямь прекрасны. Уж мне ли не знать об этом. Но подумай, не значит ли сказанное тобой, что я для тебя на самом деле – всего лишь еще одна живая достопримечательность, предмет капризного любопытства, и не более того?

– Я хотел осмотреть великий город, чтобы лучше понять его и запечатлеть в памяти. И затем сразу поспешил сюда. Ведь казнь должна свершиться на днях.

– Вернувшись в Фессалию и сев писать трагедию обо мне, чего ты самом деле жаждешь достичь? Чтобы люди узнали о Сократе? Или чтобы они узнали о тебе?

– Говоря откровенно, я хочу и того, и другого.

– Что ж, честолюбие – хорошее чувство. Но скверно, если оно перевешивает желание докопаться до правды. Берегись гордыни. Это самая коварная из человеческих ловушек.

– Философ. Я знаю, что спорить с тобой трудно. Точнее, бесполезно.

– Трудно спорить с истиной. А пререкаться со стариком Сократом – дело нехитрое.

– Сократ, мне больно видеть тебя здесь. Я считаю предстоящую казнь великой ошибкой. Но я не буду предлагать тебе бежать. Уверен, что Платон и Критон как раз убеждали тебя именно в этом, и делали это намного искуснее меня. Они тебя боготворят, поэтому иначе и быть не может. Но, судя по их вконец расстроенным лицам, они не преуспели в своих стараниях. Но почему? Разве не в природе всех живых существ до конца бороться за свою жизнь?

– Что ж, твой вопрос разумен. И вправду, борьба за жизнь суть природа жизни. Но посмотри на меня внимательнее. Разве не странно бы я выглядел в глазах всех, кто знал и уважал меня, если бы тайком, ночью, усыпив стражей и подвергая огромному риску моих друзей и помощников, переодевшись и закрыв лицо, на старости лет на дне какой-нибудь рыбацкой лодки уплыл бы из родных Афин невесть куда? Я думаю, всем вокруг сделалось бы так смешно, что Аристофан взялся бы сочинить об этом очередную комедию. И не означал бы мой побег того, что я отрекаюсь от всего, во что верил всю мою жизнь?

– Но разве жизнь подлинного мудреца не бесценна?

– Жизнь любого человека бесценна. Но скажи мне: не смешно ли смотрелся бы бегун-марафонец, который, почти добежав до финиша, вдруг на глазах у зрителей развернулся и изо всех сил побежал бы обратно, к старту? Не логичнее ли предположить, что уставший бегун, завидев близкую линию финиша, напротив, увеличит скорость, чтобы побыстрее пересечь ее?

– Но ведь смерть – это… смерть.

– И это утверждение хоть и наивно, но не ложно. Скажи, знаем ли мы с тобой хоть одного человека, который бы вернулся с того света и рассказал, что там все ужасно?

– Нет.

– Если так, то мы можем резонно предположить, что смерть – это одно из двух. Или бесконечно долгий сон без сновидений, или иная форма бытия человеческой души.

– Очевидно, что так.

– А теперь скажи мне вот что: разве плохо крепко-крепко заснуть? Даже цари говорят, что сон – это драгоценный подарок, одно из величайших наслаждений, дарованных человеку природой. А крепкий сон – это самый лучший сон. Так почему же нам стоит бояться вечного блаженного сна?

– Возможен и второй вариант.

– Да, и следует заметить, что второй вариант и вовсе выше всех похвал. Если мы переходим в иное состояние, то вообрази себе долину, в которой обитает душа, полностью освобожденная от оков бренного тела. Представь место, где можно бесконечно долго разговаривать с Гомером, Пифагором и другими великими людьми. Место, где душа может думать не о еде, сне, работе, а лишь о благе и о поиске истины. Наконец, это место, где больше нет смерти. Разве оно не чудесно?

– Мудрец, я и здесь почти готов согласиться. И все же во мне не угасает надежда, что в последний момент ты одумаешься.

– Я слышу голос твоего сострадания. Но скажи, куда же мне бежать? Есть ли в мире хоть одно место, где можно надежно укрыться от смерти?

– Полагаю, что нет.

– В таком случае мне гораздо лучше умереть достойно сейчас, чем недостойно и лишь немногим позднее.

– Но ведь ужасно то, что тебя казнят без вины.

– Как раз это совсем не страшно. Было бы гораздо хуже заслуживать смерти.

Даже на пороге небытия Сократ, очевидно, нисколько не изменил свой взгляд на мир. Понимая, что разговоры о побеге бессмысленны, я задал последний вопрос.

– Философ, объясни мне, что, по-твоему, есть добродетель?

– Добродетель есть знание. Я почти не встречал дурных людей из мудрецов и ученых, но зато их, к сожалению, немало среди людей невежественных – особенно среди занимающих высокое положение. Добродетель также состоит в том, чтобы иметь всего в меру и не иметь ничего сверх меры. Слава Творцу, я никогда не испытывал тягу к роскоши и излишествам, и никому не желаю этого страшного зла. На свете столько дорогих вещей, которые мне не нужны! Помни также, что причинять несчастье другому – хуже, чем если кто-то причинит несчастье тебе. Объяснение этого заключается в том, что душа человека во всем выше его тела. Вред, который ты наносишь своей душе, творя зло, страшнее, чем ущерб твоему телу или имуществу, причиненный кем-то другим.

Стражник принес тарелку со скудной овощной похлебкой, и,

кажется, был уже готов силой выгнать меня. Я и вправду слишком задержался. Но я не знаю, есть ли на свете хоть один образованный человек, который бы не мечтал поговорить с Сократом.

Он умер практически без боли. В тот день Сократу разрешили покинуть тюрьму, и он в сопровождении нескольких самых преданных учеников и двух палачей – тоже поклонников его таланта – уехал в живописное местечко в одном из пригородов Афин, где, как и было предписано приговором, перед закатом, после долгой, утешающей учеников беседы выпил приготовленный палачом растительный ядовитый напиток без вкуса и запаха. Вскоре его конечности охладели. Предсмертной волей Сократа была просьба ученикам принести в жертву Асклепию, греческому богу врачевания, петуха. Так делали, когда человек выздоравливал от тяжелой болезни. Сократ считал, что физическая жизнь его бренного, некрасивого, пожилого тела была болезнью, от которой в момент смерти его вечная бессмертная душа навсегда исцелилась.

Великие мудрецы, жившие до Сократа, прежде всего пытались объяснить законы мироздания, законы природы. И даже безупречный гуманист Конфуций интересовался человеком, рассматривая его как важнейший, но все же кирпичик для идеального, справедливого государства.

Сократу же был интересен обычный, простой человек.

Каждый, который ему встречался.

Глава 7
Мир волшебных идей (Платон)

Место: Сиракузы, эллинская колония (современные Сиракузы, Италия, остров Сицилия)

Время: 387 год до нашей эры

Остров Сицилия – одна из жемчужин Европы. Не случайно через полтора века это место станет великим яблоком раздора, причиной первой Пунической войны – начала раздора могущественных Рима и Карфагена.

В эпоху повествования Сицилия была среди самых процветающих мест на юге Европы. Основанные здесь, в основном, греками, крупные города-полисы впитали большую часть лучших эллинских научных и культурных достижений, но при этом развитие их не осложнялось ни извечной греческой географической стесненностью, ни недостатком плодородных земель.

Главным городом Сицилии были Сиракузы. Здесь имелось все, чем в те времена мог похвастаться греческий полис. При тиране Дионисии Сиракузы, прежде находившиеся под жестоким гнетом карфагенян, благодаря его управленческим и военным талантам стали независимыми, превратившись в крупнейший порт и центр торговли на всем европейском Юге. Это было место, где встречались купцы и ремесленники со всего известного тогда света. Город разросся настолько, что его пришлось разделить на четыре части, а его население впервые в истории Европы превысило миллион человек. В Сиракузах находился один из самых известных древнегреческих театров, который сохранился и поныне, а также великолепные храмы, посвященные Зевсу, Деметре и другим богам греческого пантеона.

Если Афины времен Сократа поражали благородством и изяществом архитектуры, то Сиракузы – динамичным, шумным, почти современным ритмом жизни. На главных улицах, ведущих вдоль побережья Ионического моря, царили вечные столпотворение и суета. Повозки с запряженными в них ослами; ряды глиняных изделий тонкой искусной работы – амфор, кувшинов, горшков; яркая разноцветная одежда прохожих. В воздухе висела тяжелая смесь из запахов рыбы, человеческого пота и растопленной смолы для ремонта лодок. Звучала речь на множестве языков, среди которых греческий был даже не самым распространенным. Человеку современному показались бы экзотикой деревянные помосты, на которых группами стояли

связанные или закованные в кандалы рабы для продажи, и именно они были одним из самых ходовых товаров портового рынка. Чернокожих среди них было немного: в основном девушки, которых дородные седовласые богатые граждане приобретали как экзотическую домашнюю прислугу и для любовных утех. Большинство закованных рабов были белыми. Для тяжелой работы в поле и на серебряных рудниках, особенно требовавших силы и дисциплины, ценились крепкие мужчины средиземноморской и европейской внешности, а важным для рыночной стоимости раба было владение хотя бы азами греческого языка.

Я пробирался через этот рынок не один, а вместе со своим новым знакомым по имени Анникерид. С ним я познакомился в таверне утром. Он рассказал мне необыкновенную историю, после чего мы вдвоем поспешили собирать деньги, которые нам требовались сегодня: срочно и очень много.

Анникерид приехал на Сицилию за компанию и по приглашению своего давнего знакомого, Платона. Оба они к своему пятому десятку слыли уважаемыми философами, и их имена немало значили в образованных кругах эллинского мира. Платон был одним из ближайших учеников великого Сократа и после его казни организовал небольшое философское общество в Афинах, написав за последнее десятилетие с десяток собственных глубоких, оригинальных работ. Анникерид был известен меньше, поскольку бывал в Афинах лишь пару раз, а сам жил в Киренах, городе тоже крупном, но не столь значимом. Его работы не заходили так далеко и не были так смелы в выводах, но рассуждали в одном русле с работами Платона, и взгляды сблизили авторов. Платон получил соблазнительное предложение от одного из богатейших правителей – тирана Дионисия из Сиракуз – приехать на несколько лет в качестве почетного гостя и политического советника. Помимо щедрой платы, правитель обещал по мере возможности следовать мудрым советам афинского философа. Первые месяцы все, казалось, шло как нельзя лучше. Идеи Платона сделали горячим поклонником его учения молодого племянника Дионисия, да и сам государь часто приглашал философа для долгих серьезных бесед вечером во дворце, выслушивая его с уважением. Но Платон никогда не держался раболепно и не пытался казаться дипломатичным. Он прямо говорил о том, что тирания – единоличное правление – не идет на пользу государству, и что тиран чаще всего действует, исходя из своей пользы, а не во благо всего общества. Трудно сказать, от каких именно слов вспыхнула искра: Анникерида на той встрече не было (к явной удаче для него). Дионисий, всегда

слушавший Платона терпеливо, вдруг вспылил и громко обругал философа, при всех назвав его «вредным смутьяном». Он приказал страже заковать Платона в кандалы за его дерзости и увезти первым же подходящим судном из города, а затем продать на рынке невольников где-нибудь подальше от Сицилии.

Ранним утром Анникерид сбился с ног, подкупил нескольких охранников и все-таки выведал название судна, на котором собирались вывезти Платона, и пункт назначения корабля. Крупный торговый корабль, капитаном которого был бывший карфагенский военачальник, некогда попавший в плен и ставший верным слугой Дионисия, направлялся к острову Эгина, что еще сильнее усложняло дело. Остров находился почти у самого дома Платона – напротив гавани Афин. Но Эгина была разрушена и сожжена в ходе войн со Спартой, и афинян там ненавидели. Узнав наверняка, что Платон – гражданин Афин, да еще и весьма известный, с ним обошлись бы особенно жестоко и сразу продали бы наихудшему рабовладельцу. Единственное, что могло спасти его – очень крупная сумма денег. Обычный неграмотный раб стоил три-четыре афинских мины, образованный и умелый в ремесле – около двадцати; прекрасная юная рабыня для утех могла уйти с торгов за тридцать. Анникерид сказал, что за известного философа, да и еще и столь здорового, хорошо физически развитого, как Платон, могли запросить сорок мин, что равнялось двадцати пяти килограммам серебра. Примерно столько же стоила добротная вилла на побережье или приличная государственная должность, и таких денег у него не было.

Я помог новому приятелю раздобыть требуемую сумму – тот обещал мне сполна все вернуть по прибытии в Афины, и даже с процентами, но от процентов я, играя благородного эллина, отказался. Серебро нам пришлось везти, толкая по очереди перед собой небольшую тележку. По пути я рассказал ему, что был в темнице у Сократа за пару дней до его казни, прочтя в глазах киренца уважение, смешанное с завистью. Часть серебра пришлось отдать капитану корабля, который пустил нас под видом торговцев на свое судно. Разумеется, он не мог продать нам важного пленника прямо здесь же, на берегу, ибо это противоречило бы приказу тирана. Но он пообещал сделать Платону в почти двухнедельном пути некоторые поблажки (держать отдельно от других рабов, а не в душном, заливаемом соленой водой трюме, и разрешить ему ходить в цепях по палубе), а по прибытии на Эгину – дать нам возможность участвовать в торгах за невольников первыми.

Корабль по меркам античности был большим – в прошлом греческая боевая трирема, длиной не менее тридцати метров, с

прямым парусом и рядами по пятнадцать гребцов с каждой стороны, переделанная теперь, в относительно мирное время, в торговое судно. Каюта, правда, была всего одна – совсем тесная, для капитана. Пассажиры все время сидели на жестких деревянных скамьях под парусиновым навесом от дождя и брызг в задней части корабля, сразу за гребцами, довольствуясь пару раз в день скудной едой, и лишь изредка разминались, прогуливаясь по палубе.

Увидев Анникерида, Платон вскочил со скамьи, и как мог, со скованными руками, по-дружески тепло прижал его к себе. Это был крепкий мужчина, широкий в кости, ростом выше среднего, с мощными плечами атлета, длинными волосами и густой, но не длинной, черной как смоль бородой. Он совсем не казался добрым или открытым – его глубоко посаженные глаза словно буравили окружающих острым испытывающим взглядом, а голос был похож на голос военного – звучный, уверенный (даже в таком незавидном положении), словно привыкший отдавать команды. Из стройного пылкого юноши, каким я его запомнил, встретив по пути к темнице Сократа, теперь, примерно в сорок лет, он превратился в сильного, уверенного в себе мужчину.

Ко мне Платон отнесся холодно. Даже в кандалах он всем видом как бы говорил, что я малодостойный непонятный проходимец. Если бы я не собрал большую часть денег, он бы, вероятно, не удостоил меня даже приветствием. Меня это не смутило – я ожидал чего-то подобного. Узнав, что я интересуюсь философией, Платон произнес:

– Что ж, фессалиец. Благодарю за помощь. Блесни же своим немногословием. Если ты совсем ничего не знаешь о науках, я не стану ничего тебе рассказывать. Философию невозможно понять, не зная логики, геометрии, астрономии, музыки. Для мудрого человека нет ничего ужаснее, чем понапрасну потраченное время. Даже здесь я могу заняться чем-то более полезным.

– Я неплохо сведущ в науках. Я общался с пифагорейцами и в целом владею основами математики. Немного играю на музыкальных инструментах. Кроме того, я читал некоторые из ваших работ.

– И что же ты из них усвоил?

– Я знаю, что первые из них полностью посвящены наследию вашего учителя, Сократа, и описывали его удивительную жизнь и талант. Но с каждой новой работой вы все больше излагали свои собственные идеи, которых не было у Сократа. Меня особенно заинтересовал мир эйдосов – идей. Кажется, такой мир прежде еще никто не описывал. Как следует его понимать?

– Да, я вижу, ты и в самом деле что-то читал, твои речи

звучат разумно. Но прежде чем говорить о мире идей, представь себе некую метафору. Ее особенно любят мои ученики.

Я догадывался, о какой метафоре идет речь (ибо она не менее известна, чем теорема Пифагора), но, естественно, не стал его перебивать.

– Представь себе группу несчастных людей, с рождения живущих в пещере, и закованных еще хуже, чем я сейчас. Представь, что их спины всегда обращены к выходу, и единственное, что они видят в течение всей жизни – это задняя стена пещеры. Где-то далеко, на воле, мимо пещеры проходят люди, животные, проезжают повозки разной формы. Но все, что видят узники пещеры – это смутные, размытые, неясные тени на ее стене. Они слышат звуки, сливающиеся в однородный шум, тоже нечеткие. Они общаются друг с другом, за много лет они научились отличать одни тени от других. И именно тени им представляются реальным миром со всем многообразием его сущностей. Далее вообрази, что одного из таких узников вдруг освободили, и впервые в жизни он вышел из пещеры. Что с ним произойдет? Вначале он, безусловно, на какое-то время ослепнет от яркого непривычного света. Затем, если ему хватит воли, он начнет привыкать к солнцу и с крайним удивлением обнаружит, что мир – это совсем не то, что он себе всегда представлял. Что он бесконечно ярче и прекраснее. Что в нем есть цвета. Что предметы объемны, имеют форму и постоянно меняются. И вот тебе два вопроса. Захотел бы этот человек возвращаться в пещеру? Очевидно, что нет: всеми фибрами его души он противился бы этому. Но, допустим, что его заставили силой или он проникся жалостью к бывшим товарищам. Что сделали бы они с ним, услышав его рассказ? Полагаю, одно из двух: или объявили бы его сумасшедшим, или из зависти убили бы – как афиняне Сократа. Тебе ясна суть этой аллегории?

– Да, конечно. Эта одна из самых знаменитых аллегорий. Суть ее в том, что мудрец, постигший высокие истины, будет не понят простыми обывателями и скорее всего пострадает от них. Но если он – справедливый и добродетельный человек, он все равно обязан вернуться к узникам и рассказать им об этих прекрасных истинах. Другой, еще более важный смысл аллегории: мы все в некотором смысле живем в такой вот тусклой пещере. Нас окружают вечно меняющиеся, быстро преходящие, малоосмысленные материальные сущности. Что-то вроде блеклых теней на стене пещеры. Но в мире, который мы не видим глазами, а постигаем только разумом и воображением, существуют более высокие, прекрасные, сияющие сущности. Это и есть мир идей.

– Что ж, ты делаешь успехи. Когда я вернусь в Афины, я

согласен принять тебя в ученики. Разумеется, то, о чем мы сейчас говорили – лишь основы моего учения.

Анникерид повернулся ко мне, широко улыбаясь, словно говоря «Счастливец! Великий Платон готов взять тебя в ученики. Благодари же его!». Но я не отреагировал, стремясь продолжить разговор.

– Скажи же, мыслитель. А кто сейчас сидит прямо передо мной? Великий философ Платон или идея о философе Платоне? А если и то, и другое одновременно, то почему бы нам не провести опыт? Давай сейчас выбросим все наше серебро за борт. Пусть идея Платона вернется в Афины и снова будет преподавать мудрость, а человека Платона тем временем продадут в рабство, и он сгниет заживо за пару лет, крутя, как мул, жернова мельницы или работая сутками на руднике?

Вероятно, если бы дело происходило много позже, в платоновской Академии, философ ударил бы меня небольшим хлыстом: уж очень ему набил оскомину такой или похожий контрдовод, слышанный им сотни раз. Но сейчас он лишь раздраженно покачал головой.

– Пока человек жив, он и идея о нем неразделимы. И все же, – и это главное, чем мы отличаемся от неразумных животных, – уже при жизни, благодаря разуму нашей души, мы можем хотя бы ненадолго увидеть, распознать сокрытый мир идей, прикоснуться к нему.

– Пожалуйста, философ, приведи пример такой прекрасной идеи!

– Возьми любую вещь на свете. Например, этот корабль. Когда ты вчера узнал о том, что меня выдворят с Сицилии на корабле, точно ли ты себе представлял именно это судно?

– Конечно, нет.

– Но ведь в целом ты понимал, что имеется ввиду под кораблем, для чего он нужен, как выглядит?

– Безусловно, понимал.

– Иными словами, в твоем уме всегда существовала идея о корабле. И даже в раннем детстве, еще ни разу не видя кораблей, когда взрослые говорили о них, ты хотя бы в общем их представлял. Вот другой пример. Когда лекарь говорит о болезни, имеет ли он в виду недуг конкретного человека?

– Полагаю, что нет. Описание болезни есть обобщение ее наиболее характерных признаков.

– Именно. Давай же отвлечемся от частностей и рассмотрим вещи более возвышенные. Что такое Эллада? Ведь такого единого государства никогда не было. Греки расселились по миру, как лягушки по берегам пруда. Основали сотни независимых полисов,

каждый со своими законами. Как же мы можем определить нечто как «эллинское»? Допустим, эллинское – это все, что связано с греческой культурой. Например, язык. Но существуют разные диалекты греческого. Далее, темнокожий раб, привезенный в Афины ребенком, и говорящий на греческом как на родном – разве он эллин? А чистокровный афинянин, заброшенный на чужбину и забывший язык (или, например, немой) – варвар? Понятно, что нет. Как ни старайся, не дашь точного определения понятию «эллинский». А между тем, мы все так или иначе понимаем, о чем идет речь. Потому что осознаем идею об Элладе.

Я слушал великого эллина и думал о том, как много споров, суждений, аналогий будет рождать учение Платона об идеях вплоть до сегодняшнего дня. С одной стороны, оно слишком умозрительно. Как потрогать, попробовать на вкус, провести химический анализ идеи, которой физически вроде бы не существует? С другой – это поразительный и во многом точный взгляд на мир. Платон говорит, что предмет – преходящ, идея – вечна. Возьмем собаку. Она реальна, а идея о ней не может ни кусаться, ни лаять. Но пройдет несколько лет, эта собака умрет, родится другая. Почему она будет почти такой же? Потому что во всех собаках есть генетический код. Но, расшифровав код зародыша, точно ли мы будем знать, какая из него получится собака? Нет, лишь приблизительно. Потому что ДНК – это не то же, что компьютерная программа. Скорее, это нечто вроде идеи о собаке.

Другой пример. Допустим, я работаю в Apple. Что такое эта компания? Юридическое лицо? Но ведь оно может перерегистрироваться в любой день. Детище Стива Джобса? Но он уже умер. Компания, которая производит смартфоны с логотипом яблока? Их делают на фабриках в далеком Китае. Сообщество творческих людей в головном офисе в Кремниевой Долине? Но сотрудники корпорации ежедневно приходят на свои рабочие места и покидают их. А еще они все недавно переехали в новый офис. Так что же, в конце концов, есть компания Apple, если не платоновская идея о ней?

Я отвлекся от мыслей и спросил философа, который в эту паузу отпил воды из амфоры:

– Как же в таком случае строится наш мир?

– Он состоит из трех уровней. Первый, низший уровень – это материальные предметы. Те самые тени из пещеры. Их во Вселенной больше всего: ведь одна идея воплощается во множестве объектов, но никогда не бывает наоборот – чтобы один материальный предмет относился к нескольким идеям. Первый уровень мира мы постигаем как животные – одними лишь

органами чувств: зрением, обонянием, слухом. Второй уровень – начало мира идей. Здесь пребывают идеи, прямо связанные с предметами. Представления о них живут в человеческом разуме, и для их постижения достаточно простой логики и воображения, они не требуют большой работы. Третий, высший уровень Вселенной имеет совершенную, божественную природу. Это изначальная суть идей, возникшая в момент их рождения, определенная Творцом. Только великие философы и истинные мыслители могут своим разумом пусть ненамного, но проникнуть в него.

– И только такие, сверхразумные люди достойны быть во главе государства?

– Совершенно правильно. Все беды этого мира – в том, что обществом и государствами управляют люди, которые не способны на это.

– Что же тогда представляет собой идеальное государство?

– Из трех уровней состоит не только наша Вселенная. Из них также состоит душа каждого человека, и, соответственно, на них же должно быть разделено гармоничное, правильное общество.

– Как это можно осуществить в реальной жизни?

– Государства, которые существуют сейчас, обычно раз за разом проходят один и тот же цикл, а затем возвращаются в исходную точку, не обнаружив при этом никакого прогресса. Они начинают как аристократия, которую я считаю относительно справедливой формой правления. Но затем они вырождаются в олигархию – власть узкой группы людей, замешанную на личных связях и деньгах. Народ начинает бедствовать, восстает, и так возникает демократия. Но она лишь кажется справедливой. Суд в Афинах над Сократом прошел при полном согласии большинства. Демократия похожа на базар, где мелькает великое множество разных цветов, но наверх поднимаются посредственности. Народ устает от демократии и голосует за единственного правителя, который поначалу еще притворяется мудрым, добрым и справедливым, но вскоре обнаруживает свою тираническую сущность. После смерти тирана или заговора против него власть вновь становится аристократической, и весь цикл повторяется с начала.

– Не могу согласиться с твоими взглядами на демократию. Но предположим, что ты прав, и демократия не идеальна. Что же тогда представляет собой подлинно идеальное государство?

– Я уже упоминал, что душа человека тоже состоит из трех уровней. Низший (назовем это желудком души) стремится к чувственным удовольствиям – к еде, деньгам, телесным наслаждениям. Эти ценности являются главными для

ремесленников и землепашцев. Они должны образовать первый слой общества – «железный», их можно назвать производителями. Второй уровень души человека подобен сердцу. Для тех, кто поднялся над низменным, смыслом становится служение обществу. Они следят за порядком в государстве и защищают его от внешних врагов, и это серебряный слой общества. Наконец, третий уровень – это разум. Люди, достигшие высшей мудрости и полностью отринувшие все земное и суетное. Таких людей никогда не бывает много, но именно они есть «золото» народа, и им надлежит быть правителями идеального государства. Заметь: когда я делю общество на три уровня, я не имею в виду, что представители более высокого сословия получают больше благ или зарабатывают больше денег, чем представители низкого. Все люди, независимо от уровня, должны жить в примерно одинаковом, среднем достатке: так им не придется ни испытывать страдания от нехватки чего-либо, ни подвергнуться искушениям чрезмерного богатства, которое приводит к утрате интереса к своему делу.

Наконец, основа идеального государства – это совершенно иной подход к воспитанию детей. Беда нашего общества в том, что дети растут в неравных условиях: дети богачей, имея все, вырождаются духовно, а дети бедняков не получают хорошего образования. В моем идеальном государстве детей будут забирать у их родителей сразу после рождения. Никто, даже правители, не будут знать, кто чей ребенок. Детей будут растить всех вместе «стражники» под присмотром философов. До некоторого возраста за ними будут внимательно наблюдать. Затем детей разделят сообразно их талантам: наиболее умные станут философами и будущими правителями; ловких и смелых будут воспитывать стражниками, детей со способностями к ремеслам – производителями. Население государства не должно расти, дабы не истощались его ресурсы, а ведь детей обычно рождается больше, чем умирает стариков. Поэтому детей самых бездарных и не способных ни к чему следует во сне относить в пещеру и там безболезненно, втайне от общества, умерщвлять. Поскольку никто не знает, кто чей родитель и где чье дитя, сделать это стражникам будет нетрудно. Что касается браков, то я полагаю, что они должны заключаться только внутри сословий. Самые достойные люди – умные талантливые мужчины солидного возраста и молодые красивые здоровые девушки – должны сочетаться браком по своей воле и быть образцом семьи. Государству следует заботиться, чтобы от таких пар рождалось как можно больше детей. Посредственным гражданам можно жениться только вслепую, по жребию: государству не нужно,

чтобы у них было слишком много детей.

– Платон, все вроде бы кажется логичным. Но будут ли счастливы граждане такого государства?

– Счастье отдельного человека – ничто по сравнению с благом всего общества. В индивидуальном счастье людей для хорошей организации государства нет особой потребности.

– Однажды в далеких лесах северной Европы жил один тиран, который называл себя фюрером и излагал идеи об идеальном обществе, в чем-то схожие с твоими. Но даже он не догадался тайно убивать не самых перспективных детей. В этом ты его, пожалуй, превосходишь.

– Не знаю, о чем ты говоришь. Однако скоро стемнеет, ветер крепчает и становится холоднее. Пожалуй, нам пора готовиться ко сну.

Анникерид принес нам всем троим что-то вроде тонких одеял из овечьей шерсти. Когда совсем стемнело и стали видны яркие южные звезды, мы втроем легли, укутавшись в них, прямо на палубе. Гребцы также получили команду поднять весла, опустить парус и готовиться ко сну. В те времена суда, шедшие вдоль берега, пришвартовывались на ночь к пристани, а на тех, что оставались в открытом море, простые моряки спали прямо на палубе, вперемешку, не раздеваясь.

Не прошло и получаса, как на корабле уже уснули все, не считая дозорных. Один я без устали раздумывал о разговоре с Платоном. Он был глубоко образован, а его учение об идеях и аллегория пещеры были гипнотически яркими – хоть и спорными, но в своем роде гениальными. Сама личность Платона, его взгляд, и даже то, как он говорил, производили сильное, убедительное впечатление. В своих более поздних работах он даже пришел к пониманию, что материальный мир состоит не просто из микрочастиц, атомов, как утверждал еще до него Демокрит. Платон связал атомы по несколько штук в правильные объемные структуры, которые и определяют свойства веществ, дав тем самым почти точное описание молекул.

Но вместе с этим его рассуждения об идеальном государстве, как мне показалось, граничили с безумием. Как гений и сумасшествие могут столь органично уживаться, буквально перетекать из одного в другое? Или это все-таки не сумасшествие? Может быть, я зря понял все так буквально? Идея заставлять людей заниматься тем, к чему они объективно наиболее способны, а не тем, что модно и престижно, как принято в наши дни, возможно, не лишена здравого зерна: взять хотя бы то, сколько людей, погнавшись за деньгами, начинают ненавидеть свою работу. Или евгеника – отбор «лучших» генов. Конечно,

убийство «неправильных» детей – абсурд. Но разве вся система нашего общества не заточена на то, чтобы делать немногих «звездами», а остальных, менее талантливых, неудачниками? А увеличение рождаемости в «качественных» парах? В процветающем государстве Сингапур существует щедрая финансовая поддержка детей в семьях с высоким уровнем образования родителей, а бедных иммигрантов, наоборот, там всячески стимулируют не заводить детей вообще. При этом они считают это не евгеникой, а прогрессивным социальным подходом.

Не уверен, что даже после обстоятельной беседы я сумел по-настоящему понять Платона. Но меня утешало то, что его, похоже, никто в истории так до конца и не понял. И именно в этом секрет вечного, неугасающего интереса к его трудам.

Я проснулся утром под крики чаек, которые целой стаей вились над кораблем. В полдень мы причалили к берегу острова Мальта: он лежал в стороне от нашего маршрута, но мы зашли сюда, чтобы продать на большом местном рынке часть товаров.

На Мальте я сошел с корабля, тепло попрощавшись с Анникеридом. Платону капитан приказал на время стоянки спуститься в трюм к другим рабам, чтобы не вызывать ни у кого ненужных вопросов.

Я знал, что все закончилось хорошо. По прибытии на Эгину Анникериду удалось выкупить Платона из рабства, и они вместе вернулись в Афины. Там Платон основал новую школу, гораздо масштабнее предыдущей, назвав ее Академией (в честь героя мифов Академа). Академия Платона стала первым в истории полноценным университетом, в котором лучшие преподаватели обучали основам всех известных в ту эпоху наук самых талантливых студентов, самым знаменитым из которых стал Аристотель. Академия продолжала работать еще несколько столетий после его смерти. Платон же прожил до восьмидесяти лет, был богат, уважаем, написал много работ. Еще дважды (как ни странно!) он ездил в Сиракузы по приглашениям новых правителей города; оба раза покинул их, снова не снискав расположения – но, к счастью, хотя бы не в кандалах. В преклонном возрасте Платон не был счастлив: страдал депрессиями; полагал, что работы его так и остались не поняты никем, кроме узкой прослойки учеников-интеллектуалов.

Он не знал, что время его идей тогда еще просто не пришло.

Платон – это исходная точка, начало как древней, так и современной философии. Если бы Платона не существовало, вся мировая мысль пошла бы в каком-то ином направлении. Почти все видные мыслители следующих двух тысячелетий упоминали

Платона: одни горячо спорили с ним, другие всемерно им восхищались.

Но мимо работ Платона до сегодняшнего дня не прошел, пожалуй, ни один философ в истории. Некоторые из них говорили, что вся последующая история европейской мысли – это лишь «заметки на полях платоновских диалогов».

Глава 8
Наука начинается здесь (Аристотель)

Место: Пелла, Македония (современная северная Греция, город Пела)

Время: 342 год до нашей эры

По сравнению с прекрасными Афинами с их блистательной архитектурой, это место казалось далеким от цивилизации. Здешние города напоминали деревни или, в лучшем случае, поселки. Правда, природа была намного богаче, чем на каменистом юге Греции: ярко-зеленые, почти изумрудные холмы, тенистые рощи, плодородные поля, пусть и перемежающиеся болотами.

Миновали опустошительные Пелопонесские войны, в результате которых Спарта взяла верх над Афинами. На самом деле в них с треском проиграла обедневшая во всех смыслах вся эллинская цивилизация. В то время Персия могла легко взять у греков реванш за былые поражения, покорив их почти без сопротивления, если бы сама не была раздираема внутренними конфликтами.

И именно тогда на главную сцену Греции вышла сила, которую еще недавно никто не принимал в расчет. Македония, беднейшая северная область Эллады, населенная безграмотными пастухами, чьи эллинские гены наполовину перемешались с фракийскими. Регион, который любая армия прежде проходила без сопротивления, в правление сильного и необузданного царя Филиппа всего за пару десятилетий превратился в мощную державу, легко покорившую соседние страны, и теперь грозившую самим Афинам и Спарте.

В одном местечке на севере Греции, которое позже завоюет царь Филипп, родился мальчик, которому суждено было внести наибольший вклад в развитие науки за всю историю античности. Его отец был прекрасным врачом, отлично образованным и уважаемым: Филипп даже пригласил его стать своим личным лекарем. Аристотель (так звали мальчика) вырос при македонском дворе, но идти по стопам отца, несмотря на отличные способности к медицине, не хотел. В 17 лет он приехал учиться философии в Афины, в Академию Платона, где сперва стал самым ярким выпускником, а потом и знаменитым преподавателем. Поначалу он был предан великому Платону как

духовному отцу, но с годами его взгляды все больше расходились с воззрениями учителя. Аристотель провел в Академии около двадцати лет.

Все изменилось после смерти Платона, когда Аристотелю, самому достойному, не позволили возглавить Академию. Ему ставили в вину частые споры с учителем, хотя истинная причина, скорее всего, крылась в его провинциальном происхождении. Обидевшись на коллег, Аристотель решил покинуть Афины, и тут как нельзя кстати пришлось щедрое приглашение царя Филиппа, наслышанного о мудрости Аристотеля, стать наставником его сына-подростка Александра и других знатных македонских юношей. Аристотель был относительно молод – ему не было и сорока, – он недавно женился и нуждался в средствах. Он принял предложение Филиппа с воодушевлением и к описываемому моменту уже около двух лет успешно служил наставником царевича.

Я прибыл в Македонию накануне встречи с ним, немного заранее, поскольку хотел осмотреть перед закатом Пеллу – древнюю столицу страны, до наших дней не сохранившуюся. Еще издалека город был прекрасно различим: на фоне леса и болот, заросших низким кустарником, возвышался холм с невысокими крепостными стенами, а над ними – большой дворец с широкими мраморными колоннами, пусть и без особенной отделки. Однако по сравнению с Афинами Пелла выглядела скромно: всего несколько тысяч жителей и пара километров в диаметре. Помимо дворца, других величественных зданий или храмов в городе не было. На узких улочках Пеллы стоял резкий запах коровьего навоза и слышался постоянный звон молотов из многочисленных маленьких кузниц и мастерских. Единственное, что меня удивило – необыкновенно искусные мозаики на площадях, собранные из настолько мелких цветных камушков, что они напоминали огромные картины, нарисованные прямо на земле: царь Филипп выписал из Афин ряд известных художников и мастеров мозаики. В остальном Пелла напоминала простой греческий городок своего времени, и совсем не была похожа на столицу будущей великой державы.

Мне требовалось попасть в пригород, расположенный километрах в двадцати от столицы. Здесь Филипп обустроил загородную царскую резиденцию в самом живописном уголке – в окружении изумрудных холмов, вблизи звонкой речушки с небольшим водопадом. Место назвали Садом нимф (из-за множества мраморных скульптур вокруг главной аллеи). Сам царь, проводивший все свое время либо в военных походах, либо в пьяных пирах во дворце, здесь почти не бывал, но зато в Саду

почти постоянно жил его одаренный наследник в окружении своих близких друзей, учителей и тренеров по физической и воинской подготовке.

Я добрался туда на следующее утро, переночевав в пути прямо в повозке с сеном под яркими звездами. Утром охрана (весьма многочисленная и бдительная, неусыпно охранявшая царевича в эти неспокойные времена) после долгих расспросов наконец пропустила меня. Я представился философом, преподавателем афинской школы, объяснив, что меня прислал Спевсипп – известный тогда философ, новый глава афинской Академии, с которым у Аристотеля не сложились отношения, – чтобы передать Аристотелю наилучшие пожелания и подарок – подборку папирусов и глиняных табличек с научными трудами преподавателей академии за последние два года. Мой тюк с «книгами», каждая из которых стоила немалых денег, а вместе они тянули на целое состояние, убедил охрану в моей правдивости и серьезности, и меня пропустили, предупредив, чтобы я никого не отвлекал до окончания занятий.

Первые часы, примерно до обеда, Аристотель что-то обстоятельно рассказывал подросткам, водя длинной палкой по большой мозаике на земле, изображавшей карту известного эллинам древнего мира, оканчивавшегося Персией на востоке и Египтом на юге. Очевидно, это был урок географии, возможно, с элементами страноведения. Парни-непоседы часто отвлекались, задирая друг друга, но также и задавали немало вопросов по теме занятия. После полудня начался индивидуальный урок наставника с Александром. Судя по серьезным лицам, казалось, речь теперь шла о философии или этике. Вначале они сидели на скамьях внутри небольшого грота, обустроенного для лекций, затем вышли и стали прогуливаться по аллеям. Я тихо последовал за ними, чтобы расслышать их беседу. К счастью, Александр говорил эмоционально и громко:

– Доблесть заключается в победах! Аристотель, я так боюсь, что мой отец завоюет все страны еще до того, как я повзрослею и возглавлю войско! Как же я тогда смогу доказать всем мою отвагу?

– Доблесть благородного правителя заключается не в том, чтобы подчинить себе другие народы. По-настоящему велик тот царь, который сделает лучше жизнь людей покорившихся ему стран. Принесет им яркий свет добродетели и знаний, просвещения.

– Возможно ли принести варварам просвещение? Все знают, что они понимают только принуждение и власть грубой силы!

– Так сделай же так, Александр, чтобы они перестали быть

варварами. Измени их жестокие обычаи, вроде человеческих жертвоприношений. Учреди эллинские академии, пришли туда талантливых философов и деятелей искусств. Преврати их в эллинов – если не по крови, то хотя бы по образу жизни и исповедуемым ими ценностям.

– Я не знаю, Аристотель, прав ли ты. Мне вообще многое из того, что ты говоришь, сначала кажется странным. Но потом, когда ты все терпеливо объясняешь, я понимаю, что ты, образованнейший из людей, всегда оказываешься прав. Но время наших уроков на сегодня истекло. Мне надо заниматься гимнастикой и воинскими упражнениями. Я попрошу отца, чтобы он как можно щедрее вознаградил тебя. Ты же помнишь, что отец, по твоей личной просьбе, восстановил твой родной город, разрушенный в ходе войны? Теперь он даже лучше прежнего. Спасибо, учитель, мне пора!

Александр что-то весело прокричал своим приятелям. Среди них был Птолемей, сын македонского чиновника, его товарищ по юношеским забавам. Они вместе пройдут все походы, а после смерти Великого Птолемей станет основателем последней египетской династии фараонов. Но пока мальчики об этом и не подозревали. Бравируя перед приятелями, Александр, в его 14 с небольшим – уже красивый, отлично сложенный и очень ловкий юноша с русыми волосами, точеным греческим профилем лица с длинным носом и выразительными глазами, – взобрался на своего огромного коня, которого недавно мастерски приручил. Этого черного с небольшим белым пятном между глаз жеребца звали Буцефал. У него была большая голова и очень мощные, мускулистые ноги. Ударив пятками, Александр с места пустил его в галоп, ловко удерживаясь в седле. Его друзья побежали вслед за заводилой в сторону зеленых холмов с криками восторга.

Все это время Александр не обращал на меня никакого внимания, и от этого мне почему-то стало несколько обидно. Но я напомнил себе, что пришел встретиться не с ним, а с его наставником.

Внешне Аристотель был совсем не похож на могучих атлетов Пифагора и Платона. В наше время его назвали бы типичным университетским интеллигентом. Среднего роста, субтильного сложения, с тонкими руками и ногами, короткой рыжеватой бородкой, русыми и местами редкими волосами. Было заметно по всему, что он тщательно ухаживает за своей внешностью и в одежде аккуратен до педантичности. У него был высокий, чуть резковатый голос, а когда он смотрел вдаль, то часто щурился. Видимо, от постоянного чтения и письма Аристотель был немного близорук и в наше время наверняка носил бы стильные очки в

тонкой оправе.

Ко мне Философ (именно так, с большой буквы и даже без упоминания имени его называли спустя тысячу лет в средневековых манускриптах) поначалу отнесся с большим недоверием. Заметив мой не афинский акцент, удивился, что в Академии так быстро появились новые преподаватели, а мои слова о том, что Спевсипп решил с ним помириться, и вовсе назвал полным вздором. Мне пришлось на ходу сочинять новую легенду о себе. Но в конце концов, мой массивный тюк манускриптов из Афин и хорошее знание основ эллинской философии заставили ученого поверить мне. Погода была замечательной: сухой, солнечной, не жаркой. Аристотель предложил мне часок-другой прогуляться по аллеям и поговорить. Меня это не удивило, поскольку в Афинах он часто читал лекции, прогуливаясь по парку с учениками. Порой это служило поводом для шуток, так как тем приходилось наспех, урывками конспектировать изложенное прямо на ходу.

– Философ, вы когда-нибудь говорили: «Платон мне друг, но истина дороже»? Я не раз слышал эти слова. Они стали поговоркой, и людская молва разнесла их далеко за пределы Афин.

– Ну что вы. Лучше бы они читали мои работы, чем сочиняли небылицы. Платон был для меня гораздо больше, чем просто другом – он вдохновлял меня, и я буду вечно ему благодарен. Но мне, конечно, есть в чем себя упрекнуть. Я был молод, горяч, и при всей моей любви к нему постоянно спорил, так как действительно во многом не мог и до сих пор не могу согласиться с его взглядами. Однажды, уже в почтенном возрасте, он надолго слег с сердечной болезнью после одного такого спора. Я был крайне опечален этим, и без конца корил себя за бестактность. Платон принял мое раскаяние, пошел на поправку и вновь стал читать лекции. Но вскоре все же покинул этот мир. Так или иначе, он прожил очень долгую и, главное, исключительно насыщенную жизнь. Я не уверен, что мне Творец подарит столько же лет.

– А в чем был корень ваших разногласий?

– Попробую ответить кратко: практически во всем.

– Почему же вы и сейчас называете себя его верным учеником?

– Платон научил меня главному – искусству размышления и обобщения. Он лучше всех когда-либо живших умел различать общее в частностях, всегда искал не саму вещь, а причину всякой вещи. И еще он был невероятно талантлив как писатель, что многие недооценивают. Когда он читал вслух свои работы, я

забывал обо всем – настолько они были прекрасны. Его диалоги – великолепное произведение искусства, не уступающее по глубине смысла и изяществу слога самому Гомеру.

– А что стало корнем различий между вашими идеями?

– Взгляд на саму первичную природу вещей. И, конечно, метод исследования.

– Расскажете подробнее?

– У меня не так много времени, поэтому коснусь лишь основ. Платон считал, что мы, люди, живем в пещере, и в нашей жизни видим лишь блеклые отблески мира прекрасных идей. Я же уверен, что это не так. Мы каждую секунду находимся в удивительном мире. В любой, даже самой ничтожной материальной вещи заложена своя, присущая только этой вещи идея. Разумеется, есть и общие качества вещей. Суть научного метода в том, чтобы внимательно, терпеливо, последовательно изучать все качества отдельных вещей, и лишь затем делать обобщения и строить на этом теории. Мы, исследователи, подобны врачам. Врач ничто не может принять на веру просто так, без доказательства – иначе он убьет пациента. Платон следует в своих размышлениях от общего – идеи – к частному. Я же считаю правильным, напротив, идти от частного к общему.

В этот момент мы подошли к небольшому водопаду, тонкими струйками стекавшему по зеленому, буйно заросшему растениями склону холма.

– Платон сказал бы, что этот водопад суть отражение идеи вечно движущейся воды, одной из стихий нашего мира. Я же задаю себе иные вопросы. Почему струи стекают вниз, и именно так, как мы это наблюдаем? Не оттого ли, что Земля – это центр мира и потому притягивает к себе все предметы? Из-за чего поверхность струек отражает солнечный свет? Едва различимые взором насекомые, которые плещутся в воде – что это вообще за существа? Они зародились в грязи сами по себе или размножаются тем же способом, что и животные или люди? И есть ли у них душа? А вот эти мокрые растения, свисающие с уступов камня – они живые или нет? Видите, сколько вокруг нас простейших вопросов, на которые, однако, ни Платон, ни я, да и никто на свете не даст точных ответов. Я испытываю наслаждение, изучая самые простые, материальные вещи, на которые Платон и его ученики смотрели свысока. И чувствую досаду, понимая, что мне жизни не хватит, чтобы постичь все тайны природы.

– Удалось ли вам открыть что-то, о чем было неизвестно до вас?

– Помимо частностей, я сформулировал множество базовых

принципов. Например, всякая вещь в мире имеет в себе четыре причины. Материю, форму, источник и цель. Только точно определив все эти четыре начала вещи, мы можем судить о ней. Например, амфора. Материя – глина или бронза; форма – полый сосуд, источник – гончар, цель – хранить в себе жидкости для утоления человеком жажды и, возможно, радовать глаз, если она искусно обожжена и расписана. Или взять дом. Материя – камень, форма – проект архитектора, источник – строитель, цель – укрыть человека от зноя, холода или дождя и дать ему возможность без помех размышлять о философии.

– Кажется, я понимаю логику. Но что если взять человека?

– Это интересный пример. Форма человека – это, конечно, его душа и характер. Материя – тело; источник – его родители. Но что же мы можем сказать о цели человека, или о его финальной причине, как мне больше нравится говорить?

– Например, прожить достойную жизнь?

– Это, безусловно, необходимо. Но само по себе недостаточно. Цель существования человека – это постоянное самосовершенствование его нравственности и интеллекта, естественным образом вытекающее из его бесконечной любви к Богу и стремления его души к божественной благодати.

– А что для вас в таком случае Бог?

– Бог есть первоначало, сотворившее Вселенную. Он существует сам по себе, вне пространства и времени. Он был всегда и будет всегда. Доказать его существование – это самая простая задача. Как известно, в мире нет движения без источника движения. Предмет начинает двигаться, только если приложить к нему усилие. Ведь в этом у вас нет сомнений?

– Разумеется, это один из законов физики.

– Тогда ответьте, пожалуйста. Кто, если не Бог мог сдвинуть с места самую первую вещь в истории, если до этого никакого движения и энергии во Вселенной не существовало?

– На этот счет есть разные мнения, однако строго логически вы правы. Но есть ли Богу дело до нас?

– Разумеется, нет. Он создал мир и пребывает в блаженных возвышенных сферах. Суть заключается не в том, нужны ли мы Ему. А в том, что это мы не можем обойтись без Него как высшего источника Блага и цели всей нашей жизни.

– То есть душа человека стремится к воссоединению с Творцом?

– Да, но стремиться – не значит достичь. Я полагаю, что наша душа, хоть она и существует как бестелесная сущность, – тут я с Платоном согласен, – неотделима от тела и, увы, умирает вместе с ним.

– Вернемся к вашим исследованиям. Какие области науки вас интересуют?

– Абсолютно все ее, как вы выразились, области. Включая даже те, которые еще не существуют.

Мне показалось, что Аристотелю хотелось, пока еще светло, вернуться в грот, где он был занят какими-то записям в момент моего появления. И заодно – ему наверняка не терпелось поскорее взглянуть на принесенные мною книги. Но, в то же время, он еще не утратил интереса к беседе:

– Сам перечень имеющихся наук требует серьезной классификации, и этим до меня никто не занимался. Я разделил все науки на две части – те, что касаются надлунного и подлунного мира. Подлунный мир – это все, что имеет отношение к окружающей нас природе: физика, арифметика, геометрия, этика, риторика, политика, строительство, военное дело и так далее. Надлунный мир – это сфера высоких, божественных истин. Философия, метафизика, религия. То, что не поддается измерению и наблюдению, но в то же время определяет сами принципы нашего бытия. В свою очередь, науки подлунного мира также делятся на несколько категорий. Лично я, говоря о земных науках, всегда предпочитаю начинать с математики, а конкретнее – с логики, самой ее основы.

– Эллада знает немало выдающихся математиков. Тот же Пифагор…

– Да, и далеко не только он. Однако математики, выводя доказательства, не исследовали правила таких доказательств. Я же вывел три закона математической и всякой иной логики. Закон тождества – все элементы исследования должны быть определены и разграничены друг от друга; закон противоречия – два противоречивых утверждения не могут быть одновременно истинными; и закон исключения – нечто либо истинно, либо нет; вариант «и да, и нет» исключен.

Я знал, что на этих трех законах логики, как и на пяти постулатах жившего позднее Евклида, построена вся математика. Что до философии Аристотеля – смеси материализма (природа сама есть основа себя, идеи вторичны) и теологии (вера в Творца и душу человека), то особенно интересной мне показалось доказательство бытия Бога как единственно возможного первоисточника энергии. Говоря современными терминами, Бог по Аристотелю был необходим для Большого взрыва.

– Вы упомянули этику среди главных земных наук. В чем, по-вашему, она состоит?

– Главное правило этики – во всем придерживаться золотой середины. Исследуя любое проявление характера и поведения

человека, мы всегда обнаруживаем две крайности, которых нам следует избегать. Например, крайности благородного мужества – это или его недостаток, трусость, или избыток – безрассудство. Возьмем другую добродетель, щедрость. Ее недостаток – это скупость, избыток – мотовство. Ни то, ни другое не красит человека. Недостаток остроумия делает человека занудой, тогда как избыток превращает в шута. Можно рассмотреть любое человеческое качество (основных я выделил десять, но на деле их гораздо больше), и мы в каждом случае обнаружим, что идеал – это точное следование золотой середине.

– Ранее, у водопада, вы упомянули, что вас интересует мир животных и растений.

– Да, эта тема действительно страстно увлекает меня. Прямо сейчас я собираю данные для книги, в которой собираюсь описать пятьсот самых известных животных – от крупных, таких как медведи, до самых маленьких и неприметных, вроде червей. Тем животным, у которых еще нет общепринятых названий, я дам их. Я собираюсь представить весь огромный животный мир в виде логической таблицы, построенной на основании общих признаков. Потом я планирую написать столь же детальную работу обо всех известных мне растениях. Всю природу я разделяю на растительный мир (растения питаются, но не могут двигаться и чувствовать), животных (питаются, двигаются, чувствуют, но не способны размышлять) и людей, которым присущи все перечисленные способности.

– Кстати, о людях и их взаимоотношениях. Что вы думаете об «идеальном государстве» Платона?

– Именно в нем и состояли самые непримиримые противоречия. Я не раз старался объяснить ему, доказывая на примерах соседних государств, что его видение политики слишком далеко уходит от реальности. Платон считал, что для всеобщего блага имущество граждан должно быть обобществлено, чтобы никто не жил ни в излишней роскоши, ни в отчаянной нужде. Я много раз возражал, что «общая собственность» превратит людей в безразличных животных. Частная собственность, при условии неукоснительного соблюдения законов, – основа стабильности любого общества. Первая задача государства – обеспечить ее неприкосновенность. Люди гораздо больше заботятся о том, что им принадлежит, чем о каком-то «общем» имуществе. Принудительное изъятие богатств – это путь ко всеобщему безразличию к результатам труда, а затем и к повальному обнищанию всех без исключения граждан. Далее, мне совершенно претит идея, что счастье людей вторично по сравнению с благополучием всего государства. В моем идеальном

государстве счастье каждого отдельного гражданина – это и есть главная цель, смысл самого его существования. Унификация всего и вся в государстве напоминает мне попытку свести сложную красивую мелодию к одной-единственной повторяющейся ноте, что лишит ее всякого смысла.

– Какая форма правления вам кажется наиболее справедливой?

– Я разделяю не формы правления, а стоящие за ними принципы. Существует монархия – хорошее правление одного человека во имя общества, и тирания – вроде бы то же самое, но правитель все делает ради своего блага; аристократия и олигархия, полития – справедливая демократия – и ущербная демократия разношерстной толпы. Важна не форма правления, а его суть, содержание.

– И все же, идеальное государство может быть только эллинским?

– Да, я полагаю, что так. Все остальные народы пока не достигли нашего уровня. Мы, эллины, несем миру свет культуры и науки. Постепенно мы должны просвещать другие народы. Но в ближайшие годы в идеальном государстве варвары могут только служить нам рабами, в этом их предназначение.

– Спасибо, Философ, что уделили мне столько времени и подробно все разъяснили. Я не понимаю лишь одного: как вам на все хватает времени.

– Полагаю, вы сильно удивитесь, узнав, что я рассказал вам далеко не обо всех своих занятиях. В частности, меня очень интересует искусство. Я знаю наизусть трагедии Еврипида и поэмы Гомера, на память могу процитировать любой отрывок. Следуя заветам отца, увлекаюсь медициной, знаю множество лечебных растений, умею оказывать помощь при травмах – и, кстати, подробно посвятил в эти науки Александра, так как они пригодятся ему в будущем в военных походах. Я отлично знаком с культурой соседних стран. Изучаю законы движения небесных тел. Мне известны пять планет, которые, как и Солнце, вращаются вокруг нашей Земли, и тоже имеют шарообразную форму. Я исследую, как устроена человеческая память, почему мы видим сны, как работают человеческие органы чувств, особенно слух и зрение. Написал трактат об атмосферных явлениях – о том, как формируется погода. И совсем уж на досуге, я пишу стихи и сочиняю музыку.

Аристотель посмотрел на небо, на котором под вечер стали собираться тяжелые грозовые облака.

– Простите меня. Уделять так много времени одному собеседнику, если это не Александр, для меня непозволительная

роскошь. До отхода ко сну мне надо закончить одну из работ. Благодарю за книги. И я, разумеется, понимаю, что к афинской Академии вы не имеете ни малейшего отношения. Но я не стану проявлять бестактность и расспрашивать, откуда вы. Всего наилучшего.

Мы как раз вернулись к гроту. С неба начали срываться первые крупные капли дождя. Аристотель повернулся и, как ни в чем не бывало, скрылся в этой небольшой уютной пещере с множеством папирусов. Я пошел прочь, чтобы не отвлекать его от работы.

По дороге я думал о том, что все время беседы у меня было странное, необъяснимое, но весьма стойкое ощущение, что я общаюсь не с мыслителем далекой Античности, а с практически современным мне человеком, или как минимум с профессором XIX века. Я был переполнен восхищением, хотя и с оттенком грусти, зная о его скорее нерадостном, чем счастливом будущем.

О невероятных подвигах Александра Македонского, покорившего почти весь известный эллинам мир, вряд ли что-то еще стоит рассказывать. Аристотель же, закончив обучение Александра, решил вернуться в Афины. Там он основал свою собственную школу науки и философии, которую назвал Лицеем, и она не уступала славой платоновской Академии. Он преподавал в Лицее 17 лет, написав за это время более сотни научных трудов. Всего треть из них сохранилась, но даже и этого хватило, чтобы совершить революцию в античной науке, хотя и не сразу оцененную.

Когда Аристотелю исполнилось шестьдесят, в далеком Вавилоне скончался Александр, с которым он все эти годы состоял в переписке. Сразу после этого в Афинах вспыхнуло антимакедонское восстание. Аристотель, воспитавший Александра, был объявлен врагом. Его, в точности как Сократа, обвинили в растлении молодежи и непочтении к греческим богам. Аристотель сказал, что не позволит афинянам еще раз принять на себя грех убийства невинного философа, и покинул город, вернувшись на склоне лет в свой родной городок в глуши Македонии. Менее чем через год он скончался от болезни желудка, которая обострилась из-за нервных переживаний. В чем-то его судьба подтвердила правоту Сократа, отказавшегося бежать из Афин от смертного приговора.

Следующие поколения греческих философов были хорошо знакомы с работами Аристотеля, но все же зачастую были склонны критиковать их. В Древнем Риме Аристотеля признали самым выдающимся древнегреческим автором. Но настоящий пик популярности его работ пришелся на Средние века, когда

схоласты признали его единственным «достойным» дохристианским мыслителем.

Даже великий математик Пифагор во многом был мистиком, хотя и совершил ряд естественнонаучных открытий.

Аристотель был первым, кто предложил заняться тем, что мы понимаем под наукой сегодня.

Глава 9
Все оттенки удовольствия (Эпикур)

Место: Афины, Греция
Время: 293 год до нашей эры

Я вернулся в Афины спустя столетие после гибели Сократа. Главный город эллинской цивилизации, место высшего пика ее культуры, архитектурно, несмотря на череду бурных событий и смен власти, с тех пор изменился незначительно. Блистательный Парфенон по-прежнему возвышался на холме, приковывая к себе восхищенные взгляды. К немалому количеству старых храмов греческих богов прибавилось множество новых, по стилю весьма похожих.

Но в остальном Афины преобразились. На центральных улицах теперь толпилось вдвое или втрое больше людей, чем во времена Сократа. И они не были похожи на неспешно прогуливавшихся аристократов: город теперь наполнили торговцы, говорившие на множестве языков, небогатые ремесленники, рабы. Афины сильно разрослись: были обжиты все предместья, покуда хватало взора, темп жизни их граждан также заметно ускорился.

Это была эпоха частой смены правителей. Вот уже несколько десятилетий город находился во власти македонцев. Однако внутри македонского царства после смерти Александра мира не было никогда. Крупнейшие города то и дело оспаривали друг у друга диадохи (полководцы, участвовавшие в походах Александра) и военачальники, остававшиеся дома и управлявшие Грецией, пока Александр был в Азии. Жителям Афин и те, и другие были одинаково неприятны. Пока кланы македонцев у власти менялись, афиняне старались жить, занимаясь своими обычными делами, по возможности – в спокойствии и достатке. Культурная жизнь Афин в то время по своей насыщенности не уступала периоду расцвета города при Перикле.

Завоевание Александром огромной части Азии изменило весь уклад эллинской цивилизации. Перемены произошли не сразу, но они были колоссальны. До Александра жизнь типичного гражданина Афин, Спарты, Коринфа и прочих крупных городов протекала строго в рамках своего полиса. Могли постоянно путешествовать торговцы; покидать свой город жителям иногда приходилось для участия в войне. Но абсолютное большинство граждан Афин в мирное время за всю жизнь могли ни разу ни отдалиться от города более чем на десяток километров. После

Александра такой стиль жизни навсегда канул в лету. Исчезла демократия, полисы потеряли самостоятельность. Множество греков отправились искать лучшей жизни в быстро растущие восточные провинции, простиравшиеся теперь до самой Индии. Особенно активно греческие города возникали в Малой Азии, на побережье современной Турции. Уклад жизни успешного эллина теперь предполагал высокую мобильность, вовлеченность в торговлю, навыки в разных ремеслах, знание языков. Александр навсегда уничтожил эпоху классической Греции. Вскоре и его царство развалится, и Греция на две тысячи лет утратит независимость: будет частью сперва Римской Империи, затем Византии. Правда, на эту утрату свободы и идентичности можно посмотреть иначе. Влияние греческой культуры и языка на Рим будет огромным, а на Византию – и вовсе определяющим. Походы Александра создали не лучший, не худший, а совершенно новый мир, и с этим приходилось считаться всем.

Эти тектонические сдвиги не могли не отразиться на культуре и философии. Возникает много новых сильных философских течений: киники с огромным числом последователей (философы, отрицавшие абсолютно все материальные блага и традиционные ценности, на манер жившего в бочке Диогена), стоики (своей вершины это течение, популярное и сегодня, достигнет в Риме позже, где мы к нему вернемся), многие другие. Главное, что их всех объединяло – акцент на индивидуальности человека. Основным вопросом, волновавшим и мыслителей, и обычных людей в ту эпоху было не нечто отвлеченное, наподобие вопросов о том, кто создал Вселенную. Теперь, когда человек оказался оторван от общины и города, ощущал себя чем-то вроде тонкого стебля на ветру, надо было определить Цель – зачем он живет на свете – и Средство – каким образом ему следует жить и почему. Философы наступившей эпохи в основном исследовали именно эти два вопроса.

Я направлялся в пригород Афин. Когда-то я гулял здесь по пустым улицам, сейчас же мне то и дело приходилось проталкиваться через плотные группы людей. В ближних пригородах по-прежнему процветали и Академия, основанная Платоном, и Лицей учеников и последователей Аристотеля. Мне было бы любопытно заглянуть в обе эти школы, чтобы послушать, о чем их нынешние преподаватели просвещают учеников. Но в этот раз моей целью была другая школа, о которой, пусть она и открылась недавно, по всей Элладе уже ходило множество разных, в том числе довольно нелестных слухов.

Я был развозчиком еды и вина. В моей трехколесной тележке

с длинными деревянными ручками были аккуратно уложены различные деликатесы. Толкать ее перед собой по неровным камням и выбоинам оказалось очень нелегким занятием. Но, к счастью, моя цель находилась недалеко, всего в паре километров – значительно ближе к центру, чем платоновская Академия.

Я вспомнил, что меня, помимо прочего, просили привезти большой кусок хорошего сыра. Разыскать изысканный сыр на рынках Афин было несложно. Древние греки были мастерами сыроварения. Обычно его делали из молока молодых коз, а технология производства не слишком отличалась от современной. Как и в наше время, сыр был белым, с характерным тонким запахом; можно было купить и дорогой твердый сыр, который готовили для перевозки через море, острый, соленый, и особо любимый гурманами десертный сладкий сыр, похожий на творог, смешанный с медом.

Пока я с аппетитом разглядывал всю эту красоту на прилавке, женщина, продававшая сыр, заметила несколько бутылок дорогого изысканного вина в моей тележке, свежую рыбу, обложенную льдом, отборные куски говяжьей вырезки, оливки, всевозможные спелые фрукты.

– Кому вы все это везете? Такие вкусности стоят немалых денег.

– Я направляюсь в Сад, к Эпикуру.

Торговка состроила гримасу, выражавшую если не отвращение, то как минимум неприязнь. По ее лицу казалось, что я произнес вслух нечто совершенно непристойное.

– К Эпикуру? В этот вертеп разврата? Как им только не стыдно жить так, творить такие вещи! Да разразит его Зевс молниями! Вместе со всеми его приспешниками, этим нечестивым сбродом!

– Творить какие вещи? Простите, я в Афинах недавно и ничего плохого об Эпикуре не знаю.

– Да такие вот. Совсем стыда не имеют. Не уважают ни горожан, ни традиции, ни порядки. Презирают богов. Говорят, на своих оргиях эти нечестивцы даже открыто насмехаются над ними! Много сейчас развелось лже-философов и проповедников. Время такое, будь оно неладно. Но те хотя бы просто болтают языком на площадях и в тавернах, одурачивая разных бездельников, и поделом. А этот самый Эпикур явился откуда-то из Самоса. Дыра, наверное, жуткая. И мать его была колдуньей. Он учился в Лицее у Аристотеля, но, когда того выгнали из Афин, забросил учебу. И ладно бы уехал домой или работу какую полезную себе нашел. Но он завел себе учеников и с ними купил кусок хорошей земли с садом – вон там, в той стороне.

Отгородились от людей стенами, назвали себя школой, но не учатся, а без конца развлекаются. Днем громко что-то декламируют. А вечером, когда уже темно, и все порядочные люди ложатся спать – поют, играют, пляшут, хохочут. Приличный народ от этого дурного места шарахается. И ладно бы там у него были только мужчины, это еще куда ни шло. Нет, там живут и девушки, и рабы, и они там все вместе развлекаются! Представляю, какие гадости и непотребства у них творятся. Куда только смотрят власти!

– А вы там сами бывали, видели своими глазами эти непотребства?

– Вот еще. Я достойная женщина, у меня муж, дети. Что обо мне подумают, сунь я к ним нос хотя бы на полчаса?

– А туда посторонних пускают?

– Ну, дверь-то свою они ни днем, ни ночью не запирают. Но люди серьезные стараются обходить этот сад стороной. А вот молодежь – наоборот, постоянно просит этого самого Эпикура, будь он неладен, принять их жить в общину. Говорят, это стоит немалых денег. Вот ваш сыр.

Я взял несколько кусков разных видов, один аппетитнее другого, и, еще более заинтригованный, покатил тележку дальше, в сторону северных городских ворот, рядом с которыми располагался «вертеп разврата».

Я подошел ко входу под каменной аркой. К нему вела длинная аллея, благоухающая распустившимися розовыми, красными и желтыми цветами. Дверь под аркой, украшенная по краям тонкой резьбой, была приоткрыта. На подставке рядом стоял кувшин с водой и лежала хлебная лепешка. Я не удержался, отломил кусочек, и затем отпил из кувшина. Хлеб был простым, из обычной муки, но очень свежим и вкусным. Чистейшая прохладная родниковая вода хорошо освежала.

На двери красовалась табличка с надписью: «Гость, войди! Тебе здесь будет хорошо. Здесь удовольствие – высшее благо».

Зайдя внутрь, я увидел уютный ухоженный парк. Кое-где выделялись небольшие клумбы цветов и декоративных растений, были также и деревья с пышными кронами, в которых виднелись плоды. И все же это был не сад, а скорее, загородный поселок, коммуна, с центральным зданием с широкой верандой и симпатичными деревянными домиками вокруг. Общую площадь «сада», огороженного невысокими каменными стенами (служившими защитой не от воров, а от любопытных глаз) я оценил гектара в два. Время было предвечернее, солнце не палило, а в воздухе после небольшого дождя ощущался чудесный запах свежести, влаги и травы.

Меня заметили почти сразу. Ко мне подошла красивая темноволосая девушка лет двадцати, с цветком в волосах, в легком платье и изящных сандалиях, приветливая и улыбчивая. Она поблагодарила за деликатесы, аккуратно попробовала пальчиком на твердость разные виды сыра и предложила присоединиться к их компании.

На веранде я насчитал человек двенадцать, плюс, как я понял, еще какие-то участники коммуны в данный момент находились по делам в городе. В основном это были молодые люди. Помимо встретившей меня были еще две женщины, возрастом чуть постарше. Они приносили блюда из кухни, расставляя их на ковре с тонкой вышивкой, лежавшем на полу и служившем скатертью. Вокруг были разбросаны подушки, набитые овечьей шерстью, на которых во время еды было удобно сидеть или возлежать, по древнегреческому обычаю.

Никто не спросил меня, кто я и откуда. Даже называть мое имя было, кажется, необязательно. Среди молодых мужчин, как я позже узнал, были и дети афинских богачей, и отпрыски бедноты и даже один раб, которого хозяин за какие-то заслуги отпустил пожить здесь, заплатив за него взнос. Каждый перед тем, как занять место у «стола», старался побыстрее окончить свое занятие: кто-то писал на папирусе, кто-то мастерил или рисовал, двое юношей занимались гимнастикой. Когда все расселись, сама собой потекла увлеченная непринужденная беседа – с анекдотами, философскими спорами, милой бытовой болтовней. Все улыбались, при случае одобрительно похлопывали соседа по плечу и аплодировали удачным шуткам. Окончив трапезу, я спросил соседа, могу ли я поговорить с хозяином «сада». Тот ответил, что это вполне возможно и мне надо лишь дождаться, когда он вернется со своей привычной трехчасовой прогулки по окрестностям Афин.

Молодежь разбилась на группы по интересам по два-три человека. Тем временем, тихо и незаметно, в арку прошел Эпикур – я заметил его, лишь когда он подошел к веранде. Это был стройный, подтянутый, энергичный мужчина лет сорока с длинной ухоженной темной бородой и умными, немного озорными глазами. В наше время так выглядят профессиональные путешественники или альпинисты. Я представился торговцем, и он почтительно, но не без юмора меня поприветствовал. Я сказал ему, что меня прислал его давний друг, тоже философ, с которым Эпикур состоял в переписке. Тот спросил Эпикура, нуждается ли он в чем-либо, на что хозяин сада ответил, что у него есть абсолютно все, что делает человека счастливым. Но в постскриптуме добавил: «и все же отменный сыр и пара бутылок

доброго вина еще никому не помешали». Я сказал Эпикуру, что видел эти письма и отдаю должное его чувству юмора (не уточняя, что видел их в музее спустя две с лишним тысячи лет).

Тот белозубо усмехнулся и предложил выпить с ним по чашке молодого вина из Фессалии урожая прошлого года. Мы сели вдвоем на мягких подушках на веранде, одна из женщин принесла амфору, в которой плескался рубиново-красный напиток, чашки, а также орехи и оливки.

– Я слышал, вы учились у Аристотеля? Это был воистину великий человек.

– Да, но, к сожалению, недолго. Ему пришлось бежать из Афин, и это был форменный стыд. Меня потом приглашали преподавать в платоновскую Академию, еще позже – завлекали в общину стоиков, которая только-только возникла. Но я отказался, сказав, что пойду своим путем. Это было давно, я был очень молод, но уже тогда в основном дал себе ответы на те вопросы, которые меня волновали.

– Мне кажется, ваши «ответы на вопросы» более-менее понятны. Достаточно оглядеться вокруг.

– Ну что вы. Это лишь видимость, оболочка. Мое учение намного глубже. Это настоящая, полноценная философия, хотя и не все в Афинах ее признают таковой.

– Да уж. Чего только мне не наговорили о вас по пути сюда. Говорят, что вы безбожник. Это правда?

– Это личное дело каждого человека – верить в богов или нет. И никто не вправе ни навязывать веру другому, ни, тем более, злословить о нем за его спиной. О себе я могу сказать лишь, что в богов я безоговорочно верю. Они – ну а кто же еще? – создали весь этот прекрасный мир, всю Вселенную. Но я не могу не понимать и того, что с тех самых пор им нет никакого дела до людей. Боги живут в свое удовольствие в недостижимых заоблачных сферах, даже не вспоминая о нас. Не переживаем же мы с вами о судьбе муравьев в лесу, хотя и не имеем ничего против них.

Философ взял в руку чашку, наполненную вином до середины, долил туда родниковой воды, затем с наслаждением, прикрыв глаза, не торопясь, сделал пару глотков, после чего положил в рот крупную маслину. Пауза в разговоре вышла приличная, но торопить его не хотелось совершенно.

– Так вот. Кто-то может посчитать подобное положение дел невыносимым. Многим кажется, что без богов человек бессилен, одинок в окружении темных сил. Я же полагаю, что это замечательно. Выходит, что судьба человека – только в его руках. В его собственной власти сделать свою жизнь ужасной, греховной,

беспросветной, полной губительных страстей, или мудрой, спокойной, приятной, счастливой – такой, чтобы до старости улыбка ни на день не сходила с его уст.

– Говорят также, что в вашей «школе» царят блуд и невоздержанность, что вы без конца выпиваете, а по ночам устраиваете разнузданные оргии.

– Посмотрите на меня внимательно. Я хотя бы в чем-то похож на невоспитанного, несдержанного, одержимого пороками человека?

– Вовсе нет. Но откуда тогда эти упорные слухи?

– Не знаю. Может, их специально распускают мои завистники, коих, увы, немало. Но, скорее всего, люди не слишком большого ума, ничего не зная, судят обо мне и моей школе по себе, переносят на нас собственные потаенные пороки и темные страсти.

– Иными словами, никто здесь не распивает вино днями напролет, а по ночам не устраивает оргий?

– Вино мы все, конечно, очень любим. Но разве пьяный может насладиться его вкусом? В день каждый из нас выпивает одну, самое большее – две вот таких небольших чашки, наполовину разводя вино водой. Только от такого количества вина его изысканный ценитель получает наслаждение. Дальше хмель мутит разум, и тонкости вкуса вы уже не ощущаете. А что до оргий – моя школа существует уже больше десяти лет. Ученики меняются, хотя трое из нынешних живут здесь со дня основания. За это время среди нас образовалось несколько пар. Все они после свадьбы покинули школу, таковы правила. Вероятно, эти страстно любившие друг друга люди занимались любовью по ночам, в подобающей тайне. Но обычно у нас этого нет. Суть нашего сожительства – в искренней, теплой дружбе, взаимной поддержке во всем и в общности интересов. По ночам, точнее вечером, всего пару часов после захода солнца, мы танцуем, музицируем, смеемся. Затем ложимся спать. Сон – еще одно великое удовольствие, данное природой человеку. Зачем лишать себя этого удовольствия?

– Могу ли я спросить, как вы пришли к своей философии?

– Еще в детстве я познал сполна, до чего тяжелой и горькой может быть непродуманная жизнь. Мои родители были умнейшими людьми, однако их без конца преследовали беды. Отец был философом, но он пришелся не по душе правителю острова, и тот изгнал нас на окраину. Мать лечила людей травами, а ее объявили колдуньей и едва не казнили. Мы жили как нищие в лачуге. Когда я уже юношей приехал учиться в Афины, я был покорен величием города и его ученостью. Но

потом увидел и обратную сторону: здесь тоже происходят гонения на достойнейших, правителями становятся солдафоны, и с этим, как с плохой погодой, ничего нельзя поделать. Я задал себе вопрос: если справедливости в мире нет, значит ли это, что в нем также нет ни счастья, ни смысла? Чем дольше я размышлял об этом, тем лучше понимал, что между внешним и внутренним, политикой и удовлетворенностью отдельного человека своей жизнью нет почти никакой связи. Помимо тех цепей, которыми люди сами себе сковывают руки, не позволяя себе жить счастливо.

Аристотель говорил, что человек по своей природе стремится к знаниям. Я же говорю, что еще сильнее человек стремится к счастью. Довольный Диоген, живший летом и зимой полуголым в бочке у центрального рынка Афин, бесконечно богаче тирана, желчного и страдающего от нервных приступов. Зачем нам, в конечном счете, нужны слава, богатство, почет, положение в обществе, если не для того, чтобы ощущать большее удовлетворение? Парадокс в том, что идеальный уровень богатства для счастья – относительно скромный. Разумеется, я не дохожу до крайности Диогена. Полагаю, что человеку необходимо достаточно денег, чтобы иметь удобное красивое жилище, вкусную умеренную еду, работать тоже лишь по желанию и в меру своего удовольствия. Но не более того. Все богатство, что выше этого, ведет, как ни странно, лишь к уменьшению счастья. Человека одолевают страхи, что кто-то у него все отберет, день и ночь он думает лишь о том, как сберечь и приумножить свое добро. А жизнь… внезапно заканчивается. Богатство – это не то, что принято считать таковым. Лучше спокойно спать на соломе, чем ворочаться, не смыкая глаз, на золотом ложе.

– И все же, по-вашему, в чем именно заключается счастье? Говорят, о счастье вы знаете все.

– В безмятежности духа и сознания. Пусть тебя все время окружают недорогие, но приятные сердцу предметы. Интересная новая книга, бутылка доброго вина, в саду – свежие цветы с капельками росы. Однако же главное, что должно быть рядом с тобой – это приятные тебе люди. Твои любимые и друзья, которые не предадут.

Многие философы исследовали вопросы сотворения мира, логики, этики, математики. Мне это тоже интересно. Но главный вопрос всех времен иной: если сильнее всего люди стремятся к счастью, то как же сделать их счастливыми? Очевидно, что счастье есть вытеснение несчастий. Приятнее всего жить тому, кто не думает ни о чем плохом. Но как этого добиться, если тревога нас гложет постоянно, как правило, по мелочам и без особого повода? Несчастье бывает двух родов: боль (физическое

чувство) и страх (психологическое). К счастью, острую физическую боль человек переживает редко – лишь в краткой смертной агонии и в тяжелой болезни, которая быстро заканчивается со смертью. Таким образом, основное несчастье – это страх, или воображаемая боль. Чего же боится человек? Этих вещей не так много. Сильнее всего люди боятся смерти, но это самый странный страх. Когда мы есть – смерти еще нет. Когда есть смерть – нас уже нет. Люди также боятся мести богов за их земные грехи. Но если богам все равно – чего же бояться? На третьем месте – страх болезни. Однако легкая болезнь даже приятна, особенно когда за тобой заботливо ухаживают хорошие люди, а тяжелая, как я говорил, длится недолго. Все прочие страхи – одиночества, ревности, потери части имущества и так далее – касаются настолько малозначимых и легко поправимых проблем, что о них смешно всерьез говорить. Таким образом, в жизни мудрого человека не должно и не может быть ничего, что делало бы его несчастным, тем более надолго.

Следует помнить, что во всем есть положительное, из каждой вещи мудрый человек извлечет пользу. Из жгучей крапивы делают крепкие нитки, из горькой полыни – лекарства. Если человек не доволен всем тем хорошим, что у него уже есть, он не будет доволен ничем и никогда.

– Почему же тогда на свете столько несчастливых людей? Возможно, даже большинство.

– Потому что они сами зачем-то выбрали быть несчастными. Или им не хватает разума понять очевидное – то, что мир полон счастья. Или, что даже чаще, их воля слаба, и их обуревают порочные страсти. Едва ли не самая пагубная страсть – стремление вызывать восхищение окружающих. Люди, которые без конца сравнивают себя с другими и хотят иметь больше других – самые несчастные. А все дело только в них самих. Нельзя жить разумно и при этом несчастливо. И наоборот, невозможно жить страстями и при этом быть счастливым. Это исключено самой природой.

– То есть счастье – это способность смотреть на все вещи с правильной, положительной стороны?

– Да, но не только. Поразительно, как многие естественные вещи людям кажутся неочевидными. Вот тебе пример: как ты думаешь, кто выигрывает в любом споре?

– Понятно же, что тот, кто прав.

– А вот и наоборот. Тот, кто прав, не открыл для себя ничего нового, тогда как побежденный в споре приобрел новое полезное знание. Также и тот, кому кажется, что он выиграл в «состязании за счастье» у других, накопив больше богатства, выпив больше

вина и переспав с наибольшим количеством женщин, не понимает, что на самом деле он потерпел фиаско, без пользы безнадежно опустошил себя, заняв в этом «соревновании» последнее место.

– Философ, должен признать, ваше учение очень привлекательно, хотя и небесспорно. Не могли бы вы дать несколько советов, как правильно жить?

– Помни, что в жизни нет рока, судьбы, вообще ничего предопределенного. Любое зло можно предотвратить, если заранее хорошо подготовиться. Я согласен с Демокритом в том, что весь мир состоит из атомов – мельчайших невидимых частиц материи. Но он считал, что атомы неподвижны. Я же уверен, что атомы находятся в беспрестанном хаотичном движении, и в этом сама суть природы. Наша жизнь такая же, как эти атомы. Бесконечно движущийся клубок событий, который мы силой разума можем направить в правильное для нас русло. Для получения большего удовольствия надо ограничивать себя в удовольствиях. После дня воздержания кусок хлеба намного вкуснее, чем мясо диковинной рыбы в конце долгого и слишком обильного пира. Никому не надо завидовать. Удачам хороших людей можно только порадоваться, а плохим людям даже самое большое везение все равно не принесет счастья. Не жди от людей благодарности, не обижайся на них, но сам не забывай их благодарить. Дари добрый совет вместо ненависти. Улыбку вместо презрения.

– Почему вы не основали большую школу, наподобие Академии? Ведь я слышал, что от желающих приобщиться к вашему учению просто-таки отбоя нет. Не хотите брать на себя лишние хлопоты, портить наслаждение безмятежной жизнью?

– Поверь, даже возглавляя Академию я мог бы превратить ее если не в одну, то в несколько таких же счастливых «семей» дружных единомышленников. Но пост главы Академии сделает меня слишком известным человеком – не только в Афинах, но и далеко за их пределами. Один из самых мудрых принципов – «живи незаметно». Нет ничего глупее, чем быть знаменитостью и выставлять свою жизнь напоказ. В этом случае всегда найдутся люди, которые будут желать тебе зла и станут твоими врагами. Зачем разумному человеку это нужно?

При этих словах я подумал о сегодняшней бесконечной «ярмарке тщеславия» в социальных сетях, о соревнованиях в количествах лайков и подписчиков. Возможно, большинство современных людей Эпикур в рамках своего мировоззрения счел бы наивными и несчастными.

– Вы собираетесь прожить так до самой старости?

– Старость – еще одно неверное понятие о жизни. Довольный всем пожилой человек на самом деле молод, а вечно подавленный, полный тревог юноша – уже безнадежный старик. Все относительно.

Когда я поблагодарил философа за вино и беседу, уже стемнело. Ученики надели одежды свободного покроя, ярких расцветок, некоторые взяли музыкальные инструменты. Встретившая меня очаровательная девушка вместо цветка теперь повязала волосы тонкой длинной лентой, взяла в руки бубен, явно готовясь исполнять перед всеми зажигательные танцы.

Но я не стал смотреть представление, и, стараясь никого не отвлекать, пошел прочь из Сада.

Эпикур прожил в этом месте с учениками, состав которых постепенно менялся, еще много лет, до глубокой старости. И даже умирая и испытывая острую боль, он не переставал испытывать благодарность за свою прекрасную жизнь, полную наслаждений. По легенде, он закрыл глаза с улыбкой на устах. Идея коммуны Эпикура оказалась столь привлекательной, что Сад (с новыми наставниками, но теми же принципами) просуществовал еще полтысячи лет после ухода из жизни его основателя.

Современники и философы следующих поколений в основном критиковали учение Эпикура, считая его неоправданно оптимистичным и даже вредным для воспитания ответственности у молодежи. Но при этом признавали его выдающимся мыслителем и достойнейшим, интересным человеком.

В наше время термин «эпикурейство» стал означать «беспрестанную гонку за наслаждениями».

Эпикур бы смеялся до слез.

Глава 10
Стойкость среди безумия (Сенека)

Место: Рим
Время: 65 год нашей эры

Знакомство с величайшим и прекраснейшим городом Античности я предвкушал давно. Однако мне выпал, пожалуй, самый неподходящий для этого момент за всю его историю.

Всего год назад этот город был богаче и величественнее всех созданных человеком до этого. Даже и сейчас он производил сильное впечатление. Однако зияющие тут и там черные разломы в стенах еще вчера роскошных, отделанных мрамором дворцов, полуразбитые статуи вдоль улиц, горы обгорелых черепков и дыры на месте разрушенных домов и целых кварталов производили тягостное впечатление. Одно из главных украшений Вечного города, Священная улица со множеством изваяний и древним храмом Весты, которая тянулась через весь центр Рима к Форуму, и по которой проходили роскошные парады во время императорских Триумфов, теперь выгорела до последнего камня. Всего через несколько лет Рим отстроится, став еще величественнее прежнего, но в этот момент масштабные восстановительные работы только начинались.

К середине первого века нашей эры Римская империя оказалась на пике своего богатства и могущества. Уже столетие как были покорены крупнейшие страны южной Европы – Галлия (Франция), Испания, Греция. Римские легионы стояли в Египте, по всему северу Африки и даже в Малой Азии. Римляне, поначалу не имевшие развитых культурных традиций, совершили громадный рывок, впитав в себя все лучшее от древнегреческой культуры, науки и философии, а также немало достижений современной им культуры стран ближней Азии. Империя продолжала расширяться, хотя теперь уже гораздо медленнее. Ее пределы естественным образом ограничивали дремучие, почти непроходимые леса с воинственными германскими варварами на севере, океан на западе, Сахара на юге и на востоке – горы, населенные чуждыми и неподатливыми жителями Персии и Парфии.

Локальные конфликты римлян с германцами и парфянами порой все же вспыхивали. Но не они теперь определяли повестку дня в Риме. Порядок, сытость, процветание и повиновение цезарю в уже завоеванных частях империи были намного важнее. Однако главным для Рима с момента узурпации власти одним человеком

после шестисот лет республики был расклад сил среди приближенных императора и сама его личность. Если правитель оказывался мудрым и справедливым, как божественный Октавиан Август, империя переживала невиданный расцвет. Если недалеким и жадным, как его наследник Тиберий, то вставали проблемы коррупции, денежных отношений, ущемления прав бедняков. Когда ему наследовал безумный юнец Калигула, Рим погряз в грязных оргиях, крови и жестокости. После того, как Калигулу (к неподдельной радости римлян) убили, на сцену вышел болезненный, трусоватый, но обладавший твердым здравым смыслом Клавдий. Многие его презирали, почитая за ничтожество, но ситуация в империи при нем значительно улучшилась.

Великий пожар Рима в правление Нерона, разразившийся летом 64-го года, стал апогеем бед эпохи этого странного и глубоко порочного человека, оказавшегося на высочайшем троне мира практически случайно, благодаря интригам его честолюбивой матери Агриппины. Еще при жизни Клавдия, своего мужа, она то и дело вмешивалась в государственные решения, но ей этого было мало. Она отравила Клавдия поганками, чтобы расширить свою власть, сделав императором Нерона, своего странноватого юного сына от первого брака, вместо законного наследника Клавдия.

Однако Нерон оказался достойным сыном своей матери, плотью от ее плоти. Когда она стала слишком откровенно давить на него, диктуя, что ему следует делать, Нерон распорядился утопить ее, отвезя подальше в море на корабле с течью. План не сработал, так как Агриппина отлично плавала и спаслась, сумев добраться до берега. Тем не менее, оставить дело неоконченным горячо любящий сын уже не мог, и вечером того же дня солдаты его личной гвардии вспороли родивший Нерона живот мечами.

Так как у Агриппины было немало сторонников, да и в глазах народа вся история выглядела неприглядно, Нерон поспешил выступить с оправдательным словом в Сенате. Момент был очень ответственный, поэтому написать вдохновенную речь он поручил своему многолетнему учителю, воспитателю, блестящему оратору, а с недавних пор и признанному философу Сенеке. Тот так талантливо справился с заданием, что Сенат аплодировал Нерону стоя, удивляясь лишь, почему эту насквозь порочную женщину, форменное исчадие ада, описанное Сенекой, не казнили раньше.

Однако все в жизни непостоянно, а благоволение правителя, да еще такого своенравного, как Нерон – и подавно. Вместо благодарности Нерон стал испытывать к своему учителю

ревность. Тот был уже пожилым и умудренным огромным опытом человеком. Решив не испытывать судьбу и зная о ненасытной жадности ученика, Сенека добровольно отдал ему значительную часть своего огромного состояния, а сам отбыл в одну из оставшихся крупных резиденций, где планировал провести в спокойствии и занятиях философией и литературой остаток своей жизни.

Безумие Нерона заходило все дальше, и он объявил себя не просто правителем, но еще и великим поэтом и артистом, выступая на роскошных праздниках в свою честь, строя самому себе гигантские статуи и всячески транжиря казну направо и налево. За несколько лет Неронова правления богатейшее государство мира оказалось на грани разорения. Великий пожар Рима, который, по мнению литераторов, Нерон сам и организовал (для того, чтобы, глядя на зарево огня, написать бессмертную поэму о гибели Трои), вероятно, все-таки возник не по его воле. Правитель к тому времени был не в ладах с рассудком, но все же не до такой степени, чтобы уничтожать собственные роскошные статуи в центре Рима. Но то, что Нерон объявил виновниками пожара секты ранних христиан – несомненно. Обозленным римлянам необходимо было принести кого-то в жертву. Расправы над христианами продолжались почти год и были поистине ужасны.

Через несколько месяцев в Сенате созрел масштабный заговор против Нерона с участием не только верховных патрициев, но даже и начальника его гвардии, которого Нерон грубо высмеял в своих стихах. Тирана собирались зарезать на трибуне арены во время любимых им гладиаторских боев. Помешала случайность: жена одного из сенаторов проболталась подругам, и об этом донесли Нерону. Все участники заговора были казнены. Во время допросов некоторые из них признались, что были горячими поклонниками личности и философских работ Сенеки и отчасти вдохновлялись ими.

В этот раз я был военным, главой отряда римских всадников. Я знал, что у меня в запасе совсем немного времени. До виллы Сенеки было рукой подать: километров двадцать от Рима. Она располагалась в одном из самых живописных мест центральной Италии – городке Альба-Лонга, где по легенде родились основатели Вечного города Ромул и Рем. Рядом находился огромный храм, святилище Юпитера, в котором патриции получали благословение на успешную государственную службу в столице. Вилла Сенеки до наших дней не сохранилась, но о ее облике можно судить по множеству других богатых загородных резиденций той эпохи. Она стояла на берегу прекрасного

овального вулканического озера с прозрачной водой, прохладной даже в самое жаркое лето. В наши дни приблизительно в этом же месте находится роскошная загородная резиденция римского папы.

Виллу сторожило сравнительно немного людей. Городок считался респектабельным и спокойным, вокруг жили сплошь представители знати, которые часто посещали друг друга в свободное время. Зато невольников, обслуживающих виллу, было необычайно много – не меньше двадцати человек: садовники, повара, конюхи, посыльные и другие, девушки и мужчины разного цвета кожи. Вилла Сенеки казалась верхом роскоши: белый двухэтажный дом в форме большого прямоугольника с обширным внутренним двором с фонтанами, клумбами растений, цветными мозаиками на полу и стенах.

Увидев наш небольшой вооруженный отряд, защитники виллы лишь поинтересовались целью нашего прибытия и не стали нам препятствовать. Рабы в страхе бросились по углам. Некоторое время я просто стоял посреди двора, созерцая прекрасное искусство вокруг. Прошла, кажется, целая вечность, когда перед нами наконец появился кто-то из хозяев. Но то был не Сенека, а его супруга – стройная, очень ухоженная женщина с правильными, красивыми, хотя и холодновато-строгими чертами лица, одетая в длинную, до пят, облегающую белую тогу с полуоткрытыми плечами. Я знал, что ей было около сорока, но выглядела она на тридцать с небольшим. Аристократка до мозга костей, она смерила нас оценивающим и недобрым взглядом.

– Вас, вероятно, прислал рыжебородый? Мы знали, что нам не отделаться от этого глупца. Но не думали, что сегодня. Не беспокойтесь, муж не станет оказывать вам сопротивления. Он наверху, в своей библиотеке.

– Нет, госпожа, все обстоит как раз наоборот. Нас прислал наместник императора в Испании Сервий Гальба. Как вы знаете, он давно уже находится в натянутых отношениях с правителем. Кроме того, ваш муж, как вам известно, тоже родом из Испании, и его там почитают почти как живое божество. Друзья Гальбы в Сенате узнали, что Нерон приговорил Сенеку к самоубийству, но из-за бюрократических проволочек ему еще не успели донести это послание. По нашим сведениям, у нас в запасе есть два дня. Этого достаточно, чтобы мы прямо сейчас увезли вас отсюда. Сегодня же вечером мы тайно переправим вас на торговый корабль, который уже ждет в устье Тибра. Когда посланники Нерона прибудут, мы будем уже в море, на полпути между Римом и островом Корсика. Оттуда вас под чужими именами переправят в Валенсию, где вы будете в безопасности.

Я старался говорить, как можно тише. Рабов во дворике не было, а значит, наш разговор никто не мог услышать. Но я ошибался.

– Корсика? Увольте. В свое время я провел семь лет в ссылке в этой дыре. И ни за что не хотел бы оказаться там снова.

Голос раздавался сзади и откуда-то сверху. На втором этаже, в месте, где смыкались два перехода, находился незаметный балкон. Очевидно, Сенека слушал нашу беседу с самого начала.

– Паулина, не тревожься. Если бы это были его стражи, я бы помнил их в лицо. Ты же знаешь, я не забываю ничего. Да и смысла им никакого не было бы нас обманывать. Слава Юпитеру! У меня есть еще пара дней, чтобы изящно закончить последнее из нравственных писем Луцилию.

Сенека говорил, грузно и с небольшой одышкой спускаясь по невысокой мраморной лестнице. Когда он предстал передо мной, солнечный свет из окон упал на него, и я смог рассмотреть одного из самых цитируемых философов в истории.

Это был пожилой, лысый, полный мужчина со старческими дряблыми мышцами на руках и ногах, обвисшим подбородком и толстыми губами. Он выглядел как привыкший к изысканной еде, обласканный всевозможными удовольствиями, купающийся в роскоши надменный неприятный старик – именно такое первое впечатление у меня от него осталось. Но стоило ему заговорить, как от этого неприглядного образа не оставалось и следа. В его низком, неторопливом, рассудительном голосе звучала потрясающая уверенность в себе, слова чеканились так, словно должны были быть тут же отлиты в граните. Его глаза контрастировали с другими чертами внешности – это были глубокие, проницательные голубые глаза не апатичного, с одутловатым телом старика, а скорее живого, энергичного юноши.

– Пожалуйста, не тратьте понапрасну мое время. У меня его почти не осталось. Передайте Гальбе мое почтение, благодарность и надежду, что когда-нибудь он избавит Рим от безнравственного проходимца, позора общества и лично моего. Разумеется, я никуда не поеду. Это было бы верхом трусости и безрассудства. Прощайте. Впрочем, постойте… Паулина, ты не раз говорила, что мечтаешь побывать в прекрасных местах моего детства, на далеком юге Испании. Кажется, сейчас для этого выдалась подходящая возможность.

– Как ты смеешь! Это даже не смешно. Я останусь с тобой до твоего смертного часа. Если тебе придется взрезать себе вены, я сяду рядом, обниму тебя, и сделаю то же самое.

– Вы слышали? Расскажите всем и каждому, какую

прекрасную жену подарила мне Юнона. Разумеется, я не разрешу ей этого сделать, но тем не менее. Скачите обратно и будьте осторожны, чтобы не попасть в лапы преторианцам. Всего доброго.

– Простите, философ. Я большой почитатель ваших работ. Кроме того, мне известно, что последнее из писем Луцилию вы уже закончили неделю или даже две назад.

– Странно. Я действительно закончил текст цикла и сейчас занимаюсь редактированием отдельных фрагментов. Но откуда вам это может быть известно?

– У меня есть и вопросы по вашим предыдущим трактатам. Кроме того, у вас наверняка имеются списки – копии ваших редких работ, сделанные домашними писцами. Я мог быть доставить их в Испанию, где множество людей хотели бы познакомиться с ними.

– Вижу, вы увлекаетесь философией. Что ж, это похвально. Я попрошу рабов накормить пока ваших спутников, уставших с дороги, и напоить лошадей. А мы с вами поднимемся в библиотеку.

Я поблагодарил. Мы оказались в богато обставленном помещении с дорогими изделиями из тонкого голубоватого китайского фарфора, большими персидскими коврами (и то, и другое стоило целое состояние) и огромным архивом папирусов, разложенных в соответствии с неким порядком на множестве полок. В глубокой нише стоял бронзовый бюст императора Октавиана, в правление которого Сенека родился. Бюст был так тщательно выделан, что я залюбовался.

– Да, мне тоже он нравится. Он был кумиром моего детства. Вы знаете, я так стар, что хорошо помню, как дела в империи шли еще при нем. Я действительно стар. На днях мой садовник сказал, что платан перед главным входом надо срубить и посадить новый, так как дерево засохло от возраста. А ведь я своими руками посадил его. А того садовника я принял еще юношей, а теперь он пожилой человек.

– Бросьте. Вам всего семьдесят. Платон прожил на десять лет дольше и преподавал до самого конца.

– Возраст человека не имеет значения. Он ничего не говорит о том, сколько настоящих, полных жизни лет, месяцев, или даже дней у него было. Подобно тому как в музыке или театре длительность пьесы не соотносится с ее ценностью. Пусть седина и морщины не наводят тебя на мысль, что человек перед тобою прожил долгую жизнь. Он просто долго пребывал на земле. А по-настоящему жил, может быть, всего-то месяц. Большинство людей всю жизнь чем-то заняты, но так ничего стоящего и не сделали.

– Но почему так происходит?

– Потому что вокруг нас слишком много людей, без пользы отнимающих наше драгоценное время. Никто из нас не позволит чужаку вторгнуться в дом, и, защищая свою собственность, мы с готовностью возьмемся за оружие. Однако в свою жизнь мы привыкли с легкостью пускать тех, кто совсем нам не нужен! И так щедро раздаем им самое ценное – наше время. А ведь именно этот день, который мы посвятили боги знают кому и непонятно ради чего, может оказаться последним.

– Учитывая, как мало у нас времени, расскажите хотя бы немного о вашей философии.

– К науке о жизненной мудрости меня привела сама жизнь. Я родился в богатой образованной семье, хотя и в далекой провинции. С детства был хилым, болезненным ребенком. Из описаний всех хворей, которые мне довелось перенести, можно составить целый трактат по медицине. Зато я был крайне любознательным, много читал и научился разбираться в людях. Возмужав, я приехал в Рим. У моего отца были друзья в Сенате, они помогли мне обустроиться, и так я стал юристом. А через несколько лет – не просто юристом, но главным знатоком права в Империи. Богачи и родственники жадного Тиберия то и дело умоляли меня помочь в их тяжбах, так что я быстро сколотил огромное состояние. Калигуле я чем-то не понравился, и он приказал казнить меня, но за меня вступилась одна из его любовниц, которой я ранее оказал услугу. Император Клавдий меня тоже не любил – считал выскочкой и не выносил моего влияния при дворе. Но пачкать руки в крови он не стал и распорядился сослать меня на Корсику. Там я провел худшие годы жизни: без конца болел, тосковал, не раз был близок к самоубийству. Однако в ссылке у меня появилось время, и я впервые всерьез занялся философией. После смерти Клавдия Агриппина амнистировала меня с условием, что я стану воспитателем ее сына Нерона. Конечно, я согласился.

– Вы считаете его безумцем или редкостным негодяем?

– Я не знаю, кто на самом деле безумнее – он или я, воспитавший его, а теперь получивший от него приказ убить себя, хотя я ни разу не сделал ему ничего дурного.

– В юности Нерон был другим?

– Нет. Или мне кажется, что нет. Наш первый урок с ним состоялся, когда ему было тринадцать. Он был странноватым, непоседливым, но смышленым мальчиком. Когда я читал ему лекции, он бегал вокруг и дурачился, но потом довольно сносно пересказывал суть. В шестнадцать Нерон стал самым юным в истории императором, и поначалу держался достойно. Но он был

убежден в двух вещах: во-первых, что мир существует только ради его забав, а во-вторых – что все придворные только и думают о том, чтобы его убить. Мне так и не удалось ничего с этим поделать.

– Но ведь вы видели его порочность – и тем не менее продолжали оставаться ему ближайшим советником и даже другом?

– Потому что кроме меня рядом с ним не было ни одного порядочного человека. И только я мог хотя бы изредка отговорить его от очередной разрушительной и жестокой затеи.

– Но и не потому ли, что он продолжал осыпать вас золотом? Вам ведь известно, что за спиной вас зовут «книжным философом»? Потому что в книгах вы проповедуете умеренность, а сами купаетесь в роскоши.

– Я ценю то, что живу в достатке. Но я не заражен богатством. Не заносчив: на равных разговариваю с любым, хотя другие в моем положении не удостоили бы большинство людей и словом. Даже рабов и нищих я полагаю равными себе и никогда не выражаю своего превосходства ни словом, ни делом. Только глупцы гордятся своим богатством и всячески демонстрируют его.

– В чем же суть вашей философии?

– Меня называют римским стоиком, продолжателем традиций греческих стоиков. Я не люблю это сравнение. Стоики Греции искали мудрость во многих вопросах бытия, но делали это слишком академично и узко. Я же в своем учении честно полемизирую с главными мыслителями всех школ науки: от Пифагора до Аристотеля и много ссылаюсь на них. Самое удивительное, что мой любимый философ (хотя я с ним и не соглашаюсь) – это Эпикур, главный «враг» стоиков! Я спорю с ним в своих трудах едва ли не на каждой странице, но при этом нередко перечитываю его книги просто ради удовольствия.

– В чем же вы так сильно расходитесь с представителями иных школ, не стоиками?

– Более всего я не приемлю учение Платона. Нет никакого мира идей. Вообще. Нас окружают только материальные осязаемые предметы. И даже душа человека и его разум, как и все во Вселенной, состоят из материальных атомов – это лишь чуть более тонкие субстанции. Идеи вещей – не более чем наши собственные мысли о них. Главные предметы науки – физика (изучение безграничного окружающего мира), логика (то, как мы осмысляем этот мир) и этика (то, каким образом мы, будучи людьми, обязаны жить). Прочие науки второстепенны.

– Давайте коснемся этики. Как людям следует жить?

– Мне смешны идеи нашего милого Эпикура о том, что

человек должен жить, постоянно смакуя чувственные удовольствия, и в этом, якобы, и есть смысл жизни. Для животных, быть может, так оно и есть, но не для людей. Человек рождается для того, чтобы совершить на Земле дела, которые больше и достойнее его самого. Это непросто, и для этого необходима сила духа, спокойствие и чистота помыслов. Наша душа – наша крепость. Чтобы правильно ориентироваться в мире, все вещи и события следует разделить на две группы: на те, которые мы может изменить, и те, что вне нашего контроля. Мир в основном течет и изменяется помимо нашей воли и желаний. Тогда зачем беспокоиться о том, что нельзя изменить? Точно так же не стоит переживать и о том, что мы можем изменить. Надо просто идти и совершать необходимые перемены, отринув все тревоги и сомнения, которые лишь мешают нам.

– Значит ли это, что идеал человека – прочный, но бесчувственный камень?

– Ни в коей мере. Камень не может мыслить и не может определять свою судьбу. Достойный человек активно размышляет каждую секунду и осознанно исполняет свой долг, совершая благие дела. Но чем более спокоен и уверен в себе он при этом будет, тем лучше.

– Значит ли это, что он должен отвергнуть все удовольствия?

– И это в корне неверно. Весь вопрос в том, что такое удовольствия. Человек должен отвергнуть пустые и вредные развлечения – пьянство, разврат, погоню за богатством любыми способами. Вместо этого он должен наслаждаться удовольствиями духовными, которые проистекают от осознания того, что ты живешь достойно и постоянно творишь благие дела. Поверь моему опыту: наслаждение твоей души от того, что ты накормил голодного ребенка или спас жизнь слабому невинному человеку, во много раз сильнее и острее, чем ощущения от наилучшего вина или горячих ласк юной рабыни.

– Но как обрести такую неколебимую силу и спокойствие духа?

– Первый и главный шаг – принять мир таким, какой он есть. В детстве мы все хотим, чтобы мир был лучше. С годами же постигаем, что есть некий великий, заранее определенный ход вещей. Жизнь – это длинная драма, в который каждый человек играет свою уникальную роль. Выбор в том, играть эту роль красиво, талантливо, с высоко поднятой головой, или противиться ходу событий, жаловаться, страдать и терпеть то, что судьба тебя тащит грубо, против твоей воли, железными щипцами, словно осужденного раба на крест. Сделав правильный выбор в пользу достоинства, надлежит раз и навсегда успокоить

свою душу, которая от природы капризна как ребенок. Несчастье следует принимать невозмутимо: ведь оно уже произошло, значит, мы не в силах его изменить. Делай любое дело как последнее в жизни. Лишь тот заслуживает называться человеком, кто и в радости, и в печали, и в момент триумфа, и испытывая боль всегда владеет собой. Это, безусловно, мудро. В своем воображении мы страдаем гораздо чаще и сильнее, чем на самом деле.

– Но есть же ситуации, в которых ярость необходима и даже полезна. Например, в бою.

– Это заблуждение. Я много раз бывал на сражениях гладиаторов. Лучшие бойцы – не те, у кого больше мускулы. Побеждает тот, кто ясно мыслит, замечает каждую мелочь – даже взгляд и угол наклона руки своего соперника, хладнокровно уходит от его атаки и наносит точный удар в ответ. Нельзя ничего бояться. Чаще всего человека побеждает не стихия или враг, а страх перед ними.

– А что если тебя несправедливо обидели? Следует ли мстить в таком случае?

– Сначала, как всегда, надо включить разум и понять, почему это произошло. Если ты это заслужил, поблагодари своего обидчика. Если нет, все зависит от того, кто это сделал. Ты будешь смешон, если начнешь мстить неразумному ребенку, слабой женщине или немощному старику. Если же тебя ударил такой же мужчина, равный тебе, спокойно спроси его, за что. Отвечать ударом на удар, не разобравшись – удел трусов и глупцов.

– То есть, если вас ударили по правой щеке, следует подставить левую?

Философ посмотрел на меня с удивлением.

– Такие слова я слышал от одного знакомого, Павла из Тарса. Он один из основателей новой тайной иудейской секты в Риме. Мы общались с ним, и даже обменялись парой писем. Это крайне странная секта, но в их учении есть интересные идеи. Нерон их ненавидит, и сейчас, пока мы разговариваем, мужчин-последователей этого учения сжигают вечерами на крестах, как живые факелы, перед прохожими на римских улицах, а стариков и женщин бросают в клетки голодным львам. Следует признать, что у них нет никакой надежды на будущее. Скоро никого из них попросту не останется в живых.

– А как вы относитесь к смерти?

– Спокойнее, чем к чему-либо еще. Что может быть естественнее и неизбежнее смерти? Как и к прочим жизненным испытаниям, к смерти надо идти спокойно, улыбаясь. Ты должен

умереть потому, что ты родился. В этом нет ничего ужасного. Нелепо думать, что светильнику хуже оттого, что он когда-то погаснет. Сократ своим примером призвал умереть тогда, когда это необходимо. Зенон считал правильным умереть чуть раньше, чем это станет необходимым. Он также утверждал, что зло не может быть славным, а смерть бывает славной. Стало быть, смерть – не зло. Но только если ты встретил ее достойно.

– Благодарю, философ. Вы уделили мне столько времени, которое, как известно, дороже золота. Мы больше не увидимся. Может быть, на прощание вы дадите еще пару советов?

– Помни, что все люди – богачи, бедняки, рабы, женщины – по своей природе изначально равны. Уважай всякого и не будь ни с кем высокомерен. Не бойся проблем, не скорби о несчастьях. Все это идет нам на пользу. Атлет, не набивший синяков, будет беспомощен на арене. Избегай толпы. Толпа чаще всего неправа. Заботься о физическом здоровье. В здоровом теле – здоровый дух.

Я снова поблагодарил Сенеку, пожелав ему оставаться сильным до последней минуты. Он лишь невозмутимо повел головой.

– Я прекрасно знал, что мои дни сочтены. И я, разумеется, заслуживаю такого конца. Меня убьет то, что я сам взрастил, пусть и из лучших побуждений. Это справедливо. Пусть не всегда я жил в соответствии со своим же учением, но хотя бы умру как подобает. Нет ничего тяжелее, чем начинать жизнь сначала, особенно когда ты уже почти подошел к ее концу. Слава богам, что все сложилось так, как сложилось.

Не произнося более лишних слов, я спустился к моим спутникам, и мы покинули виллу.

Гонцы Нерона были здесь на следующий день. Они огласили приговор Сенеке. Он тепло попрощался с каждым, включая рабов, затем спокойно перерезал себе вены на руках и ногах. Старческая кровь текла слишком медленно, и Сенека, прождав немало времени, лег в горячую ванну, чтобы ускорить процесс, и в ней испустил дух. Его верная жена, прекрасная Паулина, как и обещала, тоже вскрыла себе вены. Однако рабы спасли ее и перевязали рану. Оставшиеся годы она прожила в безутешном трауре.

Что до Нерона, то чаша людского терпения переполнилась, и легионы при участии упомянутого «испанца» Гальбы поднялись против него. «Великий артист», в страхе перед жестокой казнью, сам проткнул себе шею ножом.

Уникальность и вечная актуальность наследия Сенеки состоит в том, что он, будучи стоиком по убеждениям, сумел органично впитать в свою философию элементы всех учений,

которые были известны в его эпоху, включая и те, о которых знали мало – например, раннее христианство.

В повседневной речи мы порой пользуемся знаменитыми древнеримскими пословицами и изречениями, полагая, что это мудрость, накопленная за много веков славной истории Рима.

На самом деле большинство из них были придуманы Сенекой.

Глава 11
Глашатай нового мира (Апостол Павел)

Место: побережье острова Мальта
Время: 60 год нашей эры

В этот дождливый, холодный декабрьский вечер более двухсот человек – голодных, измученных и уже утративших надежду – спаслись, как им казалось, только благодаря вмешательству высших сил.

Потерпевший крушение на пустынном берегу острова Мальта крупный торговый корабль направлялся из Иудеи в Рим. По дороге он сделал несколько остановок, чтобы забрать пассажиров и погрузить в трюм множество мешков отборной пшеницы для продажи на римских рынках, где она всегда была в цене. От побережья Азии он направился к острову Крит в центре Средиземного моря, где должен был переждать суровые шторма и непогоду. Но все пошло не по плану. Из-за многодневного сплошного тумана и необычайно сильных, упорно не стихающих бурь судно не смогло пристать в гаванях Крита, и его унесло течениями далеко на запад. Ураганный ветер сломал мачты и порвал главный парус, гребцы были бессильны: корабль носило день и ночь по высоким волнам, его пассажиры в любую минуту ждали гибели на дне морском или у скалистых берегов какого-нибудь острова. Шторм продолжался две недели, на корабле царил хаос. Лишь один из множества голодных и отчаявшихся пассажиров сохранял совершенное спокойствие.

Это был необычный человек. Почти беспрестанно вот уже двадцать пять лет он странствовал по всему Средиземноморью и был страстным, пламенным проповедником новой иудейской религии. Религии, которую беспощаднее всего преследовали в самой Иудее, где главы церкви почитали ее за жуткую ересь, а ее последователей объявляли отъявленными нарушителями закона Моисеева, заслуживающими смерти. Римские власти к ней тоже относились отрицательно: до ужасных массовых казней оставалось несколько лет, но уже сейчас члены этой секты вынуждены были исповедовать учение тайно, живя небольшими сплоченными коммунами на бедных окраинах городов, скрытно собираясь для общих молитв в своих «новых» синагогах. Удивительно, но трудности следования этой религии и многие лишения, которые приходилось безропотно принимать, вовсе не

отпугивали новых сторонников, даже наоборот. Было в этом новом учении то, что как магнитом привлекало к нему все больше простых людей. Не только в Иудее, но также в Риме, Греции, по всему Средиземноморскому побережью уже действовало постоянно около тридцати крупных коммун. У истоков почти каждой из них стоял именно этот человек. По рождению обрезанный иудей из богатой семьи из Тарса, нареченный Савлом, получивший в юности отличное образование у самых ученых раввинов Иерусалимского храма, позже он принял имя Павел.

На этом корабле он оказался не случайно. В очередной приезд в Иерусалим он был схвачен и провел немало времени в темнице – к чему, впрочем, давно привык. На суде он поразил сменившего Пилата нового римского наместника Феста тем, что даже не пытался оправдать себя, а страстно проповедовал перед толпой иудеев. В конце своей речи он даже предложил обратиться в его веру, называемую христианством, самому Фесту. Префект был удивлен, и, зная, что Павел от рождения был римским гражданином, решил не выносить ему приговор по местным законам. Он отправил Павла в Рим на суд императора под охраной сотника Юлия. Павел уже бывал в Риме и отлично знал, что суд Нерона не сулит ему ничего хорошего. Во время стоянок в портах Юлий, неожиданно близко подружившийся с Павлом, даже предлагал ему тайно бежать под покровом ночи, но тот твердо отказывался.

Когда корабль – крепкий, построенный из финикийского кедра, – под напором стихии превратился в жалкую, изломанную, скрипящую посудину, – Павел спокойно разгуливал по палубе и убеждал всех, что Господь не для того призвал его на суд кесаря, чтобы случайно убить по пути. Он даже точно предугадал день: накануне собрал всех, чтобы они доели весь оставшийся провиант и подкрепили силы. Следующим вечером туман ненадолго рассеялся. В сумерках невдалеке виднелась большая полукруглая песчаная гавань. Корабль взял курс на нее, но затем, все еще находясь на приличном расстоянии, сел на мель. Павел поздравил всех, возблагодарил Бога, и дал указание добираться до берега вплавь тем, кто хорошо плавал. Затем матросы разобрали остатки корабля на доски, чтобы остальные могли добраться на них до суши. Стемнело, но на поверхности воды блестела яркая лунная дорожка, которая помогала несчастным, оборванным, обессиленным людям держать курс к берегу. Это было настоящее чудо: никто не погиб, хотя многие остро нуждались в помощи лекаря.

Я был простым рыбаком, жившим в хижине недалеко от

гавани. В числе первых я бросился на помощь спасшимся, хотя к этому времени – а стояла поздняя ночь – почти все жители острова уже спали. Но происшествие было чрезвычайным. Когда я с моими соседями и упряжкой из двух волов с телегой, на которую в спешке было погружено самое необходимое (одежда, лоскуты материи для перевязок, пресная вода, провиант) вышел к берегу, нам открылась впечатляющая картина бедствия. На всем протяжении гавани в тусклом свете луны на сыром песке лежали люди, полузамерзшие и обессиленные после того, как много времени провели в холодной, но, к счастью, не ледяной воде. Одни стонали, другие были без сознания. Разделившись, мы бросились отогревать тех, чьи лица казались пепельно-серыми, и кто едва подавал признаки жизни. Поначалу нас было мало, но приходили все новые и новые люди, и спустя время оказывающих помощь стало не меньше, чем спасшихся. Самые сильные и стойкие из пассажиров всю ночь пробыли на ногах. Требовалось как можно скорее разжечь несколько больших костров на берегу для обогрева людей, сушки одежды и освещения. У меня было при себе огниво, но хвороста для костра на берегу не хватало, и несколько мужчин с корабля поднялись на небольшой холм поблизости, спешно собирая там валежник и прутья. Я присоединился к ним. Один из этих людей сразу обращал на себя внимание, и я старался держаться поближе к нему.

Это был уже довольно пожилой, среднего роста, очень худой, но жилистый мужчина с длинной курчавой бородой, когда-то, видимо, черной как смоль, но теперь уже наполовину седой. Почти лысый, с характерным носом с большой горбинкой и черными глубоко посаженными глазами. Несмотря на возраст и неатлетическое сложение, он казался невероятно энергичным и выносливым. Его мощный, властный голос звучал так, что никто из окружающих не решился бы поспорить.

Когда пламя костра наконец заполыхало, ярко осветив все вокруг, люди потянулись к нему, словно к своему спасению и источнику жизни. Посмотрев на иудея, я вскрикнул от неожиданности. Его плечо обвивала черная гадюка, которую он, очевидно, не заметил в охапке хвороста в темноте. Смертоносная рептилия приподняла голову, готовясь ужалить человека в шею или щеку. Все знали, что такой укус не оставил бы ему шансов выжить. Кто-то закричал, предупреждая об опасности. Однако змея словно застыла, все еще готовясь к выпаду. Заметив ее наконец, человек не смутился, осторожно взял ее у основания головы и резким движением швырнул в костер. Отовсюду раздались вздохи облегчения. Он же все это время был абсолютно спокоен.

– Я же говорил вам много раз, что до Рима мне ничто не угрожает. Этот посланник напомнил мне и вам о враге рода человеческого. Но без воли Господней с моей головы не упасть и волоску.

Свидетели этой сцены отдали должное мужеству человека, но его самого сейчас занимало другое. Он обратился к своему молодому спутнику и, вероятно, помощнику, который все время был рядом.

– Лука, я беспокоюсь о Юлии. Я видел, как обломок мачты поранил ему голову. Надо найти его.

Тот взял в руку самодельный факел и пошел в гущу лежавших и сидевших на песке, рассматривая каждого. Это был симпатичный, статный человек лет двадцати пяти, тоже иудей, с правильными чертами лица и внимательными, умными темными глазами. Довольно быстро он разыскал Юлия. Тот лежал на песке без сознания: его вынесло на берег, так как он привязал себя к большому бревну из остова корабля. Из раны на его затылке сочилась кровь, но он был жив, его грудная клетка натужно, с хрипом, вздымалась. Человек сказал Луке срочно перевязать рану римлянина и сделать ему массаж груди, чтобы откачать воду, которой тот наглотался. После этого Юлий зашевелился и даже приоткрыл глаза.

– Павел, но ведь его смерть – твой шанс избежать неправедного суда. Протоколы твоих допросов утонули с кораблем. Если бы он погиб, тогда и все обвинения против тебя исчезли бы.

– Что ты говоришь, я не ослышался? Так могли бы рассуждать язычники. Молитесь за врагов и гонителей ваших, говорил Спаситель. На все и всегда да будет Его воля.

Лука был врачом по первой профессии, и он умело оказал помощь еще нескольким пострадавшим. Тем временем люди постепенно приходили в себя. Плотными группами располагались они вокруг костров, одетые в принесенную местными одежду, утоляя голод сушеной и вяленой рыбой из бочек и небольшими кусочками жареной на открытом огне говядины. Многие плакали от напряжения или счастья, и благодарили Павла за моральную поддержку и наставления.

Я заметил, как Лука, отойдя в сторону, открыл походную котомку, которую он смог сберечь от воды, добравшись до берега на плоту из связанных досок, и теперь внимательно проверял ее содержимое. Внутри лежала толстая пачка пергаментов из козлиной кожи, которые, к счастью, почти не пострадали. Вздохнув с облегчением, он взял чистый кусок пергамента и стал что-то быстро писать на нем блеклыми, наполовину

разведенными морской водой чернилами. Подойдя, я вежливо поинтересовался, что он пишет.

– Я сопровождаю Павла повсюду и стараюсь записывать его слова. Особенно самые важные – те, что свидетельствуют о Господе нашем Иисусе Христе.

– Но разве Павел видел Христа лично? Он ведь не был в числе избранных двенадцати.

– Не был. Но Христос являлся ему в виде света, говорил с ним с небес человеческим голосом, – и это слышали другие, а затем еще много раз являлся ему одному в видениях. Он избрал Павла сосудом своей мудрости и говорит с людьми через него. Множество раз я был этому свидетелем.

– И все же, если он не был рядом с Ним в земной жизни, откуда ему известно, что происходило тогда?

– После того, как Павел прозрел и обратился в истинную веру, с ним стали общаться апостолы – они-то и рассказали ему все подробности своих странствий с Господом. Я пишу сейчас книгу на основании их рассказов, которые мне устно передал Павел. Он внимательно читает мои записи, и, если требуется, вносит исправления. Хорошо, что мы успели записать их слова. Некоторых из них уже казнили. Я одновременно пишу и другую книгу, в которой описываю собственные судьбы и дела апостолов, совершенные ими уже после воскресения Господа. Наш с Павлом близкий друг, Марк, верный последователь и ученик апостола Петра, сейчас находится в Греции, где, как и я, описывает деяния и наставления Божьего Сына в его земной жизни.

– Интересно. Можно мне этот пергамент подержать в руках?

– Да, конечно. Осторожнее, он мокрый и немного грязный по краям.

– Это ничего.

Греческие буквы, написанные светлыми чернилами, слегка расплывались, но текст все же читался ясно. Осторожно оттерев ил и песок, покрывшие некоторые буквы, я вернул пергамент.

– Эти книги в будущем станут невероятно известными, я убежден. Вы даже не представляете себе, насколько. Берегите и себя, и их.

Лука непонимающе посмотрел на меня, но я не стал ничего объяснять.

После крушения прошло немало времени – вероятно, было уже за полночь. На берегу царило оживление, которое после вкусной обильной трапезы пришло на смену усталости. Многие испытывали счастье от того, что жизнь продолжается, и волею судьбы корабль вынесло не на пустынный остров, где неоткуда было бы ждать помощи, и не в местность, где пострадавших

могли убить разбойники, а в такую гостеприимную страну. Спасшиеся были в основном образованными и состоятельными людьми, ведь простые бедняки и думать не могли о столь долгой и дорогой поездке в Рим через всю империю. Некоторые слышали о проповедях Павла, многие знали о новой иудейской религии. Видя в Павле своего спасителя при крушении, некоторые попросили его рассказать о том Боге, который, возможно, спас их всех.

Это было зрелище, которое невозможно забыть. Проповедник взошел на каменный уступ, так чтобы его было видно и слышно более чем трем сотням человек, включая местных, сидевших группами и поодиночке вокруг костров у берега темного и безбрежного ночного моря. Каждый видел его все еще мокрую, разорванную одежду, слышал сильный и проникновенный голос, замечал блики красно-желтого пламени на лице. Когда он говорил, то часто смотрел вверх и поднимал руки, как будто лично обращаясь к Богу где-то там, на ночных небесах. Иногда он поворачивался к слушателям позади него, и тогда остальным из-под разорванной тоги на его спине в свете искр были хорошо видны темные, широкие шрамы от плетей, которые ему довелось принимать почти без числа, покрывающие всю его спину, а также частично живот и шею. Кажется, он не страдал от них, а, напротив, гордился этими знаками своего непреклонного мужества и подвижничества.

– Возрадуйтесь, ибо ничего Господь не делает втуне! Он привел меня сюда, чтобы вы через меня могли слышать голос Его и вкушать мудрость Его. Но не святой человек, а великий, нечестивый грешник стоит перед вами. Долго блуждал мой дух во тьме. После учения фарисейского я делал все, чтобы в Иерусалиме не осталось безбожников, и по глупости считал христиан худшими из них. Когда побивали камнями святого Стефана, я сидел невдалеке, смеялся и стерег одежду побивавших его. Свой кинжал по приказам первосвященников вонзал в сердца тех, кто нарушал закон Моисеев или проповедовал слово Христа, не жалея ни стариков, ни женщин. Я был уверен, что поступаю правильно, и что на это есть одобрение Бога. Прослышав, что христиан стало особенно много в городе Дамаске, я получил благословление первосвященника, чтобы с небольшим отрядом идти туда и расправиться со всеми ними. Но по дороге, посреди пустыни, ослепил меня сияющий луч с небес, и услышал я голос: «Савл, Савл, зачем ты гонишь меня?». Не видя ничего, я упал на землю и спросил, кто это говорит. «Иисус» был мне ответ. Это же слышали мои спутники, хотя и не видели луча. Под руки, беспомощного они привели меня в Дамаск, где святой Анания,

христианский священник, в храме возложил персты на мои глаза, тотчас вернув мне зрение, крестил меня и нарек Павлом. Открылись очи мои, и узрел я истину, узнал Благую весть, которую несу с той минуты всем людям.

Господь Бог, единый, создавший Вселенную и каждое существо, послал людям самое дорогое – Сына своего единородного, дабы искупить грехи их, которым несть числа. Зачала Дева Мария дитя непорочно, от Духа Святого, и возвестил о том ей и ее мужу архангел Гавриил. Иисус из Назарета был Сыном Божьим. И нес он слово Отца своего Небесного людям, учил их и проповедовал им, но был предан людьми, мучим ими, изъязвлен ранами и распят на кресте. Но на третий день оказался пуст гроб Его. Иисус воскрес, попрал смерть, искупил грехи человеческие. Даровал прощение на небесах всякому, кто искренне уверует в Него и будет жить с любовью в сердце к Нему, и к ближним своим, и даже к врагам своим. После Воскресения видели Иисуса не раз его ученики, и другие люди, знавшие Его. Некоторым Он позволил приложить персты к ранам своим. Затем Он вознесся на небеса, где отныне и присно будет восседать по правую руку от Отца своего, воздавая людям добром и всяческой заботой. Иисус всемогущ, видит каждого и готов простить нам любые слабости и проступки, если мы чистосердечно покаемся в них. Старому закону, дарованному Богом через святых пророков, пришел на смену новый закон. Иисусу не нужны жертвоприношения. Не странно ли Господу, сотворившему мир, радоваться крови животных? Наступили дни, сказал Господь, когда я заключил с домом Израиля новый Завет, а прежний стал теперь старым и ветхим. Не нужно более приносить жертвы перед храмом. Ибо нет жертвы большей, чем та, в которую Бог принес жизнь Сына Своего. Будут священники теперь приносить в жертву не козлов и тельцов, а только хлеб и вино, что означают плоть и кровь Божью. Не нужно совершать обрезание, ибо Господу надобна не частица тела, а вся душа человека. Не иудеям одним открыты Истина и Закон, а всем людям. Бог не взирает на лица. Иудей ли, эллин ли, римлянин ли, раб ли, все едины во Христе. Он в отличие от идолов язычников не требует от вас денег и ценностей, ибо смешно думать, что они могут что-то значить для Него. Он не заставит совершать насилие даже над вашими врагами и гонителями, ведь только добром повергается навзничь любое зло на свете. Не ищите богатств на земле, ибо тщетны и бренны они, как вода, вытекающая сквозь ладони. Собирайте сокровища ваши на небесах, великих, как безбрежное море. Израиль страдает, потому что фарисеи ищут ответы не в Вере, а в законах. Но нет законов и границ для Веры истинной, как нет их

для любви. Буква убивает, Дух животворит.

Единственное, что Христос требует от вас – ваша Любовь, которую воздаете вы в ответ на Его любовь. Не может Отец небесный не любить чад своих. И мы платим Ему и всему миру тем же. Если я говорю языком человеческим, но не имею в сердце любви, то я лишь медь звенящая. Будьте просты и добры сердцем, заботьтесь о ближних и домашних, думайте не о себе, а о них, ибо и Христос на кресте не о себе заботился. Помогайте слабым, возвращайте надежду утратившим ее. Не впадайте в искушения плоти, ибо все от плоти – грех и похоть, что сверх самого необходимого. Наслаждайтесь Духом, дела которого – мир, радость и любовь. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания. Мы ничего не принесли в мир, родившись, и ничего в руках не вынесем из него. Посему будем опасаться, что, когда еще останется обетование войти в покой его, не оказался бы никто опоздавшим. Да откроются для нас Врата Небесные, как открыты они для всякого, кто жаждет войти. Возрадуйтесь! Бог усмотрел в вас доброе, и приготовил лучшее в нагорном мире, чем то, что имеете сейчас. Творец воздвиг из мертвых Пастыря великого, кровью Завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа. Да пребудет над нами вечно Его Благодать.

Толпа слушала Павла, не проронив ни слова, словно присутствовала при священнодействии. Слова, сказанные им, проникали в людские сердца. Но, когда он закончил, у некоторых осталось сомнение. Один из иудеев, видимо, довольно знатный, следовавший от самого Иерусалима, спросил Павла:

– А те люди, которые не раз до полусмерти бичевали тебя, тоже заслуживают любви и спасения?

– Я ношу раны Господа на теле своем. И упиваюсь радостью несказанной. Многие из вас роптали от стихии все две недели и удивлялись моему спокойствию. Это уже третье мое кораблекрушение. Пять раз я получал по сорок плетей без одной от иудеев, три раза меня били палками, один раз побили камнями, и я уполз чуть живой. Я не единожды бывал в трудных путешествиях и опасностях. Меня избивали и соплеменники, и язычники, и лже-христиане. Я сидел в тюрьмах, голодал по многу дней, однажды провел целый день в пучине морской, пока течение не вынесло к берегу. Никогда я не терял силы духа, потому что страдания и смерть во Христе – великое благо.

– Но откуда нам знать, что истории апостолов правдивы? И откуда берутся твои собственные слова, не от лукавого ли они?

– Люди не умирают за то, в чем сомневаются. Я сам – нижайший из апостолов, ибо был Он мною гоним, не

осмеливаюсь сказать ни слова от себя. Говорю лишь то, чем Христос говорит через меня.

– Почему любовь людей так важна твоему Богу?

– Потому что Любовь есть Свет животворящий, а Зло есть смерть и тьма. Господь сильнее смерти. Удерживайтесь от всякого рода грехов, несущих зло, противное Ему. Будьте людьми дня, а не ночи.

– А кто же все-таки главный Бог – тот, что управляет всем? Ведь Отец выше сына?

– Господь един в Его трех ипостасях. Отец, Сын и Дух Святой – суть одно целое. Когда я молюсь, я обращаюсь в мыслях и просьбах к Нему и ко всем троим одновременно.

– Но почему, если Иисус так добр ко всем, столько людей в мире страдает от несчастий?

– Человек – сам источник своих страданий. Тот, кто погряз в похоти и страстях, несет зло другим, и получает по заслугам. Что посеешь, то и пожнешь. Иногда от грешников страдают и безвинные люди, но им первым уготовано почетное место за столом на Божьем пиру на небесах.

– Что нужно делать людям для спасения и жизни небесной?

– Всякий, кто призовет имя Господне, спасется. В усердии не ослабевайте, духом пламенейте, ведь вы Господу служите. Все жилища разрушатся, все корабли пойдут ко дну. Останется только дом наш вечный на небесах. Сам Господь с готовностью протягивает каждому страждущему свою руку.

Костер почти прогорел, ночь близилась к утру, но, увлеченные проповедью Павла, люди все еще не спали, поеживаясь от усилившегося ночного холода и ветра. Внезапно послышался стук копыт. Конный отряд с воинами в броне во главе с римским наместником на Мальте Публием, которого все-таки разбудили на его вилле, прибыл на место происшествия, не дожидаясь восхода. Узнав, что здесь находится известнейший осужденный иудейский проповедник, Публий обратился к нему с вопросом, в котором звучала нескрываемая ирония.

– О какой единой вере ты говоришь? В Риме с религией гораздо проще и удобнее. Множество богов, на все случаи жизни. Молись какому пожелаешь, дай ему денег, и счастье и удача будут с тобой.

– У вас, римлян, нет ничего своего. И даже богов нет своих, всех вы заимствовали у эллинов, дав им другие имена. Сами же эллины над своими богами, не защитившими их ни от македонцев, ни от вас, римлян, сейчас лишь горько смеются, полностью в них разуверившись. Пройдет немного времени, и то же случится и с вами. Римские боги – не более чем комедианты.

– Уж очень надменны речи твои. Известно ли тебе, бродяга, как император Нерон обходится в Риме с такими, как ты? Тебе может грозить нечто более ужасное, чем просто смерть. И вера тебе не поможет.

– Только Христос есть Путь. Даже для тебя, префект. Кто во Христе, тот новый человек. Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. Я знаю и вижу то, о чем ты даже не догадываешься. Поэтому нет страха в моей душе, а лишь искреннее и доброе сочувствие тебе.

– А может ты просто сам вбил себе в голову то, что проповедуешь другим? А богов нет вообще?

– Известно ли тебе, Публий, с какой радостью, восхвалением Господа и песнопениями во славу Его идут люди на смерть и муки? И как стойко переносят их? Улыбаются перед ликом голодного льва, слова дурного не проронят, сгорая на кресте. Они знают, что это дверь в Царствие Божье. Как ты полагаешь, по плечу ли такое обычным людям, или есть некая Великая Сила, вдохновляющая их?

– Что ж, Павел-иудей. Давай устроим тебе и твоей вере небольшое, но важное лично для меня испытание. Мой отец сейчас тяжело болен, у него горит желудок от язв, он очень страдает, и лекари ждут его смерти в любой момент. По-едем ко мне, ты возложишь на него руки, как это делал твой Бог. Если он все равно умрет после этого, я надену на тебя кандалы и отправлю на жестокую расправу в Рим. Если почувствует себя лучше, ты сможешь найти себе убежище на острове и проповедовать. Если же отец выздоровеет полностью, поставлю в храме Аполлона статую твоего бога в пантеоне статуй римских и языческих богов. Как тебе такой уговор?

– Я согласен на все, кроме последнего. Когда люди узрят истину, не останется от римских богов ни единого черепка. Поедем сейчас же. Я попробую помочь твоему бедному отцу без всяких условий.

Над живописной мальтийской гаванью наступал рассвет. Казалось, что раннее солнце поднималось над иным, разительно изменившимся миром. Чуть-чуть другими стали даже небо и солнце, новые неведомые ароматы ощущались в свежем морском предрассветном воздухе.

Добрые мальтийцы на три месяца, до прихода следующего крупного судна, приютили спасшихся. Отец Публия благодаря лечению Павла и Луки выздоровел. Префект исполнил обещание, позволив Павлу открыто проповедовать, создать местную общину, а затем даже покинуть остров свободным от обязательств перед римскими властями человеком. Еще семь лет Павел активно

проповедовал во многих городах империи. Во время расправ Нерона в Риме над христианами ему предлагали уехать из столицы, но он предпочел остаться с единоверцами. С апостолом Петром их казнили по приказу Нерона (незадолго до самоубийства тирана) в один день. Петра распяли вниз головой, а Павлу, как римскому гражданину, была уготована более «легкая» смерть – ему мечом отсекли голову.

Более половины всего текста Нового Завета написал Павел – или своей рукой, или диктуя верному другу Луке (который тоже прожил яркую долгую жизнь и в старости принял смерть за веру). Роль проповедей, посланий и личности Павла в распространении раннего христианства, последующем становлении как господствующей религии в поздней Римской империи, а затем и во всей средневековой Европе, невозможно переоценить.

Мир, в котором мы живем, стал таким во многом вследствие того, что делал Павел две тысячи лет назад.

Глава 12
Искусство самосозерцания (Марк Аврелий)

Место: Виндбона, военный лагерь римлян (современная Вена, Австрия)

Время: 180 год

Путешествие из Рима к далеким северным рубежам величайшей империи Античности через высокие труднопроходимые Альпы, мимо замерзших горных озер, в невероятно снежный февраль даже по лучшим в ту эпоху римским дорогам, с ежедневной сменой лошадей на военных постах, было долгим, тяжелым предприятием и заняло немало дней. В иных местах узкие грунтовые колеи над самой пропастью были занесены снегом почти по пояс, и тогда каждый дневной переход давался и людям, и лошадям на пределе сил. Но нам надо было торопиться.

Это была эра одновременно и высшего культурного и политического расцвета в истории древнего Рима, и вместе с тем, как ни странно, эпоха нескончаемых трудностей и несчастий.

Заканчивалось счастливое столетие «пяти хороших императоров». Оно началось в конце первого века нашей эры спокойным правлением Марка Нервы. Ему наследовал великий Траян, первый император не римских кровей, выходец из далекой провинции. Он проводил умную, справедливую внутреннюю политику и был блестящим полководцем, расширив границы империи до наибольших в истории размеров. Следующий «хороший» император, Адриан, понял бессмысленность дальнейшей экспансии и всю жизнь посвятил укреплению границ империи и ее инфраструктуры: дорог, многокилометровых пограничных стен, развитию логистики и транспорта: так, чтобы империя наконец-то стала единым организмом, и вполне преуспел в этом. Его наследник Антонин Пий был юристом и стал отличным администратором: римское право вышло на новый уровень, процветала экономика, бедным оказывалась щедрая поддержка. Наконец, после смерти Пия на престол взошел Марк Аврелий, человек, который с юности считался феноменально умным, образованным и волевым, и при этом еще и образцом морали. Выходец из знатной семьи, но не королевских кровей, еще мальчиком он столь поразил императора Адриана, что тот усыновил его, полюбил как родного, а перед смертью передал

трон Пию с условием, что тот сделает Марка своим наследником. Марк Аврелий пришел к власти в Риме под всеобщее ликование, в расцвете сил, когда ему было около сорока.

Однако правление Марка Аврелия оказалось отнюдь не безоблачным. Капризные римские боги словно сговорились, силясь устроить новому императору как можно больше тяжелых испытаний. Внезапно начались природные катаклизмы самых разных видов. Южные провинции, обеспечивавшие Рим продовольствием, год за годом стали страдать от тяжелых засух и нашествия огромных стай саранчи. На севере же начались необычайной силы заморозки и наводнения: даже спокойный Тибр настолько выходил из берегов, что Рим пару раз полностью затапливало. Германские племена теперь не просто объединились ради одного сражения, как бывало еще при Октавиане, а образовали устойчивый союз, обретя постоянное численное превосходство над римскими гарнизонами, и вполне обоснованно угрожая им. В неспокойном Египте, куда император послал несколько своих лучших легионов, полководец неожиданно поднял бунт против Марка Аврелия, повернув войска обратно, на Рим. Сенат гудел, как потревоженный улей, римляне трепетали в страхе. Лишь император был спокоен как скала: «не столь уж я плох как правитель, чтобы люди пошли против меня». Он мирно увещевал бунтовщика, терпеливо объяснял ему в письмах, что тот неправ. Однажды поутру ему привезли голову полководца, которого казнили собственные солдаты, когда тот приказал им штурмовать Рим.

Марк Аврелий не любил заниматься государственными делами, а войны и вовсе ненавидел всей душой. Но он был прирожденным стоиком и ни в чем ни на час не позволял себе послабления, отдавая работе все свои силы. Из последних десяти лет примерно девять он провел в военных походах против германцев. И даже в них он, когда было можно, проявлял гуманизм: щадил сдавшихся; не только не убивал, но старался даже не отдавать пленных в рабство, отпуская домой, если видел в них раскаяние; постоянно предлагал вождям язычников переговоры на разумных (насколько это было допустимо) условиях – хотя те обычно отказывались. Вечерами, в краткие минуты перед сном, он ненадолго обретал то, к чему его душа всегда стремилась сильнее всего: покой и уединение. Сидя перед тусклыми свечами в походной палатке, в спартанских по меркам римских императоров условиях, он записывал в дневник свои потаенные мысли и впечатления – не следы конкретных текущих событий (которые он в дневнике не упоминал вообще), а наблюдения за жизнью во всей ее полноте, людьми, природой и

логикой течения событий во Вселенной. Он называл эти записи «работой над собой», подразумевая, что душе и интеллекту человека регулярные упражнения столь же или даже еще более необходимы, чем гимнастика необходима телу.

Я был почетным римским сенатором, патрицием, чей род восходил к ста старейшим семьям Вечного города, дальним потомком одного из соратников Ромула, основавшего Рим девятьсот лет назад. Моя миссия была согласована с большей частью сенаторов, но, разумеется, ее не обсуждали на общем собрании, она была важной и тайной – как, собственно, и почти все в настоящей государственной политике. На военных постах по дороге я предъявлял бумагу, в которой шла речь о приготовлении празднеств в честь предстоявшего вскоре дня рождения императора и еще ряда хозяйственных вопросов, требовавших срочного решения: от бюджета гладиаторских игр во время празднования мартовских ид до утверждения кандидатур новых префектов в нескольких южных провинциях, включая Нумидию, Ликонию и Египет.

Подъезжая к лагерю, я сразу отметил про себя явное напряжение, буквально висевшее в воздухе. Я знал и о недавней вспышке чумы, пришедшей откуда-то из Азии, которая со скоростью лесного пожара пронеслась по всем северным римским гарнизонам, еще более осложнив их положение. Известно мне было и то, что маркоманы (самое воинственное из северных племен эпохи, под чьими знаменами сплотились германские войска, но оказавшееся все равно разбитым римскими легионами в прошлом году) принесли невиданно щедрые жертвы своим богам и теперь были готовы биться насмерть, чтобы взять реванш. Одного из центурионов – военачальников среднего звена – варвары сумели выманить в лес и взять в плен. Под жестокими пытками тот рассказал все о боеспособности гарнизона, которая из-за эпидемии и рассеяния сил по постам вдоль границ отнюдь не была внушительной. Присутствие в лагере самого императора, которого язычникам еще никогда в истории не удавалось убить или взять в плен, делало цель еще более желанной. Нападения варваров ждали со дня на день; число часовых на постах было удвоено, чтобы враг не смог застать лагерь врасплох ночью.

Лагерь, как обычно, находился на возвышении, и по своей планировке напоминал римский город в миниатюре, но не из камня и мрамора, а из дерева. Каменными были только прочные широкие стены и главные здания в центре, включая ставку императора. Когда я прошел всех часовых и стражей и получил добро на проход от самого императора, мне разрешили войти. Зная обычаи поразительной роскоши, которой окружали себя

богатые римляне – даже те, кто и мечтать не мог увидеть правителя лично – я был поражен аскетизмом помещения. Оно было просторным; несмотря на зиму, на столе стояло блюдо со свежими фруктами, на стенах висели несколько картин по древнегреческим мотивам. Сбоку стояло большое резное деревянное ложе с балдахином. Но не было совершенно никакой роскоши.

Марк Аврелий был образцом интеллектуала не только с точки зрения своего образа жизни, но и внешне: достаточно высокий, стройный, подтянутый, с большой копной волос – русых, а теперь отливавших благородным серебром, мягкой ухоженной бородой, правильными чертами лица и почти огромными, необычно проницательными голубыми глазами.

Я не стал становиться перед ним на одно колено и отдавать салют, как обычно делалось; лишь приложил руку к груди и как можно вежливее кивнул. Марк Аврелий ответил небольшим, слегка усталым взмахом руки. Император, разумеется, не был знаком со мною, но близко знал нескольких моих родственников. Встретил он меня тепло, приветливо, но без лишнего показного гостеприимства, сразу перейдя к делу. Однако перед этим несколько мгновений внимательно рассматривал меня, и наконец сделал комплимент:

– Человека хорошего и искреннего я вижу по глазам. Мы можем разговаривать вполне открыто.

– Спасибо, великий цезарь. Но мне кажется, в нынешнее время со всяким разумнее быть настороже.

– Говорить правду – дело не воли, а привычки. Просыпаясь каждое утро, мы знаем, что сегодня нам предстоит встретиться и с наглецом, и с трусом, и с мошенником. Но это их проблемы, что они такие. Нельзя подстраиваться под их пороки, лучше подавать им пример собственного достоинства. Но вы, я уверен, не из таких. Дайте мне бумаги, я их посмотрю.

Он читал быстро и задавал вопросы по мере чтения. Я вкратце описал ситуацию в южных провинциях, где, к счастью, в последнее время было почти спокойно, рассказал несколько примечательных недавних историй из жизни римской знати, в том числе довольно забавных. Бюджет игр на мартовские иды, когда открывался гладиаторский сезон, и зрители, соскучившиеся за зиму по состязаниям, валом валили в еще холодный, с влажными от дождей каменными скамьями Колизей, был весьма щедр, и император придирчиво изучил каждую статью расходов, сократив часть из них. Война – не война, а вокруг игр крутилась большая часть светской жизни Рима, зрелища для которой были так же важны, как хлеб для бедняков.

– Если бы на все была моя воля, запретил бы эти жестокие бессмысленные сражения. Но я реалист и понимаю, что Рим бы мне этого не простил. Все, что я могу сделать – издать указы о том, что бойцы должны сражаться тупым оружием, и что поверженных нельзя добивать. Насколько полезнее я мог бы распорядиться всем этим золотом, что тратится впустую.

– Весь Рим с нетерпением ждет открытия. Из Африки привезли несколько перспективных команд, зрители ждут их поединков и уже сделали огромные ставки на то, какая из них выживет. Ваш сын и соправитель Коммод, как всегда, сам будет участвовать в показательном бою, открывающем сезон.

– Я знаю. Меня когда-то критиковали даже за то, что я взял лучших и верных Риму гладиаторов в свои легионы на время войны, пообещав им свободу. Мне они очень помогли в боях с германцами, а заевшаяся римская знать жаловалась, что тот сезон игр вышел недостаточно захватывающим.

Мы обсудили еще несколько вопросов, но к главному, ради чего я приехал, я никак не мог подойти. Я не боялся гнева правителя – он, разумеется, сдержал бы себя в любом случае. Скорее, я из симпатии не хотел огорчать его в и без того тяжелый момент. Поэтому я попробовал переменить тему и попросил его рассказать о том, что он считает главным для любого человека.

– Самое главное – жить с достоинством и ни в чем, никогда, ни при каких обстоятельствах не идти наперекор своей натуре, совести и справедливости. Жизнь человеческая – крошечная капля в огромной реке времени. Сегодня мы сидим здесь, обсуждая, казалось бы, самые высокие и важные государственные дела. Но пройдет совсем немного времени, и все, что сейчас кажется нам значительным, не будет стоить ничего. И нас самих не станет, и на месте этого лагеря возникнет что-то совсем другое – заброшенное поле, а может, наоборот – большой город, столица какой-нибудь будущей страны. Единственный путь – принять жизнь такой, какая она есть, и двигаться вперед, несмотря ни на что – это и есть философия. Странно видеть, как яростно люди без конца сражаются за клочки земли, словно владение ими может что-то всерьез и надолго изменить. А ведь у каждого есть огромная, прекрасная, ни с чем не сравнимая по богатству и разнообразию удовольствий страна, оказаться в которой легче легкого.

– И что же это за страна?

– Наш разум, наш собственный внутренний мир. Закрой дверь и оставь всех снаружи хотя бы ненадолго. Ослабь хватку и погрузись в приятные размышления. Посмотри на себя со стороны, прокрути в памяти прожитый день; вспомни, всегда ли

ты был собой или в чем-то тебе это не удалось.

– Но как надо стремиться поступать?

– Жить надо так, как будто твой каждый день – последний, и другого уже не будет. Смерть и рождение, слава и безвестность, здравие и болезнь, богатство и бедность происходят и с хорошими людьми, и с плохими. Значит нет стыда ни в хорошем, ни в плохом, что с нами случается. Просто принимай это. Нам должно спешить, но не только из-за приближения смерти, а и от того, что разум и силы человека затухают еще раньше. Платон считал, что у человека два начала – тело и душа. Я же считаю, что начал три: тело, душа и разум. Но тело нам дается от рождения, а душа – субстанция легкая, живущая инстинктами. Таким образом, разум – главное начало, и только он нам полностью подвластен. Живи внутри своего разума, исследуй его глубины, оттачивай его остроту и делай его как можно более человечным, ибо среди людей мы живем и от них зависим.

– Значит, путешествие по закоулкам своего ума – это и есть высшее удовольствие?

– Это не столько удовольствие, сколько способ, инструмент, чтобы сделать себя разумным, взвешенным и достойным человеком. Главное наслаждение – это приставлять одно доброе и полезное дело к другому так плотно, чтобы во времени между ними не оставалось и малого зазора. И так каждый день.

– Но оценят ли люди достоинство и благородство?

– Сделав другому добро, умолчи об этом и не жди награды. Пчела производит мед и ни перед кем не хвалится. Благими делами ты сам себя вознаграждаешь, ибо все благое под стать божественному.

– Верите ли вы в богов, создавших мир?

– Я верю в то, что мир был создан некоей силой. Но я не думаю, что богов много. Ведь тогда бы они без конца боролись друг с другом, и мир был бы сплошным хаосом. Взгляни на природу, как она прекрасна, цельна и логична: в ней все, от солнца на небе до крохотного муравья и блестящей капельки утренней росы на траве, находится в гармонии. Пожалуй, лишь люди постоянно нарушают ее равновесие. А еще, если бы не было бога-творца, всем нам было бы намного страшнее умирать. Кто-то говорит: «разве есть боги, ведь их никто не видел». Но ведь я и души своей не видел, а она, тем не менее, есть.

– Боитесь ли вы смерти?

– Настоящий римлянин, и тем более стоик, презирает смерть. Не смерти нужно бояться, а того, что ты так и не начал жить. Смерть – это отдых от болезненных устремлений и служения нуждам своего тела. Она справедлива тем, что равняет всех:

Александр Македонский и его конюх – оба равны, разложившись на атомы. Естественнее смерти нет ничего во Вселенной. Созрели колосья, поспели плоды – если их вовремя не срезать и не употребить, печальна станет их участь: им останется лишь сгнить без всякой пользы.

– Но как стать настоящим стоиком, как воспитать себя таким?

– Не пытайся строить собственную жизнь по чужим представлениям. Не дергайся, не мечись, не будь многословен. Люби свое дело и в нем найди покой. Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства. Молись богам, чтобы держать себя в своей воле. Надо не просто устоять перед грехом, а иметь волю даже не желать ничего плохого. При всяком порыве страсти или ярости остановись и спроси себя: кто сейчас во мне говорит – ребенок, подросток, тиран или зверь? А поступай как мужчина. Не огорчайся из-за мелочей. Огурец горький выброс, от колючек уклонись. Даже у хорошего плотника в мастерской много стружек. Всякая вещь для чего-то в мире нужна, поэтому пусть тебя ни одна не расстраивает. Познай себя, ибо жалок человек, который бывал во многих странах, испробовал все, а себя так и не нашел. Помни, что в большей части того, что мы говорим и делаем, если разобраться, и необходимости-то нет. Поэтому отбрось мелкое и сосредоточься на важном. Пусть дела твои в жизни будут такими, что о них будет приятно вспомнить перед смертью.

– Цезарь, простите, я не упомянул еще одну важную вещь. Через несколько дней – ваш день рождения. Сенаторы просили меня узнать, какой подарок вы сочли бы достойным?

– Хочешь сделать человеку самый ценный подарок – подари ему побольше свободного времени. Мне не нужны драгоценности, виллы, золото. Я хотел бы просто подольше побыть сам с собой. Увы, как раз этой возможности мне никто не подарит, слишком много забот у императора. Передайте, чтобы от моего имени беднякам и в Риме, и в провинциях раздали лучшего свежего хлеба.

Наконец я взял себя в руки и задал Марку Аврелию вопрос, ради которого все и затевалось.

– Простите меня великодушно, цезарь. Сенат прислал меня также и с тайной миссией, на которую меня уполномочило большинство его членов. Все крайне обеспокоены тем, что Коммод, ваш сын, станет следующим императором в случае вашей кончины. Вам не кажется, что особенно сейчас, когда империя в опасности, он – совсем не тот человек, который справится с управлением ею? Он взбалмошен, резок, жесток, не разбирается в политике, все свое время проводит в глупых

бессмысленных развлечениях.

– Этот вопрос, признаюсь, беспокоит и меня самого. Когда Коммод был ребенком, я стремился воспитать его как должно. Но я слишком редко видел его, он вырос почти без меня. И все же он – сильная, волевая личность и отличный воин, что важно в наши дни. Остальное, надеюсь, к нему придет.

– Цезарь, и еще. Все шепотом говорят о том, что он – не ваш настоящий сын. Вашу жену в долгие месяцы вашего отсутствия в Риме не раз видели вечерами в обществе разных мужчин. А по ночам к ней приводили самых сильных и красивых гладиаторов, и от ее сладострастных криков и стонов стены дворца сотрясались до самого утра. Посмотрите на Коммода – эти огромные плечи, бычья шея, пустые бездумные глаза. И, главное, характером он ваша полная противоположность.

– Фаустина все то время, что я был с ней, любила меня, поддерживала всегда и во всем. Она красива, умна, и она дочь предыдущего императора, Пия. Юпитер даровал нам 14 детей. Многие были слабы здоровьем и умерли. Теперь их шестеро: пять девочек и Коммод. Мой он сын или нет – о том известно одним лишь богам. Не ты первый, кто говорит мне об этом. Но ведь и я не был родным сыном Адриана, а лишь приемным. Фаустине я верю, несмотря ни на что, а она мне поклялась всеми богами, что хоть она мне и изменяла, находясь в тоске в мои отъезды, но Коммод все же мой сын. Я должен верить ей, так как исхожу из того, что человек, тем более самый близкий, не лжет, если не доказано иное. Я сделал его своим соправителем. Тогда мне казалось, что он смел, решителен, предприимчив, и в целом достоин стать моим преемником. Теперь же я все больше сомневаюсь. Но могу ли я нарушить давно данное ему мое отцовское обещание? Это было бы недостойно.

– Вы не боитесь того, что можете умереть неожиданно, скоропостижно?

– Я делаю то, что надлежит делать, и об остальном не беспокоюсь. Я никогда ничего не боюсь. Ни с кем не случается ничего, что он не мог бы вынести. Не думай о плохом. Что представляешь себе, то и сбудется. Мысли наши почти всегда становятся реальностью.

– Но что если одно лишь его безрассудство разрушит все, что вы создавали долгие годы?

– Не переживай раньше времени о том, что еще не случилось. В последнее время меня мучают боли в боку, и это вполне может быть началом конца. Пока, впрочем, они не настолько сильны, так что я надеюсь, что еще год-другой в запасе у меня есть.

Марк Аврелий прошелся по комнате, как если бы хотел

сделать паузу перед чем-то важным.

– Главная же трагедия нашей ситуации заключается в том, что все, сделанное мной, и так разрушится неминуемо, причем относительно скоро. С Коммодом на троне или с кем угодно другим.

– Что вы имеете в виду? Неужели слава и доблесть Рима не вечны?

– Я провел в этих местах много лет и внимательно наблюдал за здешними народами. Они и вправду полудикие. Отстают от нас на пятьсот, а может, и на тысячу лет. Но зато сколько в них страсти, и как плодовиты их женщины: умирают в тридцать лет, но всякая успевает родить не меньше десятерых. То ли дело – изнеженные римские матроны. Они не хотят или не могут родить больше двоих-троих; их богатым мужьям до детей тоже дела нет: куда интереснее игры гладиаторов, хмельные пиры, стройные мальчики и другие того же рода удовольствия. Половина полей Италии даже не засеяны, а у этих германцев и расчищенная от леса поляна на вес золота. Год за годом мы жестоко убиваем их тысячами, а их становится все больше. Рано или поздно, и это не зависит от добродетели будущих императоров, наша империя не выдержит их мощного натиска с севера. В этом, как ни противься – сама логика природы вещей.

– Но ведь Рим – это свет цивилизации, который должен указывать путь варварам.

– Посмотри на римлян со стороны. Мы все время пируем, предаемся похоти, нападаем на соседей, до упаду пьем прокисшую виноградную жижу, аплодируем убийствам людей на арене. Неужто в этом заключается цивилизация и добродетель? А может, наоборот, это путь в никуда?

– Император, я смотрю на вас, и вижу напротив себя почти собственного двойника. Но с одним различием: я бы не доверил империю сыну, если бы он был таким, как Коммод.

Я вздохнул. Марк Аврелий уделил мне много внимания. Конечно, я не мог его переубедить. На прощание он сказал:

– Я вижу в тебе положительную склонность к размышлениям и искренний интерес к философии. В любом римском городе все похоже: и площади, и амфитеатры. Так же и жизнь: с какой стороны на нее ни взгляни, всюду одни и те же правила. Что ни случается – все знакомо, как розы по весне или фрукты летом. Кто хорошо видит нынешнее, тот понимает прошлое и предвидит будущее. Философия на деле проста и хочет лишь того же, что и природа.

Затем написал несколько слов на пергаменте и протянул его мне на память. Я прочитал написанное, уже выйдя от философа

на троне.

«Собственного гения храни в чистоте».

Почему-то мне было грустно, ведь я знал, что произойдет дальше.

Менее чем через месяц римляне одержат решающую победу в той войне, а вот Марку Аврелию суждено будет скончаться. По версии историков, смерть его наступила от чумы, которая снова вспыхнула в лагере; согласно художественным книгам и фильмам, его задушил или отравил Коммод, приехавший проведать отца на передовой, поскольку до него дошли слухи, что тот засомневался в наследнике. Как было на самом деле, мы, конечно, не узнаем. Когда «философа на троне» торжественно хоронили в Риме, все сенаторы и граждане сошлись на том, что Марк Аврелий не мог умереть (ведь боги даже в человеческом облике не умирают), а лишь вернулся домой, туда, откуда он когда-то к ним пришел.

Правление Коммода стало одним из самых несчастливых в истории Рима. Он ревниво старался во всем превзойти «отца», не имея и сотой части его интеллекта. Римляне терпели поражения на всех рубежах империи, провинции голодали и бунтовали. Коммод в это время развлекался в огромном гареме юных девочек и мальчиков, уничтожал цвет римской знати (которую подозревал в измене) и забавлялся победами в гладиаторских боях (физически он был силен, а рабы ему, конечно, поддавались). В итоге он погиб от руки гладиатора (то ли случайно, то ли в результате заговора). Следующим правителям Рима восстановить утраченное им так и не удалось. Именно с этого момента начался долгий, но неуклонный закат величайшей из мировых империй. Марк Аврелий остался в памяти людской как один из самых благородных, достойных и успешных императоров в истории. Но ошибка с наследником перечеркнула все его политические достижения.

Его дневник сохранился практически случайно. Позже он был издан в виде книги «Наедине с собой». Хотя размышления Марка Аврелия и не привнесли ничего революционного в науку и философию, они были вполне в русле учения Сенеки и известных ранее греческих стоиков, но именно этот труд позже был признан вершиной всей мировой стоической философии благодаря самым точным, кристально выверенным формулировкам, а также искренности и обаянию его автора.

Марк Аврелий не был христианином: напротив, при нем гонения на христиан в Риме шли полным ходом. Но будущие христианские философы не винили его за это и считали «скрытым христианином» благодаря его удивительной для жестокой

римской эпохи доброте и человечности.

Его слова и мысли звучали свежо и современно все последующие две тысячи лет. Трактат Марка Аврелия был настольной книгой нескольких американских президентов.

Его взгляд на жизнь необыкновенно актуален и сегодня.

Глава 13
Вера и разум (Августин Блаженный)

Место: Гиппон, столица южной римской провинции Нумидии (современный Алжир)

Время: 430 год

Это было время громадных перемен. Великая Римская империя, более пятисот лет безраздельно правившая южной Европой, ближней Азией и северной Африкой, сотрясалась в конвульсиях, доживая последние годы. После почти столетней эпохи случайных «солдатских» правителей, при которых все институты власти Рима слабели и деградировали, в конце третьего века империя все-таки нашла в себе силы на последний яркий всплеск. Снова на какое-то время она стала самой могучей в мире державой благодаря талантам двух жестоких, но умелых императоров – Диоклетиана и Константина. Диоклетиан провел множество реформ, разбил управление увядающей империей на несколько частей и перенес органы власти из Италии, трещавшей под натиском многочисленных германских племен, на территорию нынешней Хорватии, что ослабило давление. Константин Великий поступил еще радикальнее: разделил империю на две части: Западную и Восточную, сделав столицей Восточной части город Византий (после его смерти переименованный в Константинополь, а позже – в Стамбул). Вопреки распространенному суждению, Константин так и не стал христианином, но он был первым императором, который проникся глубоким уважением к этой вере, распространившейся уже повсеместно, после того, как видение креста на небе помогло его войску победить в важнейшей битве. При следующих императорах христианство обрело неоспоримый статус главной религии позднего Рима. Однако даже столь грандиозные реформы и личности не могли долго противостоять бурлящему, неотвратимому ходу истории.

В конце трехсотых годов началось «великое переселение народов». Орды восточных степных племен – таких как гунны – из-за резкого роста населения и изменения климата массово вторгались в центральную Европу, оттесняя германские народы дальше на запад, на пустующие территории ослабевшего Рима. Примерно к четырехсотому году судьба империи была предрешена: германские племена готов, вандалов, свевов и аланов овладели севером Италии и большей частью Франции и Испании. Рим из последних сил сопротивлялся, порой нанося

варварам чувствительные поражения в битвах или (чаще) искусно стравливая их между собой. Вандалы, хотя название их небольшого народа стало нарицательным, отнюдь не были самыми жестокими из варваров, скорее, наоборот. Не единожды разграбив Рим подчистую, они не истребляли и не угоняли в рабство его жителей, как наверняка сделали бы другие. И все же зрелище косматых, не мывшихся годами полудиких воинов, выносящих из роскошных дворцов Рима золото, картины и статуи, болезненной занозой засело в память последующих поколений. Правда, Рим тогда уже не был столицей даже Западной части империи. В описываемое время ею был город Медиолан (Милан), а значимость Рима поддерживалась лишь присутствием там понтифика.

Мир, рождавшийся на осколках распадающейся «вечной» империи, и культурно, и политически представлял собой яркое лоскутное одеяло. Было бы неверно считать, что наследие Рима исчезало: скорее, оно странным, причудливым образом перерождалось в новом качестве. Восточная часть империи, Византия, благодаря гениальному предвиденью Константина во всем стала преемницей павшего Рима, процветая и культурно развиваясь еще почти тысячу лет. На территории же западной Европы, теперь принадлежавшей варварам, тоже сохранились многие атрибуты настоящего Рима: все германцы к этому времени уже стали христианами, духовно подчиняясь римскому папе, мнение которого в их междоусобных конфликтах приобрело большое значение. Изначально у германцев была лишь примитивная система письменности, теперь же они учились писать на латыни и упорно овладевали секретами возведения храмов и крупных городов. Самый выдающийся правитель германцев в истории, Карл Великий, спустя четыреста лет объявит себя «священным римским императором». Таким образом, идея, как сказал бы Платон, Pax Romana, «римского мира», до неузнаваемости изменилась, но полностью она не исчезала никогда. Даже будущая Британская империя скопирует многие римские черты.

В этот раз мне выпало быть пленником, сидевшим вместе с другими подданными империи в построенной вандалами большой деревянной клетке-заграждении с толстыми прутьями прямо на песке на африканском берегу Средиземного моря, у склона небольшой горы. Буквально над нами возвышался крупный римский город Гиппон, важный форпост империи, за которым располагалась широкая полоса плодородных полей, а южнее начинались бескрайние пески Сахары. Сами вандалы оказались в этих местах тоже не от хорошей жизни. Они

облюбовали себе живописный юг Испании, где собирались осесть навсегда, но неожиданно объединившиеся готы и римляне выдавили их оттуда, и теперь вандалы искали новую родину, силой подчиняя себе город за городом в римских провинциях вдоль северного африканского побережья, сил на защиту которых у Рима уже не оставалось. Но Карфаген, крупнейший римский город в Африке, несмотря на многомесячную осаду, вандалам захватить все же не удалось. Хотя из-за междоусобиц римским городам приходилось противостоять варварам поодиночке, пример Карфагена вдохновил жителей и других провинций.

Мои руки были накрепко связаны толстой веревкой, но ноги оставались свободными. Вокруг находилось еще шестеро или семеро молодых людей. Все они были убежденными христианами и просто решительными людьми родом из Гиппона. Со дня на день осажденные в городе ждали прибытия римских военных кораблей – консул города требовал помощи в своих письмах императору уже давно. Нашему небольшому отряду удалось, скрытно проскользнув за городские стены ночью, незаметно обойти большой военный лагерь вандалов на берегу. Мы должны были, завидев римский флот, сразу послать сигнал об этом в город, а затем на одном из оставшихся кораблей выйти в море, чтобы также участвовать в сражении. Без еды и с крохотными запасами пресной воды мы продержались в укрытии двое суток, но затем нас заметили дозорные, и, окружив гораздо большим отрядом, вынудили сдаться. Как показали дальнейшие события, наша миссия была обречена: римский боевой флот так и не пришел, а несколько легких, слабо вооруженных кораблей, присланных на подмогу соседями, вандалы легко уничтожили.

На допросе у вождя захватчиков Гейзериха мы не отпирались, так как наши признания городу все равно уже не могли повредить: его участь была предрешена. Мои спутники, решившиеся на вылазку из благородных и патриотических побуждений, теперь совсем сникли. Надо отдать должное вождю варваров: он никого не подверг пыткам, избиениям или унижениям, нас просто отвели в деревянный острог, возможно, рассчитывая в случае необходимости использовать как заложников (некоторые среди нас были выходцами из самых знатных семейств Гиппона). Теперь, перед почти неминуемой казнью, кто-то рядом со мной тихо плакал, а двое парней молились, нараспев произнося мелодичные латинские слова, обращенные к Христу. Другие молчали. Я знал, что вскоре произойдет, но ни с кем не делился, чтобы не нарушать ход событий.

Вечером, когда красное солнце почти зашло, по стану

варваров прокатилось оживление. Часовые, схватив факелы и освещая ими пространство между границей лагеря и склоном горы, о чем-то напряженно и удивленно переговаривались. К ним, неспешно и горделиво подняв голову с седой бородой, с подчеркнутым достоинством приближался человек в богатом белом одеянии епископа. Он был совершенно один. После недолгих объяснений стражники окружили его, и они все вместе направились к шатру вождя. Человек пробыл внутри минут двадцать, после чего его сопроводили в наш острог тоже в качестве пленника, но обращались с ним с почтением, и даже не стали связывать руки.

Когда его привели к нам, и дверь клетки заперлась, все наполнилось радостными криками. Мои спутники прекрасно знали его лично, так как были его учениками и относились к нему с горячей любовью, словно к родному отцу, и с безграничным уважением, как к мудрому всезнающему наставнику. Пришедший присел на подобие деревянной табуретки, а мы устроились прямо на песке, который днем казался обжигающим, а теперь, поздним вечером, стал прохладным. Я рассмотрел его более внимательно. Издали, в широком одеянии, прибывший казался крупного телосложения, но вблизи выглядел несколько худощавым и болезненным. По меркам той эпохи он был очень стар – ему было далеко за семьдесят, но впечатления дряхлости он не производил. Его речь звучала энергично, голос казался молодым, а ясность ума для его возраста просто удивляла. Очевидно, что в молодости это был физически сильный, выносливый и страстный во всех смыслах человек. Его шевелюра когда-то была красивой и густой, но теперь голова пожилого епископа наполовину облысела. Однако его внешность меркла по сравнению с неизбывной силой его духа и уверенности в себе и правоте каждого своего слова. В наши дни его назвали бы человеком с невероятной харизмой. Хотя он был таким же пленником, лица остальных засияли радостью и надеждой.

– Не печальтесь. Господь всеблагой услышит наши молитвы. Не поддавайтесь отчаянию, ибо это есть большой грех. Утрачивая надежду, вы перестаете верить в божественную справедливость.

– Но как верить, когда ситуация безнадежна?

– Что значит безнадежна? Разве вы уже мертвы? Напротив, мы живы, прямо сейчас не страдаем ни от боли, ни от жажды, нас приятно обдувает прохладный ветер с моря. Настоящее вполне сносно. А будущего еще нет, и все может пойти по какому угодно пути. По тому, который выберет Бог, и который всякому в конечном итоге обернется только во благо: или здесь, на земле,

или в Царствие Его.

– Епископ, если это не тайна, расскажите, о чем вы говорили с Гейзерихом?

– Я сказал ему, что он замечательный воин и доказал свою доблесть во многих сражениях. Однако ему еще далеко до того, чтобы стать великим правителем, ибо великий правитель не только смел, но также и справедлив и гуманен в тех пределах, в которых возможно оставаться. Далее я предложил ему обменять свою жизнь, – жизнь старого человека, видевшего и познавшего абсолютно все на своем долгом веку, – на ваши, столь молодые и почти невинные жизни. Я сказал ему, что согласен на любую казнь завтра утром, если он отпустит домой всех вас, пусть даже предварительно взяв с вас божественную клятву не брать в руки оружие при штурме города, который грядет со дня на день.

– И что он ответил?

– Он был заметно удивлен. Для варваров идея самопожертвования ради людей, не являющихся их близкими родственниками или командирами, кажется странной. Сказал, что решит утром.

Повисла неловкая тишина, прерываемая лишь отдаленным шелестом прибоя. С одной стороны, у всех в душе забрезжила надежда, с другой – ценой этой надежды была жизнь человека, которого уже более двадцати лет в Гиппоне почитали почти как живого Бога, и который был известен и уважаем во всех уголках империи. До утра было много времени, а в ночь перед казнью, которая была весьма вероятна, приговоренные, как известно, не спят: они проводят ее в молитвах или разговорах с соседями по камере, ибо в такой ситуации нельзя терять ни одной бесценной минуты последних часов своей жизни.

Я был единственным, кого епископ Августин Аврелий – он войдет в историю под именем Блаженного Августина – не знал лично. Я хотел представиться жителем Карфагена, который оказался в Гиппоне случайно, по делам; но вовремя вспомнил, что Августин провел в Карфагене много лет в молодости и легко мог поймать меня на незнании этого города и его обитателей. Тогда я представился строителем, прибывшим через Гибралтар с юга Испании для ремонтных работ в главном храме города, которые действительно сейчас шли. Но он не стал меня расспрашивать, и лишь уточнил:

– А ты, испанец, уже нашел свой путь к Господу, милостивому создателю нашего мира?

– Да, я верую во Христа и триединого Бога.

– Это очень хорошо. Вера есть самое важное. Лучше для человека не знать ничего, но нести в себе свет Иисуса Христа, чем

знать обо всем, но так и не обрести божественной благодати.

– Простите, епископ, значит ли сказанное, что вера для людей важнее разума?

– Это неверное противопоставление. Вера и разум связаны теснее, чем что-либо во Вселенной. Однако, как правило, они приходят не одновременно. Вспомни, как в детстве мы доверяли родителям и учителям, когда они нам что-то объясняли, и не требовали от них доказательств. Если бы мы им не верили, мы ничему бы не научились. Но взрослея, мы обретаем разум – способность самим размышлять и делать выводы. Примерно так же выглядит путь истинной веры. Сначала ее надо почувствовать внутри себя, заставить это зернышко взойти в своем сердце и озарить внутренний мир ни с чем не сравнимым светом и теплом. Потом, если у тебя есть способности и потребность, надо изучать Слово Божье, данное в Новом Завете, своим разумом. Уверяю, на этом пути каждого ждет множество удивительных открытий. Чем больше ты будешь думать и анализировать, тем более цельной, логичной и прекрасной покажется тебе картина всего мира.

– Спасибо, так я и стараюсь делать. И все же, если Бог всемогущ и всеблаг, откуда тогда на свете берется зло? Почему сейчас мы, праведные христиане, сидим за решеткой и с бессилием ждем смерти от рук, замечу, других христиан?

– Я все же не стал бы называть вандалов настоящими христианами, даже несмотря на то, что они произносят Его имя и прошли таинство крещения: они живут, ни в чем не следуя канонам веры. Вероятно, потому, что их разум замутнен вреднейшей арианской ересью, которой, к сожалению, придерживаются все новообращенные германцы. Согласно этому учению, Иисус, Бог-Сын, хотя и имеет божественную сущность, но во всем стоит ниже Бога-Отца, был создан Им из ничего, когда Вселенная уже давно существовала, и до сих пор, даже на небесах, во всем подчиняется Отцу. Для истинных христиан очевидно, что арианство – это коварная змея, заползшая под одежду подлинной веры. Это грубо и неумело переделанный ветхий иудаизм, а вовсе не Благая Весть, которую принес миру Иисус. Бог триедин. Иисус всемогущ, Он был всегда и будет всегда.

Однако суть твоего вопроса была не в этом. Ты спрашивал меня, откуда берется зло. Ответ же заключается в том, что зла не существует. Зло – это недостаток добра. Взгляни вверх, на ночное небо. Неужели ты скажешь, что темнота существует как нечто реальное? Разумеется, нет. Темнота – лишь временный недостаток света. Тишина – это отсутствие шума, нагота – отсутствие одежды. Господь желает человеку только добра. Но он также подарил ему свободу воли. Все зло в мире совершается

только по вине человека, неправильно использующего подаренную ему свыше свободу воли, и за это каждый уничтожающий добро понесет справедливую кару.

– Грешников ждут вечные муки в огне преисподней?

– Я уверен, что ад не есть нечто материальное и, тем более, телесное. Величайшая кара Бога состоит в том, что он просто отринет душу грешника. Оставит ее вне пределов Его света.

– Но откуда мы можем знать, что существует жизнь после смерти? Разве возможно доказать это разумными доводами?

– Конечно, и это нетрудно. Душа, в отличие от тела, субстанция нематериальная. Откуда она вообще может взяться? Только если ее создал Бог – или как частицу самого себя, или как самое хрупкое, тонкое и драгоценное творение, какое только есть во всей Вселенной. И это счастье, ведь душой не обладают ни предметы, ни растения, ни животные, а только люди. Зачем Богу уничтожать столь драгоценную субстанцию всего лишь из-за смерти никчемного и бренного человеческого тела? Это было бы как минимум неразумно, а Бог есть величайший разум.

– Платон тоже когда-то говорил о том, что души человеческие есть частицы всемирной души.

– Платон был величайшим из философов. Он первым во всей полноте осознал превосходство вечного мыслимого над недолговечным материальным. Идея, которая исходит от Бога, говоря языком Платона – это и есть то, что сделало наш мир возможным. Далее идут идеи, возникающие в головах людей, которые есть отражения божественного света, но, тем не менее, содержат его частицы, а значит, люди тоже божественны – благодаря разуму. Напротив, мир вещей есть самая примитивная форма материи, очень непрочная и недолговечная, постоянно меняющаяся. Если бы Платон родился на несколько веков позже, он, конечно, был бы христианским проповедником, и очень видным. Но ему не посчастливилось. Он умер намного раньше, чем Христос посетил наш мир. И потому он страдал в конце жизни, ибо не мог найти центральную опору своему великому учению. Философские открытия без божественной основы всегда незаконченны и бездоказательны.

– Что же, в таком случае, является доказательством существования Бога?

– Абсолютно все. Наш удивительный мир, столь гармоничный и полный красок. Но прежде всего – сам человек. Природа, будучи слепой, не имела бы никакого шанса создать столь совершенное во всех смыслах творение. Как души соединяются с телами и становятся живыми существами – великая загадка. Без Бога объяснить это величайшее из чудес невозможно. Я в жизни много

странствовал, но не видел ни одного народа, который бы не имел веры.

– Вы верите логически, рационально, в то, что чудеса, описанные в Евангелии, происходили на самом деле? Или это лишь поэтическая метафора, иллюстрация?

– Возможно, я первый из христианских богословов, имеющий смелость утверждать, что Писание не следует до последней буквы понимать буквально. О чем-то в нем действительно говорится метафорично, иносказательно. Если бы не мой авторитет, враги и критики уже стерли бы меня в порошок. Но я считаю, что именно такой подход более всего согласуется с разумом. Однако это не значит, что «чудес» Божьих в действительности никогда не происходило. Чудеса не противоречат законам природы, а лишь проистекают от нашей наивности и незнания этих законов.

– Епископ, расскажите, пожалуйста, о Боге и о том, что Он значит для всех людей.

– Бог есть эссенция всего сущего. Он стоит надо всем и определяет все. Это Абсолют, эталон, на фоне которого определяется сущность и качество всех прочих вещей, предметов и физических явлений. Все на свете соизмеряется только с Ним. Бог сотворил природу, вдохнув в нее жизнь. До Него не было ничего, даже самого времени. Он создал мир и затем человека, полагая, что люди будут добродетельны, что они безгрешно и почтительно будут обитать в Эдемском саду. Однако человек не устоял перед плотским соблазном. Грехи людей постоянно множились, и Господь послал на землю посредника между Ним и человеком, дабы наконец остановить это. Иисус искупил все наши грехи на кресте. Теперь любой рожденный свободен от первородного греха, и, если только он по собственной воле не выберет путь порока и зла – а точнее, испорченного или недостаточного добра, – то попадет прямо в Царствие Небесное. Дабы предостеречь человека, Бог наградил его совестью, которая и есть голос Всевышнего в нашей душе. Он также передал нам Новый Завет, в котором подробно рассказывается, как следует жить, чтобы быть угодным Ему. Весь наш беспокойный и сложный мир можно представить себе в виде бурлящего океана. И вера в Господа – это тот плот, то единственное средство, которое может помочь нам пережить любые жизненные штормы и невзгоды. А парус этого плота – это крест Христа, который возвышается надо всем, даже над смертью. С помощью этого паруса, и только с его помощью, человек не просто удержится на плаву, но и при любых ветрах проложит курс к правильной гавани. Человек может познать себя, лишь взглянув на себя со стороны, глазами Бога. И уже тогда – обдуманно и свободно

решить, какой выбор в жизни ему сделать.

– В чем же состоит этот выбор? Достаточно ли просто по возможности избегать греха?

– Грех – это не источник порока в человеке, а его следствие. Все поступки идут от разума, который выше всего материального. Проповедуя в храмах, я часто привожу простой и понятный пример. Каждый из нас стоит у врат двух городов. Это Град Божий и Град Земной. В первом все выглядит скромно и тихо, и людей в нем пока совсем немного. Здесь живут те, кто любит Бога больше, чем себя. До Христа таких людей были единицы: боговдохновенные пророки и святые. После Христова Воскресенья жителей Града стало намного больше, но все еще явно недостаточно. Другой Град огромен, сверкает красками, весельем и любыми развлечениями, о которых люди только могут помыслить. Вот, например, как эти, – из лагеря вандалов раздавались нестройные песни, пьяные крики, кажется, то и дело кто-то с кем-то дрался или просто дурачился. – В Граде Земном живут те, кто любит себя сильнее, чем Бога. А значит, презирает Бога. Увы, людей там – видимо-невидимо. Но жалка и горестна участь их. После смерти канут они в небытие. Некоторые тешат себя мыслями, что Бог настолько всеблаг, что врата Рая в конце времен распахнутся для всех без исключения, даже для отъявленных грешников, что Господь простит их. Я считаю это утверждение ересью. Сделав так, Бог обесценил бы преданность праведных людей, попросту предал бы их.

– Но получается, что эти самые обитатели Града Земного, которые пьянствуют там, у костра, сильнее нас, праведных христиан. Ведь нам остается лишь сидеть в клетке и дожидаться смерти.

– Ты смотришь на вещи слишком узко, сиюминутно. В одной из своих работ я попытался изложить ход мировой истории, разбив ее на главные этапы. Так вот, все развитие цивилизации есть постепенное приближение людей ко Христу, к истинному Богу, и длится эта история, начиная от дикарей и заканчивая нашим временем. То, что сейчас происходит – закономерная гибель Рима, и мы – лишь невольные участники этих событий. Римская империя, при всех ее достижениях, есть Град Земной. Она основана на самом мерзком поступке – братоубийстве, ведь Ромул убил Рема, и на последовавших за ним невероятных подлости и лжи. Вы ведь помните, что Ромул убил на пиру сотни гостей из соседних городов, чтобы его люди женились силой на их женах и дочерях, и что именно от них пошли триста римских родов, из которых вышли будущие императоры Рима и сенаторы. Прикрываясь речами о развитии и цивилизации, римляне всегда

исповедовали культ силы, безжалостно и с глубоким чувством собственной правоты топили соседние народы в крови. Да и в самом Риме дело обстояло не лучше. Римские императоры казнили не меньше граждан, чем погибало солдат во внешних войнах. Народ Рима отвечал им тем же – каждый третий император, как известно, умер не своей смертью. Государства, чуждые справедливости, подобны разбойничьим шайкам. Даже такие огромные. Слишком поздно принятая истинная вера мало что изменила в жестокой римской политике. Варвары – не наследники Рима. Они лишь временный инструмент, бич Божий, который разрушит до конца старый римский мир. На его руинах возникнет новое. Все больше людей с каждым поколением будут становиться жителями Града Божьего. Эти вандалы или прозреют, сбросят оковы арианства, станут жить по истинным законам Христа, или навсегда сойдут со сцены, уступив место другим.

– Как скоро, по-вашему, наступят перемены? Через год, через сто лет, через тысячу?

– Для Бога разницы нет. Не так важно, когда именно перемены настанут. Главное, чтобы это произошло, пусть хоть через миллион лет. Он вне времени, для Него вечность – это мгновенье, а каждый миг – вечность. Для человека же время – вещь непознаваемая. Его для нас попросту нет. Прошлого нет, ибо оно минуло и исчезло, оставшись блеклым следом в нашей памяти. Будущего еще нет, вместо него – лишь наши планы, надежды и страхи. Но и настоящего тоже не существует, так как каждый миг все полностью меняется. Поэтому время есть только у Бога. У человека его нет.

– Епископ Августин, расскажите, как вы пришли к этим взглядам?

– Удивительно, что вы не знаете. Уже давно я написал книгу «Исповедь». Может показаться странным, но я написал абсолютно искреннюю автобиографию, где разъяснил каждый свой поступок – может быть, впервые в истории. Уже на моей памяти она обрела известность, хотя, конечно же, меньшую, чем библейские тексты и труды древних греков. Если сказать в одной фразе, то до определенного возраста я буквально купался в удовольствиях и плотских грехах, но, обретя мудрость, полностью в них разочаровался, и, изучив несколько религий, понял, что только христианство дает истинные ответы на любые вопросы.

– Но что делает христианство столь духовно притягательным?

– В первую очередь – то, что в любом, даже самом глубоком своем отчаянии ты не один. Иисус всегда рядом. Он твой брат, который ближе всякого брата. Друг, который преданнее любого

друга. Он любит тебя и отзовется, если ты сам всей душой призовешь его.

– Какой совет чаще всего вы даете прихожанам, пришедшим на исповедь?

– Лучшими словами апостола Павла я считаю «Буква убивает, Дух животворит». Человек есть то, что он любит. Посему: «Возлюби Господа нашего Иисуса Христа всем сердцем, и поступай, как хочешь».

Наступила глубокая ночь. Погасли почти все костры, кроме одного сторожевого. В военном лагере воцарилась такая тишина, что было хорошо различимо пение ночных цикад. За долгими разговорами, под успокаивающий голос любимого учителя, юноши вокруг нас погрузились в сон.

Наутро Гейзерих выполнил просьбу Августина – отпустил всех пленников и притом отказался казнить самого Августина. Каким-то звериным чутьем король вандалов понял, что перед ним – человек и мыслитель такого масштаба, что история ему этого попросту не простила бы. Главные книги, написанные Августином, к тому времени широко разошлись по всей империи. А отдельные его поздние работы сохранились благодаря неграмотному вождю вандалов, приказавшему своим воинам не трогать местную библиотеку.

Вандалы взяли Гиппон штурмом спустя несколько дней. Историки сообщают, что Августин погиб при штурме, но не с оружием в руках, а как-то иначе: скорее всего, на него обрушились обломки крыши главного собора, в котором он вел последнюю службу для тех, кто не мог защищать город.

Государство вандалов на севере Африки было обширным и процветало еще полвека, до смерти Гейзериха, но после стало клониться к упадку. Еще через полвека его легко поглотила Византия.

Огромное значение наследия Августина для истории и церкви состоит в том, что проповедники раннего христианства до него обращались к чувствам верующих, неся им Благую весть о Воскресении Христовом и раскрывая им невиданную доселе нравственную доктрину. Блаженный же Августин, ставший в зрелости одним из ведущих христианских деятелей мира, подошел к вопросу веры с позиций высокого разума и научной логики, и часто использовал в своих рассуждениях цитаты и идеи великих античных философов, чьи труды он знал досконально.

«Верую в Христа, люблю Его, потому что весь мой разум, а не только душа, явно призывает меня к этому», – примерно такой вывод звучит рефреном в его книгах.

Жизнь и работы Блаженного Августина почти совпали по

времени с окончательным падением Рима. Оба этих события ознаменовали наступление тысячелетней эпохи европейского христианского Средневековья.

Глава 14
Покорность и служение (Усман ибн Аффан)

Место: Медина, столица раннего Арабского Халифата (современная Саудовская Аравия)

Время: 646 год

Глядя на две карты мира – в начале и в середине шестисотых годов – кажется, что их разделяет несколько веков, а не каких-то двадцать или тридцать лет. Названия восточных стран и их культурный код изменились быстро и разительно, почти как в древности, во времена походов Александра Македонского. Но было и огромное различие. Александр, при всем его величии и необозримом масштабе личного вклада в историю человечества, уже для следующего поколения остался в памяти не более чем яркой легендой. Через шестьсот лет схожая судьба будет ждать еще одного глобального завоевателя, Чингисхана. В отличие от них, имя человека, основавшего империю, которую мы знаем под именем Арабский халифат, и которая расширилась при его жизни и сразу после его смерти со столь же невообразимой скоростью, и сегодня с невыразимым почтением пять раз в день упоминают в искренних молитвах более миллиарда людей во всем мире.

Мухаммед, основатель ислама и главный, последний, Пророк Всевышнего для мусульман, до очень зрелого по тем временам возраста (сорок лет) вел достаточно обычную жизнь в Мекке, весьма оживленном городе. Он был успешным торговцем и, вероятно, проводником караванов по великой аравийской пустыне (и то, и другое считалось уважаемым ремеслом). Мухаммед отличался мужественностью и красотой, а супругой ему приходилась богатая и знатная женщина старше него, которую он очень любил и был верен ей до ее кончины, хотя впоследствии у него было около десяти жен. Иногда он уходил из города, проводя целые дни в одиночестве в пустыне и предаваясь там размышлениям. Однажды в небольшой каменной пещере близ Мекки ему явился архангел Джабраил (Гавриил) и властно потребовал запомнить отрывок текста, написанный, как полагают в исламе, рукой Бога. Их встречи продолжались еще более двадцати лет, до самой смерти Пророка. Архангел раскрывал ему следующие части откровений Господа людям (которые наследники Мухаммеда с его слов объединили в священный свод текстов – Коран), оказывал ему помощь, поддержку и обеспечивал

личную защиту в самые трудные и важные моменты его жизни.

После первой же встречи Пророк начал нести слова Всевышнего людям. Однако в Мекке – уже тогда важном духовном центре, где были сильны невзлюбившие его языческие священники. – он не нашел поддержки. Ему угрожали убийством, из-за чего он был вынужден переехать во второй по значению торговый центр Аравии, город, который позже стал называться Мединой. Момент этого переезда в мусульманском мире берется за начало нового летоисчисления. Жители Медины встретили Пророка и его учение с радостью и горячей поддержкой. Вскоре он стал правителем города, возглавил войско, в нескольких битвах разбил воинства Мекки, благодаря чему вернулся в родной город триумфатором. Так началась история Арабского халифата. При жизни Пророка, всего за несколько лет, территория государства охватила весь Аравийский полуостров.

После смерти Мухаммеда его наследники, два первых «праведных халифа», одержали еще немало выдающихся военных побед. Тем не менее, в это же время внутри империи развернулась жестокая и кровавая борьба кланов правителей-наследников, в которой трагически погибли многие близкие соратники и родственники Пророка. Границы Халифата в короткий срок расширились многократно. Теперь зеленый флаг ислама развевался над множеством стран Востока – Сирией, Палестиной, Месопотамией (Ираком), Египтом и почти всей бывшей Персидской империей. Спустя столетие Халифат распространится также и далеко на запад, поглотив весь север Африки и Испанию.

Однако наследная власть в новорожденной империи стала яблоком раздора с первого дня после смерти Мухаммеда. Конфликты и войны на этой почве не прекращались очень долго, и в некотором смысле продолжаются до сих пор в виде противостояния суннитов и шиитов. Двое последователей Пророка – его самый давний и близкий друг, соратник, правая рука во всех мирских делах Абу Бакр и родственник и поверенный в духовных вопросах имам Али – почти в равной мере претендовали на то, чтобы стать единоличным наследником Мухаммеда и его Халифата. Верх взял Абу Бакр, имевший больше вооруженных сторонников, и с него началась династия праведных халифов по версии суннитов. Абу Бакр пользовался большим авторитетом и умело вел государственные дела. Истинный для шиитов наследник Пророка имам Али позже был предательски убит кинжалом в спину во время молитвы в мечети, что признается громадной трагедией всеми мусульманами.

Второй праведный халиф Умар аль-Хаттаб отличался

предельной твердостью, при нем единая власть в Халифате упрочилась, а темп завоеваний возрос как никогда. Аль-Хаттаб создал политическую структуру империи, принял новое летоисчисление, при нем началось массовое паломничество в Мекку. Но править ему довелось не очень долго: во время утреннего намаза на него напал персидский раб, исколовший халифа ножом в отместку за завоевание Персии. Перед смертью тот успел назначить преемника, третьего праведного халифа: им стал еще один известный, близкий и любимый Пророком соратник – Усман ибн Аффан, человек преклонных лет: тогда ему было уже около семидесяти.

В отличие от первых двух халифов, Усман не был воинственным по характеру. Еще до триумфа ислама он был богатым купцом, щедро помогал деньгами и верблюдами армиям Пророка, а в молодости отличался неотразимой красотой. Мухаммед отдал Усману в жены одну из своих дочерей, с которой у того была большая любовь, а после ее ранней смерти дал ему в жены и свою вторую дочь. Усман ибн Аффан был блестяще образован: говорили, что он читал почти каждую ночь до самого рассвета. При нем в империи впервые воцарилось относительное спокойствие. Главной миссией жизни третий халиф считал составление единого канонического текста Корана, который до сих пор существовал лишь в виде разрозненных глав (сур), в которые с годами стали понемногу примешиваться вставки, что для последователей истинной исламской веры было неприемлемо. Свою скромную для правителя такого масштаба резиденцию Усман перенес из Мекки в Медину, тоже священный для мусульман город, где, как ему казалось, было безопаснее. В отличие от предшественников, лично выезжавших проверять дела в завоеванных новых провинциях, он практически никогда не покидал Медину, управляя всеми делами в разросшемся государстве посредством административного аппарата.

С караваном из ста пятидесяти груженых товарами верблюдов мне пришлось проделать долгий путь: из Дамаска более чем тысячу километров на юг, вдоль побережий Средиземного и Красного морей, по выжженным бесплодным пустыням. Я был богатым купцом и вез товары из одного из самых важных городов мира в страну, которая еще недавно была столь отдаленной, бедной и труднодоступной, что мало кому доводилось о ней хотя бы слышать. Но теперь все изменилось. Десять лет назад арабская кавалерия неожиданно смяла войска Византии, отобрав у этой великой империи богатые сирийские территории на перекрестке главных торговых путей Азии. Теперь Медина, скромный город в глубине аравийских пустынь, стала

столицей, а куда более населенные, богатые и развитые страны к северу от нее – зависимыми провинциями. Разумеется, тогда еще никто не знал, что в недалеком будущем Дамаск станет столицей Халифата.

Караван вез самые разные средиземноморские товары, в том числе весьма дорогие – греческие вина, ливанский кедр, зерно, оливковое масло, тонкие цветные ткани, оружие из сирийской стали. Торговцы из Медины и Мекки щедро платили за это черным деревом, слоновой костью, лошадьми, и, конечно, золотом, которое теперь стекалось сюда в виде налогов из множества новых провинций. Несмотря на то, что я не жалел денег на проводников, которые указывали мне тайные пути через барханы мимо живительных оазисов и колодцев, часть верблюдов пала в пути. Но самая большая беда приключилась в конце, у самой Медины. Банда разбойников, из тех, кто не признал нового Бога, и не подчинялся законам халифа, напала на караван ночью, перебив нескольких охранников и украв часть ценного груза. По закону, так как эта территория напрямую подчинялась халифу, я мог, помимо платы за оставшиеся товары, требовать у правителя города возмещения причиненных бандитами убытков. Для этого мне пришлось составить длинную опись похищенного на куске пергамента, который был вручен лично халифу Усману. Приход такого крупного каравана стал заметным событием: подобное даже в Медине случалось отнюдь не каждый день. Заполдень, в разгар переговоров с местными торговцами на рынке, ко мне явились гонцы от халифа, пригласившие меня на высокую аудиенцию к нему назавтра, сразу после утренней молитвы, которая совершается на восходе.

Утром, одетого в самую нарядную одежду, меня препроводили сперва к мечети, где я присутствовал при молитве, на которую собрались тысячи людей со всего города. И архитектура этой большой, изящной белокаменной мечети, и песнь муэдзина, и то, как проходила молитва, мало чем отличались от современных исламских молитв, хотя с тех пор прошло полторы тысячи лет. Как и сегодня, мужчины и женщины молились отдельно. Мужчины, предварительно омыв руки и ноги, во время богослужения время от времени совершали поклоны, становились на колени, опускали голову до земли. Небольшое отличие заключалось в том, что почти никто из женщин не был одет в черное: Коран предписывает лишь закрывать части тела, вызывающие мужское вожделение, а строгие традиции закрывать лицо паранджой и носить непроницаемые черные одежды сложились позже. Непривычно было также видеть вокруг мечети ряды привязанных, переминающихся лошадей вместо

припаркованных машин и велосипедов, и то и дело наступать в кучки их навоза.

Резиденция правителя Халифата представляла собой не дворец, а просторный двухэтажный дом из светлого камня. Внутри она выглядела богаче, чем снаружи: полы были устланы коврами тончайшей работы с драгоценной вышивкой, а на стенах золотом и малахитом выведены цитаты из Корана. Разумеется, здесь не было никаких статуй, картин, гобеленов, столь любимых европейскими монархами средневековья: с самого начала в исламе категорически запрещались изображения людей. Усман пользовался бесконечным уважением со стороны прислуги и стражи. Ему кланялись, а любые слова, сказанные его тихим и спокойным голосом, исполнялись мгновенно и неукоснительно. Халиф был высоким, хорошо сложенным человеком, с густой седой бородой и выразительными черными глазами. Но его некогда красивое лицо теперь уже было иссечено глубокими старческими морщинами, в голосе слышалась одышка, в движениях сквозила усталость от долгой, непростой, насыщенной жизни. Перед тем как перейти к делам об ущербе, халиф внимательно, с интересом рассмотрел меня. Гости с далекого севера империи в этом сердце пустынь появлялись не так уж и часто. Халиф обратился ко мне на литературном арабском:

– Я заметил, что ты не молился со всеми утром, стоял в стороне. Ты не следуешь истинной вере?

– Великий халиф! Я родился и был воспитан в греческой семье с глубокими христианскими корнями во многих поколениях. Мой отец еще в детстве возил меня в Константинополь, где я своими глазами видел чудо храма Святой Софии. Я чту Господа моего Иисуса Христа. И я знаю, что в исламе он также почитается как один из главных пророков в истории.

– Что ж, ты ошибаешься в своей вере. Но Коран предписывает никого не обращать в истинную веру насильно. Как тебе известно, во всех наших провинциях мы управляем людьми сколь возможно терпимо. Единственное, чем мы наказываем тех, кто упорствует в своей религии – подушными налогами, от которых свободны правоверные. Еще иноверцам запрещены некоторые виды деятельности. Но мы до сих пор не разрушили ни одной синагоги, и ни один христианский храм не обратили в мечеть, хотя легко могли бы. Замечу при этом, что вы, христиане, в отличие от нас, в свое время с римскими святилищами поступили отнюдь не столь благородно: все уничтожили, либо перестроили в церкви.

– Это, безусловно, мудро. Благодаря этому люди в Дамаске за десять лет не подняли ни одного восстания. Они свободно

молятся своим богам, а новые налоги даже ниже тех, что горожане платили раньше басилевсу в Константинополь.

– Разумеется. Скажи мне, грек: что мешает тебе обратиться в истинную веру? Разве ты не видишь, как легко, с именем Аллаха на устах, мы завоевываем мир, страну за страной? И покоренные народы на нас не ропщут, и тысячи тысяч людей радостно и добровольно переходят в ислам. Слова Пророка Мухаммеда, сказанные ему самим Богом, стучатся в сердца, проникают в души. Что тебе в Иисусе?

– Великий халиф, я знаю, что ты мудр и справедлив, и потому могу быть откровенен. Я верую в Иисуса, в триединого Бога. Для меня суть веры – это любовь Бога ко мне и к каждому человеку. Эта любовь столь сильна, что Господь послал Сына принять смерть среди простых людей, дабы избавить их от первородного греха и принести им Благую Весть.

– Для меня то, что ты говоришь – бессмыслица. Посуди сам: насколько велик Господь, милостивый, всесильный, создавший весь этот мир. И как ничтожен и слаб человек, бессильный перед своими страстями. Все благо в мире совершается только по воле Аллаха, а все зло – лишь от несовершенства человека. У Аллаха девяносто и девять имен, у человека же – лишь одно. Человек ни в чем не похож и ни в чем не равен Богу. Как может часть Аллаха стать Его сыном от простой женщины? Ты можешь вообразить себе сына от горы и песчинки? Да и зачем Богу искупать грех человечества перед ним же самим? Какой в этом смысл? И наконец, что означает триединство вашего Бога? Бог или один – а значит, нет ни Сына, ни Святого Духа, – или их три, и тогда мы низвергаемся прямо в ад языческого многобожия.

– Великий халиф, мне кажется, что эти вопросы – риторические. О вашей учености ходят легенды – не случайно именно вам молва приписывает соединение всех сур Корана в одно. Ответы, которые дает христианство, вам известны. Напротив, о содержании Корана и исламской веры, несмотря на множество обращенных в нее, за пределами Мекки и Медины мало кто знает. Например, я говорю по-арабски, но читать на этом языке не могу, а суры Корана пока не переведены ни на один другой язык мира.

– Три вещи по-настоящему полюбились мне в жизни. Накормить голодного, одеть нагого, и читать Коран. Ибо в нем, несомненно, записаны слова самого Господа, и это кладезь мудрости.

– Но откуда берется уверенность, что эти слова действительно слова самого Бога?

– Мне довелось быть близко знакомым с Пророком, и иметь в

женах двух его прекрасных дочерей, умерших слишком рано. Мухаммед был человеком исключительного таланта и силы духа. Но в то же время – простым и обычным. Он даже не умел читать и писать. Суры Корана, которые ему раскрывались, он запоминал дословно, наизусть, и, словно находясь в ином мире, в трансе, по наитию, диктовал их своим писцам: не раз я сам был тому свидетелем. Он не мог придумать эти тексты. О многих событиях прошлого, которые там подробно и точно описаны, он просто не знал. Придумать более сотни священных, наполненных мудростью глав не по силам ни ему, ни любому из смертных.

– Что же главное в этих священных текстах?

– «Ислам» переводится как покорность. Вера – безмерное почитание и безоговорочное следование Аллаху, единому, милостивому, милосердному, великому Творцу всего сущего. Все в этом мире, от звезд до песчинки, повинуется Его воле. Аллах вечен, он знает обо всем, видит все, от него ничего не скрыть. Каждый человек, всякая душа, поступок, слово и даже мысль пред Ним открыты настежь. Ты говоришь о любви Бога. Аллах воистину милостив и справедлив. Но человек слишком ничтожен, чтобы просто так, ни за что, рассчитывать на Его благоволение. Его милость надо заслужить. Те, кто не следуют праведной вере, или грешат, или не исполняют должного, или чересчур гордятся собой, забыв о своем ничтожестве перед Создателем, могут прожить жизнь и так и не познать, что такое любовь Аллаха.

– Каким образом человек может ее заслужить?

– Для этого ему необходимо по меньшей мере неукоснительно следовать пяти столпам веры. Делать это следует не формально, для отвода глаз, и не от случая к случаю. Каждый день, что солнце проходит по небосводу, человек должен доказывать свою покорность, преданность и безграничное поклонение Всевышнему, причем не просто словами, а делами, следованием ритуалу, и всей своей жизнью.

– Каковы эти столпы?

– Первое и главнейшее условие веры – Шахада: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Его». Эти слова, сказанные с величайшей искренностью, даруют человеку новую, праведную жизнь. С этих слов начинается каждая из молитв, в них – вся суть мира. С ними воины ислама идут в бой и с радостью отдают жизни, ибо на то есть воля Аллаха. Господь один, Он всесилен, смысл жизни – в следовании Его законам. Второй столп веры – это молитва, намаз. Ее следует совершать как минимум пять раз в день, после обязательного омовения тела, в любом чистом месте. Молиться надлежит лицом по направлению к Каабе в Мекке, в чистой одежде, с открытой

душой. Молитвы совершаются в определенное время суток, и каждая содержит предписанный ракаат – точные слова и движения тела. Разумеется, Всевышний не запрещает и дополнительные молитвы, которые можно совершать в любое время и любыми словами, идущими к Нему от сердца.

– Да, я не раз видел молящихся людей у мечетей и на площадях. Они производят сильное впечатление.

– Важно то, что молитва – это не разговор с Богом. Он и так знает все о каждом, всех видит насквозь. Молитва – это выражение своего безграничного преклонения перед Ним. Человек слаб, и его опора в этом сложном, неспокойном мире – полная покорность Создателю. Признай, что Он во всем выше тебя, все знает и понимает несравнимо лучше тебя. Разумеется, ты – лишь Его раб. Но это рабство, основанное на самой сильной любви. Аллах милостив, справедлив и расположен к тем людям, кто почитает Его. Но Он не станет дарить свою милость всем подряд – лишь тем, кто ее заслуживает. Отбрось гордыню, признайся Ему в своей вечной, огромной, безграничной любви и благодарности за твою жизнь. Клянусь, когда ты делаешь это искренне, ты ощущаешь более сладкое чувство, чем способны подарить даже ласки самой прекрасной женщины, аромат нежнейшей розы или глоток прохладной воды в пустыне. Когда правоверные слышат призыв к молитве – в нем им слышится не голос долга, а страстное, чувственное влечение. Перед Аллахом в молитве все равны – от халифа до нищего. Когда ты молишься, ты ощущаешь единение и с Всевышним, и со всеми братьями по вере. Пять раз в день твою душу словно обдувает прекрасный прохладный ветерок, уносит тревоги и печали, полностью очищает ее. Посмотри на людей, идущих домой после вечернего намаза. Они всегда улыбаются. Не думают ни о чем плохом. Знают, что, если они живут по законам Аллаха, с ними не случится ничего дурного.

– В чем состоят три других столпа веры?

– Третье условие – закят, милостыня. Аллах поистине мудр, и заботится обо всех людях – а о бедных особенно. Нет более богоугодного дела, чем помощь нуждающимся. Закон устанавливает ставки закята в зависимости от рода деятельности человека: от одной сороковой до одной десятой части его дохода. Это меньше обязательных пожертвований у иудеев и христиан, и, в отличие от них, закят идет не на нужды священников и украшение храмов, а тем, кому он необходим – голодным, больным, сиротам и страждущим. Разумеется, как и с молитвами, установлен лишь минимальный размер пожертвований. Если кто-то готов дать больше, Аллах воистину ценит это. Тот, кто

жертвует, подобен сеятелю. Умножатся зерна в колосках, и на каждую монету, отданную бедным, Аллах вознаградит человека во много раз большим: и на этом свете, и на том. Четвертое условие – ураза, обязательный великий пост. Он длится тридцать дней один раз в году. Нельзя ни есть, ни пить, ни принимать лекарства, ни предаваться плотским утехам от первого луча рассвета до заката, пока в темноте вы уже не можете отличить белой нитки от черной. Пост надо держать весь месяц рамадан. Но Аллах милостив, и, если вы больны или находитесь в пути, его возможно перенести на другое время года. Пост – непростое испытание для любого, поэтому Аллах заметит это и воздаст за стойкость. Во время поста молятся в сладостном экстазе больше и чаще чем в обычное время. Возвышенное, духовное полностью берет верх над телесным. Пятая обязанность мусульманина – хотя бы раз в жизни, где бы он ни жил, совершить хадж в Мекку, к священному камню Кааба, чтобы физически прикоснуться к истокам веры. Но если совершить хадж тебе не позволяет болезнь, физическая немощь или недостаток средств, Аллах простит тебе это.

– Спасибо, великий халиф. Правду ли говорят, что женщины в исламе не имеют тех же прав, как в Византии или других странах?

– Аллах создал женщину, чтобы она рожала детей, и своей любовью и нежностью приносила счастье и радость ее мужчине. Разумеется, муж в любой семье выше жены, но и у нее есть законные права. Например, в суде, свидетельство двух женщин равно по весу свидетельству одного мужчины. То, что женщина не равна мужчине, это очевидно – ведь не случайно Аллах создал их столь разными. Мужчина может иметь от одной до четырех жен, при условии, что он в равной степени заботится о каждой из них, и ни одна не чувствует себя ущемленной в сравнении с другими. Грех – не в том, чтобы иметь несколько жен, а в том, чтобы считать какую-то из них менее любимой. Запрещено жениться на неверующих: все женщины, выходя замуж, обязаны принять ислам.

– Но грекам подобное положение кажется более чем странным. Согласно Библии, Господь не делит людей по их полам: мужчины и женщины во всем равны. Брак – это свободный, равноправный священный союз одного мужчины и одной женщины. В противном случае, пришлось бы разрешить также и многомужество, что, как ясно каждому, вообще за рамками всякого смысла.

– Многоженство правильно не только потому, что его разрешает Аллах, но и с точки зрения здравого смысла. Мужчин

на свете меньше чем женщин – они слабее здоровьем, и, главное, гораздо чаще погибают в сражениях. Если бы Аллах устами Пророка не разрешил многоженство, только представь себе, сколько женщин на свете тогда остались бы незамужними и бездетными. Последнее особенно важно: ибо Аллаху должны служить как можно больше людей.

– Верно ли некоторые утверждают, что ислам – религия воинственная? Если посмотреть вокруг – со времени Откровения прошло немного времени, а Халифат уже стал таким огромным.

– Халифат расширяется быстро не из-за того, что арабы воинственнее других, а лишь потому, что на их стороне Истина, и их ведет рука Аллаха. У нас есть понятие джихада, священной войны. Но его следует понимать гораздо шире. Джихад – это непримиримая борьба с джиннами в собственной душе. Защита исламских общин и братьев. Джихад – сила устоять в своей вере. Коран действительно предписывает истреблять безбожников. Но напрямую это относится к очень немногим народам – например, к язычникам, которые прячутся от нас до сих пор в великой аравийской пустыне. Кстати, это именно они ограбили твой караван. Иудеев и христиан безбожниками мы не считаем: это люди Писания. Они тоже ведут свой род от праотца Ибрагима (Авраама), имеют своих древних пророков. Но они не понимают своего заблуждения. То Слово Божье, которое пытались нести людям Моисей, Иисус и другие, было передано ими неправильно, сильно искаженным. Они были людьми, и излагали приблизительно, пропуская Истину через собственный несовершенный разум. Только Мухаммеду, последнему в истории, самому великому Пророку, Откровение Бога передано абсолютно точно, в его кристально ясном виде. Долг правоверных – не убивать людей Писания, а открывать им глаза; словами и примером наставлять их на путь истинный – единственный, ведущий в рай.

– Во всех других религиях тоже есть рай и ад. Но нигде они настолько ярко не описаны.

– Душу праведного человека посланные за ней ангелы оборачивают тончайшим саваном и бережно переносят на небеса, домой, к Создателю. Там его ждут райские кущи и бесконечное спокойствие. Он будет возлежать на прекрасном ложе, и ангелы будут подносить ему блюда с вкуснейшими плодами, а в его кубок наливать изысканное вино, которое веселит, но не пьянит, и не мутит разум. Каждого мужчину будут постоянно услаждать десятки чернооких гурий – ангельских существ, похожих на прекраснейших земных дев. Они окружат его бесконечной заботой, телесной и душевной любовью. Высшее же наслаждение

– хотя бы на миг узреть лик Аллаха, который восхитительнее всего, что только можно себе представить. Попасть в рай могут лишь мусульмане, неверным вход запрещен. Все остальные, и в первую очередь, неверующие в Бога вообще и отъявленные грешники, после смерти окажутся в аду. Адские муки так страшны, что люди будут молить Аллаха дать им второй шанс, чтобы прожить земную жизнь праведно, но Он не разрешит им: жизнь дается один раз. Грешников будут жарить в кипящей смоле, и когда кожа у них обуглится, у них будет отрастать новая кожа, чтобы они ощутили страдания вновь и вновь, и так – всю вечность. Им в глотку будут заливать кипяток, пищей им будет смрадный гной, а в их и без того измученные тела будут вонзаться огромные иглы. Впрочем, даже для грешников остается слабый луч надежды. Если вина человека в его земной жизни была не слишком тяжелой, то через несколько тысяч лет ужасных мучений Аллах может смилостивиться, и впустить его на небеса. Но лишь в редких случаях.

– Если Аллах абсолютно всемогущ и милостив, то откуда на земле берется зло?

– От него же. Аллах не скован никакими обещаниями перед человеком, и может делать с ним все, что пожелает, по своей прихоти. Вознести ввысь, приковать к постели тяжелой болезнью, осыпать золотом, низвергнуть в нищету. Какие могут быть для Него законы, если Он и есть сам закон? Может быть, ему приятно причинять страдания преступникам, которые этого заслуживают. Все в Его воле.

– Насколько я понял, Аллах очень строг. Почему же в ислам переходит добровольно столько людей?

– Потому что они понимают, что наша вера истинна, и только следуя ей, можно жить на земле как в раю. Что предлагает, к примеру, христианам их Бог? Усмиряйте плоть, живите скромно. Не спите больше, чем с одной женщиной. Не ешьте всласть, ибо это чревоугодие. Не поднимайте свой меч на врагов, а молитесь за них, даже если они вас гонят и убивают. Не копите богатств здесь, ибо легче пройти верблюду в игольное ушко, чем богатому на небо. Иными словами, живите как в аду на земле, и только тогда вы попадете в рай. Или наоборот: делайте, что вам нравится, здесь, но потом вы попадете за это в ад. Выбирайте: или то, или это. В исламе нет такой дилеммы. У человека, у мужчины, есть желания. Он хочет славы и богатства – пожалуйста, Аллах только приветствует это. Он мечтает иметь много женщин и детей – и это поощряется! Бери несколько жен и хоть сто наложниц, если можешь их содержать. В тебе кипит кровь? Сражайся во славу ислама – чем яростнее, тем лучше.

Наслаждайся всем, чем хочешь, но не забывай каждый день всем сердцем и, главное, делами и молитвами повсюду славить Аллаха, будь покорен и благодарен ему. И тогда ты вкусишь от самых сладких плодов и на Земле, и на небесах.

– Спасибо, великий халиф. Ваши речи ярки и образны.

– Другими словами, ты готов теперь принять истинную веру? Уже скоро за нашим разговором начнется вторая, полуденная молитва. Обращение – это очень просто. Достаточно в мечети, перед людьми, трижды искренне произнести клятву Аллаху, совершить омовение, и ты вернешься в Дамаск правоверным, и гораздо более богатым и почитаемым человеком, чем был когда-либо прежде.

– Не это я имел в виду, халиф. Моя душа принадлежит Иисусу. И так будет всегда. Для меня Бог – это Любовь и великая милость, а не строгая власть. И людей мне тоже не хочется убивать, независимо от их религиозных взглядов. Мне кажется, что ислам во многих положениях ближе к иудаизму, чем христианству: то же отрицание триединства Бога, неумолимая строгость божественной сущности. Я же – убежденный христианин и остаюсь им. Однако к исламу и всем мусульманам относился и отношусь с непременным уважением. Ваши мечети и богослужения очень красивы. Я благодарен за беседу и уделенное мне высокое внимание.

Усман ибн Аффан приподнялся со своего трона и гневно посмотрел на меня, едва не испепелив взглядом больших и все еще очень живых черных глаз под густыми седыми бровями.

– Кажется, ты не понял, какой величайшей милости я тебя удостоил. Все утро я, правитель империи, рассказывал тебе, простому купцу, об Истине, вере и Пророке. И, оказывается, зря потратил время. Поверь, будь на моем месте мой предшественник, аль-Хаттаб, тебя за подобную дерзость бы немедленно схватили и на заднем дворе отрубили голову или даже четвертовали! Твое великое счастье, что ты говоришь со мной, Усманом. Для меня гость священен. Я отпущу тебя, и даже разрешу взять с собой все золото, что ты получил вчера за свои товары, и компенсацию за ущерб. Но запомни, упрямый грек. Если ты или кто-то еще из твоих сородичей посмеет показаться в Мекке или Медине, не сносить вам головы. Торгуйте впредь с нашими, аравийскими купцами дома, не выезжая за пределы Дамаска. А теперь иди, и постарайся не задерживаться в городе.

Я еще раз искренне поблагодарил халифа и поспешил прочь.

Усман ибн Аффан успешно завершил свою главную миссию – объединил Коран, текст которого с тех пор более не менялся. Он правил Халифатом еще десять лет – до глубокой старости. Но его

кончина оказалась трагичной. Его закололи ударом меча ворвавшиеся в его дом ночью мятежники, перед этим убив его супругу, пытавшуюся закрыть мужа собой, и отрубив ему, еще живому, правую руку, которой он переписывал Коран. Мятеж был подавлен, после чего трон империи перешел к четвертому праведному халифу. Далее же власть в Халифате надолго захватила династия Омейядов.

В следующие полтора тысячелетия исламская цивилизация пережила несколько блестящих взлетов и два жестоких падения: в эпоху завоеваний монголов в тринадцатом веке и в начале двадцатого века, после краха Османской империи. Но эти кризисы были ею преодолены.

Сегодня ислам является второй по числу приверженцев религией мира.

Глава 15
Тело и душа (Авиценна)

Место: Исфахан, Аббасидский халифат (современный Иран)
Время: 1026 год

В начале нового, второго тысячелетия, спустя почти четыре века после своего основания, арабский халифат по-прежнему был главной империей Востока. Его основной скрепляющей силой оставалась исламская вера, в которую обращалось все больше людей в разных землях. На фоне продолжающихся темных веков европейского средневековья Халифат наравне с Византией был средоточием мировой культуры и науки своего времени. Однако за несколько столетий в нем многое изменилось. Эпоха правления Омеяйдов в семисотых годах стала, с одной стороны, высшей точкой побед и распространения ислама по миру, с другой – началом больших трудностей. Территория господства ислама охватила тогда страны северной Африки и даже Испанию, а на востоке достигла современного Пакистана и севера Индии. Великая Византия едва не пала: арабы несколько лет осаждали Константинополь. Вся мировая история могла пойти совсем иначе, если бы не «греческий огонь», которым византийцы сожгли флот халифа, блокировавший столицу с моря. Но, как нередко бывает, зерна грядущих бедствий империи зарождались в минуты триумфа.

Бесконечные военные походы опустошили казну халифов, и они начали облагать не только иноверцев, но и мусульман высокими налогами, что повсеместно вызывало крайнее недовольство. С новой силой вспыхнул конфликт суннитов и шиитов, обернувшись чередой жестоких гражданских войн. Многим народам все сильнее претило верховенство в империи арабов – выходцев из аравийских пустынь, чьи культурные корни были несравнимо беднее, чем, например, у персов, история которых насчитывала тысячи лет. Омейядов свергли, и на троне на долгие столетия воцарилась династия Аббасидов, выступавших за равенство народов империи и терпимость к разным течениям ислама. При этом территория Халифата впервые уменьшилась: от него откололась Испания, где возник самостоятельный Кордовский халифат, и некоторые другие земли.

Столицу обновленной империи перенесли из Дамаска в Багдад, который тогда был всего лишь молодым торговым городом – в самую роскошную столицу мира он превратится намного позже. В империи воцарился мир почти на двести лет, но

затем относительная мягкость нового режима на фоне жестокой, суровой эпохи привела к тому, что власть Багдада стала шаткой и почти формальной. Фактически Халифат раскололся на десяток крупных эмиратов, объединенных лишь общей религией. В начале тысячных годов самым процветающим из них был персидский эмират Буидов, шиитов. Этот эмират занимал территорию, примерно совпадающую с границами современного Ирана. Как и сейчас, самым богатым городом эмирата был роскошный Исфахан, окруженный величественными горами, со множеством изысканных дворцов и прекрасными белыми мечетями, украшенными тончайшими голубыми орнаментами.

Самой замечательной чертой средневекового Халифата был высокий уровень науки и искусств, которые в мирное время поощрялись почти всеми халифами и эмирами. Великий математик Аль-Хорезми стал «новым Пифагором», впервые введя в обиход человечества такие понятия, как алгоритм, алгебра и тригонометрия. Многие работы ученых Античности дошли до нас лишь благодаря их арабским переводам того времени. За следующие двести лет, до самого нашествия монголов, арабский мир даст целое созвездие писателей, поэтов, астрономов и, конечно, философов. Если европейская философия до поры до времени концентрировалась на осмыслении христианской картины мира, то на Востоке той эпохи мысль философов в основном обращалась к толкованию «истинной сути» Корана, хадисов и других основ исламской веры. Но были и такие философы и ученые, которые даже тогда старались осмыслить суть мира если не вопреки, то хотя бы не вполне в русле догматов религии. С одним из таких людей (которого причисляют к величайшим умам истории) мне предстояло встретиться. Он был персом по национальности, но к сорока пяти годам непростая судьба поносила его по многим уголкам всей восточной части Халифата. Его звали Абу ибн Сина, но позже в европейской традиции его имя обычно передавалось искаженно – Авиценна.

Мне пришлось проделать необычайно долгий и трудный путь. Я был лекарем при дворе Кнуда Великого, повелителя скандинавских войск в Лондоне – тогда викинги правили Англией. Кнуд был относительно молод – ему не было и тридцати, но он уже успел пройти через множество сражений и много попутешествовать между Англией и городами Скандинавии, преодолевая морские просторы на драккарах – узких быстроходных деревянных боевых судах. Условия на них были совершенно спартанскими, без малейших удобств даже для королей: ледяные волны днем и ночью окатывали гребцов и пассажиров, жгли солью глаза. С годами у многих гребцов от соли

развивались глазные болезни, лечить которые европейские врачи не умели. Кроме того, войска викингов хоть и побеждали, делая ставку на внезапность набегов с моря, но при этом нередко несли ощутимые потери – не столько убитыми на поле боя, сколько скончавшимися от ранений через некоторое время. Все, что имели в арсенале врачи той эпохи – это ампутация пораженных частей тела и последующее прижигание культи, делавшие пациентов калеками и инвалидами.

Король Кнуд хоть и был полуграмотным потомком дикарей в понимании высокой Античности, на фоне столь же дремучего английского средневековья во многих своих идеях казался прогрессивно мыслящим правителем. От восточных послов до него дошли сведения о необычном лекаре, основавшем целую школы медицины где-то невероятно далеко, в Персии. Кнуд знал о популярных уже тогда в Европе сказках из цикла «Тысячи и одной ночи», пришедших примерно из тех же мест, и решил поначалу, что это те же самые небылицы. Но затем одного из его военачальников со сложным переломом плеча успешно вылечил молодой врач с пейсами из большой еврейской общины Лондона. Кнуд щедро оплатил ему услугу, и во время их встречи спросил, знает ли тот что-то о персидской медицине. К его удивлению, иудей с полной серьезностью подтвердил рассказы послов, и даже назвал прозвища основателя школы Исфахана по имени Авиценна (ибн Сина): «Князь врачей» и «Звезда мудрости». Рассказывали, что тот творил чудеса: избавлял людей от слепоты, возвращал к жизни умирающих. Говорили, что не было болезни, вылечить которую Авиценне было бы не под силу. Король живо заинтересовался, вызвал меня – лекаря с явной тягой к наукам, снабдил верительными грамотами и направил к эмиру Исфахана для того, чтобы я научился секретам ибн Сины, который, как говорили, в отличие от многих других врачей не делал из своих методов тайны, охотно обучая им всякого желающего и способного обучиться, если на то не было запрета эмира города.

Мой путь в Персию должен был занять больше года, но благодаря настойчивости, выносливости и щедрой оплате услуг перевозчиков я преодолел его намного быстрее – за шесть месяцев. Последний долгий пеший переход по пустыне с торговым караваном едва не окончился гибелью всех участников путешествия – нас накрыла ужасная песчаная буря. С Божьей помощью в последний момент мы нашли укрытие в небольшом оазисе за крупным барханом. Правитель Исфахана принял меня благожелательно и долго расспрашивал о политическом положении и деталях жизни и быта жителей Британии, которую он, разумеется, видел лишь на карте, но знал о том, что этот

остров играл теперь важную роль в делах всей западной Европы. Он поинтересовался, как мне удалось столь хорошо выучить сложный арабский язык, как сказать пару несложных фраз по-английски и не хочу ли я принять мусульманскую веру. Ранний ислам был примечателен веротерпимостью, но теперь, после множества войн с Византией отношение к христианам в Халифате стало резко враждебным: во многих эмиратах меня бы теперь казнили только за мою веру. К счастью, Исфахан был спокойным, мирным, процветающим городом. К сожалению, спустя несколько лет его захватят воинственные турки-сельджуки, при которых все изменится, и Авиценна в очередной раз будет вынужден бежать в поисках нового пристанища.

Визирь эмира представил меня Авиценне на следующее утро, во время его занятия с учениками. Тот лишь кивнул головой, позволив занять дальнее место в углу класса. Урок проходил в типичном восточном помещении с красочными персидскими коврами на полу и стенах и горами подушек, на которых вдоль стен с трех сторон зала сидели слушатели. Преподаватель изъяснялся на литературном арабском языке. Выглядел он весьма величественно: среднего роста, но с уверенной горделивой осанкой, ухоженной длиной бородой, в его сорок пять лет лишь слегка тронутой благородной сединой, с приятным бархатистым голосом и большими глубокими карими глазами. На его голове красовалась высокая серебристая чалма, придававшая его облику еще больше значительности. Занятие было посвящено не самому сложному, но, по словам наставника, чрезвычайно важному предмету: соблюдению личной бытовой гигиены каждый день, а также физическим упражнениям для поддержания силы тела и духа. По меркам нашего времени сказанное звучало банально, но по тем временам задаться целью предотвратить болезнь, а не справиться с симптомами само по себе было радикально новой идеей. Мне запомнилась его фраза: «Физическая активность может заменить многие лекарства, но ни одно лекарство не заменит движения». Занятие продлилось около трех часов, до полудня. После этого Авиценне предстояло совершить несколько срочных операций, во время которых ему ассистировали самые опытные ученики.

По моей настоятельной просьбе мне разрешили присутствовать только на последней из них и глядеть на происходящее из дальнего угла зала. Это была самая сложная операция за день. Пожилой больной, которого привезли в школу издалека, страдал от потери зрения из-за катаракты. Как и многое другое в медицине, Авиценна стал делать такие операции первым в истории. Именно отсюда пошли рассказы о том, что он «лечит

слепоту». В своих книгах Авиценна впервые дал точное, подробное и правильное описание строения человеческого глаза и его сетчатки. Любая хирургия в Европе того времени была сущим мучением для пациентов: им зажимали челюсти, чтобы заглушить крики: те все ощущали и нередко умирали от болевого шока – это считалось неизбежным злом. Но в школе Авиценны происходила магия: пациенту клали на рот и нос горячий мокрый платок, пропитанный сильным опиумом, после чего тот впадал в забытье. Примерно раз в десять минут ассистент заново окунал платок в сосуд с раствором опиума, едва больной начинал слегка стонать и шевелиться. Во время глазной операции врач вскрыл глаз тончайшим лезвием, а затем прикрепил радужную оболочку на место. Это требовало филигранной работы, рассчитанной до долей миллиметра. Уже через день больному сняли повязку, и его зрение восстановилось полностью.

Наша встреча с величайшим врачом произошла поздно вечером, после пятой молитвы, которую Авиценна, как всегда, совершил с искренним, неподдельным религиозным вдохновением.

Он предложил мне блюдо с фруктами и овощами, сказав, что сейчас, летом, следует питаться легче, нежели зимой, когда из-за холода организму требуется больше энергии. Я спросил его о религии. Он ответил, что религия чрезвычайно полезна. Она учит людей жить дисциплинированно, следуя не прихотям, а строгому распорядку дня, что идет во благо нашему телу. Кроме того, любовь и уважение к Богу – верный образ мысли любого здорового человека. Я выразил восхищение высочайшим мастерством, с которым он провел глазную операцию. Он улыбнулся:

– Врач должен обладать взглядом сокола, ловкостью рук девушки, мудростью змеи и сердцем льва. У человека есть шанс вылечиться от любой болезни. Нет безнадежных больных, есть плохие врачи.

– Что вы назвали бы самым ценным своим качеством?

– Абсолютная память. Я не забываю ни строчки из тысячи книг, которые я прочитал, ни слова из разговоров, ни одной детали сотен мест, в которых я хоть раз побывал. А путешествовал я немало.

– Расскажите хотя бы немного о вашей удивительной жизни.

– Я родился на севере империи, в достойной, но небогатой семье. Уже в детстве показывал отличные способности к учению, и годам к четырнадцати во всей округе, к сожалению, не осталось ни одного учителя, который мог бы рассказать мне хоть что-то новое. Более всего меня привлекали медицина и философия.

Восемнадцати лет от роду я сумел вылечить от тяжелой болезни эмира Бухары; отсюда пошла моя известность, от которой потом было больше бед, чем пользы. Меня радушно принимал один халиф за другим, я совершенствовал свое мастерство, но спустя время правителя свергали. Тогда я попадал в немилость у его приближенных и вынужден был уезжать. Так произошло несколько раз подряд.

У меня отбирали все заработанные деньги, рвали или сжигали мои книги. Разумеется, я помню каждую строчку, но у меня нет времени и сил всякий раз диктовать их заново ученикам, поэтому некоторые работы, видимо, так и исчезнут. Худшее случилось несколько лет назад: самый жестокий и кровавый из всех халифов империи приказал мне прибыть к нему и стать его личным врачом. Он был мне невыносим, и я отказался; на что халиф прислал воинов, чтобы они пленили меня и привезли к нему силой. Мне пришлось бежать через одну из самых мертвых и безводных пустынь сюда, в Исфахан. В пути меня сопровождали двое самых близких учеников, и оба они погибли от жажды; да и я совершенным чудом, уже почти без сознания, буквально дополз до города. Здесь я пока в безопасности. Более всего меня расстраивают даже не сами гонения, а то, что из-за них я гораздо меньше времени посвящал научной работе, чем мог бы в более спокойных условиях.

– Именно наука для вас главное?

– Как и для любого ученого. Не могу прожить и дня, не узнав чего-то нового. Труд – это жизнь, праздность – существование. У меня нет и никогда не будет семьи, хотя в молодости бывали любимые женщины. Это мой выбор. Я не имею права перед Всевышним тратить время моей жизни и талант на что-то иное, кроме науки и врачевания, помощи людям в их недугах.

Мне нравилось то, что Авиценна, говоривший о высшей ценности своего времени, явно не спешил побыстрее закончить нашу беседу. Вероятно, он почувствовал во мне необычного собеседника.

– Меня искренне удивляет то, сколько ненависти я встречаю на своем пути. Муллы призывают убить меня за вскрытия человеческих тел, что запрещено исламом. Другие лекари – хотя я ни с кем не соперничаю и готов обучить любого – обвиняют меня в колдовстве. Поразительно, но даже спасенные пациенты сторонятся меня: они считают, что мои умения – дар сатаны. Лишь преданные ученики всегда на моей стороне. Если бы не они, я, вероятно, уже давно был бы в мире ином. Скажи мне, чужеземец, неужели спасать жизни и облегчать страдания – это грех?

– Я убежден, это самое благородное, что человек только может делать. Просто люди пока не вполне это понимают. Быть может, им кажется, что своим высоким искусством вы бросаете вызов Аллаху? Ведь только он повелевает жизнями. А вы их вылечиваете, не получив на то его согласия.

– Аллах всемогущ и Мухаммед – посланник его. Ни минуты своей жизни я не сомневался в том, что Бог существует и что Ему следует поклоняться. Каждая из двух сотен моих книг начинается эпиграфом, в котором я приношу хвалу Создателю и его великому Пророку.

– Почему тогда муллы городов так плохо к вам относятся, чуть ли проклинают? Только ли за вскрытия?

– Они утверждают, что да, но дело, конечно, в другом. В том, о чем известно не всем, а только посвященным. Это касается моей философии. Столь тонкие вопросы я не выношу на публику. Но упоминаю их в книгах, а также обсуждаю с самыми способными учениками и другими философами.

– Но причем здесь религия?

– Несмотря на мою горячую, искреннюю веру в Аллаха, некоторые из основ ислама я считаю неточными или сомнительными. И я, хоть и крайне осторожно, избегая прямого противоречия, понятным лишь самым ученым философам языком, пишу и говорю об этом.

– Я христианин, и я клянусь, что никого до моего отъезда не посвящу в детали нашей беседы.

– Я не боюсь того, что кто-то об этом узнает, опасаюсь лишь сплетен и недопонимания. Я не верю во всесилие и всезнание Аллаха. Полагаю, что если бы Он манипулировал людьми, как куклами, и знал наперед, чем все закончится, то в жизни во Вселенной не было никакого смысла. Я сам, а не Аллах, решаю, следует ли мне поднять руку или опустить. Он лишь видит и оценивает мой поступок.

– С этим я не могу не согласиться. В христианстве Бог дает человеку свободу воли.

– Но вот что вызывает особое ожесточение у моих противников: я не верю в то, что Аллах создал мир и материю из ничего. Одно из моих главных увлечений – это химия. Вечерами я нередко провожу опыты превращения веществ. Я открыл способ легкого и быстрого получения самых сильных кислот – серной и соляной, и в жидком виде, и в газообразном; и ряда других соединений. Я знаю из опыта, что массы веществ на входе и выходе если и различаются, то незначительно. Отсюда я делаю общий вывод, что Аллах не мог сотворить материю из пустоты. Материя вечна. Она была всегда. Так же, как всегда существовал

сам Аллах. Он просто преобразовал (вероятно, с помощью высоких температур) эту вечную материю в такую ее разновидность, которая сформировала мир, который мы с вами видим.

– А что наука может сказать о человеке и его сущности?

Человек – это лучшее создание Аллаха. Коран говорит о том же. Следовательно, изучая человека, я в чем-то познаю и высший божественный замысел. Из древних философов мне ближе всех Аристотель. Я так же, как и он, считаю, что материальное если не выше идеального, то, по крайней мере, неразрывно связано с ним. Душа возникает тогда, когда есть телесное творение, в котором душа может поселиться. До тела душа если и существует, то не обладает никаким сознанием. После смерти она также не улетает в «высшие сферы», а временно умирает. До тех пор, пока Аллах не воскресит перед Последним Судом тела вместе с их душами, чтобы решить их судьбы.

– Вы верите в прекрасные райские кущи и ужасный ад, как они описаны в Коране?

– Я верю в рай и ад, но полагаю, что они выглядят иначе. Как именно – мне неведомо. Предполагаю, что у каждого после смерти и рай, и ад будет свой. Например, для меня адом была бы невозможность и на том свете заниматься наукой, а для гурмана – наслаждаться привычными яствами. В кипящие котлы я не верю – полагаю, что о них говорится просто для острастки гордецов.

– Что вас еще по-настоящему занимает в науках, помимо философии?

– В первую очередь меня волнуют проблемы медицины, врачевания. Я уже в юности впитал все работы главных светил в этой области: грека Гиппократа и римлянина Галена. Но однажды меня потрясло от осознания, что даже они толком ничего не знают ни о строении, ни, тем более, о принципах работы человеческого организма. Гален знал немного больше, так как делал вскрытия овец и свиней. Тогда мне стало ясно как день, что медицины как строгой науки до сих пор нет. Но это же было и источником радости: ведь так много можно открыть!

Благодаря вскрытиям Гален описал то, как мозг управляет телом посредством нервной системы, а сердце служит насосом для перекачивания крови по всему телу. Стало ясно, что без изучения тел умерших людей никак не обойтись. За многие годы я вскрыл их сотни, и обнаружил великое множество ошибок в книгах Галена и других врачей. Человек устроен сложнее, чем животные, и во многом иначе. Я тщательно и детально описал каждый орган человека. Открыл строение полушарий и основных частей мозга. Узнал, как работает кровеносная система. При

вскрытии мне была всякий раз ясна причина смерти – травмы, опухоли органов, остановка сердца и так далее.

Авиценна встал и в задумчивости несколько раз прошелся по комнате, словно обдумывая что-то.

– Всесторонне изучив строение человека, я непосредственно перешел к вопросу о том, как научиться исцелять болезни. На этом пути меня ждало множество открытий. Я понял, что лечить следует не только отдельный недуг, но и самого человека. На течение болезни и ее исход сильно влияет душевное состояние пациента. Я узнал, что при переломах сломанную кость необходимо фиксировать на три недели, и стал готовить формы из влажной застывающей глины, чтобы помещать в них поврежденные конечности больных.

Но, пожалуй, мое главное открытие – в том, что самые тяжелые болезни переносятся от человека человеку по воздуху, или при телесном контакте, или через насекомых. Я написал книгу о том, что причина болезни – это не наказание Аллаха за грехи, а какие-то невидимые, легко переносимые материальные частицы, которым нет названия. Когда в Исфахане пару лет назад произошла вспышка чумы, я заметил, что в самых зараженных районах много крыс, шерстка которых облеплена блохами. Я предположил, что как раз блохи, кусая людей, и переносят эти невидимые частицы. По моему приказу крысы были уничтожены, а облепленные блохами трупы умерших людей сожжены. Чума сразу пошла на спад.

– Уверен, что все, о чем вы рассказали, с точки зрения науки – безусловно истинно. Есть ли иные области, над которыми вы работаете?

– Конечно. После медицины, философии и химии мои главные увлечения – это физика, математика, музыка и поэзия. В работах по физике я исследовал природу движения различных тел и силы, которые, вероятно, влияют на них. Физика – наука о материальных вещах. Математика – наука о материальных вещах, которые мы мыслим нашим воображением. В ней интересна логика. Поначалу я опирался на труды Аристотеля, но затем попробовал идти дальше и пополнил логику множеством новых правил – в частности, вывода умозаключений и приведения доказательств.

В музыке я следую по стопам Пифагора, но применяю его идеи к реальности. Я написал книгу о построении гармонии тонов в музыке, изобрел струнный инструмент, на котором и сам хорошо играю. В поэзии меня привлекает красота веры в Господа и возвышенность человеческой любви. Я написал более десяти поэм. Ученики говорили, что на свиданиях читают мои стихи

своим возлюбленным, и они нравятся девам. Я также немало времени посвятил алхимии и астрологии, но разочаровался в них. А вот в астрономии, кажется, есть зерно истины. Мне удалось заметить и описать некоторые звезды, о которых авторы древности не упоминали. Очень досадно, что нет инструментов, которые могли бы зрительно приблизить к нам звезды. Ведь у них такое количество тайн!

– Как одному человеку может хватить сил и разума изучить все это?

– Мне, к слову, было крайне интересно, как работает ум мыслящего. Я пришел к выводу, что у человеческого разума есть четыре уровня восприятия. Высший, четвертый, я назвал интуицией. Это что-то вроде озарения. Когда человеку открывается нечто, чего он никогда не знал, не мог знать, и даже не мог прийти к такой идее чисто логически.

– Может быть, интуиция – это связь с космосом, а знание черпается от тех самых звезд?

– Я склоняюсь к тому, что интуиция – это ничто иное, как прямая связь разума человека с Богом. И так как интуиция существует, это прямо доказывает и то, что сам Бог тоже существует.

Авиценна встал, вежливо дав понять, что беседа подходит к концу. Он сказал, что до отхода ко сну ему еще надо приготовить сложное лекарство для одного из больных. Я спросил, как он готовит лекарства.

– Главный и неиссякаемый источник лекарств – это сама природа. Из трактатов древних греков и римлян, из народных рецептов и собственных опытов я многое узнал о целительной силе растений. Практика помогла осознать, что мало знать нужное лекарство. Намного важнее прописать его правильную дозу. Причем доза не универсальна. Для разных пациентов она отличается и зависит от тяжести и стадии болезни, возраста, общей силы организма.

– Расскажите напоследок самый странный, необычный случай из вашей медицинской практики.

– Как-то давно, в другом городе, меня срочно пригласили в богатую семью. Юноша, наследник, лежал бледный и едва дышал. Уже много дней он не мог есть и даже пить. Я внимательно обследовал его, но ничего не обнаружил, хотя он и вправду был при смерти – уже не мог говорить. Я попросил его отца называть все улицы города. При упоминании одной из них пульс юноши резко подскочил. Затем я сам начал перечислять женские имена. И снова на одном из имен его пульс ускорился. Тогда я сказал отцу послать человека на эту улицу искать девушку с таким

именем. Через полчаса тот вернулся, держа ее за руку. Оказалось, это была девушка из нищей семьи приезжих, с которой больной не имел права встречаться, но в которую был всей душой влюблен. Отец дал согласие на брак, и юноша исцелился.

– Звучит словно сказка.

– Поверь, британец, жизнь гораздо удивительнее сказок.

Несмотря на свой гениальный дар врача, Авиценна умер относительно рано, не дожив и до шестидесяти. Причиной смерти стала неизлечимая болезнь желудка, которая развилась на фоне сильной меланхолии, причины которой неизвестны. Он умер, находясь в дороге, на бедном постоялом дворе. И возраст ухода из жизни, и болезнь примерно совпали с судьбой Аристотеля – возможно, единственного ученого за всю историю человечества со столь же широким интересом буквально ко всем областям человеческого знания.

Философские взгляды Авиценны сильно повлияли на всех арабских мыслителей в последующие несколько веков. Особенно ценным в них оказалось стремление гармонизировать, совместить основы исламской веры с научно-материалистическим взглядом на мир, что ему во многом удалось. Его работы знали и высоко ценили также и ведущие европейские философы позднего Средневековья.

Огромный трактат Авиценны по медицине «Канон о врачебной науке» стал не просто самой известной книгой о врачевании, но путеводной звездой образованных врачей мира в последующие шестьсот-семьсот лет, до появления микроскопа. Без преувеличения, именно с этой книги началось то, что мы называем научной медициной. После изобретения печатного станка в XV веке «Канон» Авиценны пару столетий оставался самой издаваемой в Европе книгой после Библии.

По воспоминаниям учеников, последними, сказанными с горечью, словами Авиценны на смертном одре были: «Я всю жизнь размышлял о тайнах Вселенной, но, как и все, так ничего о них и не узнал».

Стоит признать, что и сегодня, в XXI веке, при всех успехах науки, можно сказать почти то же самое.

Глава 16
Вера в человека (Омар Хайям)

Место: Нишапур, Сельджукская империя (северо-восток современного Ирана)

Время: 1099 год

Арабская империя продолжала существовать, а ее влияние в мире по-прежнему нарастало. Однако внутри она до того изменилась, что с прежней страной раннего ислама ее объединяли разве что мусульманская вера и единые законы.

На смену воинственным боговдохновенным арабам и высококультурным персам в качестве главной силы пришли тюрки – еще недавно отсталые, почти неграмотные, но зато многочисленные народы с северных рубежей Халифата – современной Турции и стран Средней Азии. Первые годы нашествий тюрков-сельджуков на культурные центры Востока были ужасными, их называли «черной чумой» (из-за темной одежды и привычки вырезать непокорные города до последней души). Хотя они тоже исповедовали ислам классического суннитского толка, их действия и образ жизни даже единоверцам казались почти языческими. К 1060-м годам сельджукам и их союзникам покорилась половина всех земель Халифата, взятие ими Багдада было лишь вопросом времени, и многие предсказывали скорый конец всему прежнему исламскому миру. Но случилось неожиданное: войдя в Багдад, вместо резни султан тюрков преклонил голову перед халифом Аббасидов и дал клятву быть его главным защитником и правой рукой.

Это было необыкновенно мудро. Теперь тюркам без боя стал принадлежать весь Халифат, при этом дело выглядело так, будто в империи политически ничто не изменилось. Следующий султан сельджуков, Мелик-шах, выбрал резиденцией персидский Исфахан. Он дружил на равных с багдадскими халифами, контролируя де-факто две трети их империи, и – надо отдать ему должное – делал все, чтобы развеять «негативный образ» тюрков в глазах прочих исламских народов: восстанавливал разрушенные ими города, украшал мечети, строил новые школы богословия и библиотеки. Помощников Мелик-шах назначал не по национальному или сословному признаку, а по способностям. Одним из его самых близких и доверенных советников долгое время был человек совершенно незнатного происхождения, выходец из далекой провинции, наполовину таджик, наполовину перс, обладавший невероятной ученостью и интеллектом.

Позже, на склоне лет, Мелик-шаха сместил с трона другой тюркский правитель. Он пожелал сохранить этого мудрого советника при себе, но тот колко высмеял нового властителя в стихах, после чего вынужден был, спасая свою жизнь, возвращаться на родину, в Нишапур. Это был крупный торговый город на северо-востоке империи – оживленный, с огромным рынком, но политически и культурно – совершенно захолустный. Там уважемый советник и жил на склоне лет как самый обычный человек, не имеющий никаких регалий.

Именно с ним мне предстояло встретиться в этот раз. Найти этого человека могло быть непросто. Имя, данное ему при рождении, состояло из одиннадцати сложных тюркских слов, запомнить и выговорить которые было невозможно. Но обычно его называли просто аль-Хайям («сын человека, который делает палатки», по ремеслу его отца) и иногда добавляли имя Омар. О нем поговаривали всякое, и в основном – плохое. Молва обвиняла его почти во всех грехах, ведущих прямо в ад – пьянстве, блуде, безбожии, гордыне. При этом его не трогали, даже наоборот, охотно приходили в его небольшой, симпатичный, ухоженный белый глиняный дом с резными балконами на втором этаже (где он наблюдал за звездами и иногда читал стихи юным девушкам), стоявший на некотором отдалении от других на окраине Нишапура, чтобы получить его совет по самым разным вопросам. В наши дни его назвали бы популярным коучем или востребованным консультантом.

Мудрецу было слегка за пятьдесят, он был по-прежнему энергичен, улыбчив, приятен в общении и невероятно остер на язык. Сам факт обращения к нему за советом – иногда бесплатным, чаще же нет, – люди старались держать в тайне. Но каждый знал, что Омар даст дельный, точный совет для самых разных ситуаций: подскажет, как правильно составить договор, как быстрее влюбить в себя девушку, как следует понимать какую-нибудь из сур Корана, стоит ли доверять тому или иному человеку, и особенно часто – что делать, если у ребенка поднялась температура и выступила сыпь. Самой же любимой услугой Омара было написание для людей ярких стихов по любому поводу – от свадеб до похорон. Прекрасные строчки давались ему безо всяких видимых усилий: в нужные моменты он буквально говорил стихами.

Но в этот недобрый, холодный, туманный зимний день жителям Нишапура было совсем не до поэзии. С утра в городе появились военные рекрутеры султана, которые грубо, силой, забирали всех крепких здоровых юношей города, которые попадались им на глаза. То было великое и во многом

трагическое время Первого крестового похода христианских войск в земли Востока. Двумя годами ранее Папа Римский Урбан II по ряду причин, прямо не связанных с религией, призвал христиан Европы отвоевать у мусульман Святую Землю – Иерусалим и Гроб Господень, обещая им за это прощение грехов и Царство Небесное. Пока рыцарство сомневалось и размышляло, на Восток хлынула огромная толпа из десятков тысяч фанатичных, полуголодных, безоружных бедняков с юга Европы, которых армия султана, изрядно удивившись их появлению, уничтожила в одном-единственном бою, продав немногих уцелевших в рабство. Происшествие вызвало ярость на Западе и окончательно склонило чашу весов в пользу войны. Знатные рыцари из всех стран Европы, по тем временам хорошо вооруженные, получив по пути весомую поддержку в Византии (которая, правда, об этом позже сильно пожалела, так как крестоносцы разграбили и ее территорию) все вместе вторглись в земли Халифата, и продвижение их было по большей части успешным. Отдельным городам-крепостям арабов удавалось оказать сильное сопротивление и надолго задержать рыцарей, заставив их нести тяжелые потери. Теперь же, к зиме, находясь уже недалеко от вожделенного Иерусалима, войско рыцарей изрядно поредело и озлобилось. Багдадский халиф и тюркские султаны искали подкрепление во всех уголках Халифата, чтобы успеть защитить город, который для мусульман был столь же священным, сколь и для христиан.

Я был владельцем большого караван-сарая – уютного постоялого двора для торговцев из дальних городов и стран, расположенного в центре города. Хотя я и был одним из немногих христиан в городе, дело приносило хорошую прибыль, так что денег хватало и на оплату иноверческого налога, и на подарки муллам и городским властям, благодаря чему я был на хорошем счету. Своего сына я успел отослать подальше из города накануне, а днем ко мне прибежала безутешная, заплаканная сестра. Она сказала, что в армию забрали обоих ее сыновей, что она ничего не могла поделать, и что она, вероятнее всего, никогда уже их больше не увидит. Ее горе не знало границ, а через несколько часов рыдания перешли в болезненные судороги. В минуту прояснения она сказала, что не доживет до утра: либо умрет от горя, либо наложит на себя руки. Сосед посоветовал мне последнее средство – обратиться за советом к Аль-Хайяму. Он же сказал мне взять на всякий случай пригоршню серебряных монет, и непременно – большой кувшин самого лучшего вина, какое я только смогу найти в городе.

Зимой смеркается быстро, и к дому Хайяма я пришел со всем

необходимым почти перед закатом. Туман немного рассеялся, дождь перестал моросить, сквозь облака начинала проступать пока еще бледная луна и первые вечерние звезды. Говорили, что у дома мудреца нередко случались веселые сцены: например, его посещали совсем юные, еще незамужние девушки, которых он всегда встречал с радостью, веселил их шутками, озорными стихами, играл для них на инструментах. Теперь же все было иначе. Вокруг дома стояла пустынная тишина. Я долго стучал в дверь, прежде чем хозяин появился в дверях. Это был человек среднего роста и, к некоторому моему удивлению, вполне заурядной внешности. Выделялся лишь опрятный, расшитый цветными узорами шелковый халат на нем, ухоженная серебристая бородка и озорные, по-детски живые, проницательные карие глаза. В то же время в его лице, осанке, голосе не было ничего особенного: немало таких людей можно увидеть в бойкий торговый день на любом восточном рынке.

На всякий случай я переспросил имя хозяина, а затем рассказал ему о произошедшем. Закончив рассказ, сразу же протянул несколько серебряных монет и кувшин. От монет хозяин решительно отказался («в горе я с людей денег не беру»), и радушным жестом пригласил войти. Кувшин же – а там было литра два – с улыбкой взял в руки, немного встряхнул, вгляделся в оттенок цвета рубиновой поверхности вина, оставшись вполне довольным.

Я заметил его улыбку, и отметив, что я сам не принадлежу исламу, и моя религия не запрещает мне пить вино, спросил о том, как сам он относится к строгому запрету на алкоголь. Он этому вопросу не удивился – ему явно его не раз задавали, и, главное, нисколько не обиделся.

– Я отношусь к этому запрету как к чему-то весьма странному и неразумному. Посуди сам: самое приятное в раю (быть может, не считая гурий) – это вино, которое праведник пьет там всю вечность в награду за свое послушание Творцу. И это же самое вино здесь, на земле, считается источником греха и зла.

– Насколько мне известно, то вино, что пьют в раю, не пьянит. Людям такое вино создать не дано. А грех, стало быть – это не само вино как таковое, а помутнение рассудка, которое оно вызывает.

– В таком случае еще строже должны запрещать гашиш и опиум. А я точно знаю, что почти все султаны, да и иные святоши ими балуются. А ведь перед Аллахом все равны. Раз им разрешены куда худшие вещи, то что плохого в вине? Да и разве мы собираемся пить до потери рассудка? Всякому известно, как я люблю хорошее вино, но, клянусь, никто и никогда не видел меня

оглупевшим от него. Наконец, посмотрим в корень: отчего Аллаху претит помутнение разума?

– Должно быть, так он заботится о людях и их достоинстве.

– Может и так, но главное не это. Аллах требует безоговорочной покорности, молитв по нескольку раз на дню. Представь вдрызг пьяного или покурившего чего-то не того молящимся в мечети. Это уже не покорность, это издевательство. Но вот выпить после пятой молитвы, на сон грядущий – что тут дурного?

– И в самом деле. Но буду признателен, если мы перейдем наконец к делу. Как мне быть с горем моей сестры? Что если она и вправду покончит с собой?

– Нас всегда пугают не вещи, а наши представления о них. Твоим племянникам ничего не грозит.

– Откуда вам это известно?

– Простая логика. Давно говорят, что крестоносцы уже вблизи Иерусалима. От Нишапура до него через всю империю, даже на быстрых лошадях – месяц езды. Совершая хадж, я останавливался в Иерусалиме. Это маленький город, крепостные стены и рвы перед ними – так, для вида. Военный гарнизон – человек сто, а то и меньше. Иерусалим находится в глубине империи, далеко от побережья, там нет особых богатств – раньше за него никто не беспокоился. Крестоносцы, уже взявшие куда бóльшие крепости, легко захватят его со дня на день, если еще этого не сделали. Нынешний султан весьма трусоват и рисковать армией не станет. В конце концов, крестоносцам не нужен Халифат. Их интересует лишь узкая полоска вдоль моря, ведущая в Иерусалим, в котором султану нет особого прока. Узнав, что Иерусалим уже захвачен, он для вида подержит армию в готовности вблизи города месяц-другой, погрозит врагам пальцем, а затем, чтобы не кормить лишние рты, тихо распустит рекрутов по домам. Твоим племянникам не придется воевать. Месяцев через пять они, полуголодные и похудевшие, в лохмотьях, но целые и невредимые вернутся домой. Так и объясни твоей сестре. Ты хочешь узнать о чем-то еще, или мы можем начать наш скромный ужин?

Мое настроение улучшилось, и я с радостью кивнул. Хозяин поставил на стол блюдо с румяными лепешками, разложил на другом широком плоском блюде ароматное жаркое из баранины, затем разлил по темным гравированным чашам небольшие первые порции вина.

Поблагодарив мудреца за угощение, я с любопытством отведал вина. Персидское вино, как я и думал, сильно отличалось от привычного мне европейского. Виноград вызревает в этих

южных широтах слишком быстро. Так что напиток этот здесь любят не за тонкую игру оттенков вкуса, а за хмель. Вино было грубым, крепким, сильно отдавало спиртом и неотфильтрованными резкими нотами. Впрочем, для своего времени и места оно, надо полагать, было неплохим. Уже после пары глотков хмель заметно ударил мне в голову, и я поставил чашу на стол, чтобы не утерять нить беседы.

– Множество людей приходят к вам за советами. Что вы говорите им чаще всего?

– «Посмотри на себя со стороны. Кем ты был, кто ты есть, и что ты еще сможешь сделать, пока жив?» Звучит просто, но, если человеку хватает сил открыть глаза на самого себя по-настоящему, он буквально перерождается.

Хозяин некоторое время с наслаждением смаковал содержимое кубка, затем разлил по второй.

– Если в ад отправляют за любовь к вину и красивым женщинам, то в раю нет ни души. Забавно и то, что в науке, то есть в постижении созданной Аллахом природы, многие видят безбожие. В мире вообще так много нелепого и смешного. И все же мир прекрасен, вопреки всему и в насмешку над всеми.

– Люди симпатизируют вам, хоть и редко признаются в этом. Женщин всех возрастов к вам и вовсе тянет, как пчел на мед. И вы их любите, хотя и на расстоянии. Почему же тогда вы живете один?

– Ты лучше будь голодным, чем что попало есть. И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

– Вы бы удивились, если бы вам кто-то сказал, что эти строки будут помнить наизусть сотни миллионов людей во всем мире спустя тысячу лет, иногда даже не зная, кто их автор?

– Я бы удивился, если бы узнал, что человечество вообще протянет так долго – тысячу лет. Мир до того хаотичный и безумный, что может исчезнуть в любую минуту.

Жаркое немного подгорело с краев, однако было сочным и приятным на вкус.

– Как бы вы охарактеризовали себя в одной фразе?

– Я человек, который имел все и потерял все. Трижды я был без памяти от любви. Одна женщина предала меня, уйдя к другому, вторую силой взял в гарем влиятельный правитель, третью убийца заколол ножом, и она умерла посреди пустыни у меня на руках. Я был богат, известен, наделен большой властью. Но не поступился принципами и за это лишь чудом не был казнен. Если бы я плакал из-за каждой неприятности в моей жизни, пришлось бы прорыть целый канал, дабы мои слезы не затопили город. Но я не в обиде ни на людей, ни на жизнь, ни на

Вселенную. И даже ее Творца, если бы он был, я от всей души поблагодарил бы за все, что мне встретилось на моем пути.

– За вашей спиной говорят, что вы безбожник. Кажется, эти слова не так уж безосновательны.

– Хочешь знать, верую ли я в Бога? В того, который создал Вселенную, послал нам свои законы и будет судить всех после смерти? Нет, не верю. Даже если он где-то там и есть, какой нам от него прок в жизни? Добро и зло воюют беспрестанно, а Небо – всегда в стороне. Если Аллах существует, то, кажется, он души не чает в подлецах. Почти все султаны, богачи, муллы – лицемеры. А достойные люди – землепашцы, ремесленники – влачат жалкое существование. Так в чем тогда Божий замысел? Чтобы все на свете было вверх дном? Мир – как шахматная доска. То черное, то белое, то день, то ночь. И все вокруг воюют. А потом появляется некто, сгребает все фигуры от пешки до ферзя и запирает их навсегда в темном ящике.

Омар улыбнулся. Мрачные вещи, которые он время от времени говорил, с трудом сочетались с его озорным взглядом и мощным внутренним обаянием. Он подлил еще немного вина в чашу и слегка встряхнул ее.

– Моя вера – в того Бога, который находится в глубине души и согревает каждого человека. Человек и ничтожен, и безмерно велик. Чем-то таким природа наделила нас, что мы особенные. Надежду внушает мне и то, что творить благо другим почти каждому несравнимо легче и приятнее, чем делать зло. Вот этому Богу Добра в душе человека я истово поклоняюсь и готов молиться ему хоть все время. Живое человеческое сердце ценнее любого камня. Даже если это камень Каабы.

– Значит, вы все-таки не верите в Творца?

– Нет, и так тоже нельзя сказать. Пойми же, неверие в богов – тоже своего рода вера, да еще какая. Религии, философии и прочие тяжкие размышления делают нас своими пленниками. Отринь их все, не мучай себя. Просто поверь в человека и в силу добра. Только тогда ты станешь свободным.

– Но разве это так просто? Ведь закон предписывает неверующего побивать камнями.

– Вряд ли на свете есть человек, который знает Коран лучше меня. Первый раз я целиком прочитал его в три года, а к семи выучил наизусть. Двадцати лет от роду в Самарканде я уже был почитаемым учителем богословия в одной из самых больших школ ислама в мире. Так вот что я скажу. Коран прежде всего предписывает соблюдать пять основ веры. Я это делаю неукоснительно. Признаю публично власть Аллаха, молюсь пять раз в день, особенно когда я на людях, раздаю милостыню,

выдерживаю пост (это, пожалуй, самое трудное), и даже совершал хадж в Мекку. Мне как ученому интересно было посмотреть, что собой представляет камень Каабы и как выживают арабы в пустыне. Этим же хаджем я раз и навсегда заткнул рты тем, кто подозревает меня в вольномыслии. Думаю, в лучшем случае лишь один житель Нишапура из десяти совершает хадж, так как Мекка отсюда очень далеко. Так как же эти неверные, не исполняющие пятый завет Аллаха, еще смеют меня в чем-то обвинять?

Я улыбнулся. Действительно, в ситуации Хайяма потратить полгода жизни на хадж в научных целях и ради защиты от будущих упреков было весьма разумно. Допив вино, он продолжил:

– Но, откровенно говоря, я никогда не мог взять в толк, для чего при каждой молитве биться головой о землю. Лично я стараюсь отдавать земные поклоны Творцу без стука головой, в отличие от многих. Полагаю, что самое прекрасное в молитве – это вид красивого, расшитого узорами молитвенного коврика. Хорошо, кстати, когда он мягкий – коленям не так больно.

– Я слышал, у вас было много научных работ. Что вас особенно интересовало?

– Больше всего в жизни меня интересовала и интересует математика. Она поистине царица наук. Я открыл универсальный способ решения уравнений третьей степени с помощью конических сечений, которые когда-то не поддались ни Пифагору, ни Аль-Хорезми. Доказал ряд теорем геометрии. Однако больше всего меня привлекал анализ постулатов Евклида, на которых зиждется вся математика. Я написал большой том комментариев к этим постулатам. Открыл, что пятый, последний постулат в некоторой степени выводится из первых четырех. Также я обнаружил, что если его немного иначе сформулировать, то вся математика мира будет выглядеть по-другому. Но что это будет за математика – я даже пытаться взять в толк не стал, так как это, видимо, за гранью разума человека.

«Зато в этом преуспели Риман и Лобачевский», – подумал я, но вслух, конечно, ничего не сказал.

Я заметил, что одна из рукописей, лежавших на соседнем столе, была авторства Авиценны. Хайям вновь широко улыбнулся, мой вопрос явно ему понравился.

– О, мой друг, это был потрясающий человек. Жаль, в Исфахане мы с ним разминулись во времени. Несколько его книг я собственноручно перевел с арабского языка на персидский. Я бы отдал десять лет жизни за единственный день беседы с ним. И даже будучи мертв, он все равно приносит мне некоторую пользу.

– Как же?

– Родители мечтали, чтобы я стал врачом. Мне же медицина всегда претила. Копаться руками во внутренностях человека – не мое призвание. Однако когда я оказываюсь на мели, я все же подрабатываю врачом. Я помню весь «Канон» Авиценны наизусть. В нашей округе врачи даже не слышали о нем. Я прихожу к больному, определяю симптомы, вспоминаю нужную страницу «Канона» и по памяти выписываю рецепт. Удивительно, но это работает. Люди выздоравливают, потом ко мне выстраиваются очереди страждущих. Если бы я решал, я бы поместил среди исламских святых Авиценну вторым, сразу после Пророка.

Хозяин хотел долить мне вина, но я вежливо прикрыл чашу рукой, поблагодарив. Он налил себе еще, и снова начал с наслаждением его цедить. Я не удержался:

– О вашем искреннем пристрастии к вину в городе слагают анекдоты.

Омар рассмеялся и снова посмотрел на отблеск свечей на рубиновой поверхности напитка.

– Лучше пусть считают меня пьяницей, чем еретиком. Над пьяницей добродушно, хоть и свысока, посмеиваются, а еретиков четвертуют на площадях. Пусть веселятся, я не в обиде на это.

– Что вас еще интересовало в науке, помимо математики?

– Астрономия. Я почти с вожделением, с истинным мистическим восторгом с детства взирал на звезды. Будучи советником Малик-шаха, я составил по его поручению самую подробную карту видимого звездного неба, а также уточнил календарь с учетом всех факторов, включая високосные годы. С тех пор весь Халифат живет точно и строго по моему календарю.

Я знал, что календарь Омара Хайяма оставался самым точным в мире вплоть до XVII века. Тем временем голос хозяина стал звучать слегка растянуто, он был чуть-чуть навеселе.

– Но в последние годы, переехав в эту дыру, я забросил все науки. Занимаюсь теперь только поэзией и изредка философией. Как можно больше просто радуюсь жизни, пока она не закончилась.

– Но неужели наука может перестать быть интересной человеку с вашими талантами и способностями?

– А какой прок в том, чтобы без конца размышлять о том, о чем нам никогда не станет до конца известно? Жизнь прекрасна. Что тебе еще надо? Тайны бытия не откроются никому. Можно всю жизнь на это извести, а потом все равно стать прахом. Лучше пить свежий сок винограда жизни, чем жевать высохший изюм надуманной учености. Взгляни сам на этих молящихся. Ну какая наука им нужна? Они знают ответы на все свои вопросы, а другие

вопросы их не волнуют. Посмотри на великих древних ученых, на философов. Рассказали нам пару сказок и отправились спать навсегда.

– Вы совсем не верите в загробную жизнь?

– Жизнь после смерти? Я не могу ее себе представить. Стебель сгнивает, становится прахом. Весной вырастает новый, другой. Так же и наши тела, а с ними и души. Человек может распутать любой узел на Земле, кроме узла смерти. Когда люди придумывают себе рай и ад, они имеют в виду всего лишь две половинки собственной души, светлую и темную. Поэтому я перестал и верить, и исследовать. Жизнь – мгновенье. Оно прекрасно. Радуйся любой мелочи, пока ты еще здесь. Это продлится совсем недолго. Даже тем, кто живет сто лет, перед смертью все время их жизни кажется одной скоротечной минутой.

Еще долго, до середины ночи, Омар Хайям, который лишь изредка подливал себе вина, по моей искренней просьбе читал свои потрясающие стихи, которые порой перемежал остроумными, но не самыми пристойными шутками. Слухи о его безудержном пьянстве не подтвердились: половина кувшина осталась нетронутой (правда, не исключено, что он мудро приберег ее на утро). Когда я вышел от него, туман полностью рассеялся, на бархатном небе были прекрасно видны звезды. Мой новый знакомый наверняка так много интересного мог бы о них поведать.

Он прожил в Нишапуре еще тридцать лет – до глубокой старости. Самые поздние записи его стихов были сделаны, когда ему было около шестидесяти. Чем он занимался в последние двадцать лет жизни, историкам неизвестно (хотя, конечно, можно догадаться).

Феномен Омара Хайяма состоит в том, что и сейчас, спустя почти тысячу лет, сборники его ироничных четверостиший (рубаи) постоянно возглавляют списки самых популярных книг. Его тонкие и верные изречения о жизни, его афоризмы, сегодня с утра не меньше тысячи юных красоток уже успели поместить в виде подписи под своими фото в соцсетях. Множество современных людей разных национальностей и религий хранят томики со стихами Хайяма на столике у кровати как отличное средство стряхнуть печали и улыбнуться перед сном.

Неожиданно, но человек, которого при жизни не раз хотели казнить за то, что он отрицал бессмертие, сам в некотором смысле его достиг. Если бы он мог узнать об этом, то наверняка бы рассмеялся.

Глава 17
Доказательства бытия бога (Фома Аквинский)

Место: Париж, Франция
Время: 1259 год

Эпоха Крестовых походов христиан в Святую Землю продлилась около полутора столетий. В конечном итоге разрушений и несчастий эти походы принесли гораздо больше, нежели славы и трофеев, на которые рассчитывали римские владыки. Иерусалим после множества сражений действительно пал, затем несколько раз переходил из рук в руки, однако в конце концов продолжил быть частью мусульманской империи. При этом многие иерусалимские святыни безвозвратно погибли в ходе сражений. Крестовые походы принесли гибель множеству людей – и простым крестьянам, шедшим воевать поневоле, и просвещенным рыцарям и дворянам. Большинство историков сходятся на том, что крестовые походы оказались одной из самых черных и трагических страниц истории Средних веков.

Но философы и ученые-натуралисты с этим бы, скорее всего, не согласились. Крестоносцы сделали для своей эпохи примерно то же, что Александр Великий для своей: раскачали застоявшееся во всех смыслах пространство европейской культуры и сделали широкий шаг в направлении того, что мы сегодня зовем прогрессом и глобализацией. Несмотря на кровавую вражду, стали частыми и даже вполне обыденными контакты между Западом и Востоком, до того несколько веков не соприкасавшихся. (Когда в VIII веке Карлу Великому привезли из Азии слона, на зверя смотрели как на чудо: в Европе со времен Рима не видели таких животных!)

Европа за прошедшее столетие сильно изменилась. Это были все еще Средние века: настоящий Ренессанс наступит лишь через двести с лишним лет. Однако и мрак Темных веков постепенно оставался позади. Люди отходили от многовекового «сна разума» и со все большим интересом всматривались в окружающий мир и его возможности. Население Европы (по крайней мере, до начала эпидемий чумы) стремительно росло. По всему континенту возникали новые города: если раньше их были единицы, то к середине 1200-х годов из любой европейской деревни уже можно было добраться до ближайшего города на повозке в течение одного дня. В самих городах бурно развивались ремесла, впервые

начали строиться великие, грандиозные соборы (такие, как в Шартре или Кельне, по сей день остаются шедеврами мировой архитектуры) и величественные каменные замки. Но главным достижением эпохи было открытие нескольких крупных университетов: сначала в итальянской Болонье, затем в Париже, Кельне, Кембридже и других местах. С самого начала в этих университетах шел активный обмен знаниями с Востоком. На европейские языки переводились рукописи как греко-римских мыслителей Античности, сохранившиеся в арабских переводах, так и относительно современных исламских ученых: Авиценны, Аверроэса, Аль-Хорезми и многих других.

В этот раз я был высокопоставленным посланником из Рима, который по важному делу прибыл в Париж в сопровождении двоих помощников. Город на берегах Сены в середине XIII века был совсем другим и мало чем напоминал сегодняшнюю столицу Франции. Его основная часть находилась на крохотном островке Ситэ, длиной в километр и шириной в пару сотен метров. Здесь стоял небольшой замок Лувр (позже он был заново отстроен на другом берегу реки в гораздо большем масштабе) и первый, ранний вариант собора Парижской Богоматери, который тогда был невысоким и мало чем выделялся среди других каменных готических соборов. Все население Парижа не превышало 50 тысяч человек: на фоне огромных городов Востока – двухмиллионного Константинополя или миллионного Багдада – это была довольно скромная столица, которая к тому же нередко страдала от сильных наводнений и крестьянских бунтов. На правом берегу Сены располагались рынки и многочисленные бойкие ремесленные мастерские. На левом берегу было тише: здесь прямо к воде спускались виноградники, а на узких улочках между небольшими одноэтажными каменными домами сновали люди в монашеских одеяниях и молодежь. Здесь находился Парижский университет, прообраз будущей Сорбонны, а там, где впоследствии вырос студенческий Латинский квартал, стояла пара симпатичных готических соборов, куда парижане вечерами приходили на мессы. Проповеди после месс в те времена заменяли людям одновременно и клубы, и театр, и радио. Порой они длились по два-три часа, заканчиваясь затемно, а произносившие их священники были в числе самых известных людей города. С одним из таких священников мне предстояло встретиться.

Мне и моим спутникам пришлось долго ждать около входа в церковь, внутри которой толпилось множество людей. Проповедь и причастие закончились после восьми вечера, когда на весеннем парижском небе зажглись первые звезды. Выходя из церкви,

священник (в отличие от своих коллег, которые могли еще долго потом стоять у входа, на улице, с улыбкой ведя неспешные душеспасительные беседы с прихожанами), казалось, ни на кого не обращал внимания. Лишь пару раз, не поднимая головы, он буркнул слова благодарности людям на улице, которые совали ему в ладони мелкие монеты – в те времена священнослужители жили только на получаемые после месс подаяния.

Это был высокий, крупный, грузный человек, в белом одеянии с темной накидкой и небольшой шапочкой на голове. Я знал, что ему было слегка за тридцать, но выглядел он гораздо старше – рыхлый, со свисающим над поясом животом, толстой шеей и почти лысый. Грузностью тела и неприветливостью манер он отличался еще с детства: в бытность студентом Кельнского университета, он получил от однокашников обидное прозвище «немой бык». Немым он, конечно, не был, но говорил медленно, нередко запинался и даже немного заикался. Риторика, один из главных университетских предметов того времени, давалась ему с трудом, да и вдохновенно читать длинные проповеди он научился лишь спустя многие годы. Вероятно, он страдал диабетом, хотя Средневековью о такой болезни известно не было, а сегодня у него наверняка диагностировали бы и расстройство аутистического спектра. На лекциях он обычно молча сидел за задней партой, тщательно конспектируя сказанное учителем и стараясь не отвлекаться на задиравших его соседей. Когда же наступало время экзаменов, и «немому быку» выпадала возможность пообщаться с преподавателями в спокойной беседе один на один, он обнаруживал такой уровень эрудиции и глубины мышления, что наступала их очередь терять дар речи. Один из преподавателей даже как-то сказал о нем: «когда этот бык подаст голос, его услышит весь мир».

Необычным было и то, что этот человек, всю жизнь отличавшийся крайней скромностью на грани застенчивости, родился в одной из самых богатых семей Италии. Родители уже в детстве приглашали заниматься с ним лучших частных учителей, и надеялись, что с годами Фома – так его звали – станет уважаемым феодалом, достойным наследником рода, владельцем замка и крупного поместья. Но тот неожиданно присоединился к ордену монахов-доминиканцев, который в то время был самым бедным из орденов. Его последователи в основном просили подаяние на улицах, и к ним относились немногим лучше, чем к бездомным бродягам. Родственники силой выкрали его из ордена и заточили у себя в поместье на два года, но Фома снова сбежал, спустившись ночью из окна по веревке – а при его комплекции это была весьма непростая задача. После этого происшествия семья

отреклась от него навсегда. Среди доминиканцев Фома быстро добился авторитета благодаря выдающемуся уму, и его устроили на обучение в Кельн, на лучший курс теологии и философии, а затем сделали настоятелем в одной из церквей Парижа, что для монаха ордена считалось весьма почетно. Однако по меркам всей католической церкви Франция в те времена была провинцией, и в ее структуре священники оттуда – и тем более доминиканцы – стояли на одной из низших ступеней.

Прежде чем сообщить Фоме о цели визита, приславший меня начальник дал мне строгое указание вначале понаблюдать за ним в обычной жизни и по возможности побеседовать. Фома ступал тяжелыми шагами, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дыхание, в сторону моста через Сену. Улица была крайне слабо освещена – лишь лунным светом и горевшими где-то вдали редкими тусклыми факелами. Мы следовали за ним почти в темноте, на расстоянии десятка шагов. Услышав нашу итальянскую речь, священник ускорил шаг насколько мог. Теперь он уже почти бежал, прихрамывая, тяжело дыша и немного пригнув голову. Нагнав его на мосту, мы окликнули его. Он резко обернулся. Его лицо исказила гримаса ярости и сильного испуга одновременно. Он хрипло проговорил:

– Что вам нужно? У меня нет денег. А если тронете меня, Господь покарает вас за это.

– Не бойтесь. Мы пришли ради беседы, а не ради того, чтобы причинить вам вред.

– Кто прислал вас ко мне? Неужто родственники решили-таки меня прикончить? Я ни в чем не виноват перед ними! Я не претендую ни на чье наследство. Оставьте меня…

– Я не знаком ни с кем из ваших родственников. У меня к вам совершенно иное дело. Но я не готов раскрыть его деталей прямо здесь, ночью, посреди улицы. Разговор сугубо личный, поэтому прошу последовать за нами.

Священник явно не верил мне, но понимал, что другого выбора нет, и угрюмо поплелся следом. Я еще днем присмотрел небольшую скромную харчевню, занимавшую крошечное, похожее на грот помещение, где было всего два стола, и оплатил там ужин на четверых с условием, что нам никто не помешает. Искомая улочка была темной и пустынной – в то время люди просыпались с рассветом и ложились спать почти сразу после заката. Хозяин харчевни оставил мне ключ, и, не без усилий справившись с тяжелым скрипучим замком, мы вошли внутрь. В помещении горели тусклые лампады, а на столах были расставлены грубые деревянные тарелки с едой, которая, тем не менее, выглядела аппетитно – порезанные свежие овощи, серый хлеб и зажаренный

бок деревенского кабана.

Фома, увидев все это, наконец-то успокоился. Уличные разбойники или убийцы явно не стали бы совершать таких приготовлений. Присев за стол, я немного поухаживал за нашим гостем, поставил перед ним тарелки с приборами, а также предложил вина. Совершенным аскетом Фома не был: великий пост недавно закончился, так что он положил себе немного румяного кабаньего мяса, а также пригубил вино. Но и в том, и в другом он явно знал меру.

– Если позволите, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Отвечайте только если захотите.

Фома кивнул, не поднимая опущенной к тарелке головы.

– Вы священник и занимаетесь богословием, теологией. Почему при этом вы во всеуслышание называете себя ученым?

Он с удивлением посмотрел на меня. Для XIII века вопрос звучал остро, если не сказать провокационно.

– Потому что богословие – это даже не просто наука. Это вершина всех наук. Все остальные науки изучают материальную природу, которая создана Господом. И это, безусловно, достойно и важно. Философия стоит над естественными науками, так как старается объединить их, показать общие для всех наук закономерности. Теология же – это вершина философии. Она изучает не природу – творение рук и воли Создателя. Она изучает Его Самого. И это – высшее знание.

– Но разве можно познать Творца научными методами? Ведь Слово Божье есть откровение.

– Первооснова физики, математики и прочих наук – это тоже откровения, не так ли? Физика описывает силы, которые действуют на тела и предметы, но никто и понятия не имеет, откуда взялись эти силы. Математика тоже полностью основана на Откровении – постулатах Евклида, которые мы можем «доказать», лишь глядя на линии и точки на поверхности своими глазами. Почему эти линии ведут себя так, а не иначе, мы понятия не имеем, однако же строим на основании этого сотни логических теорем алгебры и геометрии – гораздо более сложные, порой очень высокого порядка. Богословие – абсолютно то же самое. Я в своих работах всякий раз отталкиваюсь от Библии, Священного Писания, как от первоосновы. И далее, пользуясь правилами логики, открытыми еще гениальным Аристотелем, опираясь на все, что было написано позже уважаемыми отцами Церкви в первые века, строю свои собственные выводы – логически безупречные. Таким образом я стараюсь открыть людям глаза и показать новые грани Истины. Новый Завет короток. Спаситель не мог в своей земной жизни дать человеку

ответы на все бесконечные вопросы, которые мучают его в обычной ежедневной жизни. Поиск таких ответов – важная миссия Церкви, и я служу ей, как только могу.

– А существует ли Истина вообще? Может быть, мир – это просто хаос?

– Истина – это согласованность ума и вещи. Истина, безусловно, существует. Ведь если бы ее не существовало, то тогда хотя бы утверждение «Истин не существует» было бы истинным. Значит, как минимум одна истина в мире точно есть.

С момента, когда я увидел его выходящим из церкви, Фома в первый раз слегка улыбнулся.

– О том, что вы можете логически доказать что угодно на свете, известно далеко за пределами Парижа. Но вот что сделало вас по-настоящему знаменитым, и о чем начали дискутировать в ученых кругах Европы: в своих проповедях вы приводите пять «научных» доказательств бытия Божьего.

Фома снова улыбнулся, уже смелее. Образ крупного, грузного, в летах мужчины контрастировал с наивным, искренним и даже немного детским взглядом его темных глаз.

– Ни одно из этих доказательств я не придумал сам. Вообще-то, в разных книгах я встречал десятки попыток доказать бытие Бога. Большинство из них не выдерживает и простейшего анализа. Свои пять аргументов я всячески испытывал на прочность, но не обнаружил в них никакого изъяна. Кроме того, я не просто пересказываю их, а дополняю своими мыслями, стараясь точнее раскрыть суть.

– В таком случае, позвольте мне выступить вашим оппонентом.

– Извольте. Любым оппонентам я рад. Ведь из диспута истина выходит еще более яркой. Что ж, давайте начнем. Как вам, наверное, известно, первое доказательство бытия Бога – это первое движение. Эту идею сформулировал еще Аристотель. Мы ясно видим, что все вещи в мире находятся в движении. Однако ни одна вещь не способна сдвинуться с места сама по себе, если на нее не оказала воздействие другая вещь. Но кто же тогда сдвинул с места первую вещь? Этим некто может быть только Бог.

– Продолжайте, пожалуйста. Я тоже читал сочинение Аристотеля, в котором об этом упоминается.

– Хорошо. Второе доказательство – первая причина. У каждой вещи есть причина: у курицы – яйцо, у человека – его родители, у летящего копья – бросившая его рука. На свете нет вещи, не имеющей причины. Но что же тогда было первой Причиной? Бог.

Третье доказательство – необходимость. Ничто не возникает из ничего. Чтобы появилось что-то, любой предмет, необходимо,

чтобы кто-то – или что-то – создал его. Иначе этой вещи или предмета просто не существовало бы. Значит, была первая, исходная материя. И эту первую материю создал Бог, так как больше ей неоткуда было бы взяться.

Четвертое доказательство – это степени бытия. Разнообразие мира. Чтобы вещи отличались друг от друга, – хотя бы добро отличалось от зла, – необходим Абсолют, на фоне и в сравнении с которым мы можем эти вещи различать. Чем ближе вещь, явление или человек к Богу, тем больше в них добра. Чем дальше от Него – тем меньше. Только на темном ночном небе мы можем увидеть светящие нам звезды. Без высшего Абсолюта как единого, идеального образца для сравнения вещей и качеств вещей, мир превратился бы в хаос.

– Каково же пятое доказательство?

– Лично мне думается, что это самый красивый, поэтичный, и не менее бесспорный аргумент. Я имею в виду порядок мира. Всякая вещь на свете стремится к своей цели. Брошенный камень – к земле, разгорающийся огонь – к небу. В природе нет ничего, что хаотично блуждало бы без направления и цели, «просто так». Если все вещи – и в том числе души людей после смерти – стремятся к некоему началу, то это начало и есть Бог.

Фома снова опустил голову, доедая кусочек кабаньего мяса. Я молчал, думая.

Разумеется, развитая наука XX века никогда не относилась к этим, на первый взгляд, «детским», чисто умозрительным и бездоказательным доводам всерьез. Скорее наоборот, с иронией навсегда сдала их в архив, как явный пережиток прошлого. Но сейчас мне показалось, что странными они сегодня кажутся лишь из-за несколько примитивных, устаревших формулировок. А как насчет их сути, идей, которые за ними стоят? Здесь все отнюдь не так просто.

Первое доказательство – «исходный толчок, первое движение» – созвучно закону сохранения энергии. Современная наука считает, что вся энергия Вселенной возникла при Большом взрыве. Хорошо, но что было причиной взрыва? На этот вопрос ответа нет. Стало быть, можно ли утверждать, что этой причиной был не Бог?

Второй аргумент – первая причина. Все процессы во Вселенной находятся в отношениях причины и следствия – здесь с Фомой не поспорили бы даже современные физики. Но что же было первой причиной в истории? Этот вопрос наука объявляет непознаваемым и не исследует. Значит, нет строго доказанного опровержения и второго довода.

Третий аргумент, Необходимость – это закон сохранения

материи. Откуда взялась материя до Большого Взрыва? И снова – неизвестно. Значит, нельзя исключать, что и вправду ее создал Бог.

Четвертая причина: Бог – это Абсолют, нравственный и прочий эталон. Здесь все не столь явно, но ближе всего этот аргумент соотносится с тайной человеческого сознания. Откуда оно взялось? Почему оно столь индивидуально? Почему человека терзает совесть, когда он понимает, что сделал что-то недоброе, далекое от нравственного божественного Абсолюта? Загадки сознания неисчислимы.

Наконец, пятый аргумент, утверждающий, что все стремится к одному Началу, напоминает тайну идеального соотношения законов физики на всем пространстве Вселенной. Кто установил закон гравитации? А все остальные, столь филигранно подогнанные друг к другу законы? Случайность? Или все же Бог?

Многих удивляет то, что католическая церковь и сейчас, в XXI веке, считает все пять доказательств Фомы действующими и никем не опровергнутыми. Что ж, возможно, в них действительно содержится истина. Обратного, по крайней мере, пока никто строго научно не доказал. И докажет ли в будущем?

– Фома, я передумал. Я воздержусь от споров. Вместо дискуссии, я хочу узнать еще вот о чем: если Бог действительно существует, то каков Его образ?

– Бог существует отдельно от природы, как всякий Мастер существует отдельно от своего творения. Каждая вещь в мире обладает двумя базовыми качествами – сущностью и потенцией. Человек – не исключение. Например, моя потенция – быть христианским мыслителем и писать богословские трактаты. Но я могу заниматься этим урывками, по ночам, и даже когда я пишу, по-настоящему яркие идеи приходят ко мне лишь эпизодически. А моя сущность – это человек, который в данную секунду разговаривает с вами, мои неизвестные допросчики, и держит вилку в руке. То же самое – с каждым предметом на свете. Звезда имеет потенцию упасть или взорваться, но в сущности просто находится в одной точке неба. В отличие от обычных вещей, сущность и максимальная потенция Бога всегда совпадают. Это самая великая сила в мире, и она в каждое мгновенье реализуется наиболее полным образом.

– Что еще вы можете сказать о Боге?

– Никто прежде – и это кажется мне странным – не отмечал того, что творение Богом мира не было неизбежным. Бог мог создать Вселенную, а мог не создавать. И за то, что он ее все же создал, мы вечно благодарны Ему. А кроме того, Бог – это не только высшая сила, но и уникальная, отдельная, сознающая себя

личность. Из этого, казалось бы, простого положения можно прийти ко множеству потрясающих новых умозаключений.

– Авиценна утверждал, что Бог велик и всеобъемлющ, но есть вещи, которые даже Ему неподвластны.

– Лично я знаю одно явление, совершенно точно неподвластное Богу. Даже Всевышний не может изменить прошлое, обратить время вспять.

– Из этого следует, что время сильнее Бога?

– Нет, не так. Из этого следует, что Бог никогда не ошибается. И что если Он совершил нечто однажды, то возвращаться к этому вновь нет никакой необходимости. Иначе нарушилась бы причинность и наступил бы хаос, столь противный Его сущности.

– А как же свобода воли человека? Некоторые религии в ней сомневаются или даже отрицают ее.

– Этот вопрос наивен. Разумеется, человек обладает полной свободой воли. Иначе зачем Бог дал ему все заповеди, наставления, для чего вложил в них столько Своего бесценного, возвышенного Духа? Для безвольных марионеток Священное Писание было бы напрасной тратой божественных сил.

– Ну что ж, с божественной природой, кажется, понятно. А что можно сказать о человеке?

Как и на протяжении почти всего разговора, Фома снова опустил взгляд. Пальцем стал что-то сосредоточенно оттирать с грубой дубовой поверхности стола, и, не отрываясь от этого, заговорил.

– Человек – лучшее, высшее создание Господа. Безусловно, благое, даже несмотря на все наши пороки и первородный грех Адама. Многие богословы утверждают, что плоть есть средоточие греха, и чем меньше мы будем уделять нашему телу внимания, а только лишь молиться и пребывать в нашей душе, тем лучше. Я считаю это логически абсолютно неверным. Пока человек пребывает на Земле, его душа и тело неразделимы. И о том, и о другом, он обязан заботиться в равной мере. Телесная чистота так же важна, как и душевная. Нет смысла в чрезмерной аскезе. Христос, учивший собирать сокровища на небе, а не на Земле, имел ввиду, что ставить богатство целью своей жизни – большой грех. Но он вовсе не отрицал при этом важность правильной телесной, земной жизни. Человек приятен Богу не строгой аскезой, а добрыми бескорыстными поступками, благими делами, которые он совершает каждый день ради своих ближних. Существование важнее потенции. Не так важно то, что я могу. Имеет значение только то, что я фактически сделал. В этом суть праведности.

– Что еще важного о человеке можно заключить из Писания?

– С помощью все той же Аристотелевой логики я легко доказываю то, что ни один человек не имеет права порабощать другого. Каждая личность бесценна. В мире не должно быть рабства, ведь раб – это тоже сын Божий. Как можно унижать раба, если раб – творение Бога? Унижая раба, ты посягаешь на Бога. Даже преступников не следует казнить, их надлежит лишь содержать в тюрьме, дабы они не могли принести нового вреда. Ни один палач не имеет права убить Божье создание. Каждый человек имеет права уже на том основании, что он родился.

Мне вспомнилось, что декларация неотъемлемых прав человека была закреплена лишь в XX веке. В этом аспекте Фома намного опередил свое время.

– Про вас поговаривают, что вы не слишком лестно высказываетесь о королях и государстве.

– Государство, безусловно, необходимо. Оно приносит много общественных благ. Но следует помнить, что человек – это творение Бога, а государство – всего лишь творение человека. Из этого логически следует, что человек и его интересы бесспорно выше, чем интересы государства, которое суть явление более низкого порядка. Государство должно лишь обслуживать нужды человека.

– Значит ли это, что идеал государства – это афинская демократия?

– Нет. Я считаю, что демократия, власть толпы, в конечном итоге всегда приводит к тирании. Мой идеал государства – выборная монархия. Государь избирается большинством голосов народа и на всю жизнь. Но он не имеет права передавать власть своим детям по наследству или иному лицу по своему усмотрению. После смерти монарха избирается новый. Кроме того, если государь явно не устраивает народ, то люди имеют право еще при жизни сместить его с трона. Отмечу также, что никакие государственные законы не могут противоречить законам божественным. Если принятый государем закон несправедлив, люди имеют право не соблюдать его. Бог будет на их стороне.

– Если простой человек на улице попросит вашего совета, что вы ему скажете?

– Объясню, что, несмотря на все трудности жизни, Господь безусловно желает ему добра. Абсолютного зла во Вселенной не существует – ибо оно быстро уничтожило бы само себя. Все люди и вещи вокруг несут в себе прекрасные частицы Бога.

– А что вы бы порекомендовали людям в их обычной, повседневной жизни?

– На исповедях я часто призываю прихожан как можно чаще и

внимательнее читать книги, причем не только Библию. Знания, которые вы черпаете из книг – это ваш капитал, а собственные мысли, которые рождаются в результате чтения – щедрые проценты на этот капитал. Я также говорю, что Господу нравятся умные люди. Человеку знающему сама Вселенная кажется совершеннее, ведь он понимает ее законы. Потому я утверждаю, что, хотя мы никогда не познаем мир до конца – это дано лишь Богу, – возможности развития нашего ума, тем не менее, бесконечны. Даже самый ученый мудрец всегда может открыть для себя что-то новое.

Я видел, что Фома был уже изрядно утомлен – сказывались и слабое здоровье, и позднее время. Завтра рано утром ему необходимо было вновь служить мессу. Поэтому я перешел наконец к вопросу, ради которого эта встреча затевалась.

– Фома, благодарю за ваш рассказ. Редкая беседа бывает столь содержательна. Но должен сказать еще вот о чем. Меня прислал к вам из Рима сюда лично Его Святейшество папа римский Урбан IV. До него через ученых богословов из Кельнского университета дошли некоторые из ваших работ. Прочтя их, папа пришел от глубины и проницательности ваших рассуждений в подлинный восторг и благоговение. Он предлагает вам немедленно прибыть в Рим, в Ватикан, чтобы возглавить там Кафедру католического богословия.

Фома посмотрел на меня растерянно, словно не понял сразу смысл сказанного. Или не мог в это поверить.

– Папа предлагает вам стать главным теологом всемирной христианской Церкви. Вы согласны?

Фома Аквинский – крупный, тучный, лысый мужчина напротив меня, вдруг положил голову на руки. Я видел, как на глаза его наворачиваются слезы.

Он служил в Ватикане на этом высоком посту оставшиеся пятнадцать лет жизни. За это время он написал свой главный труд – трактат «Сумма теологии», в котором развернуто и доказательно изложил свои идеи. В последний год жизни, когда Фоме было около пятидесяти, он тяжело болел и редко вставал с постели. Несмотря на это, папа римский поручил ему поехать во французский Лион на важнейший богословский съезд эпохи, так как никто не мог бы выступить на нем от лица Ватикана столь же блестяще. Добраться до Лиона Фоме было не суждено – он скончался в пути. После смерти он был причислен к лику христианских святых.

История христианской мысли Средневековья примечательным образом повторила цикл развития и главное интеллектуальное «противостояние» античной философии. В

роли идеалиста Платона, но на почве христианского учения, в V веке выступил Блаженный Августин, а христианским Аристотелем, «материалистом» и логиком в XIII веке стал непревзойденный философ-схоласт преподобный Фома Аквинский. Вплоть до середины XX века томизм, или учение Фомы Аквинского, официально являлось основой идеологии римской католической церкви.

В 1960-е годы в Ватикане состоялся самый важный и представительный конгресс мировой католической церкви за весь XX век. В рамках конгресса множество ведущих богословов напряженно работали три года подряд. Официальной целью их работы было «развитие и уточнение доктрины Фомы Аквинского в свете реалий современного мира».

Глава 18
Загадка творчества (Леонардо да Винчи)

Место: Милан, Италия
Время: 1496 год

В трапезном зале монастыря Санта-Мария-делле-Грацие этим утром было довольно душно. В конце июля в Милане – одном из самых крупных, оживленных и промышленно развитых городов Европы XV века – стояла жара. Окруженный сплетением узких переулков, широкий, но небольшой в высоту, этот монастырь из ярко-красного кирпича находился на городской окраине и не очень бросался в глаза – в отличие от ослепительного готического Миланского собора на главной площади, в который стекалось множество паломников. Его архитектура была похожа на храмы поздней Византии: невысокий центральный неф и широкий и круглый массивный купол, отдаленно напоминающий римский Пантеон. Его построили по проекту известного римского архитектора по приказу просвещенного правителя Милана Франческо Сфорцы, попечителя высоких искусств, человека многих достоинств, чей двор на равных соперничал по степени блеска и размаха празднеств с великолепной Флоренцией клана Медичи. Будучи замечательным творением, но все же лишенным особого внешнего лоска, монастырь служил обителью для сотни монахов. В нем текла тихая размеренная жизнь – скромная и, как казалось, далекая от мирских забот.

А между тем общине монахов этого монастыря принадлежали обширные владения вокруг Милана, в том числе – плодородные виноградники, которые приносили немалый доход. Настоятель с согласия Сфорцы решил украсить одно из внутренних помещений храма, служившее трапезной, большой фреской, которая, по его замыслу, должна была покрыть поверхность внутренней стены, сообщавшейся с главным залом. В трапезной не бывало случайных посетителей, как правило – только монахи и послушники, однако сам герцог Сфорца нередко заходил сюда, чтобы в тишине побеседовать о разных делах с настоятелем и помолиться без посторонних глаз. Герцог и порекомендовал настоятелю художника, который уже более десяти лет жил при его миланском дворе, хотя вырос и сформировался как мастер во Флоренции. Настоятель согласился не сразу. В таланте исполнителя он не сомневался, но смущала его странная

репутация кандидата: тот просит за свои услуги огромную цену, при этом добрую половину работ, за которые берется, не доводит до конца, бросая на полпути, а иногда даже толком их и не начиная. Если бы не личное благоволение к нему и протекция герцога, такого мастера давно бы уже выгнали взашей из города.

Худшие опасения настоятеля полностью подтвердились. Несмотря на полученный художником исключительной щедрости аванс в виде золотых монет и дорогой виллы с виноградником неподалеку от храма, переданной ему в собственность, работа продвигалась крайне медленно. Договором предписывалось, что фреска будет полностью закончена за год; между тем прошло уже почти два, а роспись едва ли была готова наполовину. Настоятель был до крайности раздражен не только срывом сроков, но и самой манерой поведения и стилем работы художника. Тот постоянно экспериментировал, словно неопытный живописец-новичок: использовал совершенно новые виды красок, которые со стороны выглядели блеклыми и давали на фреске совершенно размытые цвета. Леонардо – так его звали, утверждал, что такие краски необходимы для многослойной прорисовки перспективы, но не удосуживался объяснить, что это значит. В иные дни он мог прийти в храм минут на десять за целый день, один, без помощников, – и даже не притронуться к кистям. Вместо этого он просто стоял в задумчивости, глядя на едва проглядывавшее изображение, затем принимался ходить по трапезной широкими шагами, оценивая его вид с разных точек. Если дело было в середине дня, когда братья-монахи обедали, он запросто мог при этом кого-то из них толкнуть или резко сдвинуть стоящий на пути накрытый стол, свалив с него чью-нибудь тарелку с едой, – и при этом по-прежнему не проронить ни слова, и даже жестом или выражением лица не попытавшись извиниться. Казалось, его по-настоящему интересовало только то, что происходит в его голове, а окружающая реальность и люди вокруг были досадной помехой, чем-то вроде занозы в пальце, которую стараешься не замечать.

Я прибыл в Милан накануне. На сей раз я не имел определенной профессии. Просто проезжий турист, как сказали бы сегодня. Конец XV века в Италии вошел в историю как одна из самых ярких эпох в истории мира. Мрачная тень европейского Средневековья растворялась в прошлом. Это время отмечено появлением и распространением книгопечатания, благодаря которому книги – пусть и не такие как сегодня, тяжелые, громоздкие, но все же более не рукописные – распространились по всей Европе, особенно – в таких ее культурных центрах, как Милан. Ушли в прошлое времена, когда чтение было прерогативой немногочисленных дворян, монахов и ученых –

теперь читателями стали и те, кого мы сегодня причислили бы к городскому среднему классу.

Храмы и церкви в городах Италии уже мало чем отличались от современных. Всего за несколько лет до описываемого времени Колумб впервые высадился в Новом Свете. Позже это событие войдет в историю как эпохальное, но пока его никто не оценил: лишь немногие мореплаватели заинтересовались открытым «западным путем в Индию». Пройдет несколько лет, и совершивший путешествие за океан Америго Веспуччи (по удивительному совпадению – один из двух лучших школьных приятелей Леонардо, позднее – крупный флорентийский купец) первым в мире догадается, что найденная земля – это не Индия, а целый новый континент, и скромно присвоит ему свое собственное имя. К слову, второй близкий друг детства Леонардо, Лука Пачоли, станет великим математиком и изобретет современный бухучет.

Милан был знаменит на всю Европу прекрасными ювелирными мастерскими, мануфактурами по выделке лучших тканей и особенно – оружейным делом. Самые богатые семьи Европы заказывали доспехи, клинки и ружья всех видов у мастеров, находившихся под управлением дома Сфорца. А еще в Милане проходили яркие, пышные, почти немыслимые в ту эпоху празднества – настоящие карнавалы с фейерверками и множеством причудливых технических изобретений вроде вращающихся сцен с постоянно меняющимися декорациями или самодвижущимися благодаря тонким внутренним механизмам большими фигурами. Такие праздники устраивались по несколько раз каждый год.

Можно не без сожаления отметить, что большинство живописных шедевров Леонардо были созданы им в свободное от работы время. Его основным хлебом (а жил он почти всегда на широкую ногу, в дорогих просторных домах, кормил несколько постоянных помощников и слуг, отличался изящным вкусом в нарядах) на протяжении полутора десятков лет было не что иное, как инженерное устройство блистательных праздников Сфорцы для сиюминутных потех знати. При этом, несмотря на теплое отношение герцога, к высоким слоям миланского общества Леонардо не принадлежал: художники и инженеры, даже очень известные, тогда считались разновидностью ремесленников-простолюдинов.

Я встретился с Леонардо как будто бы случайно, вблизи оживленного, но не отвечавшего сегодняшним представлениям о гигиене продуктового рынка. Отбросы, испорченные фрукты, тухлое мясо торговцы выбрасывали в выгребные ямы в

нескольких метрах от прилавков, отчего в воздухе стоял резкий запах гнили, который не особенно беспокоил ни покупателей, ни продавцов. На рынке и вокруг него можно было заметить много по-своему колоритных, бедно одетых людей, бродяг – лица некоторых из них буквально просились на полотна с изображениями кругов ада Данте. Леонардо пришел сюда в поисках натурщиков для своей масштабной картины. Наконец, он заприметил мое лицо в толпе прохожих, вгляделся внимательнее и двинулся в мою сторону. Как я и рассчитывал, он пригласил меня позировать в качестве одного из персонажей масштабной фрески, коих должно было быть тринадцать. Я без раздумий согласился, и мы договорились о встрече в трапезной зале храма на следующее утро.

Мой типаж оказался ближе всего к образу апостола Филиппа, ученого человека лет тридцати, с умным, серьезным взглядом, направленным на композиции прямо в ее центр, на фигуру Спасителя. Разумеется, собрать всех моделей сразу и заставить их сидеть в одной позе за столом каждый день месяцами художник не мог при всем желании, поэтому он писал образы по отдельности. Фреска была большой и находилась на некоторой высоте: Леонардо работал, взбираясь на подвесные деревянные леса. Сейчас на картине были написаны только фигуры апостолов, без лиц. Двое помощников – ловкий молодой человек и еще один, совсем мальчишка, шустрый и неугомонный, смешивали краски в нужных пропорциях, подавали кисти и другие инструменты.

Леонардо сначала долго, неестественно сверлящим взглядом, словно я был неживым предметом, всматривался в мое лицо, повернутое вправо, как на картине, а затем легкими движениями взбирался на леса и работал кистью. На помощников он время от времени грозно покрикивал и явно торопился закончить лицо апостола до полудня, чтобы ему не мешали монахи со своим обедом. Часам к одиннадцати в помещении стало душно, и мне захотелось, чтобы сессия поскорее закончилась. К двенадцати маэстро дал знак помощникам собирать инструменты. Я всмотрелся в свежий образ Филиппа на картине, но увидел не законченное лицо, а лишь его наметки, но, вероятно, для Леонардо этого было достаточно. Мастер сухо поблагодарил меня, так ни разу за все утро и не улыбнувшись, и сунул в мою ладонь пару мелких серебряных монет, которых бы не хватило даже на то, чтобы как следует пообедать после работы – щедростью он явно не отличался.

В перерывах между позированием я обратил внимание на толстую тетрадь: ее угол высовывался из глубокого кармана

лежавшей на столе накидки художника, которую он снял с себя в процессе работы. Это был один из знаменитых дневников Леонардо. Внимательно пролистав, я вернул его на место.

Когда около полудня мы выходили из собора, встречая по пути первых монахов в красных одеяниях, шедших в трапезную, я предложил небольшую помощь. Мальчишка-подмастерье начал капризничать (что, видимо, было обычным делом), отказываясь нести тяжелые бидоны с темперой. Сам Леонардо ничего не носил в руках – это было явно ниже его достоинства. Он кивнул в ответ, и я помог донести краски до его поместья. По пути я рассказал, что недавно окончил университет Пизы, обладаю неплохими познаниями в области инженерного дела и был бы рад обсудить с ним наброски, которые я обнаружил в его тетради. Леонардо впервые с момента знакомства взглянул на меня с некоторым интересом. Я предложил после обеда прогуляться по центру Милана и обменяться идеями.

Слуги на кухне меня, как совсем незнатного гостя, накормили похлебкой из чечевицы и овощами, сдобренными оливковым маслом. По каменному полу дома тут и там расхаживали животные – кошки, собаки, гуси. Хозяин вздремнул, пока я ел (это была еще одна его особенность – Леонардо спал понемногу четыре раза в сутки: дважды по два часа ночью и дважды по часу после обеда и перед закатом). После трех часов дня жара спала, погода стала идеальной, и я находился в предвкушении захватывающего общения с художником на фоне прекрасной итальянской природы.

Леонардо оказался отнюдь не разговорчив. Выглядел он великолепно: высокий даже по нашим временам, он буквально возвышался над своими довольно низкорослыми современниками. Стройный, длинноногий, с пружинистой спортивной походкой, он был одет в эффектный и, видимо, модный длинный зеленый облегающий камзол, богато вышитый золотыми и красными нитями на рукавах. Ему было слегка за сорок, он никогда не был женат и не имел детей. Лицо Леонардо, прекрасное, с совершенными, благородными, правильными чертами, обрамленное густыми русыми волосами и с ухоженной короткой изящной бородкой, могло вызывать лишь восхищение. Но что-то было в выражении его лица такое, из-за чего вблизи он становился куда менее привлекательным – вероятно, взгляд, казавшийся то холодным и надменным, то блуждающим и отрешенным.

Некоторые прохожие приветствовали его – в основном тоже ремесленники. Я спросил Леонардо, кого он собирается привлечь в качестве моделей для главных персонажей фрески – Иисуса

и Иуды, на месте лиц которых пока зияла пустота.

– Что касается Иуды, то для него модель найти проще простого. Найду какого-нибудь сельского торгаша – любой сгодится. Но я специально оставил его на конец. Дело в том, что мы часто ругаемся с настоятелем собора, который требует ускорить работу и каждую неделю позорно бегает жаловаться герцогу. А по договору я вправе изобразить на фреске кого угодно. Так вот, когда он становится совсем невыносим, я угрожаю, что нарисую Иуде его лицо, и так запечатлею его в веках. После этого настоятель в ужасе убегает.

– А кто станет натурщиком для изображения Иисуса?

Леонардо не ответил, а лишь указал рукой на одну из лавочек внутри высокого каменного здания. Мы зашли внутрь: это была барахолка, где продавались снадобья, сушеные фрукты, стройматериалы, вдоль стен стояли мутноватые зеркала с отсвечивающей зеленью поверхностью.

– Чтобы написать образ Иисуса, я заказал в Венеции огромное чистое зеркало. Как видишь, эти местные зеркала никуда не годятся. Как только мне его привезут, я сразу начну работу.

Мы направились вдоль обрамленной густой зеленью улицы к живописному уголку недалеко от центра, откуда открывался панорамный вид на окрестные поля и виноградники. Нас окликнул незнакомый мне красивый молодой человек с длинными светлыми волосами, судя по одежде, тоже художник – он был похож на юного апостола Иоанна с полотна. Оглянувшись, Леонардо впервые за весь день искренне широко улыбнулся, обратился к нему по имени, а затем тепло и нежно обнял его, поцеловал в щеку и получил горячий ответный поцелуй, тоже в щеку. Впрочем, они столь же быстро и распрощались: было ли это их взаимное приветствие просто дружеским, или за ним стояло нечто большее, понять было невозможно, а расспрашивать об этом я, разумеется, не стал.

Присев в тени у колодца, мы услышали звон колоколов церкви, стоявшей неподалеку. Я спросил Леонардо, верит ли он в Бога. Он взял продолжительную паузу, а потом заговорил:

– Если под Богом мы подразумеваем создателя природы, то в него я верю. Невозможно предположить, что все изумительные законы бытия, строгие закономерности гармоний образов, света, звуков и других поразительных окружающих нас явлений возникли сами собой, из ничего.

– Но молитесь ли вы, как должно, и соблюдаете ли все предписания церкви?

– К чему такие странные расспросы? Флорентийские священники в свое время пытались обвинить меня в непочтении к

церкви и безбожии. С тех пор я предпочитаю не распространяться на подобные темы.

– Клянусь всем святым, отцы церкви нынешнего Милана не узнают того, что вы скажете!

– Даже не знаю, что вам ответить. Признаться, религия меня не слишком заботит. Допускаю, однако, что в старости, перед уходом из жизни, вопросы веры, рая и ада покажутся мне имеющими больше смысла.

– О чем же вы тогда так напряженно размышляете с утра до ночи, без перерыва даже на минуту?

– С детства меня очаровывали тайны природы. К сожалению, я был незаконным сыном, поэтому мне не полагалось лучшего образования. Обо всем приходилось узнавать либо от случайных знакомых, либо в результате собственных умозаключений. Для меня всякая тайна природы – это очередной вызов. В день в уме я решаю десятки и даже сотни задач, а самое важное записываю в дневники.

– И что же это – самое важное?

– Я хочу доискаться до глубинной сути нашего мира. Придумываю множество вещей, чертежей предметов и инструментов, которые пока не существуют. Некоторые похожи на фантастические образы из детских снов, и они так и остаются только в моем воображении. Те же из устройств, о которых у меня есть предположения, как их воссоздать в реальности, я стараюсь зарисовывать.

Леонардо раскрыл свою тетрадь, полистал, а затем, по моей просьбе, передал мне. Текст в длинных описаниях к рисункам был зашифрован довольно простым кодом – написан по-латински, но в обратную сторону перед зеркалом. Соответственно, чтобы прочитать его, нужно было всего лишь поднести его к зеркалу. Впрочем, ничего секретного в тексте не было. Гораздо интереснее были сами рисунки, выполненные очень детально, объемно, выпукло, совершенно мастерски. На некоторых страницах были подробнейшие схемы человеческих органов и мышц – подробный рисунок внутренностей умершей беременной женщины с плодом заставил меня поежиться. Леонардо занимался вскрытием тел, но скорее просто в описательных целях. Прорывов в медицине он не совершал, но наверняка почерпнул немало знаний об анатомии, полезных в ремесле художника. Меня же гораздо больше интересовали другие его чертежи. Наконец он задал мне вопрос:

– Считаешь, что знаешь механику? Что ж, попробуй угадать – для чего может служить данный механизм?

На рисунке был изображен примитивный, первый в истории двухколесный велосипед с рамой и крутящей передачей. Однако,

у велосипеда не было педалей, а на его тяжелых деревянных колесах, которые к тому же не отличались идеально круглой формой, вряд ли вообще можно было далеко уехать. Но я ответил Леонардо, что это, по-видимому, устройство, на котором человек может ездить быстро и экономя силы.

На следующем чертеже был древний прообраз танка, хотя таковым его можно было назвать лишь при очень хорошо развитом воображении. Скорее он напоминал круглый деревянный сарайчик на двух колесах, из которого во все направления торчали дула аркебуз, и внутри которого могли в три погибели поместиться два-три невысоких человека. Я не удержался от некоторой иронии:

– А что будет приводить это удивительное устройство в движение?

– Люди изнутри будут идти, толкая эту движущуюся крепость вперед своими руками.

– А зачем аркебузы во все стороны? Стрелять-то нужно вперед, а не назад, по своим?

– На случай окружения. Тогда солдаты внутри смогут некоторое время отстреливаться.

– Мне кажется, далеко они эту крепость на своих двоих не утолкают. К тому же она деревянная, и врагам сжечь ее вместе со всеми находящимися внутри – проще простого.

Далее мы рассмотрели набросок парашюта. На рисунке человек, держась за некую конструкцию с натянутым сверху полотнищем, прыгает с высоты. Устройство казалось в общих деталях верным, однако, площадь купола парашюта была слишком мала, чтобы удержать человека в воздухе.

Еще спустя несколько страниц имелся рисунок подводной лодки. Она была похожа на деревянный полый огурец с торчащими из него веслами. Устройство явно было одноразовым – подводники внутри сооружения могли подкрасться к вражескому судну и повредить его, но любая трещина в корпусе «подлодки» мгновенно привела бы к ее затоплению, не оставив экипажу никаких шансов выжить.

Тем не менее, я выразил Леонардо восхищение, сказав, что его идеи крайне интересны. Он был польщен и показал мне еще один рисунок. Это было очень красивое изображение длинного моста через широкую реку на двух опорах. Он пояснил, что это его проект моста через Босфор в Константинополе, который он собирается предложить построить турецкому султану. Я спросил, из каких материалов он планирует его строить, на что мастер ответил – из закаленного железа, чугуна, дерева и камня. Что касается надежности, то он сделал своими руками точную

миниатюрную модель моста, перекинув ее через ручей в своем поместье, и она до сих пор стоит там, выдержав и сильные порывы ветра, и дожди. Я постарался ответить так, чтобы не обидеть собеседника.

– Маэстро, это чудесный рисунок. Но, понимаете, нельзя судить о прочности конструкции, сделав ее мини-модель. Нужны математические расчеты. Дело в том, что с увеличением размеров масса растет не линейно, а квадратично или даже кубически. С имеющимися у вас материалами и строительными устройствами мост через пролив Босфора не простоял бы на своих опорах ни секунды.

Художник нахмурился. Из его обрывочных пояснений я понял, что он уже давно отправил письмо с предложением султану, но тот пока не ответил. Я сказал, что это было к счастью.

Наконец, мы перешли к главному, самому желанному инженерному проекту Леонардо. Он сказал, что с детства, сколько себя помнит, больше всего мечтал летать как птица. Объяснил, что сделал множество зарисовок птиц в полете, пытаясь понять, как работает их тело. После долгих размышлений он создал лучшую, самую совершенную летательную конструкцию, которую никто не изобретал до него.

Я взглянул на чертеж. На нем был изображен человек, который держался в воздухе на конструкции с движущимися огромными крыльями. Он приводил их в движение с помощью сложной системы рычагов своей мускульной силой. Лицо Леонардо сияло от гордости.

– Открою тебе тайну. Мы с моими помощниками уже сконструировали это устройство. Работали втайне, ночами. Уже скоро, этой осенью, моя главная мечта, цель жизни, сбудется! Я присмотрел высокий отвесный холм недалеко от города. Надев на себя это устройство, я спрыгну с вершины, и на глазах у множества людей и самого Сфорцы воспарю в небо. Что скажешь?

Я посмотрел на него с ужасом и страхом. Господи, неужели он не шутит.

– Молю вас, маэстро. Даже не пробуйте. Ни у вас, ни у любого другого, даже самого сильного человека в мире нет и части той мускульной силы, которая требуется для размаха такими огромными крыльями.

– Но птицы же как-то это делают, причем механизм их полета именно таков.

– Маэстро, птицы совершенно иначе устроены природой. У них очень легкое тело, почти невесомые полые кости, и чрезвычайно мощные, сильные крылья. При этом даже птицы активно работают крыльями лишь при взлете, а потом просто

планируют в струях воздуха на высоте.

Леонардо нахмурился еще сильнее. Кажется, я расстроил одного из величайших изобретателей в истории.

– Хочешь ли ты сказать, что человеку никогда не суждено подняться в воздух?

В этот момент мне невероятно сильно захотелось хотя бы в двух словах рассказать этому яркому, невероятно пытливому умом человеку о воздушных шарах – в них не было ничего для тех времен невыполнимого, не хватало лишь самой идеи; о дельтапланах (идея очень понравилась бы Леонардо, но для нее нужны алюминиевые рейки и сверхпрочные ткани, которых еще не было), а затем о самолетах и ракетах.

– Полагаю, что все возможно когда-нибудь. Но, маэстро, заклинаю вас, не пробуйте летать на этих аппаратах. Лучше закончите поскорее ваше удивительное творение на стене монастыря. Я уверен, что вам предстоит еще долгая жизнь, в которой вы создадите настоящие шедевры.

Леонардо ушел, в глубокой задумчивости, забыв даже попрощаться со мной. Кажется, я был для него, как и почти все окружающие люди (кроме его покровителей и немногочисленных друзей), чем-то вроде бесплотной тени, миража, существовавшей очень далеко от того красочного, удивительного, бескрайнего мира, в котором он постоянно пребывал в своем воображении.

Фреску «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи окончил лишь спустя долгих два года, после множества проб и ошибок. Экспериментальный состав темперы, которой он пользовался, оказался неудачным, и со временем это гениальнейшее произведение, изменившее человеческую культуру, осыпалось и поблекло почти до неразличимости. К счастью, многолетняя реставрация фрески уже в XX веке на основании сохранившихся эскизов и копий буквально воскресила для нас великий шедевр.

Вскоре после окончания этой работы в Милане вспыхнула война. Сфорцу свергли, и Леонардо на несколько лет вернулся в родную Флоренцию. Одной из его работ того времени был портрет госпожи Лизы Джокондо, который по неизвестной причине не был передан заказчику и остался с Леонардо до конца его жизни. Из Флоренции ему снова пришлось уехать, позже он жил в Венеции и еще нескольких городах Италии, а в глубокой старости его пригласил король Франции, искренний почитатель его искусства. Леонардо скончался в замке Амбуаз в долине Луары, в комфорте, окруженный большим почетом и теплой заботой. Несмотря на это, в последние годы он тяжело переживал о том, что, как он сам считал, сделал в жизни намного меньше, чем мог бы.

Леонардо да Винчи, как мало кто из личностей далекого прошлого, и сегодня вызывает огромный, жгучий, неподдельный интерес как у экспертов в области искусств, так и у сотен миллионов обычных людей. Его невероятный творческий гений достоин высшей степени восхищения.

Талант Леонардо как универсального изобретателя – по сей день тема жарких дискуссий и разных, порой диаметральных суждений. Идеи его изобретений были глубоки, разнообразны и интересны. Но именно идеи, а не конкретные инженерные наработки, большинство из которых в предложенном Леонардо виде невозможно было бы применять на практике.

Леонардо да Винчи стремился к ярчайшим новым горизонтам и в искусстве, и в изобретательстве каждую минуту своей долгой необыкновенной жизни. Именно он в некотором смысле доказал, что сила воображения человека поистине бесконечна.

Глава 19
Власть как религия (Макиавелли)

Место: Флоренция, Италия
Время: 1513 год

Прекрасная Флоренция эпохи Ренессанса, родина Леонардо, Боттичелли и других гениальных деятелей и творцов, в представлении многих – одно из самых светлых мест в истории человечества. Символ культурного возрождения Европы, город искусств, восхитительных соборов и красивых талантливых людей, окруженный изумрудными пейзажами и многолетними виноградниками. Вырваться в этот рай из сегодняшней суетной эпохи хотя бы на день – мечта многих романтиков.

Однако эта идиллическая картина – не более чем плод разыгравшейся фантазии. Реальность была иной, гораздо более суровой. Полутора столетиями ранее история города могла закончиться на эпидемии Черной Смерти, выкосившей от четверти до трети всего населения Европы. Флоренция была одним из эпицентров поветрия и едва не вымерла полностью.

Своим возрождением и возвращением статуса великого города во второй половине XV века Флоренция была обязана семейству Медичи, выходцам из провинции, основателям крупнейшего банкирского дома Европы своего времени. Развитие банковского дела было одной из главных причин значительного экономического роста в Европе времен Ренессанса. На протяжении многих веков ростовщичество хотя прямо и не запрещалось как в исламе, но крайне порицалось церковью. В Средневековье им занимались в основном евреи, и по большей части они выдавали сравнительно небольшие займы в частном порядке. Теперь же идея кредитования под еще не заработанную прибыль резко расширила возможности предпринимателей – особенно в эпоху географических открытий и последовавших за ними торговых экспедиций в новые земли.

В Италии этим бизнесом впервые занялись христиане, и сразу на широкую ногу. Правда, настоящими христианами Медичи можно было назвать весьма условно. Обманы, отравления, убийства конкурентов, грабежи городской казны – вот лишь неполный перечень средств из их арсенала. Пожалуй, лишь один представитель клана Медичи, Лоренцо «Великолепный», не только богач, но и человек со вкусом, поэт, тонкий ценитель искусств, патрон молодых Леонардо и Боттичелли, вошел в историю Италии как положительная фигура. После ранней

смерти Лоренцо в 1490-х его наследники до того бездарно повели непростое семейное дело, что вскоре поставили большинство жителей Флоренции на грань нищеты и массового голода. В ответ на это в городе взошла мрачная звезда фанатичного проповедника, «черного монаха» Савонаролы. Под влиянием его пламенных обличающих речей, призывавших ко всеобщему тотальному аскетизму, толпа свергла Медичи, разрушила прекрасные статуи, сожгла книги и фривольные картины.

Блистательные праздники во Флоренции при Савонароле сменились монашескими шествиями. Но эпоха его продлилась недолго: еще более обедневшие жители города разочаровались в доктрине аскетизма и казнили ее главного идеолога. Так к власти во Флоренции в начале 1500-х пришел выходец из знаменитой, равной Медичи по богатству и влиянию, семьи Италии той эпохи – Чезаре Борджиа, воин, богач, авантюрист и сын римского папы. При нем в город вернулись художники и скульпторы, но былого процветания Флоренция все же не достигла. Новый правитель, как и Лоренцо, умер относительно молодым, и спустя еще несколько лет, в 1512-м, на трон Флоренции вернулась возрожденная династия Медичи. Первое, что сделал новый Медичи – провел тотальную чистку городского чиновничьего аппарата. Деятели эпохи Борджиа были высланы, а самые яркие из них – арестованы «за измену республике» и приговорены к смерти.

В этот ненастный, промозглый февральский вечер на Флоренцию обрушилась настоящая гроза. Дороги размыло, а когда мне пришлось свернуть с центральных улиц в направлении небольшой, не слишком примечательной крепости из темного камня, стоявшей на отшибе, которую жители города опасливо старались обходить стороной, копыта моего коня стали вязнуть в грязной, скользкой жиже, в которую превратилась промерзшая земля. Верховая езда в такую погоду была сущим мучением. Но, к счастью, цель моя находилась недалеко.

Стражники пропустили меня, подняв вручную, на тросах и рычагах, массивные железные ворота. Я показал им золоченый жетон – пропуск особо важных лиц из городского совета, и вкратце изложил цель моего приезда. Арка входа в крепость была совсем низкой, и прежде чем я спешился, мне пришлось буквально вжаться в тело коня, чтобы не задеть неровный каменный свод высоким шлемом на моей голове, украшенным перьями и родовыми гербами.

Я приехал вовремя. Меня проводили в хорошо освещенный массивными факелами единственный большой зал крепости, оборудованный под пыточную. В этом мрачном помещении,

походившем на один из последних кругов ада Данте, пахло сыростью. На стенах и полу виднелись темные пятна высохшей крови и каких-то других жидкостей – возможно, рвоты и экскрементов тех, кого здесь некогда подвергали страшным мучениям. Всего я насчитал в зале более десяти разнообразных хитроумных приспособлений, одно ужаснее другого. Не стану их описывать – замечу лишь, что мне бросилась в глаза железная «груша». Во времена монаха Савонаролы мужчинам, которых заставали во время совершения «содомского греха», это устройство вставляли в задний проход, после чего оно расширялось острыми зубьями наружу. Мне подумалось, что в те годы многие местные художники весьма своевременно переехали в другие города Италии.

Человека, которого привели на пытку в этот вечер, прекрасно знала вся Флоренция. Ему было около сорока, но выглядел он несколько моложе. Худой, среднего роста, стройный, с короткими волосами и совершенно обыкновенным лицом. Заключенного подвергли «благородной», но от этого не менее страшной пытке, которая называлась «страппадо», одной из разновидностей дыбы. Пленнику толстыми веревками связывали за спиной кисти рук, а затем подтягивали его на веревках вверх. Когда его ноги через некоторое неописуемо мучительное время отрывались от земли, рычаг отпускали, и человек с грохотом падал на каменный пол, издавая утробные, животные стоны боли и облегчения одновременно. После короткого перерыва процедура повторялась снова. Палачи требовали, чтобы несчастный добросердечно признался в том, что он, следуя приказам исчадия ада Чезаре Борджиа, воровал золото из казны города, участвовал в заговорах против Медичи, а также совершал личные акты богохульства. Обычно двух-трех подъемов хватало, чтобы плечи узников сводило от страшных вывихов, кисти рук стирались в кровавое месиво, и они признавались в чем угодно, если еще раньше они не умирали от болевого шока. Но этот человек при его субтильном сложении был невероятно крепок, вынослив и обладал непреклонной силой воли. Даже после шести подъемов на дыбе он упрямо отвечал, что ни в чем не виновен, и что все, что он делал, служило только на благо великой Флорентийской республике. Даже его палачи невольно прониклись к нему уважением. Мне новым правителем города, Лоренцо Медичи-вторым, было приказано не мешать жестокой экзекуции, но при этом проследить, чтобы пленник остался в живых, хотя бы на некоторое время, чтобы я мог пообщаться с ним. С чувством невыразимого облегчения я снова показал тюремщикам мой золоченый жетон, приказав им развязать руки человека и отнести

его в камеру.

Я подождал некоторое время, пока пленник не пришел в себя. Затем ему помогли сменить окровавленную одежду на новую и омыли водой его раны. Удивительно, но первое, что он сделал – привстал, чтобы сесть за стол, на котором была чернильница и бумаги, и со стоном попытался взять в руку перо. Я представился, сказав, что хочу поговорить с ним, но не как представитель власти, а как частное лицо, выполняющее деликатное поручение. В углу камеры скреблась большая крыса, а по покрытой соломой циновке бегали, кажется, тучи клопов или вшей. Но даже в такой обстановке мой собеседник вовсе не казался жалким или сломленным. Скорее наоборот – он выглядел человеком большого достоинства, временно оказавшимся в крайне неприятных обстоятельствах.

– Синьор Макиавелли, вижу, вы уверенно держите в руке перо. Это хороший знак. Ваши плечи и кисти, конечно, травмированы, но, слава Господу, обошлось без переломов.

Большинство людей в такой ситуации бросились бы на колени к моим ногам, как к последней, пусть даже ложной, надежде на избавление от мук и неминуемой казни. Но он спокойно, изучающе, молча смотрел мне в глаза. Он не отличался красотой, было в нем нечто лисье: небольшое лицо с острым носом, маленькими глазами и тонкими как нити, скептически поджатыми губами. Но при этом оно буквально светилось ученостью.

– Что вам от меня нужно?

– Мне хочется знать, что вы так спешно принялись писать.

– Письмо Медичи. До вашего появления я был уверен, что моя судьба ему безразлична. Но теперь понимаю, что это не так. Я хочу поздравить его с тем, что его брат, Джованни Медичи, как мне сказали, на днях был избран новым римским папой. Это прекрасная новость. Теперь политический вес нашей родной Флоренции в Италии неизмеримо возрастет, а с ним и ее богатства. Я также хочу поблагодарить его за то, что свое правление во Флоренции он начал с правильных действий.

– Ваши слова звучат искренне. Но вы ведь понимаете, что радуетесь за того самого человека, который сегодня лично отдал приказ пытать вас на дыбе?

– Я понимаю. Это частности. То, что Лоренцо-младший приказал сделать со мной, в свое время проделывал и великий Чезаре Борджиа со своими реальными или мнимыми конкурентами. Кому как не мне понимать, что у большой политики свои правила. И было бы смешно на них жаловаться.

– Скажите, а правда ли, что еще в ранней молодости, в

двадцать лет, вы уже выполняли деликатные поручения Лоренцо Великолепного, отца нынешнего правителя? Почему вы не рассказали об этом при аресте?

– Да, выполнял, и много раз. Но я дал слово его отцу, что никто об этом никогда не узнает.

– Но ведь это могло избавить вас от тягостей заключения, пыток, наконец, грядущей казни?

– На свете есть вещи важнее, чем жизнь отставного чиновника – такого, как я.

– И что же это за вещи, например?

– Главная мечта и цель моей жизни состоит в том, чтобы Италия наконец объединилась. Этого, я уверен, желает и сам Господь. Ведь иначе он не поместил бы главный трон своей Церкви в Риме. Однако уже много веков нашу страну терзают бесконечные междоусобные войны городов и герцогств. Этим пользуются неприятели – и французы, и другие, то и дело отхватывающие себе жирные куски земли на нашем полуострове. Я убежден, что во главе единой Италии должны стоять Рим и Флоренция. Не продажный Милан, не отсталая Сиена, не управляемая чужеземными купцами Венеция, не полуязыческий Неаполь. Только эти два города.

– Кажется, я начинаю понимать. Получается, что ваши гонители Медичи как раз и способны при нынешнем раскладе политики осуществить эту вашу главную мечту?

– Да, и я уповаю на это.

– Правильно ли я понимаю, что вы готовы хоть сейчас поступить к ним в услужение?

– Да, совершенно правильно. Я могу еще принести большую пользу Флоренции.

– В таком случае, пожалуйста, расскажите мне, каким именно образом.

– В течение двадцати лет я был главным политическим советником и у Лоренцо Медичи-старшего, и у клана Борджиа – двух самых сильных, богатых, влиятельных семей Италии, и даже, возможно, всей Европы. За это время у меня было не менее тридцати больших посольских миссий от них ко всем правителям в Италии и даже к королю Франции, который тогда бывал в Неаполе и Милане. Ни одну из этих миссий я не провалил. Хотя, конечно, не всегда достигал всего необходимого.

– Мне известно об этом. Вы упомянули Господа, который должен спасти Италию. Признаться, в ваших устах это звучит неожиданно. Все, кто вас знал, с кем я общался, говорят, что вы равнодушны к вере в Господа. Молитесь в церкви редко, и то лишь для вида. Многим горожанам это не нравится.

– Вера? Ничего не могу сказать о Боге – с ним я не встречался. Но зато я лучше, чем кто-либо, знаю отцов церкви. У каждого из последних римских пап было по десятку детей и гарем из любовниц. Кардиналы тоже – святоши лишь напоказ. Торгуют индульгенциями и должностями, берут взятки золотом, дают взятки золотом, живут в роскоши, предаются разврату и каждый день – чревоугодию. Все это я бесчисленное количество раз наблюдал своими глазами. А их гордыня просто безгранична. Глядя на таких служителей Господа, как вы мне прикажете верить в нашу церковь?

– Ну, лично я в таких случаях говорю, что есть огромная разница между учением Иисуса и святых первооснователей Церкви и недостойным поведением отдельных служителей современной католической церкви, в том числе, возможно, даже самого высокого ранга. Но давайте ближе к нашему с вами делу. Я нашел любопытную деталь в вашем личном досье, синьор Макиавелли. Еще при Борджиа вас обвинили в крупной растрате денег из казны. Если бы не личное заступничество правителя, вы уже тогда оказались бы в тюрьме, и даже, возможно, на эшафоте.

– Да, эта растрата имела место. Но я в ней не виноват.

– Объясните подробнее.

– Я отвечал за крупные хозяйственные дела в городе. Мне поручили внутреннее оформление Палаццо Веккьо, прекрасного дворца на центральной площади. Я хотел, чтобы оно было особенным, необыкновенным. Мне пришла в голову идея предложить эту задачу двум нашим знаменитым художникам: Леонардо и молодому мастеру по имени Микеланджело. По моему замыслу, как бы соревнуясь, они должны были расписать противоположные стены главного зала дворца. Сколько же раз я горько пожалел об этом. Они были невыносимы: изводили друг друга так, что, казалось, готовы убить. В итоге пришлось сделать так, чтобы они работали по очереди, и дело шло крайне медленно. Наконец оба создали прекрасные эскизы, которым рукоплескал весь город. Но когда Леонардо стал наносить краски, он что-то не рассчитал с составом, и все его полотно просто стекло вниз. Он отказался продолжить работу и ушел, не вернув денег. Микеланджело же был неожиданно срочно вызван в Рим умиравшим папой Юлием, чтобы создать для него роскошную мраморную гробницу. Из Рима он так и не вернулся. В конце концов получилось, что я напрасно извел кучу казенных денег на этих двоих, да еще и потратил больше года времени, а зал Палаццо так не был расписан, и меня едва не сделали крайним.

– По-своему забавная история. Но вернемся все же к тому, с чего мы начали. Вы сами – убежденный прагматик, и понимаете,

что государь воспользуется вами только если в том будет польза лично для него и для всей большой семьи Медичи. Я бы хотел знать, чем именно вы можете быть полезны.

Макиавелли посмотрел на меня пронизывающим взглядом. Мне кажется, хоть я и мог показаться ему лучом надежды, он невзлюбил меня с первой секунды. Впрочем, эмоции для него ничего не значили.

– На основании громадного практического опыта и теоретических построений я создал стройную и логичную концепцию управления государством. Полагаю, эти мои знания могли бы помочь правителю во многих сложных ситуациях, то и дело возникающих. Я хочу вложить государю в руку острое оружие, с которым он уничтожит врагов и объединит Италию.

– В чем же состоят эти принципы? Представьте, что я и есть государь, и даю вам аудиенцию на короткое время. Посвятите меня лишь в главное.

Мой собеседник снова смерил меня презрительным взглядом и еще сильнее поджал свои тонкие губы.

– Вы не государь, и никогда им, я уверен, не станете. Впрочем, извольте. Начать необходимо с того, чтобы раз и навсегда забыть дурацкое и весьма устаревшее утверждение о том, что государь есть помазанник Божий. Вполне разумно говорить это простому народу, заручившись заодно поддержкой местного кардинала. Но самому государю надо каждую минуту осознавать, что на деле он совершенно обычный, простой человек, которому столь же свойственно ошибаться, как и всякому другому.

– Мне кажется, уже первый шаг звучит для большинства правителей неприятно, чтоб не сказать невыносимо.

– Власть вообще не самая приятная вещь. Это тяжелейшая постоянная работа. Наподобие шахмат, только не с одним, а с множеством противников, и свою партию вы играете всю жизнь, каждый день, с утра до вечера. И любая, даже незначительная на первый взгляд ошибка будет стоить вам престола, а с ним и жизни.

– Весьма здравая мысль.

– Правителю надлежит помнить о том, что человек – такой, какой он на самом деле есть, и образ этого же человека в глазах окружающих – это две абсолютно разные вещи. Иногда у них есть нечто общее, но это скорее случайность. Как правило, одно никак не зависит от другого.

При этих словах мне показалось, что я на миг перенесся в настоящее время. Я вспомнил образы знакомых в соцсетях и на секунду сопоставил их с реальной жизнью. В самом деле, люди

давно стали жить двумя разными, никак не связанными жизнями – одной для публики, второй – для самих себя.

– Из этого следует, что государю не нужно всегда быть добродетельным. При прочих равных к этому стоит стремиться. Но иногда, в самых сложных ситуациях, ради интересов и своих собственных, и своего государства он вправе лгать, мстить врагам любыми способами, нарушать данные кому угодно обещания. Разумеется, простые люди ничего не должны об этом знать. В их глазах государь всегда обязан выглядеть честным, человечным, искренним, справедливым, любящим каждого подданного.

– И каким образом этого можно достичь?

– Я бы рекомендовал государю завести несколько умных, изворотливых и острых на язык людей, чьей обязанностью станет быстро и правдоподобно выстраивать оправдание всем его поступкам, ссылаясь на его же заботу о простом народе.

– Да, вероятно, это так. Каковы другие рекомендации?

– Их много. Например, я бы советовал государю как можно реже и лишь ненадолго отлучаться с глаз своих подданных, если только речь не идет о победоносной войне, которую обожает любой народ. Необходимо напоминать о себе постоянно, так как именно в отсутствие государя во дворце и в народе зреют заговоры.

Далее: нельзя терпеть никаких, даже самых слабых претендентов на трон. Высылать всех как можно дальше, сажать в тюрьму, а если упорствуют – казнить. Любая проблема в зародыше решается гораздо легче, чем потом. Государю в глазах подданных не может быть никакой другой альтернативы, иначе его правление закончится удивительно быстро.

– Значит, поэтому вы сейчас находитесь здесь, в этой камере? А не в своем скромном, но уютном поместье с прекрасной женой и пятью умницами-детьми? Издержки профессии, так сказать?

– Да, как личный советник и посвященный во многие дела семьи Борджиа, я мог представлять для него политическую опасность. Но, я надеюсь, вы уже поняли, что это совершенно не так.

– Продолжайте.

– Государь обязан быть крайне решительным. Его не должна мучить совесть, не должны грызть сомнения. Если, становится ясно, что война с соседями неизбежна, следует начать ее первым и внезапно.

– То есть вы уверены в том, что великая цель оправдывает средства ее достижения?

– Я сторонник рациональной политики, а не абстрактной философии. Такими категориями я не мыслю. Если вы хотите

ответ, опишите какую конкретную цель и что за средства вы сейчас имеете в виду. Только тогда я могу сказать, стоят они друг друга, или нет.

– Хорошо, спрошу иначе. Насколько жестким или даже жестоким оправданно быть государю?

– Достаточно жестоким. Но при этом не следует ни в коем случае перегибать палку просто так, без нужды. Применять насилие надлежит лишь при необходимости. Лучше в начале своего правления вселить в подданных благоговейный страх перед своей силой, несколькими жесткими точечными ударами уничтожив основных врагов. Потом, с годами, можно понемногу отпускать вожжи, иногда демонстрировать доброту и щедрость. Тогда народ государя будет и уважать, и любить.

– И все-таки, что эффективнее для власти – любовь или страх народа? Кнут или пряник?

– Страх, конечно, более действенное оружие, чем любовь. Любовь по своему определению легковесна и непостоянна. Сегодня народ любит вас, завтра ему еще больше понравится ваш соперник. Страх, но основанный на уважении, а не на тайной ненависти – наилучшая основа власти.

– Чему правителям следует уделять особое внимание?

– Я бы хотел ответить, что благоденствию и счастью своего народа, но это не так. Народ безусловно не должен голодать, и хорошо, когда страна живет немного богаче соседей. Но и слишком высокое благосостояние граждан, безусловно, вредно. Тогда они почувствуют себя свободными, и могут решить, что правитель им и вовсе не нужен. Посему самое пристальное внимание государь должен уделять организации и финансированию сильной армии. Во все времена сила государства равнялась мощи его войска. Важно при этом, чтобы армия состояла из граждан своей страны, а не союзников-соседей или иностранных наемников. Наемники разбегутся при первой тяжелой битве, а солдаты союзников со временем захватят ваше же государство. И то, и другое много раз происходило в истории Италии, в том числе – за последнее столетие.

– Но если войны столь важны, то как определить, с кем стоит воевать, а с кем нет?

– За годы практики я заметил любопытный парадокс. Все страны делятся на две категории. Одни – слабые и плохо организованные. Их легко покорить, но ими крайне трудно потом управлять, ибо в них не на что и не на кого опереться. Другие наоборот крепкие – с ними крайне тяжело воевать. Но зато после победы достаточно поставить во главе надежного наместника, и они будут послушно подчиняться тебе многие десятилетия. Таким

образом, разумнее воевать со вторыми, сильными.

– Все ли на самом деле зависит от правильности политики и решений государя? Или многое, несмотря ни на что, остается на волю случая?

– Это один из самых тяжелых вопросов в политике. Правда в том, что вы можете быть блистательным государем, поступать исключительно разумно, но волею судьбы все равно продержаться на троне недолго. Величайшие правители всех времен – Александр Македонский и Юлий Цезарь. Оба ушли из жизни в расцвете лет. Первый из-за неизвестной болезни, второй – из-за нелепого заговора, у которого даже не было шансов на успех. Но убийство в Сенате все же состоялось из-за роковой цепи случайностей. Таким образом, я оцениваю зависимость удачного правления от разумной политики государя и слепой случайности как примерно равную.

– Как бы вы кратко описали идеального властителя?

– Все люди, подданные – по своей природе скорее дурны, глупы и слабы, чем наоборот. Великий государь должен силой власти принуждать их к добродетели, просвещать их, делать надежными защитниками своей власти от внешних угроз. Он должен быть всемогущим львом и хитрой лисицей одновременно. Тогда он сможет успешно править в течение всей своей жизни и передать власть по наследству.

Наш разговор с Макиавелли мог бы длиться еще долго, но наступила уже глубокая ночь, и мне давно уже следовало покинуть крепость. Главное послание я приберег на конец беседы.

– Мое поручение от герцога Лоренцо II Медичи состоит в том, чтобы понять, стоит ли даровать вам свободу. Дело в том, что в связи с праздником восхождения его брата на высочайший папский престол, он подписал указ об амнистии политических узников Флоренции. Но с условием. За каждого освобожденного требуется немедленно внести в казну города тысячу дукатов – крупную сумму, которой, как я навел справки, вы не располагаете (что, кстати, лишний раз доказывает тот факт, что вы – единственный из чиновников Флоренции, за многие годы не бравший взяток). Лоренцо, которому я прямо подчиняюсь, сказал, что готов внести за вас эти деньги в казну из своего кармана, но только если вы окажетесь ему полезны. После нашей беседы я готов похлопотать за вас. Я также прикажу тюремщикам больше не пытать вас, и до выздоровления тщательно обрабатывать ваши раны.

Спустя несколько недель Никколо Макиавелли был освобожден. Однако взлета в его судьбе за этим так и не последовало. С новым правителем Флоренции они не сошлись

характерами, тот так и не посчитал его ценным советником, после чего первый в истории человечества политолог пару лет прожил с семьей в глухой провинции. Там он оформил свои идеи в книгу «Государь». Вернувшись во Флоренцию, он преподнес эту работу в дар правителю, который ее даже не открыл, а самого Макиавелли вместо должности главного советника назначил придворным библиотекарем. В этом качестве на склоне лет тот написал еще немало ценных трудов на разные темы – от истории Флоренции и древнего Рима до театральных пьес. Он умер в возрасте около шестидесяти лет бедным, всеми забытым рядовым флорентийцем.

Как это нередко бывает, огромная слава к Макиавелли пришла посмертно. Найденная кем-то на библиотечных полках книга «Государь» была издана через год после его ухода из жизни, и сразу стала невероятно популярной и обсуждаемой не только в Италии, но и во всей Европе. На протяжении столетий ее то проклинали за цинизм и запрещали, то вновь «реабилитировали». В современную нам эпоху эта работа стала настольной книгой тиранов и диктаторов по всему миру.

Главный парадокс наследия Макиавелли в том, что его имя и образ для миллионов людей стали синонимами хитрости, двуличия, гимном достижения своих целей любыми способами, невзирая на мораль и интересы других. При этом реальный Макиавелли скорее был честным романтиком и пламенным патриотом Флоренции и Италии, который просто впервые в истории осмелился написать в подробностях, каким образом на самом деле работает власть и делается почти всякая «большая политика».

Остается лишь с сожалением признать, что и сегодня в принципах политики изменилось немногое.

Глава 20
Дорога к звездам (Николай Коперник)

Место: Фромборк, Польша
Время: 1516 год

Этот уголок, как казалось в те времена, находился почти на краю мира, и уж по меньшей мере – на краю Европы.

Путь в эти места из Рима занял почти целый месяц. Мне пришлось пересечь не только все еще раздробленную северную Италию, но также и Австрию с Богемией, а уже в Польше немало хлопот доставили рыцари тевтонского ордена, выходцы из многочисленных небольших германских стран, говорившие на старонемецком языке. В начале 1500-х этому ордену, которому вскоре суждено было кануть в Лету, все еще принадлежало немало польских земель, и любых путников рыцари встречали крайне подозрительно, стараясь обобрать до нитки разными налогами и сборами. Лишь мои бумаги с личными печатями понтифика позволяли мне выпутываться из бесконечных передряг. Впрочем, в поездке были и приятные моменты. На календаре был август – месяц, когда в центре Рима древние камни Форума едва не плавились на солнце от жары, и в иные дни на улицу не хотелось выходить без острой необходимости. Почти так же жарко было и в Богемии, но зато на практически безлюдном и поразительно зеленом, благоухающем севере Польши, с нетронутой природой и обширными сосновыми и березовыми лесами, стояла теплая и освежающая погода. Я не раз останавливался по дороге, чтобы просто подышать этим удивительно чистым воздухом и насладиться пением птиц в совершенной тишине.

Городок Фромборк находился на берегу Балтийского моря, в одном из немногих мест северного польского побережья, свободных в ту пору от тевтонцев. Его население не превышало нескольких сотен человек. Но в иерархии польской церкви это место было значимым. Украшение Фромборка и тогда, и сейчас – восхитительный собор из красного кирпича в лучших традициях польской архитектуры: вместительный, с острыми башенками и широкой краснокирпичной стеной вокруг. Собор стоял на естественном возвышении с прекрасным видом на светло-голубые воды залива с одной стороны и бескрайнюю изумрудную листву девственных лесов с другой.

В Европе того времени было неспокойно – впрочем, как всегда. Континент испытывал растущее давление турков-османов на южных рубежах; а количество локальных войн в центральной части и вовсе не поддавалось учету. Острой проблемой оставалась чума, которая то и дело вспыхивала в разных уголках Европы, а с недавнего времени к ней прибавились еще и тиф с холерой. Церковь по-прежнему безраздельно управляла почти всеми аспектами повседневной жизни людей. Многие ее представители открыто, как никогда ранее, злоупотребляли своим положением в целях личного обогащения.

Но, несмотря ни на что, это было удивительное время грандиозных, поистине революционных перемен. За прошедшее столетие Европа изменилась заметнее, чем за тысячу лет Темных веков. В городах вовсю кипела жизнь: шумели многочисленные ремесленные мастерские, технологии шли вперед, едва ли не каждый день кто-то изобретал что-нибудь новое. Сам ритм человеческой жизни резко ускорился: встречавшиеся мне в городах прохожие куда-то торопились, улицы были заполнены конными экипажами, процветала торговля. Товары теперь гораздо быстрее перемещались по Европе: по новым дорогам между городами и на кораблях, отходивших из портов почти один за другим.

Это была эпоха Великих географических открытий. Самые просвещенные люди Европы уже смекнули, что открытый Колумбом и исследованный его многочисленными последователями Новый Свет – это вовсе не обратная сторона Индии или Азии, а совершенно иной, ранее неизвестный и почти бескрайний континент. Впрочем, до судьбоносных экспедиций Кортеса и Писсарро вглубь индейских земель за золотом оставалось еще несколько лет. Пока основным и самым прибыльным местом для торговых экспедиций оставалась Индия и богатые пряностями острова нынешней Индонезии, к которым корабли португальцев и голландцев, начинавших их освоение, шли по полтора-два года, огибая всю Африку. Такие долгие экспедиции влекли огромные риски, но ценность приходивших оттуда в Европу грузов в случае удачного возвращения многократно окупала инвестиции в них. В войнах и при покорении новых далеких земель европейцы уже вовсю использовали огнестрельное оружие: массивные пушки и разнообразные ручные аркебузы – пока еще не слишком точные, громоздкие и неудобные, но постоянно технически совершенствовавшиеся.

Пожалуй, лишь в одной сфере прогресс словно замер – открытия в ней даже на Востоке времен его расцвета были делом

исключительным. В Европе же ничего не менялось полторы тысячи лет. Как и в Античности, люди, поднимая глаза на ночное небо, видели в нем только звездный купол, который на протяжении года лишь немного менялся относительно центра Вселенной – привычной неподвижной Земли.

Теперь я был ученым, придворным астрологом при святейшем римском престоле. Астрология – наука о том, как расположения и циклы небесных светил влияют на судьбы людей и общий ход событий, несмотря на ее идущую вразрез с представлением о божественном смысле доктрину, в Средние века при дворах европейских правителей и даже священнослужителей была невероятно популярна. Составление гороскопов, чтение судеб, предсказание всевозможных событий (если вы талантливо это делали и умели вызывать к себе доверие) веками приносили большой стабильный доход. Впрочем, нынешний понтифик из рода Медичи был не слишком суеверен, поэтому помимо астрологии мне приходилось заниматься также и многими другими вещами: например, оказанием врачебной помощи или ведением части канцелярии Ватикана.

Я совершил столь долгий путь для встречи со скромным каноником собора Фромборка. Днем, по прибытии, меня радушно встретил его начальник – местный епископ, говоривший на не самом чистом итальянском, но устроивший ради меня щедрую праздничную трапезу. Я поблагодарил его от души за замечательные яства, но решительно отказался распить с ним бутыль темно-красного домашнего ягодного вина, довольно аппетитного на вид. Мне предстояла встреча, для которой была крайне важна ясность ума.

День клонился к вечеру, уже закончилась вечерняя служба в соборе, на которую собралось, кажется, все население городка, за исключением разве что немощных стариков и младенцев, однако каноника по-прежнему не было. Я забеспокоился – времена были тревожные, но епископ объяснил, что этот скромный человек необыкновенной учености был специалистом в самых разных областях. Почти каждый день он отлучался для того, чтобы дать юридические советы нуждавшимся, причем всегда делал это бесплатно, лишь изредка принимая подарки в виде хлеба и свежих продуктов. Этот человек был также сведущ во врачевании и нередко оказывал больным первую помощь. Помимо этого удивительный клирик также преуспел в той науке, которую теперь зовут экономикой. Епископ рассказал мне, что сам Сигизмунд, великий князь литовский и король польский, как-то пригласил его в столицу, Краков, чтобы он составил руководство для проведения денежной реформы в Польше, даже посулив ему

за это неплохую должность при казначействе. Однако клирик безупречно вежливо отказался от поста, при этом подробнейшим образом в письме описав то, как, с его точки зрения, должна работать денежная система страны, чтобы обращавшиеся в ней монеты со временем не теряли своей стоимости. На вопрос, почему его помощник отказался от заманчивого предложения, епископ лишь непонимающе развел руками.

Поздно вечером, когда закончились исповеди после службы и величественный храм опустел, на лестнице, ведущей в покои епископа, наконец раздались чьи-то торопливые шаги. Пришедший, увидев нас вдвоем, подошел к начальнику с извиняющимся видом и что-то долго шептал ему на ухо. Епископ кивнул, а затем указал на меня рукой и представил. Церковник (впрочем, одетый по-светски) вежливо, но без особой теплоты поклонился мне, сказав, что на этот вечер он полностью поступает в мое распоряжение. Епископ оставил нас одних.

Человек напротив меня был среднего роста, стройным, если не сказать худым. Самой примечательной чертой его внешности был необыкновенно длинный несуразный нос с приплюснутым кончиком и острой горбинкой посредине. В профиль его лицо из-за такого носа выглядело некрасивым, почти уродливым. Однако, когда он смотрел прямо, его большие блестящие карие глаза буквально светились необыкновенным умом, отчего весь его облик спустя мгновенье начинал казаться гораздо симпатичнее. По характеру он был строг, сух, закрыт и немногословен.

Я изложил ему суть своей миссии. Она была сугубо профессиональной. С первых его слов я отметил, что мой собеседник, которого звали Николай Коперник, говорит на итальянском как на родном. Сделав ему комплимент, я узнал, что он свободно владеет несколькими языками. Коперник родился и прожил почти всю жизнь в Польше и всегда оставался ее искренним и деятельным патриотом. Но его родители были немцами по крови, а в Италии он много лет учился и окончил там два университета, в том числе самый уважаемый в Европе – Болонский, получив духовную и медицинскую ученые степени. Большую часть времени и сил в ходе учебы он посвящал глубокому изучению математики и астрономии. Хотя астрономия никогда не была его профессией – в то время в Европе вообще еще не было астрономов, только астрологи, – она всегда составляла страсть и смысл всей его жизни. Коперник был холост и бездетен, не интересовался деньгами и званиями, а его духовный сан нужен был лишь затем, чтобы прокормиться на скромное жалование и быть «своим» для церкви и государства.

И все же как ни стремился ученый максимально удалиться и

спрятаться от мирских забот, некоей долей известности он все же обладал – и в Польше, и даже в соседних странах. Его дядя служил верховным судьей в Кракове и был личным другом короля. Именно он оплатил его дорогую учебу и ходатайствовал о должности в церкви. Когда Николай некоторое время служил юристом в столице, он выиграл ряд громких дел. А уже во Фромборке Коперник опубликовал пару небольших трудов в области астрономии. В них пока не было ничего революционного, но они удивили современников-ученых тем, как органично и умело в науке о звездном небе применялись математические формулы. Это обеспечило Копернику авторитет в данной области знаний, и именно об этом я был призван говорить с ним.

– Понтифик крайне озабочен тем, что древнеримский календарь, утвержденный еще Юлием Цезарем и используемый святой церковью и всем просвещенным миром, безнадежно устарел. Я полагаю, что вы отлично осведомлены о сути проблемы.

– Конечно. Все дело в том, что римляне не знали о том, что космический год Земли длится в придачу к 365 суткам не ровно плюс шесть часов, а плюс шесть часов без одиннадцати минут. За полторы тысячи лет с тех пор из-за этих неучтенных минут мировой календарь «по старому стилю» отстал от космического примерно на 12 дней. На самом деле, сейчас у нас уже не середина, а конец августа. И, что самое печальное, из-за этой ошибки все церковные праздники, включая Рождество и Пасху, празднуются, по сути, в неправильные дни года, что, вероятно, противно самому Господу. Не говоря о том, что эта неточность влияет на время сева и сбора урожая. И с веками она будет только расти.

– Совершенно верно. К сожалению, придворные звездочеты в Ватикане не в силах точно, до секунды, вычислить ошибку и составить новый календарь на вечность вперед так, чтобы его уже не пришлось исправлять снова. Все уверены в том, что вы – единственный, кто может это сделать.

Мне показалось, что мой собеседник отвернулся только чтобы скрыть гримасу досады. После долгой паузы, собравшись с мыслями, он ответил, крайне осторожно подбирая каждое слово.

– Пожалуйста, передайте Его Святейшеству мою самую искреннюю благодарность за интерес к моей скромной персоне. Я склоняю голову перед его неописуемым величием и преклоняюсь перед его бесчисленными добродетелями. Но я вынужден ответить, что он, очевидно, переоценивает мои скудные способности и познания. То, что не могут сделать его ученейшие советники, тем более не под силу мне – простому клирику из

дальней провинции. Стоя на коленях перед ним в раскаянии, я признаю свою недостаточную осведомленность для столь сложной задачи.

Я вздохнул. Мне хотелось отбросить церемонии и сказать ему прямо: «Да брось. Я знаю, что для тебя это задание – пустяк. Ты просто не хочешь отрываться на пару лет от своих исследований. Тебя мало волнует, вернее, вообще не волнует проблема неточности дат церковных праздников. Все, чего ты хочешь – чтобы я отстал от тебя, откланялся и исчез навсегда».

– Хорошо, я передам ваш ответ Его Святейшеству. Не знаю, насколько милостиво он воспримет отказ. Говоря начистоту – то, какой будет его реакция, во многом зависит от того, в каком свете я ему преподнесу этот ваш отказ.

Карие глаза тихого ученого резко и недобро сверкнули.

– От чего же это зависит?

– От вас, разумеется. С учетом полного неуспеха моей официальной миссии, мне, как минимум, хотелось бы узнать о том, как продвигается ваша напряженная исследовательская работа.

Коперник снова отреагировал резким отрицательным движением головы.

– Простите, я не могу вас в это посвятить. По крайней мере пока. Я делюсь результатами моей работы лишь приватно, с несколькими самыми близкими моими учениками-помощниками.

– Странно, а что же такого тайного в ваших исканиях? Ученые работают сейчас везде, и никто не скрывает результатов исследований. Наоборот, наперегонки публикуют их, дабы застолбить за собой свои открытия. Тайно работают лишь алхимики, боясь раскрыть свои секреты получения золота.

– Поверьте, я не алхимик. Я лишь опасаюсь, что мои открытия будут неверно поняты.

– В таком случае, клянусь честью, что не расскажу о них никому, включая папу. Поверьте, он сейчас с головой погружен в политические проблемы, и ему нет никакого дела до тонкостей наук о небесных сферах. Его заботы ныне куда более приземленного характера.

Коперник вгляделся в мои глаза долгим испытывающим взглядом. Разумеется, по доброй воле он не стал бы ничего рассказывать. Но ему был крайне необходим защитник перед папой в моем лице.

– Хорошо, я принимаю ваше обещание. Помните, если вы все же расскажете кому-то в Риме об услышанном, то я отрекусь от каждого слова, и вас выставят на смех, как простака, который принял мои россказни на веру.

– Договорились.

Уже час как стемнело, вокруг собора было теперь абсолютно тихо. Мы спустились по лестнице. Идти до обсерватории было недалеко – буквально несколько десятков шагов. Она находилась в башне красной кирпичной стены, которая огораживала собор. Мы поднялись по еще одной небольшой лестнице, прошли по узкому коридору с низким сводом и затем сразу же оказались в помещении, которое действительно напоминало и обсерваторию, и научную лабораторию. Это была комната с большим открытым проемом, через который виднелось чистое, яркое в эту безоблачную ночь звездное небо. Перед проемом стоял странный, весьма архаичного вида прибор из шарнирных крепежей и трех массивных, скрепленных ими длинных линеек. Я сразу заметил отсутствие главного астрономического прибора всех времен – телескопа. К огромному сожалению для ученого, первые оптические приборы с линзами появились примерно на столетие позже. На столе, на полках шкафов, а где-то и просто на полу навалены были кипы бумаг, испещренных сложными схематичными рисунками взаимного расположения различных небесных объектов, сопровождавшиеся длинными математическими формулами и рядами цифр. Я спросил Коперника о приборе.

– Это мой главный инструмент. Он называется трикветрум. Я максимально усовершенствовал его конструкцию и работаю с ним каждую ночь, а иногда и днем. С его помощью я измеряю угловые соотношения разных видимых небесных объектов.

– Что ж, для меня столь скрупулезные наблюдения были бы чересчур сложны. Я не столь усидчив. Уверен, однако, что для науки они ценны. Но я по-прежнему не понимаю, что астроному так усердно скрывать. Признанный Церковью греко-египетский ученый Птолемей занимался всю жизнь тем же, чем и вы сейчас, только тысячу с лишним лет назад.

– Да, это так. Книги Птолемея в юности были моими любимыми учебниками.

– Не сомневаюсь. И все же вы снова уходите от ответа.

Коперник вздохнул, зачем-то с минуту погрыз ноготь на пальце, и затем негромко сказал.

– Я в значительной мере развил и уточнил учение Птолемея. Дело в том, что он принимал за центр Вселенной Землю, как и предписывают священные книги. Однако из-за этого ему пришлось вычислять орбиты обращающихся вокруг Земли Солнца и нескольких планет крайне сложными способами. Получается, что все они вращаются по разным траекториям, каждая согласно неким собственным правилам. Планеты ведут себя при этом

крайне нелогично – одна то обгоняет другую, то вдруг почему-то резко замедляется. Птолемей вычислил примерно эти орбиты. Но странно, что обращение каждого небесного тела вокруг Земли происходит по разным законам.

– Что тут странного? Вселенная такова, какой ее создал Господь согласно Его всевышней, непостижимой нами воле. И вполне логично, что в ней нет точных правил.

– Есть.

– Простите?

– Во Вселенной есть правила. Притом достаточно точные.

– Уж не хотите ли вы сказать, что вам лично удалось разгадать Божий замысел о Вселенной?

– Разумеется нет. Многое в небесной механике остается для меня неясным, и, вероятно, таковым и останется. Главная же отправная точка моих исследований заключается в том, что в центре мироздания находится не Земля, а Солнце. Если делать расчеты исходя из этого, то все планеты начинают двигаться, словно по волшебству, повинуясь одним и тем же физическим законам. Судя по всему, все видимые нами планеты обращаются вокруг Солнца. Самая маленькая, Меркурий, находится ближе всех к светилу, а потому имеет наименьшую орбиту. Следующая от Солнца планета – Венера. Вслед на ней идет наша Земля, потом маленький красный Марс, за ним огромные Юпитер и Сатурн. Есть ли за Сатурном другие планеты – мы не знаем, так как, даже если они и есть, то находятся слишком далеко для ограниченного человеческого зрения. За Сатурном простирается пустое пространство. А еще дальше за ним располагается сфера звезд. Они неподвижны и находятся невероятно далеко от нас. Добавлю, что мне удалось точно рассчитать время обращения вокруг Солнца каждой из планет.

– То есть вы утверждаете, что это Земля вращается вокруг Солнца?

– Да. Но если церковь сочтет это мое открытие достойным анафемы, я готов признать, что Земля – на самом деле, конечно же, центр Вселенной. Однако для математической простоты, и только для нее, а не для объяснения основ религии, следует взять Солнце за условный центр обращения всех планет.

Коперник прошелся по тесной обсерватории, поправил корешки каких-то фолиантов на полке.

– Я вовсе не первый, кто излагает гипотезу о том, что Земля – не центр Вселенной. О том, что Вселенная бесконечна, и у нее, скорее всего, нет одного центра, говорил еще Пифагор, а затем целый ряд его знаменитых учеников. Всего полвека назад, по сути, совсем недавно, великий немецкий философ Никола

Кузанский утверждал, что Вселенная бесконечна, и даже что наша Земля может быть не единственным из обитаемых миров. Кузанский был весьма высокопоставленным, авторитетным служителем церкви, но даже несмотря на это его лишь чудом не отправили за подобные суждения на костер. Правда, все предыдущие философы и ученые размышляли над этим вопросом лишь абстрактно, в форме идеи. Я же доказал это наблюдениями и математическими расчетами.

– Но вы же понимаете, как абсурдно это звучит со стороны. Это противоречит здравому смыслу.

– Нисколько. Любое движение не абсолютно, а зависит от точки отсчета. Когда вы плывете на корабле вдоль берега, вам кажется, что движетесь не вы сами, а люди и другие предметы на берегу. Так же и стоя на крутящейся вокруг своей оси Земле, вам будет казаться, что это Солнце движется.

– И все же, если мы принимаем, что Земля вращается вокруг Солнца, то как именно, и под воздействием чего?

– Я вычислил, что Земля имеет тройное движение. Первое – вокруг собственной оси, благодаря этому сменяются день и ночь в зависимости от положения планеты относительно Солнца. Далее, Земля осуществляет поступательное движение вокруг Солнца, которое длится ровно год. И, наконец, она в течение года наклоняется к Солнцу под разными углами, и это есть ее третье движение. Что касается сил, которые действуют на Землю, то их природа мне пока не понятна до конца. Предполагаю, что все во Вселенной имеет шарообразную форму, и поэтому объекты движутся по круговым орбитам.

– Но почему тогда подброшенное вверх тело падает ровно вниз, а не с отклонением из-за вращения Земли? И почему в космос не улетучивается по инерции весь воздух?

– Ученики тоже любят задавать мне эти вопросы. Точного ответа я не знаю, но предполагаю, что воздушная оболочка Земли неразрывно связана с планетой, и для всех физических воздействий Земля представляет, как бы замкнутую внутри себя систему. Отдельную от космоса.

– Церковь явно не поддержит ваши идеи. Вы и сами понимаете, сколько вопросов к вам сразу возникнет. Почему Христос явился не в центр созданного Господом мира, а на рядовую, по вашим словам, планету, такую же, как, например, Меркурий или Марс? Согласитесь, это весьма странно. В Библии есть фрагменты, в которых Бог отождествляет Землю и Вселенную, будто это одно и то же. Есть и такой эпизод, когда Бог ненадолго останавливает Солнце, чтобы приостановить время в мире. Но если ваша теория верна, тогда Он должен был бы

остановить не Солнце, а вращающуюся вокруг него Землю. Получается, что ваше учение не просто спорно. Оно прямо противоречит Писанию. Это чистой воды ересь.

– Поймите же, я не спорю ни с Библией, ни, тем более, с позицией церкви. Я всего-навсего говорю, что, если в вычислениях поставить Солнце в центр мира, тогда орбиты планет и Земли – назовите их воображаемыми, если вам угодно – становится несравнимо легче рассчитывать. Не более того.

В этот момент я чувствовал себя почти судьей, приговор которого с нескрываемым страхом ожидал услышать великий ученый. Разумеется, я не стал доводить его до отчаяния.

– Что ж, «воображаемые орбиты» с точки зрения Церкви звучит несколько менее вызывающе. Если вы когда-нибудь отважитесь опубликовать свои открытия, – именно так их и следует преподносить. Впрочем, я понимаю, что осторожности вас учить не нужно, вы все понимаете лучше меня.

Мы попрощались без особой душевной теплоты, но я твердо пообещал передать понтифику отказ Коперника работать над новым календарем в таком свете, чтобы не вызвать его гнев.

Новый, григорианский календарь, по которому мы живем сегодня, был разработан спустя полвека после смерти Коперника другими учеными. Отказ в содействии папе не повлек для него серьезных последствий.

Коперник вошел в историю как гениальный ученый, но при этом крайне осторожный человек. Что весьма далеко от истины: в молодости он бесстрашно лечил чумных больных, находясь в центре эпидемии. Спустя год после описанных событий Коперник по поручению правительства несколько месяцев мужественно возглавлял оборону соседнего с Фромборком города во время тевтонской осады, постоянно рискуя жизнью, и в итоге их натиск был отбит. Его нежелание публиковать результаты своих исследований было связано не только со страхом стать жертвой инквизиции, но и с ощущением чрезмерной революционности его теории и открытий для сознания большинства его современников.

Теория Коперника все-таки была опубликована в виде объемного научного труда «О движении небесных сфер» под занавес его жизни. Ученый спокойно умер во Фромборке в возрасте около семидесяти лет, до последнего занимаясь астрономией. Печать его книги растянулась на несколько лет, и подержать готовый экземпляр в руках ему было не суждено.

При всей революционности идей Коперника его модель Вселенной, по современным понятиям, была незаконченной. Солнце – это действительно центр, но не Вселенной, а лишь одной нашей крохотной по меркам космоса Солнечной системы.

Планеты движутся по орбитам, имеющим не круговую, а сильно вытянутую эллиптическую форму. Звезды – не неподвижные источники света, а гигантские раскаленные шары, подобные Солнцу, только очень далекие. А в основе строения Вселенной лежит не шарообразность объектов, а сила всемирного тяготения, описанная через два столетия великим Исааком Ньютоном. Оценивая открытия Коперника, мы обязаны делать поправку на то, что он, в отличие от своих последователей (Галилея, Браге, Кеплера), не имел телескопа, что физически не позволяло ему заглянуть в тайны планет и звезд еще глубже.

И все же как далеко вперед за последние пятьсот лет ни ушла астрономия, сколько бы поистине великих ученых ни занимались этой наукой, любой из них на вопрос, кто же сделал самое главное открытие за всю историю науки о Вселенной, назовут одно и то же имя.

Этим человеком до сих пор гордится не только Польша, но и весь просвещенный мир.

Глава 21
Вера для новой эпохи (Мартин Лютер)

Место: Замок Вартбург, центральная Германия
Время: 1521 год

Трудно представить себе более красочный осенний пейзаж, чем тот, что открывается взору путешественника в безлюдных, холмистых, живописных местах Германии в конце сентября.

Моя миссия в этот раз была секретной: даже если кто-то из встреченных случайных прохожих попытался бы вдруг захватить меня силой – я не имел права рассказывать, куда держу путь. К счастью, узкая тропа, которая едва просматривалась под толстым мягким ковром опадающей чуть влажной ярко-желтой листвы, была совершенно пустынной – как будто на несколько часов я и мой конь стали единственными гостями этого завораживающего края. Ближе к вечеру цель моего пути наконец замаячила впереди. Это был одиноко стоящий на вершине холма небольшой, почти сказочный замок. Его стены словно нависали над склонами, а он сам состоял из нескольких строений разного цвета – от белого до темно-коричневого. Посередине, над самой высокой из башен, виднелись тонкий высокий крест и флаг Саксонского королевства, которое в ту пору было одним из крупнейших из примерно сотни независимых немецких государств и находилось в центре современной Германии.

Замок Вартбург, и по сей день одна из жемчужин немецкого туризма, был личным владением курфюрста саксонского Фридриха – одного из наиболее культурных, образованных и набожных правителей не только Германии, но и всей Европы того времени. Впрочем, разрешение на приезд в замок мне выдал не он, а его секретарь, взявший с меня клятву держать дело в тайне. Я был профессором филологии и изящной словесности Гейдельбергского университета, моей специальностью были переводы книг на немецкий со старых классических языков – латинского и древнегреческого. Также я занимался литературным редактированием научных текстов. Всего сто лет назад подобной профессии даже не существовало, но теперь, с бурным развитием книгопечатания повсюду – и особенно в Германии – она стала весьма востребованной.

По прибытии в замок меня встретили несколько стражей. Они отдали мне должные почести, но при этом тщательно обыскали и

меня, и мой дорожный саквояж. Поговорить мне с ними не довелось, зато я был накормлен восхитительной на вкус мясной похлебкой и свежими ягодами, а после заката меня так же молча проводили в мою скромную спальню. По дороге туда мы пересекли два или три великолепных зала, достойных самого взыскательного европейского монарха: просторных, с высокими потолками, богато украшенных широкими гобеленами, портретами благородных особ, а также оружием на стенах и охотничьими трофеями. Однако эти величественные залы были жутко промозглыми: в них не топили. Владельцы не появлялись в замке как минимум с лета, а может быть, судя по толщине слоя пыли в углах, и с прошлого года. Стояла полная тишина.

На следующее утро меня разбудили на рассвете и проводили в небольшую потайную комнату в северной части замка. Страж впустил меня, представил человеку в комнате, молившемуся в этот момент, а затем скрылся, оставив скромный завтрак на две персоны. Я поприветствовал незнакомца.

Я видел его впервые, но уже был о нем наслышан. Еще недавно это был лишь скромный приходской священник церкви в Виттенберге – очень оживленном, но небольшом городке. Однако с тех пор его имя поселилось почти у всех на устах не только в его родном городе, но и во всей Саксонии, и даже далеко за ее пределами. Было забавно представлять себе, как сам великий понтифик, папа римский Лев X, каждый вечер отходит ко сну на своем роскошном ложе с шелковым балдахином, всякий раз вслух проклиная имя этого простого и еще довольно молодого священника из немецкой глубинки, награждая его самыми мерзкими ругательными эпитетами, не приличествующими положению главы Церкви.

Самым удивительным во всем этом было то, что священная инквизиция, которая вот уже двести лет исправно отправляла на костер даже тех, чья вина перед римской церковью была в тысячу раз меньшей, до сих пор не смогла добраться до этого необычного проповедника.

Его звали Мартин Лютер, и внешне он казался ожившим портретом простецкого, если не сказать глуповатого средневекового немецкого бюргера из небольшой лавчонки, торгующей какой-нибудь мелочью. Невысокий, по-крестьянски плотно сложенный, с маленькими глазами, пухлым животом, круглолицый, по-деревенски просто остриженный. Кудрявый чубчик надо лбом органично завершал образ, делая его облик даже несколько комичным. Но только до момента, когда этот человек начинал говорить. Он был оратором от Бога. Неиссякаемый поток чистой энергии и абсолютной убежденности

в каждом своем слове, перед которым пасовали сильные, влиятельные, могущественные оппоненты – под натиском Лютера они словно утрачивали дар речи. Он был из тех людей, которым сложно что-то долго рассказывать, но которых можно слушать часами.

Вот и сейчас, окончив молитву, он обратился ко мне таким тоном, словно я был не маститым профессором, приехавшим сюда по его собственной просьбе, а случайным юношей-посыльным.

– Вы внимательно следили, чтобы за вами никто не увязался? Уверены в этом?

– Да, насколько я могу судить.

– Хорошо. Я бы не стал подвергать риску ни себя, ни вас. Но мне очень нужны эти книги.

Разумеется, его осторожность и озабоченность личной безопасностью были более чем оправданы.

Многие из людей, знакомых с Лютером в его прежней жизни, вероятно, использовали бы эпитеты «странный» и «упрямый как вол». Действительно, почти все в жизни он делал иначе, чем окружающие, и практически никто и никогда, даже в этой славящейся дисциплиной стране, не был ему указом – кроме самого Господа. Уже в детстве, будучи сыном незнатных, но состоятельных родителей, он предпочитал подобно оборванным соседским мальчишкам жить впроголодь, на подаяние: Лютер стыдился того обстоятельства, что, в отличие от них, он мог есть досыта. В учебе он делал большие успехи – юношей уже знал право на уровне лучших юристов, а также виртуозно играл на нескольких инструментах и сочинял оратории для церковного хора. Но неожиданно выбрал третий путь – принял монашеский обет. Говорили, что в монастыре он мог страстно молиться в своей тесной келье долгими часами, иногда даже сутками напролет. Возмужав, он получил степень доктора теологии, имел множество преданных студентов, а также стал популярным проповедником, и желающие послушать его страстные речи стекались в его родной Виттенберг со всех немецких земель. В те времена он еще не был революционером, его идеология вполне укладывалась в рамки католичества: пожалуй, единственным отступлением от общепринятых догматов было его неприятие поклонения церковным святыням, как раз в то время как никогда щедро наводнившим Европу (и, разумеется, в основном представлявших собою подделки). По мнению Лютера, даже святые люди все равно были всего лишь людьми, и поклонение их мощам, а не Богу, для верующих было бесполезным.

В возрасте около тридцати Лютер совершил паломничество в Рим. Увиденное там потрясло его, и отнюдь не в

положительном смысле. Вокруг собора Святого Петра не было проходу от менял и проституток, в точности как у Иерусалимского храма во времена Спасителя. Папский двор сиял золотом и драгоценными камнями, а всего в нескольких километрах от него бедняки умирали от голода и болезней в убогих зловонных лачугах и прямо на улицах. За деньги в Риме можно было купить все – должность, титул и даже полное отпущение любых земных грехов. Чем тяжелее грех, тем больше золотых монет надо было опустить перед исповедью в ящик для пожертвований.

Но до последнего времени полное прощение грехов за деньги допускалось только в Риме и лишь несколько дней в году, во время церковных праздников. Перелом в сознании вернувшегося домой в полном духовном смятении Лютера, его яростный бунт – сначала внутренний, а затем и открытый – произошел тогда, когда папе пришла в голову идея пополнить свою сильно издержавшуюся из-за войн и излишеств казну, продавая по всему христианскому миру письменные индульгенции. Банкиры к тому времени уже давно стали рассчитываться не золотом, а векселями и бумажными деньгами. Понтифик решил не отставать от прогресса. В первые месяцы индульгенции возымели большой успех, и золото поначалу потекло в Ватикан рекой. Даже голодающие бедняки толпились в очередях, чтобы отдать последние деньги за гарантированный пропуск на небеса с личной подписью представителя Спасителя на этой грешной земле.

Когда Лютер увидел длинные очереди за бумажками прямо перед церковью в Виттенберге, чаша его терпения переполнилась. Он принялся клеймить торговцев из Рима во время проповедей, но народ по-прежнему покупал индульгенции. Тогда однажды, рано утром, после бессонной ночи он прибил на дверь церкви плод своего труда – 95 тезисов, доказывающих преступность торговли индульгенциями и ее противоречие самим основам Нового Завета. Тем же утром эту самодельную табличку украли. Лютер был в гневе, посчитав это происками против него. Он оказался неправ: табличку унесли в местную типографию, чтобы сделать с нее множество копий. Вскоре ее текст в виде бумажных листовок ходил по всему Виттенбергу – и не только.

Дальнейшие события было несложно предсказать. Памфлет никому не известного священника обсуждали повсюду, торговцев папскими расписками с позором стали изгонять из одного города Германии за другим, и поток денег в Ватикан с востока через какое-то время иссяк. Это вызвало неописуемый гнев понтифика, он требовал немедленной выдачи смутьяна и еретика на суд

священной инквизиции в Риме, который, очевидно, сразу отправил бы Лютера на костер. Но политическая ситуация оказалась намного сложнее. Во-первых, сто лет назад сожжение чеха Яна Гуса, выступавшего с похожими идеями, вызвало сильнейшее народное недовольство и восстание, приведшее к большой войне и в итоге – к казни чешского короля. Во-вторых, влиятельным немецким епископам самим в последние годы претили указания, поступавшие из Рима. В-третьих, император не хотел выдавать папе Лютера просто так, без какой-нибудь большой выгоды для себя и тянул время. Но ключевым обстоятельством было иное: та самая роль личности в истории. Пожилой и мудрый Фридрих Саксонский, хоть и не собирался ссориться с немецким императором, но в душе был ярым сторонником идей Лютера. Он поступил изящно: приказал своему секретарю куда-нибудь надежно упрятать Лютера, но при этом не рассказывать ему, куда. Затем он честно присягнул на Библии своему императору, что понятия не имеет, где находится еретик.

Я вынул из своего дорожного саквояжа несколько увесистых фолиантов. Лютер бросился к ним и принялся напряженно листать один за другим, затем удовлетворенно кивнул:

– Да. Здесь все, что нужно. Теперь ничто не помешает мне. Только смерть – и то по случайности.

В запасе у нас было немало времени. Предстояла кропотливая, но плодотворная творческая работа. Я решил пошутить, чтобы немного разговорить его.

– Кроме книг я еще прикупил по пути пару индульгенций. Их по-прежнему продают, правда, уже не папские прелаты на площадях, а разные проходимцы на дорогах, за одну пятую, а то и десятую их номинальной стоимости. Купил высочайшие отпущения греха убийства. Стоят двести дукатов, но я взял по двадцать. Я слышал, вы крайне вспыльчивый человек, но и я тоже умею за себя постоять. Мало ли на чем мы не сойдемся.

Лютер при первых словах нахмурился, но затем громко, раскатисто рассмеялся.

– Если вы намерены на папском пергаменте и воске вознестись на небо, то такая колесница быстро разрушится, и как бы вам не оказаться после этого прямиком в аду. Бумага душу не спасет.

– А если серьезно? В чем такая уж большая разница между покупкой индульгенции и, скажем, подаянием святой матери Церкви при покаянии у ступеней собора в Ватикане? Результат тот же – отпущение грехов, и стоимость та же – все без обмана. Зато верующий сэкономит много денег, времени и сил на поездку в Рим.

Проповедник снова нахмурился и посмотрел на меня с некоторым подозрением.

– Я надеюсь, вы иронизируете?

– Скажу так: я в целом разделяю ваши воззрения. Иначе я бы не приехал сюда, тем более так рискуя. Но хотел бы услышать ваши аргументы.

– Извольте.

Мартин прошелся по комнате – тесной, но с двумя большими деревянными столами, за которыми нам предстояло работать. Потрогал рукой массивный, тоже из темного дерева, глобус. По тем временам – передовое изобретение. Карты Европы и Азии на нем были изображены уже достаточно точно. Антарктиды и Австралии еще не было, а Южный океан занимал всю нижнюю часть Земли. Очертания Америк были причудливыми и забавными: европейцы к тому времени исследовали лишь небольшую часть Нового Света, все остальное было плодом свободной фантазии картографа.

– Начнем с явного. В Библии ничего не говорится о возможности прощения грехов за деньги. В раннехристианских общинах такая практика была, но только полностью на добровольной основе. Духовный наставник, епископ общины был обязан – именно обязан перед Богом – отпустить грехи любому члену общины после его искреннего полного покаяния. Посильное пожертвование кающегося приветствовалось, но ни в коем случае не навязывалось.

– С тех пор прошло много времени, мир сильно усложнился. Папские эдикты, которые имеют монополию на толкование Писания, властью святого Петра всячески оправдывают индульгенции.

– Мне наплевать на папу. Я искренне хотел бы сказать, что он лишь обычный человек, такой же как все. Но вынужден говорить грубее. Папа Лев X – мерзавец, подлец, мздоимец, в нем воплощено все худшее, что может быть в человеке.

– Но ведь он избран священным конклавом, в соответствии с законами. И будет править до смерти.

– Конклав и почти все тамошние кардиналы – тоже сборище распутных бесстыдников. Половина из них откровенно вредны, лучшие – просто бесполезны. Пожизненное правление папы – нонсенс. А если папой будет по случайности избран антихрист, который поведет всех людей мира прямо в ад? Вы отправитесь за ним следом? Или все-таки низвергнете в ад его самого и последуете за Богом, как учил Спаситель?

– Я знаю, что вы презираете Папу. В прошлом году он своим эдиктом отлучил вас от церкви. Иными словами, бесповоротно

приговорил вас к особому котлу в аду.

Лютер снова раскатисто засмеялся. Кажется, у него не было никаких тревог по этому поводу.

– Мне вручили папскую буллу об отлучении январским утром, когда я шел в церковь, беседуя с учениками. Я поджег ее не разворачивая, и мы пару минут все вместе грели над ней наши замерзшие ладони. Так что некоторая польза от этого куска бумаги все же была.

Лютер улыбнулся, прикрыв глаза, словно с удовольствием вновь переживая те минуты.

– Папа нагло и цинично обманывает свою паству и отвращает от Слова Божьего. Продает свинец за золото, кошелек за шнурок, святой дух развращает своими пустыми буквами.

– Возможно, последние несколько пап и в самом деле не являются образцом праведности. Но Рим и папский престол – основа западной христианской церкви уже полторы тысячи лет. Недостаточно на словах заклеймить их позором. Надо предложить что-то новое взамен, иначе ничего не изменится.

Я приготовился услышать в ответ пламенную речь, но Лютер лишь покачал головой.

– Не надо придумывать ничего нового. Все, что нужно христианам, есть и всегда было в священном Писании. Надо реформировать церковь, очистить от наносного, вредного, что накопилось за эти полторы тысячи лет. Надо упразднить весь этот тяжеловесный, старый и более никому не нужный пережиток в лице всемирной католической церкви с центром в Риме. Единственное, на что всерьез могут ссылаться апологеты папского единоначалия – это слова Христа о том, что Он построит Церковь со святым Петром во главе. Петр был распят в Риме, значит папы – это преемники Петра. Но Ватикан снова передергивает понятия. Даже сам Петр не был объявлен наместником Бога на земле. Он был лишь первым среди равных в общине первых христиан, такой же человек, как и все. О том же говорил и Павел, который неоднократно писал, что все христиане едины и равны во Христе. В тайных общинах Павла вести службы мог любой прихожанин, если был к этому морально готов.

Я создам новую церковь, в которой вся паства будет равна. Вести службы и руководить общинами будут не те, кто назначен сверху, а те, кого выберут сами члены общины. И точно так же любой верующий, а не только епископы или папы, сможет принимать исповеди и отпускать грехи собратьям по вере. Роль священника лишь в том, чтобы исполнять некоторые ритуалы, которые в моей церкви будут многократно упрощены, и цитировать Евангелие тем братьям, которые слабо в нем

разбираются. Но не толковать слова Бога по-своему. Вот как раз это, в моем понимании, и есть чистая ересь.

– То есть вы полагаете, что упрощение обрядов послужит и духовному очищению?

– И Христос, и Петр, и Павел жили очень скромно, им искренне претило богатство. Если бы Иисус снова ступил на землю, вошел в собор Ватикана и увидел папу римского в золотой парче, с огромными брильянтами на пальцах, как вы думаете, что бы Он сказал? Истинное сокровище церкви – не богатые храмы, а само Евангелие, Слово Божье, и вера в душах людских. Спаситель, призывая апостолов, вылавливал людей, отделяя их от земных богатств. Римский папа и кардиналы делают наоборот: вылавливают земные богатства, отделяя их от людей. Но даже грех стяжательства – не самый страшный. Папы, разжигающие войны, огромными поборами высасывающие соки из бедных крестьян и горожан, обрекая их на нищету и голод – не просто грешники, а настоящие посланники дьявола.

– А что, римские поборы действительно такие уж непомерные?

Лютер посмотрел на меня как на простака. Впрочем, я жил при университете, и там действительно все было иначе.

– Приведу один пример. Только за последний год, когда я отвечал за церковное хозяйство в Виттенберге, гонцы из Ватикана приезжали ко мне за сборами на разные нужды тридцать раз. И так по всей Германии. Папа купается в роскоши, а местные священники перебиваются с хлеба на воду в буквальном смысле. Некоторые церкви даже приходится закрывать. И это несмотря на то, что большинство людей веруют истово, и порой жертвуют последнее, что у них есть.

Лютер с ненавистью посмотрел куда-то далеко через крохотное окошко, в которое светило солнце.

– Ну, допустим. А что вы измените в содержании религиозного учения по сравнению с тем, как оно преподносится сейчас?

– Sola fide. Только вера. Это будет краеугольным камнем новой церкви.

– Что конкретно вы в это вкладываете?

– Все. Я много лет беспрестанно, почти ежеминутно размышлял над сутью Слова Божьего. И в итоге нашел ответ на все вопросы. Католическая церковь исходит из того, что смысл жизни человека – в праведности. После смерти его благие поступки и грехи будут взвешены на весах, и то, какая чаша на Страшном суде перевесит, определяет, отправится ли он в рай или в ад.

– Я бы сказал, что это звучит логично.

– Только на первый, самый поверхностный взгляд. Проблема в том, что человек по своей природе слаб, а земная жизнь жестока и часто несправедлива. В результате некоторые духовно низкие люди порой ведут, казалось бы, праведную, пристойную жизнь. А гораздо более достойные люди в силу тех или иных тяжелых, трагических обстоятельств вынуждены грешить, и далеко не единожды. Я уверен, что после смерти Господь судит душу человека не по его конкретным земным делам и не по тому, какое количество добра и зла он номинально совершил. Такой простой суд мог бы свершить и человек. Господь же видит насквозь саму душу. То, сколько в ней содержится истинной веры в небесную справедливость. Спасутся те, кто веруют во Христа и несут любовь, даже если они и были в чем-то грешны. Низвергнутся в ад злопыхатели и неверующие, независимо от их дел. На Страшном Суде не имеют значения отношения человека с церковью. Важны только отношения его души с Богом.

– Интересно. Какие еще реформы церкви вам кажутся необходимыми?

– Многое предстоит изменить, всего сразу не перечислить. Целибат, обет безбрачия священников, станет добровольным, необязательным. Я вижу, как страдают от этого мои братья. Целибат – почва для греха. Именно из-за него папы и кардиналы имеют по многу любовниц, которые рожают им бастардов, а простые служители тайно, сгорая от чувства греха, посещают публичные дома. В моей церкви священникам, так как они обычные люди, – будет разрешено жениться и заводить сколько угодно детей. Но супружеская верность – строго обязательна. Священникам на службах никто не будет кланяться, целовать руки, и оказывать прочие почести. В Риме паломники даже целуют ногу папе – вот уж дикость. Христос сам омывал ноги ученикам и не заставлял никого целовать ему ноги. Епископы будут избираться общинами, без утверждения Римом. Деньги будут оставаться в тех церквях, которым они пожертвованы. Далее, очень важно, чтобы государство и церковь были разделены. Церкви будет запрещено разбирать гражданские судебные дела, иметь собственные войска, вообще вмешиваться в светские дела. Выходя после службы, священник становится обычным человеком, не имеющим привилегий. Я также покончу с практикой поклонения мощам и прочим реликвиям. Это язычество. Поклоняться следует только Господу нашему Иисусу Христу, а не костям. Распущу инквизицию. Преодолевать ересь надо Писанием и собственным добрым примером, а не огнем. Резко сокращу количество церковных праздников в году. Ведь на

их проведение уходит львиная доля всех денежных трат церкви. Пусть вместо этого средства идут на благотворительность, чтобы избавить христиан мира от нищеты. В году останется только пять-шесть праздников или даже меньше. Каждый будет праздноваться один день, строго в воскресенье, то есть когда люди и так отдыхают, чтобы не отрывать их понапрасну от работы.

– Кстати, о работе и заработках. Является ли в доктрине вашей церкви бедность достоинством, а богатство – недопустимым излишеством?

– Грядет новая эпоха. Уровень благосостояния – в конечном счете личный выбор каждого. Кто хочет быть бедным (как, например, монахи), должен им быть. А тот, кто хочет богатства, пусть берет в руки плуг и свободно добывает себе богатство в поте лица своего. Мой отец двадцать лет работал по двенадцать часов в день в шахте до того как сколотил состояние и был избран градоначальником. Работая добросовестно, каждый по своему призванию, люди создают основу преуспевания всего общества. Богатство само по себе – не грех. Так же, как и аскеза без истинной веры душу не спасает.

Мартин Лютер несколько раз широкими энергичными шагами пересек небольшую комнату.

– Впрочем, мы увлеклись разговорами. Ничего из того, что я описал, невозможно сделать, если люди по-прежнему будут искусственно отделены от Слова Божьего. Собственно, для этого мы здесь. Я перевел с греческого на немецкий язык уже большую часть Нового Завета. Однако суть некоторых слов и целых устаревших выражений в оригинальных текстах мне не вполне ясна. Я пометил эти фрагменты, их довольно много. Надеюсь, мы разберемся в них вместе. Кроме того, хоть я и неплохо пишу на литературном немецком, порой я увлекаюсь и допускаю лишние повторения слов, делаю мелкие ошибки в грамматике.

– Конечно. Я привез собой несколько лучших, самых полных и точных древнегреческих и латинских словарей. Насколько мне сообщили, Ветхий Завет вы планируете переводить позже.

– Да, совершенно правильно. Требуется как можно скорее перевести Новый Завет, который и есть Слово Христово, а также книги первых апостолов. Немцы должны знать Писание не в извращенной и малопонятной им трактовке римских святош, а напрямую, из первоисточника.

– Я готов начинать прямо сейчас. Покажите мне первый из отмеченных вами в тексте фрагментов.

Перевод Нового Завета занял у Лютера около года – как раз то время, которое ему пришлось скрываться в замке Вартенбург. Ветхий Завет был переведен на немецкий им же спустя несколько

лет. За следующие полвека в Германии разошлись сотни тысяч экземпляров Библии Лютера. Писание стало доступным в каждом доме, службы в церкви также начали вести на немецком.

Дальнейшая судьба Лютера, несмотря на всю радикальность предложенных им реформ, сложилась на удивление благополучно. Он пользовался уважением и в народе, и у отцов немецкой церкви, оставаясь под ее охраной до своей кончины в преклонном возрасте. Счастливо женился на молодой, горячо любившей его девушке благородных кровей, которая подарила ему домашний уют и шестерых детей. Правда, к концу жизни, из-за перенесенных тягот, нервных потрясений и хронических недугов, Лютер стал еще более резким, нетерпимым, вспыльчивым, и для своих близких и друзей сделался едва выносим. Он не занимал высоких постов в церковной иерархии, довольствуясь ролью идеолога, писателя, и в некотором смысле живого символа наступавших перемен.

Однако Германии, а позже и всей Европе, реформаторские идеи Лютера в следующие полвека принесли огромные жертвы и страдания. Немецкие крестьяне неверно осознали идеи Лютера как призыв к социальной революции и подняли национальный бунт, жестокое и кровавое подавление которого властями длилось несколько лет. После этого Германия оказалась опустошена. Сотни тысяч людей погибли, а восстановление немецкой экономики до уровня соседних стран заняло впоследствии не менее сотни лет.

Другие виднейшие интеллектуалы Европы той эпохи – голландец Эразм Роттердамский и француз Жан Кальвин, хорошо знавшие об идеях Лютера (Эразм даже много лет состоял с ним в переписке), – перенесли их с небольшими изменениями на почву своих стран и культур.

Католическая церковь не сразу осознала всю мощь Реформации, но спустя некоторое время начала жестокие войны против нее по всей Европе, с переменным успехом. Страсти улеглись лишь к концу XVI века, когда большинство стран определились со своим будущим. Одни страны – Италия, Испания, Польша – остались в лоне традиционной вселенской католической церкви; другие – Голландия, Германия, Англия, позже и США – пошли по пути реформации, включающей десятки разных течений (лютеранство, кальвинизм, англиканство и другие), но все в той или иной степени соответствующие протестантским идеям обновленного христианства, в русле убеждений Мартина Лютера. К счастью, религиозные войны остались в прошлом, и три главные конфессии христианской веры, включая восточную греко-православную церковь, в наше

время мирно сосуществуют.

Страны, «разбуженные» идеями Лютера, и особенно его призывами к добросовестному труду и праведному, богоугодному личному обогащению – сначала Голландия, затем Великобритания, и, наконец, США – по всей видимости, не случайно стали главными локомотивами мирового экономического роста и научного прогресса в последующие пятьсот лет мировой истории.

Мог ли догадываться скромный священник из немецкой провинции позднего Средневековья о том, что табличка, в приступе возмущения прибитая им к двери церкви, где он служил, в конечном итоге перевернет весь мир? Разумеется, нет. Он лишь пытался, как мог, бороться с несправедливостью.

Но иногда такая борьба приносит удивительные результаты.

Глава 22
Метод познания (Френсис Бэкон)

Место: Сент-Олбанс, Англия (современный северный пригород Лондона)

Время: 1621 год

Дождливый и уже морозный ноябрьский вечер в окрестностях Лондона казался бы безнадежно серым и унылым, если бы не роскошная карета, в которой меня везли на предстоящую встречу. Салон кареты был обит дорогими красными тканями, а снаружи, на зеленых малахитовых дверцах, был выгравирован величественный королевский герб Англии – золотая корона, которую крепко и высоко держат в своих лапах такой же золотой лев и красный дракон.

Поездка оказалась весьма продолжительной – километров сорок, из самого сердца Лондона до небольшого старинного городка к северу от столицы. По современным меркам карета двигалась с черепашьей скоростью из-за ужасного качества дорог, даже несмотря на упряжку из трех превосходных лошадей, с трудом пробираясь то по узким убогим деревенским улочкам, то по совершенно разбитым проселочным колеям, маневрируя между полузамерзшими глубокими лужами и кучами грязи. Впрочем, выбраться из Лондона казалось даже приятным. Столица Англии сильно отличалась от нынешней, но уже тогда ее центр архитектурно весьма впечатлял. Однако кварталы, где обитали самые обездоленные бедняки – фактически зловонные трущобы – казались нечеловечески ужасными. По сравнению с ними даже современные картонные окраины индийских городов с тысячами людей, спящих на улицах – более приятное зрелище. Обитавшие там представители городских низов в буквальном смысле питались помоями, жили в больших крысиных норах, каждый год страдая от эпидемий холеры, дизентерии и прочих подобных напастей. Я попросил возничего выбрать маршрут как можно дальше от таких кварталов. Но даже и в тех пригородах, где жили люди относительно благополучные, вид улиц навевал уныние. Небольшая обветшалая церковь; полуголодные чумазые дети-попрошайки; мрачные, обремененные множеством забот взрослые. Моя карета на этом фоне казалась чем-то сказочным.

Лишь однажды по пути, который занял несколько часов (я выехал из Парламента по завершении дневных заседаний, после обеда, но добрался до места назначения лишь к вечеру), мое внимание привлекло нечто необычное. На площади одного из

городков стоял невообразимый гвалт, толпа словно бесцельно носилась туда-сюда, при этом с необыкновенным азартом. Присмотревшись, можно было понять, что все эти люди отчаянно боролись за то, чтобы пнуть ногами хотя бы на пару метров чем-то набитый плотный шар. Возничий пояснил, что народ играл в популярную, хотя и нелюбимую властями игру, которая называлась ножной мяч. Ее правила были далеки от современных, в невообразимой кутерьме многие простолюдины получали вывихи и даже более серьезные травмы, но это никого не останавливало. Вероятно, «ножной мяч» был одной из немногих отдушин в тяжелой, короткой и беспросветной жизни лондонской бедноты.

Англия начала XVII века находилась на пороге грядущей промышленной революции, которая со временем до неузнаваемости изменит и ее саму (сделав центром всемирной империи, затмившей своим размахом любые империи прошлого, включая Римскую), и, вслед за ней, всю планету. Но пока она еще была позднесредневековым феодально-аграрным государством с небольшим населением в несколько миллионов и скромными экономическими возможностями. В Европе той эпохи Англию считали отдаленной, небогатой и культурно бедной провинцией, положение которой усугублялось ее поражением в Столетней войне с Францией, а также причудами одного из королей недавнего прошлого – Генриха VIII. Этот монарх только ради развода с бесплодной супругой и женитьбы на юной возлюбленной порвал отношения с римским престолом, запрещавшим разводы, перейдя в лоно новой протестантской церкви, что надолго сделало Англию врагом главных в то время стран континента.

В начале 1600-х ситуация в Англии оставалась крайне напряженной: королевская казна была хронически пуста, положение бедняков еще сильнее усугубилось из-за политики «огораживания» огромных площадей лордами, сгонявшими крестьян с их земель ради развития нового, более выгодного, чем земледелие, бизнеса – овцеводства. То и дело вспыхивали конфликты протестантов с католиками; отношения с могущественной Францией, ближайшим соседом через пролив, балансировали на грани новой войны. Тем временем английская знать не заботилась ни о чем, кроме собственного обогащения, а король Яков I проводил жизнь в основном в разнообразных развлечениях.

И все же во многом это была уже другая, новая страна. Английский парламент, ограничивавший власть короля в интересах активно рождавшейся буржуазии, создавал более

широкие по сравнению с другими странами Европы возможности для экономического роста. Поразившая мир разгромная победа маневренной эскадры английских кораблей над огромной, но неповоротливой испанской Непобедимой Армадой (и несколько подобных побед в дальнейшем) сделала Британию владычицей морей, что в эпоху географических открытий имело громадное значение. Благодаря флоту Англия теперь стремительно вытесняла из Индии португальцев, а у испанцев отвоевывала одну территорию за другой на новооткрытом американском материке.

Примерно за год до описываемого времени произошло скромное и практически не замеченное современниками событие. Из Англии отплыл торговый галеон «Мейфлауэр» с сотней переселенцев на борту. К побережью Америки они причалили намного севернее остальных и основали первую европейскую колонию в Плимуте. Через столетия из этой маленькой колонии вырастет самая могущественная в мире держава с английскими корнями. В сфере искусства, в которой до недавнего времени «примитивные» британцы безнадежно отставали, также произошли важные события. Они были связаны со скромным небольшим лондонским театром «Глобус» на берегу Темзы, поставившим на своей сцене ряд новых превосходных пьес, написанных сначала простым актером, а позднее сценаристом и режиссером по имени Уильям Шекспир.

Мой экипаж прибыл к богатому поместью, когда серый вечер уже почти перешел в промозглую ночь. Начался моросящий дождь, который то ненадолго усиливался, превращаясь в неприятный, резкий и плотный ледяной ливень, то вдруг затихал до редких, почти неощутимых капель, и так без конца, раз за разом. Английская осенне-зимняя погода во все века была характерной и узнаваемой.

Меня встретили несколько слуг в ливреях и лично хозяин поместья, который приветствовал меня как дорогого гостя, но, в то же время, без показного радушия, со сдержанностью и достоинством джентльмена. Многие годы его положение в обществе было столь высоким, что только король и несколько приближенных к монарху персон считались более влиятельными людьми, чем он. А уж в отношении образования, ораторского искусства, широты взглядов и эрудиции на всем острове не нашлось бы человека, который бы чувствовал себя с ним на равных.

Этого джентльмена звали Фрэнсис Бэкон. Он был уже немолод по меркам эпохи – ему было около шестидесяти, но, в отличие от многих ровесников, для него этот возраст был не старостью, а самым расцветом зрелости. Достаточно высокий,

представительный, крепкого телосложения, энергичный брюнет с тщательно ухоженной модной бородкой, живыми глазами, в роскошном темном камзоле, щедро расшитом серебром. Примерно так я представлял себе государственных деятелей романтической эпохи мушкетеров Дюма. Эта ассоциация вовсе не была случайной: злейшим врагом Бэкона, его конкурентом за внимание и милости короля, являлся молодой, но уже влиятельнейший Джордж Вильерс, он же – герцог Бэкингем.

Я был недавно принят в члены Палаты общин – нижней палаты парламента. Именно потому, что я ранее не был лично знаком с Бэконом, мне поручили столь важную и щекотливую миссию. Чтобы выполнить ее, я не должен был быть ни другом хозяина поместья, ни его врагом.

Я знал вкратце биографию Бэкона и даже читал кое-что из его популярных работ. Он родился в одной из благородных семей Англии, получил отличное образование, с молодых лет с успехом вращался в высшем свете. Но суровая нравом королева Елизавета I хоть и ценила его ум, тем не менее, считала его характер чересчур легковесным и ненадежным для высоких постов. Все изменилось при новом короле Якове I. Бэкону удалось сблизиться с ним, стать одним из его доверенных лиц, после чего его карьера резко пошла в гору. Он стал самым ярким спикером Парламента, в последние годы – председателем Правительства, Лордом-канцлером, главным чиновником Англии. Но несколько месяцев назад его звезда стремительно закатилась. Король, разозленный тем, что казна государства вечно была пуста – в отличие от министерских поместий – начал крупное дело против коррупции.

Одной из главных жертв разбирательства стал Бэкон. Его обвинили в получении огромных взяток. Бэкон все отрицал, но, когда свидетельства перевесили, признал вину с оговоркой, что он помогал обходить законы только в тех делах, которые «шли исключительно во благо стране и лично королю». Как ни странно, это утверждение было недалеко от истины. В те годы Англия жила по архаичному средневековому законодательству; Бэкон помогал предпринимателям с получением разрешений на строительство новых фабрик и расчистку полей для обустройства ферм – не без пользы для себя, разумеется. В те времена крупных взяточников без особых церемоний отправляли на костер или четвертовали. Но Бэкон был столь крупной и влиятельной фигурой, что его просто сняли с должности, наложили штраф и отправили под домашний арест. Окончательный вердикт короля и парламента я и привез в виде гербовой бумаги с указом.

Проводив меня в свой дом, скорее похожий на небольшой, но уютный и обставленный со вкусом дворец, хозяин дал указание

слугам принести нам горячий пунш – в те времена для знати его делали на основе крепкого темного эля с добавлением гвоздики и других весьма дорогих пряностей. Пунш мне понравился: он был обжигающим, немного переперченным, по вкусу отдаленно напоминал современный глинтвейн, но крепче, с характерным сильным ароматом и привкусом ячменного солода. Бэкон нарочито не торопился выслушать свой приговор, словно был выше этого. Сделав несколько глотков, он предложил мне присесть на диван, а сам занял место напротив, в широком дубовом кресле. Он начал разговор, спросив о последних назначениях во власти. Лишь спустя некоторое время мы перешли к главной теме.

– Король решил помиловать вас. Вам сохранят даже титул барона, хотя многие ваши недруги в парламенте были категорически против такой милости. Все оставшиеся после уплаты штрафа деньги также остаются в вашем распоряжении. Наконец, вы вправе беспрепятственно посещать любые заведения в Лондоне и по всей стране, общаться с кем сочтете нужным и вести любые угодные вам виды деятельности.

Бэкон, за минуту до этого все же выдавший волнение неестественной бледностью лица, с облегчением выдохнул. Впрочем, он тут же взял себя в руки и сделал вид, что ничего иного, разумеется, и не ждал. Затем словно мимоходом, из чистого любопытства, уточнил:

– То есть, фактически, я могу вести прежнюю жизнь?

– Не совсем. Первое, чего вы лишаетесь – это право занимать государственные посты. Во-вторых, король больше не будет давать вам личные аудиенции. В крайнем случае вы сможете передавать ему письменные послания через слуг, и король, вероятно, примет их во внимание.

На лице барона, осознавшего, что без изрядной степени опалы все же не обходится, проскользнуло разочарование. Сказанное означало, что, хотя физически ему не грозило ничего, тем не менее, в свете он становился персоной нон грата. Посещать клубы и приемы ему, конечно, формально дозволялось, но он осознавал, что там его ждут одни насмешки и сплетни. И снова Бэкон изо всех сил постарался взять себя в руки, хотя его глубокий, натренированный многочисленными речами в парламенте голос то и дело срывался.

– Ну что ж. Следует признать, что король справедлив, и его приговор пойдет всем только на пользу. Я надеялся, что меня полностью оправдают. Но надежда, увы, хороший завтрак, но плохой ужин. Моя жизнь не будет прежней. Пусть так. На сей случай у меня тоже есть план.

Я спросил, в чем заключается этот план.

– Страница моей жизни, связанная с политикой, перевернута. Теперь я полностью могу посвятить себя науке и философии, которые занимают меня ничуть не менее государственных дел.

– И вы не станете мстить вашим врагам? Бэкингему, например? Не зря же о нем судачат на каждом углу, что мужчинами он увлекается даже больше, чем набиванием своего кошелька. Вот такой у старой доброй Англии теперь мужественный герой и образец для всеобщего подражания.

– Месть – самая сильная страсть человека после любви. Но я не буду мстить из уважения к королю. В Писании сказано, что мы должны прощать врагов наших, но там нет ни слова о том, что мы обязаны прощать наших друзей. Оттого я благодарен ему за прощение вдвойне. Я не намерен даже в узком кругу иронизировать на тему его молодого фаворита. Насмешки и сарказм никому еще не снискали вражеского расположения, зато многих лишили друзей.

– Это благородно. Если не возражаете, расскажите мне, какие именно науки вас привлекают?

– Наука не столько привлекает меня, сколько служит поводом для сильных разочарований.

– Что вы имеете в виду?

– В Европе науки как масштабной, организованной сферы человеческой деятельности до сих пор не существует. Многие со мной бы поспорили, но я, прочитав сотни научных работ, в этом абсолютно уверен. Почти все так называемые ученые сейчас посвящают себя одному из двух, равно бесплодных, на мой взгляд, занятий. Первые до бесконечности штудируют работы древних греков. Столкнувшись с проблемой, они вместо того, чтобы самим как следует изучить ее, читают ветхие манускрипты – а что на эту тему писал Аристотель? Словно Аристотель знает все, чего, разумеется, не может быть. Вторые – схоласты, которые ищут открытия только в священном Писании. Однако за полторы тысячи лет в Библии не появилось ничего нового.

– А вы разве не верите в Бога, Творца нашего мира и всего сущего?

Бэкон посмотрел на меня с удивлением, словно вопрос был глуп или неуместен.

– Разумеется, верю. Как же иначе. Нет ничего глупее и опаснее воинствующего атеизма. Это та же религия, но чаще всего ей следуют либо несчастные, разочаровавшиеся в жизни люди, либо негодяи. Кроме того, я не представляю себе общества без веры в Бога. Атеизм – это тонкий лед, по которому еще может аккуратно пройти один человек, но целое множество людей,

ступив на него, неизбежно провалится в бездну.

– Тогда почему вы отвергаете схоластов?

– Против них я ничего не имею. Фому Аквинского я читаю с удовольствием. Проблема в том, что ни схоласты, ни знатоки трудов Аристотеля не приближают нас к пониманию скрытых механизмов природы. Знаменитый спор схоластов о том, какое количество ангелов может уместиться на кончике иглы, кажется мне пустым. Такие споры не могут решать настоящие, насущные проблемы.

Только сейчас я обратил внимание на изречение, крупными буквами начертанное на стене высоко над головой барона: «Scientia potential est», «Знание – сила» на латыни. Слово «знание» могло переводиться и как «наука». Бэкон продолжил:

– Я горячий сторонник веры. Однако богословские штудии не стоит смешивать с наукой естественной. Это совершенно разные вещи. Две отдельные, никак не пересекающиеся части одного великого целого – Вселенной. Господь сотворил мир неким образом и с неким смыслом. И о том, и о другом мы можем только догадываться, либо полностью полагаться на Писание. Теология, таким образом – это смесь истории (в части, где она описывает события прошлого) и метафизики – рассуждений о непознаваемом. Хорошая весть в том, что Господь, как сказано в Библии, сотворил человека по своему образу и подобию. Значит, и человеческий разум – отблеск божественного, и прямая обязанность человека перед Богом – оттачивать свой ум и с Его помощью настойчиво и по мере возможности все более глубоко постигать окружающий его мир.

– По поводу разделения науки и теологии мне понятно. А чем вам досадил Аристотель?

– Точто так же – совершенно ничем. Однако сейчас, по прошествии почти двух тысяч лет, считать его единственным авторитетом во всех вопросах сразу – затея сродни поклонению идолу. В древней Греции наука переживала свое детство. В Средние века в Европе она просто замерла, чтоб не сказать исчезла. Но уже в ближайшие десятилетия люди неизбежно увидят молодость, расцвет и зрелость науки. Новые знания преобразят наш мир, ибо в знании – сила.

– Почему наука не может быстро развиваться прямо сейчас?

– Причин множество. Начну, пожалуй, с проблемы отношения людей к ученым. Не секрет, что обычные люди считают их чудаками и неудачниками, странными во всех смыслах. Они живут порою впроголодь, не пытаются стяжать богатства, добиться высоких должностей. Стоит признать, что сами ученые тоже вносят в это предубеждение свою лепту – зачастую это

замкнутые люди, необщительные, равнодушные даже к проблемам родных.

– Как это изменить?

– Начать следует с того, что само общество должно признать значимость науки и трудов ученых для улучшения жизни. Великое возрождение наук – вот лучшая идея для любого народа. Я убежден, что совсем скоро наступят времена, когда люди станут с большей охотой обсуждать научные открытия, чем без конца перемывать кости графам и маркизам, как происходит сейчас.

Трудно было удержаться и не возразить барону, памятуя о том, сколько подписчиков сегодня имеют даже самые исключительные ученые и сколько – даже средней руки знаменитости. Со времен Бэкона в этом смысле мало что изменилось. Но я, разумеется, промолчал.

– Так вот, государям и парламентам следует больше денег выделять на развитие знаний, чем на придворную роскошь. Другая проблема в том, что ученые сильно разобщены. У многих весь круг общения – коллеги по кафедре, а у иных нет и этого, потому что они работают в одиночку. Необходимо создавать им возможности для встреч, обмена опытом. Торговцы, например, давно уже это поняли и регулярно съезжаются на всевозможные ярмарки. Но почему не существует таких же всеобщих ярмарок знаний?

– Наверное, их время еще не пришло.

– Поэтому свои оставшиеся дни я посвящу созданию науки будущего. Опишу, какой она должна быть, чтобы помочь всем людям на свете достичь процветания.

Бэкон встал, заходил по залу, затем наполнил кружку доброй порцией остывшего уже пунша.

– Я начну с самых основ, с классификации всех наук. Человеческий разум имеет три свойства – память, воображение и логический рассудок. По этим же критериям я бы разбил и науки. К памяти относится история во всех ее проявлениях – история царств, войн, Писания, открытий. Воображение – это область чистого искусства: поэзии, музыки, живописи. Наконец, рассудок – основа философии и естественных наук. Логика, способность людей наблюдать и делать сложные умозаключения о механизмах природы – это самая ценная, поистине божественная искра.

– Почему же ученые сегодня столь редко открывают что-то действительно важное?

– Потому что методы их никуда не годятся. До сих пор, за редким исключением, со времен древних философов в науке преобладала дедукция, или выводы от общего к частному.

– Можете объяснить на примере?

– Греки пытались сначала выстроить общие принципы мироустройства. Затем снова спускались к конкретным вещам. Платон учил, например, что все предметы – лишь блеклые отблески возвышенного мира идей. Все факты, имеющие место сплошь и рядом, он трактовал только в свете этой теории. Нехотя спускался от нее к ничтожным, с его точки зрения, мелочам. Я же считаю, что вся наука будущего будет основана не на дедукции, а на индукции – восхождении от частного к общему. Сначала ученый собирает богатый арсенал достоверных, проверяемых другими фактов. И лишь затем выводит из них теории, общие закономерности.

Я хотел возразить Бэкону тем, что в различных областях науки будущего будут актуальными оба метода. Например, в физике или химии индукция будет, как он и предсказывал, преобладать. А математика все-таки будет построена на дедукции – выводе общих теорем, с последующим переходом от них к конкретным расчетам. Однако забегать вперед мне не стоило. Бэкон тем временем увлеченно продолжал:

– Я провожу аналогию с животным миром. Есть ученые-муравьи, которые созерцают мир, но не делают глубоких выводов. Есть ученые-пауки, которые варятся в своем соку, рождают идеи из ничего – как будто вытягивают паутину из самих себя. Настоящий же ученый должен быть пчелой. Собирать нектар со множества цветков, проводя обширные исследования, затем перерабатывать в драгоценный мед новых научных знаний, которые облегчают и улучшают жизнь миллионов людей.

– Что мешает современным ученым активно использовать метод индукции?

– Идолы. Я называю так образ мысли, присущий почти всем людям и препятствующий им познавать новое. Я насчитал четыре главных идола, но есть и второстепенные.

– Расскажете подробнее?

– Первая категория трудностей – это идолы рода. Люди ограничены своими слабыми органами чувств. Например, мы наблюдаем природу глазами, но они способны схватывать лишь часть окружающих нас явлений. И даже то, что мы видим, мы наблюдаем, словно через кривое зеркало. Этот идол тысячелетиями не давал человечеству продвигаться в знаниях.

Следующий – идол пещеры. Вы, разумеется, читали Платона, и помните его метафору обитателей пещеры. Суть ее в том, что все люди от природы необъективны. Мы никогда не видим мир настоящим, мы стремимся проецировать на него то, что нам кажется хорошим. Кому-то, например, близка идея порядка, и он во всех явлениях усматривает связь, даже там, где ее нет и в

помине. Если вы верите в добро, вам трудно понять намерения злого человека. И так далее. У каждого есть что-то любимое и нелюбимое, и мы хотим, чтобы мир вокруг нас был похож на тот мир, что внутри нас. Однако на самом деле между ними нет абсолютно никакой связи.

– Удивительно, что при всем при этом мы, тем не менее, умудряемся развивать науку хоть в какой-то степени. Каковы два других препятствия?

– Третий идол – площади. Представьте площадь, на которой громко говорят сотни людей, но никто друг друга толком не слышит. Люди общаются при помощи слов, и речь льется здесь со всех сторон. Проблема только в том, что даже самые точные слова лишь приблизительно описывают натуральную природу вещей.

Представьте, что вы куда-то идете, и при каждом шаге отклоняетесь на десятую долю от направления к цели. Очень скоро вы будете двигаться совершенно в другую сторону. Также и люди, выражая мысли длинной цепочкой «почти правильных слов» в итоге нередко доносят идеи, теряя по пути их смысл. Для меня этот идол наиболее опасный, ибо его действие – самое незаметное.

Четвертый идол – идол театра. Мы все учимся, опираясь на авторитеты. Но авторитеты – это обычные люди, которым, как и всем остальным, свойственно ошибаться. Вместо того, чтобы доискиваться до истины самостоятельно, мы просто повторяем чьи-то слова, подобно актерам. Чтобы постичь истину, исследователю следует двигаться собственным путем.

– Но может ли ученый полностью избежать влияния идолов? И может ли сделать это не ученый, а простой человек?

– Да, но только одним способом. Проверяя любые догадки, слова и идеи опытом. Разумеется, не единственным, – нужны длительные серии, в которых результат многократно повторится. Непосредственный опыт убивает всех идолов разом.

Приведу пример Галилея, чьи работы о физике и космосе я с удовольствием читаю. Многие мыслители прошлого утверждали, что шар, который в два раза тяжелее, будучи брошен с высоты, полетит к земле в два раза быстрее. Что может быть проще и очевиднее? Галилей не стал рассуждать, а сбросил два ядра с края Пизанской башни – огромное и маленькое. Оба ударились о землю одновременно, навечно посрамив тех философов. Или другой пример. Одна моя знакомая утверждала, что чем больше кормишь курицу, тем больше яиц она несет. Логично, казалось бы. Но я предложил устроить эксперимент. Выяснилось, что курица, поглощающая в два раза больше, дает ровно столько же яиц, а если начать раскармливать ее в три раза сильнее – птица и

вовсе помрет.

– Но польза от опыта будет лишь тогда, когда он правильно поставлен и должным образом осмыслен.

– Совершенно верно. Я планирую в своих работах подробно описать то, как следует ставить научные эксперименты, но многое из этого применимо и к повседневному человеческому опыту. Отмечу, что главное затруднение состоит даже не в том, чтобы правильно поставить эксперимент (если вы достаточно образованы и экипированы – это нетрудно), а в том, чтобы верно интерпретировать результаты. Нельзя делать обобщения и строить теории слишком рано.

– А как понять, рано они сделаны или вовремя?

– Представьте, что переписчик населения прибывает в небольшой город. Неожиданно оказывается, что первые сто людей носят одно и то же имя – Джон Уилсон. Тогда он начинает опрашивать людей выборочно, и по-прежнему оказывается, что все они – тоже Джоны Уилсоны. Уверенный теперь, он докладывает королю, что в этом городке живут только Джоны Уилсоны. Переписчику отрубают голову за небрежность. Оказывается, в городке, в дальней избушке, умирает старый дед, о котором все позабыли. Но он единственный не Уилсон. Его зовут Джон Смит. Переписчик был неправ. Ясно?

Я кивнул. Странным образом история, рассказанная Бэконом четыреста лет назад, практически точно описывала смысл знаменитой теории «черного лебедя» Н. Талеба, известного современного экономиста и философа. Поистине, новое – часто хорошо забытое старое.

Я принял приглашение хозяина переночевать в его имении. Ехать ночью в такую погоду в те времена было небезопасно. Напоследок я решил разрядить серьезную беседу шуткой.

– Одно я понял точно. На ваших будущих книгах вы не заработаете ни пенса – уж больно неблагоприятные для наук времена нынче царят. На что же вы будете жить?

Философ только усмехнулся:

– Накопление денежного богатства не может быть достойным смыслом жизни. Когда талантливый человек пишет книги, он делает себя бессмертным. Книги – это корабли мысли, странствующие по океану времени, и несущие мысли от одного поколения к последующим. Древние говорили, что бедный слепой Гомер дал человечеству больше, чем любой из великих царей. А что он, в сущности, дал? Поэтические строки о вымышленных героях. Родятся люди, раскрывающие тайны природы, облегчающие жизнь человечества. Они подарят людям намного больше, чем Гомер.

Бывший главный чиновник Англии, а теперь безработный писатель с оптимизмом смотрел в будущее. И свое собственное, и будущее всех людей.

– Книгопечатание, пушечный порох, компас. Всего три вещи за последние сто лет изменили мир сильнее, чем все открытия за предыдущую тысячу лет. Это только начало. Я вижу, как через несколько столетий наш мир изменится полностью, до неузнаваемости. К лучшему, разумеется.

Посвятив себя написанию трактатов, следующие несколько лет Фрэнсис Бэкон прожил затворником, лишь изредка бывая в Лондоне. Свои главные работы он адресовал королю Якову, однако, реакции на них не получил. Скончался скоропостижно: зимой проводил опыты по заморозке мяса птиц в снегу и во льду, слег с простудой и умер. Антибиотики будущего, возможно, спасли бы его. Трактаты Бэкона о методах и цели наук не снискали признания при его жизни, но уже для следующего поколения европейских ученых они стали почти настольными руководствами.

Историки науки в наше время делятся на тех, кто считает Бэкона гением – человеком, с идей которого началась всемирная научно-промышленная революция, и тех, кто критикует «поверхностность» его рассуждений и отмечает прежде всего то, что Бэкон, превознося точные науки, сам не совершил в них существенных открытий.

В наше время людей, уверенных в превосходстве важности научно-технических изобретений над «субъективным искусством» и «пустыми рассуждениями о смысле жизни», принято называть технократами. В мире таких людей миллионы, и во многом именно они (как бы мы ни относились к такому отчасти ограниченному мировоззрению) двигают вперед технологический прогресс.

Пожалуй, Фрэнсис Бэкон был первым истинным технократом.

Глава 23
Мыслю – значит, существую (Рене Декарт)

Место: Эгмонд-Биннен, Нидерланды (современный пригород Амстердама)

Время: 1649 год

Всякого, кто приезжает в Амстердам – столицу маленькой, но удивительной во всех смыслах страны, – обычно захлестывают волны радости и почти детского восторга. Живописные каналы, лодки, мосты, игрушечные домики ярких и разнообразных тонов. Весной, в мае, вокруг еще и море цветов: изысканные розовые и красные тюльпаны, бегонии, розы, лилии, фиалки. Но главное – люди. Свободные, улыбчивые, уверенные в будущем, разных национальностей и вероисповеданий, живущие в мире и согласии.

Амстердам в середине XVII века был культурным центром Европы и, возможно, всего мира. Первая в истории буржуазная революция, в ходе которой Нидерланды семьдесят лет с переменным успехом сражались за независимость от Испании (на пике ее могущества), годом ранее, в 1648-м, наконец, окончилась для маленькой гордой страны победой. Впрочем, в последние годы в таком исходе уже никто не сомневался: Голландия стала столь сильной, развитой и экономически независимой, что во многом определяла повестку важнейших событий в Европе. Самый современный и многочисленный торговый флот вкупе с давними традициями мореходства сделал Амстердам и Антверпен главными портами Нового времени. Отсутствие инквизиции, свобода слова и печати, веротерпимость привлекали в Нидерланды многих ученых, а антисемитские гонения в соседних странах привели сюда множество еврейских беженцев, чьи общины дали мощный толчок к развитию банковского и ювелирного дела. XVII век стал апогеем голландского искусства: Рембрандт, Рубенс и другие выдающиеся местные художники совершили революцию в живописи.

Амстердам того времени, хотя и был намного меньше по размерам, уже напоминал сегодняшний город, прежде всего – своей атмосферой. Богатые жители строили неброские, компактные, но изысканные виллы вдоль каналов, простые люди часто жили в каютах деревянных корабликов, которые стояли прямо на воде. Но непреодолимой пропасти между сословиями

в Голландии не было никогда: даже бедняки выглядели достойно и опрятно, а у богачей не было принято кичиться своим состоянием. И те, и другие порой завтракали в уютных уличных кафе буквально за соседними столиками. Голландские женщины – высокие, статные, с немного простоватыми, но открытыми и приятными лицами, улыбающиеся, в ярких платьях, пользовались теми же привилегиями, что и мужчины.

Я был личным секретарем шведской королевы Кристины, известной в числе самых образованных и прогрессивных правителей Европы той эпохи. Помимо неукоснительного выполнения основных обязанностей по управлению страной и мощной шведской армией, она в свои юные годы (а ей было чуть больше двадцати) проводила много времени, читая последние научные работы и переписываясь с некоторыми из лучших ученых своего времени. Кристина имела жесткий, властный характер: перед этой миниатюрной девушкой трепетали матерые военачальники, и она как мало кто другой умела добиваться того, чтобы ее решения и приказы были быстро и четко исполнены. В последние месяцы Кристина сильно увлеклась работами видного французского философа и ученого. Она приказала мне отправиться в Нидерланды, куда он переехал, дабы ему никто не чинил препятствий в занятиях наукой и просто не мешал жить в свое удовольствие. Задача состояла в том, чтобы привезти его к королевскому двору в Стокгольм в качестве ее научного наставника. Это было непросто, если не сказать почти невозможно. Ученый был знаменит своим свободолюбием и нежеланием зависеть от кого бы то ни было – даже от самых почитаемых правителей своей эпохи. Он был хорошо обеспечен – получил немалое наследство от родителей, которое и приумножил выгодным вложением в акции, – и равнодушен к роскоши, так что высоким жалованием заинтересовать его было нельзя. Еще он не любил политиков, и, хоть и добродушно, но свысока относился к женщинам. Я объяснял королеве всю тщетность ее замысла, но этим, не желая того, только сильнее распалял ее желание.

Не только по национальности и языку, но и по характеру, внешности и темпераменту Рене Декарт – тот самый ученый – был типичнейшим французом. Однако по образу мыслей и стилю жизни его скорее можно было назвать гражданином мира. Каждый день своей необычной жизни он проводил как хотел, где хотел, с кем хотел, и при этом успевал размышлять о мире таким образом, как будто до него философии еще не существовало. Еще в раннем детстве он спокойно поставил родителей в известность о том, что будет вставать утром во столько, во сколько он хочет,

ходить на уроки лишь тех учителей, которые лично ему были интересны, а большую часть зимы (он был болезненным и ненавидел снег и морозы) будет сидеть дома, у теплой печки. Юный Рене был до того упорен, что родители со всем согласились, особенно учитывая то, что и в школе, а позже и в лучшем в стране иезуитском колледже преподаватели были в восторге от его ума и способностей. Чего не скажешь о самом Рене, который, хоть и выучил труды Аристотеля, Фомы Аквинского и прочих столпов философии почти наизусть, считал их учения устаревшими.

После колледжа он решил путешествовать, чтобы изучить «книгу мира» своими глазами, лет за пять объездив вдоль и поперек всю Европу несколько раз. Затем неожиданно записался во французскую армию и даже поучаствовал, подобно вымышленным героям Дюма, в осаде крепости гугенотов в Ла-Рошели. Окончил военную карьеру Декарт столь же внезапно: оказавшись суровой зимой со своей частью в деревне в Баварии, он решил, что на улице слишком холодно, и, чтобы не стоять весь день смену в карауле, сдал оружие. В той же деревне он нашел дом с огромной, самой теплой печью и с наслаждением просидел перед ней целые сутки, обдумывая, чем бы заняться теперь. Декарт был совершенно один и после многих часов он стал впадать в транс – странное состояние, когда он сам не мог понять, спит он или бодрствует, жив, или уже на том свете, его ли это тело, или чужое. Это пограничное, отчужденное самоощущение столь глубоко поразило его, что он решил разобраться и в себе, и в тайнах природы должным образом, а для этого, как он считал, есть один путь – стать ученым.

Мой корабль прибыл в порт Амстердама на рассвете. Еще пока он шел вдоль берега, сквозь смутный предутренний туман я мог издали видеть поля цветущих тюльпанов. Биржевая лихорадка, финансовая пирамида тюльпанов, вихрем пронеслась по стране десятью годами ранее. Говорят, что на ее пике за две луковицы лучших тюльпанов можно было купить приличный дом со всей обстановкой. Как и все подобные «пирамиды», эта тоже лопнула, оставив полстраны без денег, зато с долгами. К счастью, этот странный кризис продлился недолго, а страсть к разведению цветов укоренилась у всех поколений голландцев. Сойдя с корабля, я нанял небольшую двуколку с возничим-подростком, который всю дорогу пел задорные песни. Пестрые, красочные улочки весеннего Амстердама просыпались на моих глазах. Названия улиц – Цветочная, Стекольная, Винная, Сырная – указывали на ремесла, сформировавшие эти кварталы; горожане были нарядно одеты, на прилавках лежала крупная, свежая,

аппетитная рыба на продажу. Каждый час со всех сторон раздавался мелодичный звон церковных колоколов – в те годы Голландия славилась ими на всю Европу. Улочки были уже вымощены аккуратными ровными камнями: в этом Голландия тоже опережала соседей. Нам предстоял длинный путь: ученый жил в уединении, километрах в тридцати от столицы, в большом доме прямо у пустынного песчаного побережья моря.

Мы прибыли на место еще до полудня. У дверей дома меня встретила дородная экономка, которая наотрез отказалась будить хозяина. Декарт любил гулять вдоль берега в одиночестве по вечерам; затем, после ужина из морепродуктов, свежих фруктов и зелени, он запирался в своем кабинете до глубокой ночи, отпустив слуг, читая обширную корреспонденцию, отвечая на письма и занимаясь научной работой. Спал Декарт помногу, считая, что в своих ярких, насыщенных действиями и образами снах он как бы проживает вторую, параллельную жизнь. Он также верил, что долгий сон полезен для здоровья, о котором он неукоснительно заботился. В дни, когда у него были намечены встречи или поездки, он просыпался в полдень, тогда как в другие – не раньше часа-двух. Для того времени, когда не только крестьяне, но и знатные люди без электроосвещения вставали с рассветом и ложились вскоре после заката, подобный распорядок жизни окружающим казался исключительно странным, но самого Декарта суждения других о себе никогда не беспокоили.

Экономка доложила хозяину обо мне и о цели моего приезда, но его утренние ритуалы эта новость никак не ускорила. После подъема он долго одевался, затем предпочел позавтракать спокойно, не спеша, один, прочитал письма, и лишь ближе к трем часам дня распахнул широкую дверь гостиной. Обстановка на первый взгляд не носила отпечатка роскоши, но на стенах висели картины, в одной или двух из которых я, как мне показалось, узнал стиль Рембрандта. Во времена, когда великий художник был еще жив, его полотна в среднем стоили не дороже одного хорошего изысканного обеда на десяток персон.

Внешне Рене Декарт был весьма похож на классический образ мушкетера из романов: роста чуть выше среднего, худощавый, энергичный, одетый с иголочки в дорогой приталенный мундир темного цвета с серебряными пуговицами, немного напоминавший военный, с длинными темными волосами, аккуратными усами, щегольской бородкой, большими умными карими глазами. Длинная шпага вписалась бы в его образ совершенно гармонично. Ему было около пятидесяти, почти преклонный возраст по тем временам, но выглядел он моложе, без седины и заметных морщин. Его возраст выдавала, пожалуй,

лишь сутулость – следствие многих лет за письменным столом, а также некоторая пресыщенность и усталость, проскальзывавшие во взгляде, несмотря на всю живость его речи.

Я знал, что Декарт всегда – и дома, во Франции, и здесь, в Голландии – нравился женщинам, имел немало поклонниц и подруг, порой крутил несколько романов одновременно. Но он никогда не был женат, а после того, как его единственный ребенок, горячо любимая им дочь, умерла в детстве от болезни, долгое время был безутешен, и после этого стал жить совсем уединенно.

Вкратце и как можно вежливее я изложил предложение королевы Кристины. Выяснилось, что он хорошо с ней знаком, хотя и заочно. Она написала ему несколько писем, в одном из которых поинтересовалась природой страсти между мужчиной и женщиной, и Декарт обстоятельно, на несколько страниц, изложил свои соображения на сей счет. Он сказал мне, что для своего возраста и того обстоятельства, что она женщина, Кристина удивила его своими мудрыми мыслями и безупречной рассудительностью. Но моя радость была краткой: поблагодарив, Декарт наотрез отказался ехать в Швецию, сказав, что точно не перенесет местных долгих суровых зим, а также вряд ли совладает со слишком крутым нравом юной монархини. Добавил, что чрезмерно строгие, практически казарменные порядки при шведском дворе не соответствуют его привычному образу жизни. На упоминание о солидном вознаграждении он покачал головой, не поинтересовавшись даже суммой, и снова поблагодарил, явно намекая, что аудиенция окончена.

Я объяснил, что за мою неудавшуюся миссию буду строго наказан. Единственное, чем я могу смягчить королеву – рассказать подробнее о сути учения Декарта, донесенное не из книг, а из уст автора. Я упомянул, что читал некоторые его работы по математике и был ими восхищен. То ли жалость, то ли лесть подействовали, Декарт смягчился и предложил вечером вместе совершить неспешную прогулку вдоль моря.

Побережья Голландии совсем не похожи на пляжи, скажем, юга Франции. Море здесь даже летом холодно и сурово, ноги утопают в глубоком липком песке, дует резкий ветер, хотя в этот вечер он был, к счастью, умеренным. Над нашими головами кружилось несметное количество чаек и более крупных морских птиц. Их постоянные крики в сочетании с шумом волн создавали, как ни странно, довольно романтичный фон для прогулки. Вокруг не было ни души.

– Вы не поверите, но, прожив двадцать лет в Голландии, я в среднем раз в год менял адрес. Не для смены обстановки. Когда я

жил в Лейдене, вблизи большого университета, ко мне каждый день толпами валили гости, часто непрошеные – преподаватели и студенты. В Амстердаме протестантские священники, узнавая меня на улицах, начинали прилюдно во весь голос укорять в безбожии и требовать покаяния! Меня, человека, который всю жизнь верил в Господа беззаветно и в каждой книге об этом писал! К сожалению, многим кажется, что любая наука направлена против Бога. Ничего страшного: это не инквизиция, разумеется. Но мне это надоело, и я перебрался сюда.

– Мне кажется, во Франции природа куда более ласкова и щедра.

– Да, здешний климат мне не по нутру: в Голландии четыре месяца морозы, остальное время просто холодно. Но вы же слышали о гонениях на великого Галилея? Или о том, как закончилась жизнь Джордано Бруно и нескольких других ученых, искавших истину? Правда, и здесь я не чувствую себя в безопасности: иезуиты даже из-за границы могут подослать убийцу, они не раз проделывали такое с голландскими политиками. Местные протестанты тоже имеют на меня зуб. Я не хочу провоцировать ненависть. Мечтаю прожить еще много лет просто, спокойно и счастливо.

– О вашей философии много говорят в образованных кругах Европы. Расскажите, в чем ее суть?

Декарт остановился, неспешно вглядевшись в тонкую, немного дрожащую линию горизонта, на которой облачное вечернее небо незаметно сливалось с белесой массой воды северного моря.

– Изучив подробно, вдумчиво и детально все главные научные и философские работы прошлого, я с горечью осознал, что ни одна из них не развеяла до конца моих сомнений.

– Каких именно сомнений?

– Видите горизонт?

– Да, разумеется.

– Но вы же прекрасно понимаете, что его на самом деле не существует?

– Очевидно, что так. Горизонт – это просто человеческое восприятие дальнего расстояния.

Ученый наклонился, набрал горсть песка и предложил мне к ней прикоснуться.

– Мокрый и холодный. Но если бы дело происходило зимой, в лютый мороз, ваши руки заледенели бы, и точно такой же теплоты песок показался бы вам сухим и почти горячим.

– Допускаю это.

– Размышляя в подобном русле, я перебрал пример за

примером и пришел к тому, что абсолютно все вокруг нас не объективно, а продиктовано нашими крайне ограниченными органами чувств. Возможно, то, что вам видится прекрасным, мне покажется безобразным. То, что вы видите, как синий цвет, для меня будет красным. Как вообще доказать, что вы – не плод моего воображения, или я – вашего? Если сделать еще шаг в рассуждениях, то ни вы, ни я в этот самый момент не можем быть уверены даже в том, что наша встреча и разговор реальны. Возможно, кому-то из нас двоих просто снится такой сон, и через мгновенье один из нас откроет глаза, лежа в своей постели.

– Что же тогда вообще может быть реальным?

– В этом и заключается главный вопрос философии. Абсолютно каждый предмет, любое явление вокруг нас легко может оказаться миражом. И даже наши тела могут нам только представляться. Но есть важнейшее начало всего. Отрицая все, мы не можем дойти до утверждения, что мы не существуем. Если бы меня не было на свете, то кто во Вселенной мог бы мыслить сейчас моим умом? Разумеется, никто. Однако же я мыслю – это совершенно определенно.

– Это очевидно. Из пустоты логических рассуждений бы не возникло.

– Я мыслю. Значит, я существую.

– Бесспорно.

– Когда я осознал это, мир внутри меня перевернулся. Наше мышление, доказанный факт его наличия – вот основа всего, фундамент всей новой науки. Я сбросил оковы и устремился вперед.

– Что вы сделали дальше?

– Путешествуя по разным странам, я увлекся архитектурой. Я обратил внимание, что самыми изысканными и прекрасными зданиями оказываются те, которые возведены одним зодчим по одному общему замыслу. Наука же сегодня напоминает собранное из разнородных кусков лоскутное одеяло. Когда я это понял, то принял для себя главное решение.

– Какое же?

– Я стану тем самым единственным архитектором, отцом новой всемирной науки и философии.

Я взглянул ему в лицо, чтобы понять, была ли эта фраза произнесена с иронией. Но нет – Декарт казался совершенно серьезным.

– Первым делом я перестал перечитывать старые труды. Чтение книг – это прекрасный разговор с умнейшими людьми прошедших времен, во время которого они сообщают тебе свои лучшие, самые глубокие мысли. Книга – это воображаемое

путешествие. Однако, тот, кто тратит слишком много времени на путешествия, рискует стать чужим в своей стране. Я родился с таким умом, что мне доставляет куда большее удовольствие находить истины самому, чем узнавать их от кого-то.

– Какие же истины вам удалось отыскать?

– Я понял, что меня интересуют многие науки, но одному человеку, естественно, не под силу совершить прорыв в каждой. Надо на чем-то сосредоточиться. Из всех наук важнейшими мне видятся две – метафизика, суть которой – основа философии, и математика. Ими я и занимаюсь всю жизнь.

– Какая из этих двух наук сложнее?

– Разумеется, философия, ибо она всеобъемлюща. В ней я ощущаю себя бредущим в темноте наощупь, и потому стараюсь ступать как можно осторожнее: может, я и не найду истину, но хотя бы не упаду в грязь, не стану предметом насмешек. Основы философии зыбки. Даже самую чудную и странную идею за тысячи лет философии уже кто-нибудь да высказывал. Но все это были лишь рассуждения. «Мыслю – значит, существую» – первое в истории философии суждение, которое обосновано логически и при этом абсолютно очевидно. Чтобы двигаться дальше, требуется метод, схема познания мыслимой нами действительности. Вот этот метод. Первое: принимать за истинное только то, что является абсолютно очевидным и доказанным. Второе: делить каждую проблему на столь много частей, сколько нужно, чтобы ее разрешить. Третье: рассуждать строго логически и начинать от простого, восходя, как по ступеням, ко все более сложному. Последнее: составлять перечни сделанных в исследовании шагов, чтобы ничего не упустить.

– Я думаю, многие ученые и раньше хотя бы интуитивно следовали таким принципам.

– Возможно, но дело науки – работать, исследовать свой предмет по строгим правилам, а не по наитию. Есть важное следствие идеи «мыслю – значит, существую». Для всякого человека мышление первично, а материя вторична. Если бы я лежал парализованным, но мог думать, я по-прежнему оставался бы собой. А вот когда я пребываю во сне без сновидений или без сознания, меня уже нет, даже если я при этом совершенно здоров.

– Стало быть, материи не существует?

Ученый остановился, разглядывая небо и перистые облака необычной формы.

– Ну почему же, существует. Однако для нас, людей, живущих только в нашем собственном сознании, материя мертва. Величайшие философы прошлого ломали копья о вопрос, что первично – материя или сознание. Кажется, я легко разрешил

этот конфликт, расплел вечный узел. Ничто не первично. Материя и сознание – это две независимые половины одного целого – мира, созданного Богом, как противоположности: лед и пламень Вселенной, если хотите.

– И все же, они как-то соединяются, взаимодействуют? В людях, в животных?

– В животных – нет. Все живые существа на Земле, кроме человека, лишены души. Это просто механизмы, управляемые своими врожденными инстинктами и рефлексами. Аристотель считал, что есть три типа души: растений, животных и человека. Я же убежден, что есть только одна душа – человеческая. Даже наши тела – это невероятно сложные, но бездушные механизмы. Бог создал их так же, как часовщики делают часы: собрал из мелких деталей один раз, завел механизм – и дальше они работают сами. Растения и животные в этом смысле мало чем отличаются от механизмов. Разумеется, пружины в них тоньше, ведь Создатель бесконечно умнее и искуснее людей. Да, телами-механизмами надо как-то управлять. Для этого, и только для этого, в нашем мозге есть небольшой отдел – шишковидная железа, где дух и материя соединяются.

– И что же следует из этого заключения?

– Из него следует, что духовное и материальное нельзя смешивать, что нужно рассматривать их строго по отдельности. Познание духовного – это сфера Господа и религии. Наука здесь неприменима.

– Странно. Вас часто обвиняют в пропаганде атеизма, а вы столь искренне говорите о Боге.

– Не просто говорю, а даже придумал собственное доказательство Бога в духе Фомы Аквинского. Вот оно. Мы осознаем то, что наши мысли – гораздо выше и сложнее, чем все те вещи, которые нас окружают. Однако, мы понимаем и то, что одни наши идеи лучше, прекраснее, гармоничнее других. Глубина и совершенство идей могут расти бесконечно. Что служит источником высоких идей, что представляет собой вершина совершенства, недостижимая для людей? Разумеется, это Бог.

– Мне кажется, это близко к четвертому из пяти доказательств Фомы – Бог как эталон, мера всего сущего.

Декарт взглянул на меня с уважением. Далеко не все даже в его эпоху были знакомы с работами великого схоласта.

– Моя формулировка точнее. Я бы добавил к ней и то, что человек несовершенен, но мы можем представить себе совершенство. Идею о совершенстве может внушить только совершенный. Значит, Бог существует. Однако вернемся к материи и сознанию. Что делает их столь принципиально

различными? Их природа и структура. Материя постоянно меняет свою форму, тела рождаются и умирают, дух же вечен. Наконец, все духовное не имеет размера и неделимо. Материя, наоборот, бесконечна, заполняет все пространство вокруг, даже то пространство, что нам кажется пустым, и бесконечно делима. Не существует никаких неделимых атомов, сгустков, единиц материи.

Я кивнул. Интересный парадокс – отрицание атомов и утверждение, что материя заполняет любую пустоту, до середины XX века считалось самым слабым и единственным антинаучным местом доктрины Декарта. А потом было открыто, что атомы – не мельчайшие единицы материи: они делятся на еще меньшие части – кварки, а те в свою очередь делятся на частицы еще более мелкие, о которых нам ничего не известно. Кроме того, оказалось, что вакуум космоса наполнен таинственной темной материей, а значит, абсолютной пустоты во Вселенной и вправду не бывает.

– Материя и сознание имеют свои производные – модусы: модусы материи – это форма, движение, положение в пространстве, модус мышления – чувства, желания, ощущения. Они вторичны, но именно по ее модусам мы можем изучать материю.

Несмотря на долгий майский вечер, небо над морем начало краснеть, дело шло к закату.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших открытиях в математике.

– Помимо переоткрытия начал философии я задался целью сделать то же самое в отношении математики. Эта наука мне нравится своей точностью. Мне импонирует, что, вопреки системе Бэкона, который славил в науках индукцию и эксперименты, в ней требуется дедукция и чистая работа ума. Как и в философии, я начал с простого.

Декарт поднял длинную палочку и на ровном участке песка начертил две перпендикулярные прямые. На концах прямых он поставил стрелки, и подписал их латинскими буквами X и Y.

– Это придуманная мною координатная плоскость. Буквы обозначают оси координат. Такими же буквами – X и Y – я в уравнениях обозначаю неизвестные. С некоторых пор это делают все ученые. Я осознал главную трудность предыдущих поколений математиков. Они рассматривали алгебру и геометрию как связанные, но разные дисциплины. Я же открыл аналитическую геометрию – иными словами, доказал, что вся геометрия – это та же алгебра. Все геометрические фигуры – тоже уравнения. Любую линию или фигуру, независимо от ее сложности, можно выразить алгебраическим уравнением или системой уравнений. И все их можно изобразить на плоскости.

С помощью алгебры можно даже найти площадь некоторых сложных фигур. Если нам требуется изучить объемные, трехмерные объекты, нам достаточно всего лишь добавить третью ось координат. Системы уравнений для трехмерных объектов сложнее, но и они описываются алгеброй.

Множество математиков до меня ломало голову над сутью отрицательных чисел. Ведь их не существует в природе – как же тогда их объяснить? Я показал, что нет ничего проще. Отрицательные числа – все те, что лежат с другой стороны от нуля на моих осях координат. Они существуют так же, как и положительные. Превратив геометрию в алгебру, вслед за этим я открыл множество новых сложных теорем. Не все из них мне удалось доказать. Пусть это сделают следующие поколения ученых. Надо же оставить им хоть какую-то работу. Я открыл новую дверь, очертил бесконечное поле для работы математиков. Жаль, что не узнаю об их открытиях в будущем.

Поразительно, но Декарт, занимаясь математикой лишь порывами, по настроению, совершил в ней революцию. Помимо системы координат он фактически открыл понятие функции, хотя и не называл ее так, не осознавая широты возможностей ее применения. Вычисление Декартом площади некоторых фигур, очерченных функцией – первое в истории нахождение интеграла, концепцию которого, опять-таки, дорабатывали последующие поколения. Трактат Декарта «Геометрия» стал настольной книгой Ньютона и Лейбница и во многом склонил их интересы в сторону науки.

Я видел, что мое общество уже тяготило ученого, который то и дело поглядывал в сторону дома. Сам я с удовольствием говорил бы с ним часами – о физике, оптике, физиологии. Декарт не дошел до закона всемирного тяготения, объясняя притяжение «вихрями материи», что звучит в лучшем случае забавно, но зато в другой догадке – «тело при столкновении получает столько же энергии, сколько теряет тело, врезавшееся в него» – сформулировал суть закона сохранения энергии, открытого гораздо позже. В оптике с помощью геометрии он научился рассчитывать фокус лучей, что улучшило качество линз для телескопов и микроскопов. В физиологии Декарт открыл и описал естественные рефлексы тела и мышц, полагая, что это открытие доказывает его концепцию тел-механизмов.

Я не хотел быть навязчивым. Напоследок спросил:

– Вы считаете, что мир и тайны природы познаваемы?

– Несомненно. Бог любит Истину, и хочет, чтобы люди постигли ее как можно глубже. Природа говорит на языке математики. Каждое математическое открытие – а их, поверьте,

будет еще очень много – повлечет за собой открытия в физике, химии и других науках. Шаг за шагом мы будем постигать тайны мира до тех пор, пока не приблизимся к Богу, как Он это изначально и задумал.

Мы распрощались довольно сухо. Декарта посетили новые идеи, которые он без промедления желал зафиксировать на бумаге. Глядя, как он в лучах заката широким пружинистым шагом поднимается от пляжа вверх по крутому склону, я с грустью вздохнул. Он был полон сил, энергичен и страстно мечтал прожить еще много лет, до глубокой старости. Однако скончался меньше чем через год. Упорная юная королева Кристина после первого отказа Декарта прислала за ним огромный военный корабль. Как именно ее посланники со второго раза убедили ученого все-таки прибыть в Стокгольм – историкам неизвестно. К сожалению, главная боязнь ученого, страх перед холодом, оказалась небеспочвенной. Как назло, следующая зима в Швеции оказалась неописуемо лютой, самой морозной за сотни лет. При этом строгая Кристина не делала своему наставнику поблажек, заставляя его ездить для уроков во дворец каждое утро, независимо от погоды. В феврале ученый слег с воспалением легких и через несколько дней скончался.

Рене Декарт в молодости поставил себе невероятно амбициозную задачу: переосмыслить всю прежнюю мировую философию и математику. И он не только справился с этой задачей, а еще и совершил это с поистине французским изяществом.

Глава 24
Вселенная – это субстанция, матрица (Барух Спиноза)

Место: Лейден, Нидерланды
Время: 1662 год

Я снова оказался в Голландии – всего на десятилетие позже. Накануне Рождества эта страна производила совсем иное впечатление, нежели в теплом цветущем мае. Североевропейский климат XVII века был намного суровее нынешнего – скорее всего, из-за низкой солнечной активности в то столетие. Зимой в Голландии стояли настоящие морозы, такие сильные, что каналы в городах покрывались толстым слоем льда, по которому укутанные в теплую одежду горожане на простеньких деревянных коньках катались без малейшего риска до самой весны.

Золотой век Нидерландов продолжался, однако над первой в истории свободной буржуазной республикой начали собираться тучи. Династия правителей Оранских, возглавлявшая и символизировавшая собой революцию, прервалась, когда от болезней скончались сразу несколько ее наследников. Англия со своим сверхмощным флотом все сильнее теснила позиции голландцев в международной морской торговле, а кроме того, захватила часть нидерландских колоний. Религиозные распри внутри страны тоже нарастали, несмотря на политику веротерпимости. Французский король-солнце Людовик XIV, бывший союзник Голландии в войне против Испании, теперь готовил большую армию, чтобы отобрать у Нидерландов их южные провинции (ему не удастся это сделать, но позже эти территории все же станут независимой страной – Бельгией).

Я оказался личным врачом временного руководителя Голландской республики. Тот был видным дипломатом, интеллектуалом, сумевшим объединить страну в это непростое время, выпускником Лейденского университета, и по сей день одного из ведущих в Европе. Сам Лейден примечателен не менее живописной, чем в Амстердаме, системой каналов, но в остальном, кажется, намного тише и провинциальнее столицы.

Мой патрон получил письмо, выражавшее обеспокоенность состоянием здоровья молодого, но уже знаменитого в ученых кругах еврейского философа, который, в соответствии со своими убеждениями, жил одиноким затворником в деревушке рядом с Лейденом. Студенты и преподаватели университета навещали

его, но тот упорно отказывался от чьей-либо помощи – как денежной, так и по хозяйству. Многие проклинали этого человека за его, с их точки зрения, «дьявольскую» философию, в равной мере направленную против любой веры – христианской, еврейской, мусульманской. Напротив, ученые считали его хоть и неоднозначным, но ярким и самобытным мыслителем. К сожалению, этот молодой еще человек с ранней юности страдал тяжелой, неизлечимой формой чахотки. Летом, благодаря теплу, фруктам и прогулкам, его состояние обычно улучшалось, он чувствовал себя почти здоровым, активно работал над своими трактатами. Но холодными и сырыми зимами болезнь обострялась, напоминая о себе долгими мучительными приступами кашля.

Голландская республика тех лет на весь мир славилась свободомыслием. Но этот, признаюсь, действительно странный человек казался отчаянным бунтарем против всех устоев даже по меркам своей страны. Он родился в Амстердаме в семье богатого еврейского торговца, эмигранта из Португалии. Мальчика назвали Барух («благословенный»), но позже он на латинский манер стал называть себя Бенедиктом. Барух с детства выделялся памятью и интеллектом: в десять лет он уже знал наизусть Библию и Талмуд, позже освоил несколько языков. В четырнадцать лет лучшие преподаватели Торы в Амстердаме избегали споров с ним на занятиях и во время бесед после служб в синагоге, так как всякий раз он даже признанных знатоков выставлял неучами.

Отец не чаял души в сыне, тому предрекали карьеру великого раввина, блестящего знатока иудейской религии. Эти надежды рухнули, когда Баруху исполнилось шестнадцать. Во время дружеской посиделки с приятелями-ровесниками, тоже выходцами из богатых еврейских семей, он произнес страстную речь, в которой назвал Ветхий Завет книгой, написанной недалекими фанатиками веры, которая «содержит в себе столько ошибок и очевидных противоречий, что ее нельзя назвать голосом Бога». Об этом стало известно, и Баруха по-хорошему призвали одуматься. Ему предложили немалую сумму в тысячу флоринов за то, чтобы он в синагоге публично признал свои взгляды детской бравадой и попросил у общины прощения. Однако юноша стал упорствовать, постепенно становясь изгоем, противопоставляющим себя всем: семье, соседям, общине в целом.

В двадцать лет с небольшим произошло несколько тягостных для него событий: внезапно умер его отец, завещав свои богатства сестрам Баруха и оставив того без гроша (Спиноза был

равнодушен к деньгам, но сильно задет этим морально). Он влюбился в девушку-нееврейку, но ее отец не давал согласия на брак без того, чтобы юноша перешел в христианство, на что не соглашался уже сам Барух. Наконец, после печати первых трактатов его окончательно прокляла еврейская община, наложив на него херем. В древней Иудее это проклятие влекло смертную казнь и сожжение дома и имущества в земной жизни, а в загробной – означало прямой путь души вероотступника в преисподнюю.

Когда Спиноза в последний раз выходил из синагоги, на него набросился убийца с ножом, но юноша сумел отбиться. Разумеется, ему пришлось срочно покинуть Амстердам. С тех пор он жил близ Лейдена в уединенном доме, почти ни с кем не общаясь и зарабатывая на жизнь шлифовкой стекол для микроскопов и телескопов – технических новинок того времени. В этом ремесле он стал лучшим в стране мастером. К сожалению, стеклянная пыль, которой он дышал каждый день, медленно, но верно усугубляла его и без того тяжелую болезнь. Однако он никогда никому не жаловался – напротив, постоянно отказывался от предлагавшейся ему щедрой помощи и уверял приходящих, что он живет отлично.

Я добрался к нему лишь вечером. Утром у меня оказались срочные дела в магистрате столицы, где я занимался еще и административной работой. Выехал сразу после обеда, но по обледенелым дорогам добрался до места лишь к раннему зимнему закату. Найти дом философа оказалось непросто. Встречные прохожие даже не знали названия деревушки, а когда я назвал фамилию Спинозы одетому в черное пальто еврею, тот с ужасом вскрикнул и замахал руками – так, словно я произнес имя врага рода человеческого. Было понятно, почему этот дом тщательно укрыт от посторонних. Его кирпичные стены были обвиты плющом, и стоял он в окружении высоких деревьев: зимой их ветви были голыми, но летом густая листва легко создавала естественное зрительное заграждение.

Итак, у порога Спинозы я оказался поздним вечером. Сильный ветер, в дороге продувавший меня насквозь, притих, но мороз стал еще крепче. Мои руки коченели, я долго стучал в дверь, а затем через нее терпеливо объяснял хозяину причину моего визита. Наконец дверь открылась, и я вошел, предварительно надев маску и тонкие перчатки. Тогда считалось, что чахотка передается только через кровь или слюну, но я-то прекрасно знал, что в острой форме туберкулез заразен и по воздуху, и вовсе не горел желанием подхватить его даже от столь известного пациента.

Первая часть нашего с ним знакомства была посвящена медицинским процедурам. Я тщательно вымыл руки, осмотрел больного, послушал его дыхание. Спиноза нехотя признался, что всего пару часов назад его охватил сильнейший приступ кашля, во время которого он обильно отхаркивал кровь, но затем ему полегчало. Разумеется, в арсенале врачей того времени не было лекарств, которые могли хоть как-то помочь – эта болезнь непросто лечится даже в наши дни.

Я спросил о его образе жизни. Спиноза ответил, что его рацион состоит в основном из молочного супа и хлеба, кроме того, он много курит (заморский табак тогда считался полезным при болезнях легких). Зимой почти не выходит на улицу, весь день неустанно работает с линзами, а ночами, если есть силы, пишет научно-философские работы. Я рекомендовал ему обязательно гулять круглый год; существенно разнообразить питание – даже зимой есть рыбу, куриный суп и овощи; если не бросить курить, то хотя бы уменьшить количество табака; нанять экономку для организации домашнего быта. Я также порекомендовал ему по возможности работать в матерчатой маске, чтобы не вдыхать стеклянную пыль. Он со всем согласился. Неизвестно, произошло это благодаря моим рекомендациям или просто совпало, но впоследствии Спиноза переехал в Гаагу, где жил и работал в большом доме в центре города, держал прислугу и действительно разнообразно питался, что, несомненно, продлило его жизнь.

Дом, где мы находились, был очень скромным, одноэтажным, в нем было всего две небольшие комнаты. Одна служила мастерской – с массивным деревянным столом посередине, со множеством различных инструментов. Готовые линзы разных размеров – и вогнутые, и выпуклые – лежали на полках. В мастерской же находился и небольшой камин для готовки еды. Другая комнатка служила Спинозе кабинетом и библиотекой. Посреди нее стоял резной письменный стол с аккуратно разложенными книгами и чистыми листами бумаги. Книжные полки у боковой стены от пола до потолка были заставлены толстыми фолиантами на разных языках. В центре стола красовалась высокая чернильница с тонким гусиным пером.

В кабинете я лучше рассмотрел внешность хозяина дома. Это был худой человек среднего роста, с удивительными темно-карими глазами – огромными, глубокими, немного блестящими. Его отличали длинные черные вьющиеся волосы и очень живая мимика. Ему было около тридцати, и его вполне можно было назвать привлекательным мужчиной, ярким представителем своей нации. Он мог бы стать величественным раввином,

жениться на любой красавице своей общины, однако отмел все эти земные радости без сожаления.

– Вы производите впечатление спокойного, незлобивого и в целом совершенно безобидного человека. За что вас так ненавидят? Тем более здесь, в свободной прогрессивной Голландии?

– В свободной прогрессивной Голландии человек может придерживаться любой религии. Однако при этом закон запрещает атеизм – полное неверие в Бога. Это преступление. К счастью, если в Испании за мои книги меня уже давно бы поджарили, то здесь я все еще жив.

– А вы действительно не верите в Бога?

Спиноза присел на свой широкий стул и с улыбкой, но не без грусти рассмеялся.

– Вы считаете меня сумасшедшим?

– Ну что вы. Поверьте, я мог бы считать вас кем угодно, но точно не безумцем.

– Только безумные люди могут не верить в Бога. Я не просто верю в Творца. Я каждую секунду, в каждой моей мысли, в каждой строчке написанных мною книг полностью преклоняюсь пред Ним.

– Простите, но тогда я вообще ничего не понимаю. За что же вас изгоняют?

– За то, что я молюсь не их богам. Другому Богу. Единственному истинному.

– Что же это за такой «Бог Спинозы»? Как, каким путем вы к нему пришли?

Философ посмотрел на подрагивающее пламя свечей, на корешки темных фолиантов.

– Вы уверены, что хотите знать? Вы христианин, как я понимаю? Вам будет крайне неприятно.

– Если я выслушаю вас, это не значит, что я с вами соглашусь. Я также совершу над собой усилие и постараюсь как можно меньше спорить, чтобы мы не засиделись слишком уж допоздна.

– Ну что ж. Вы оказали мне помощь, дали врачебные советы, и кажетесь человеком, до которого я смогу донести суть некоторых моих идей. Началось все, как вы, возможно, слышали, с моей критики Библии. Странно, но из всех философов новой эры я был первым, кто отверг ее.

– На каком же основании?

– На основании дотошного, кропотливого анализа. Я логически сопоставил все события, описанные в ней, сравнил приписанные этим событиям даты с архивными документами. Проанализировал высказывания всех пророков, их внутреннюю

непротиворечивость и согласованность друг с другом. В результате я понял, что Библия не имеет отношения к Богу, поскольку Бог не мог совершить такое огромное количество простейших ошибок.

– Постойте. Об ошибках, неточностях и противоречиях в Библии было хорошо известно и до вас. Еще святой Августин писал, что все дело в ошибках людей. Неточный перевод, пропуски, неверное толкование.

– Августин и сам много чего навыдумывал. В этом он был хорош. Я же предпочитаю Библию, если уж мы считаем ее Священным Писанием, толковать строго буквально. Что же мы видим? Ветхий Завет совершенно не выдерживает критики. Моисей не мог быть автором Пятикнижия, так как в нем описаны события, происходившие в основном после его смерти. Бог каждому иудейскому пророку предстает по-разному, говорит им порой противоположные по смыслу вещи. Из этого я делаю вывод, что каждый пророк историю своего «общения» с Богом просто выдумал. А возьмите того же Навина, у которого Бог остановил солнце, чтобы продлить день! Это нонсенс, указывающий лишь на его незнание астрономии. Всего же я нашел более сотни явных нестыковок и ошибок только в центральных сюжетах Ветхого Завета.

– Теперь я понимаю, за что вас столь яростно ненавидят евреи. А что же Новый Завет, христианский?

– Он мне представляется более логичным и цельным. Возможно, потому, что был написан позднее, у него было меньше авторов, и эти авторы были грамотнее. Однако главных причин, как я полагаю, две. Во-первых, хотя его авторы тоже в основном были евреями, они, к счастью, отринули идею так называемой «богоизбранности» еврейского народа. С какой бы стати Богу ставить один созданный им народ выше остальных? Тем более – столь немногочисленный? Заметьте, это говорю я, еврей и по матери, и по отцу. Во-вторых, Иисус Христос был исключительной личностью, я считаю его великим философом. Многие из его идей опередили время. Однако же по моему разумению и он, конечно, был простым человеком, как и все остальные пророки.

– Я не согласен с этим. Однако давайте двигаться дальше.

– Осознав, что основы религий столь ненадежны, я напряженно размышлял. Именно тогда мне попались труды великого Декарта. Я не знал о нем прежде, хотя ребенком мог столкнуться с ним случайно на улицах Амстердама. Декарт осветил мне новый путь, хотя и с его философией я не смог согласиться.

– Чем вам не подошел мир, устроенный по Декарту?

– Он утверждал, что мир состоит из двух половин – материи и духа, которые иногда соединяются в мозгу человека. Что это два главных, одинаково значимых, но противоположных начала.

– Мне это кажется вполне убедительным.

– Нет же, это абсурд. Материя и дух не могут быть двумя раздельными началами мира. Начало у Вселенной одно, единое, которое является и материей мира, и его душой. Это Бог, Субстанция. Разум – это часть Бога. Космос – это часть Бога. Природа – тоже часть Бога. Наши тела и души – частицы Бога. Вселенная на самом деле не была создана Богом, как это утверждают все известные мне религии. Вселенная – это и есть Бог, мы находимся внутри Него. Все, что происходит в нашей жизни, в мире, во Вселенной – это часть существования Бога. Разумеется, он существует таким образом, что мы никак не должны влиять на ход вещей. Всякий поступок сообразно нашей собственной, а не Его воле, как раз и составляет зло, иначе говоря – грех.

Я сделал паузу, прикрыл глаза. В комнатке было холодно, а за небольшим окошком с толстым мутным стеклом, расположенном под самым потолком, внезапно завыла вьюга.

– Я не согласен. Но в своем воображении, пожалуй, ясно могу представить себе такого Бога.

– Вселенная, сиречь Субстанция, абсолютно самодостаточна. Она существует сама в себе и представляется через себя.

– А как же она взаимодействует с нами, ее мельчайшими частичками?

– Через свои атрибуты и модусы. Под атрибутом я понимаю свойства Субстанции. Например, вся ощущаемая нами материя – это один ее атрибут. Дух, или разум, – второй атрибут. Я предполагаю, что в иных измерениях у Вселенной, иначе говоря, у Бога есть бесконечное количество атрибутов. Но для нас, людей, они непознаваемы. Таким образом, мы живем в мире с двумя атрибутами – материей и разумом. В свою очередь, атрибуты имеют модусы – состояния. В определении модусов я близок к Декарту.

– Но кто же создал эту Субстанцию? Я полагаю, что Бог не мог создать самого себя из ничего.

– Никто. Она вечна. Всегда была и всегда будет. По крайней мере, это верно для нашего сознания.

– Я все равно не понимаю. У всего ведь обязательно есть начало.

– Вы этого не можете уразуметь, так как применяете к Богу и Вселенной наше, человеческое ощущение времени. Для Субстанции время – это даже не атрибут, а мелкий модус, глубоко

второстепенное свойство. Для Бога нет времени. Время – лишь часть его природы. Но не предел и не ограничение.

Спиноза взял в руки подзорную трубу, собранную им по чьему-то заказу.

– Посмотрите на этот предмет. Представьте, что стекла внутри – это наше пространство. А корпус трубы – время. Вместе они составляют единый механизм, который в случае Бога работает вечно. Для Него прошлое и будущее – одно. Говоря языком философии, в Боге, в отличие от нашей жизни, нет причины и следствия. В Нем они слиты воедино.

– Какие еще качества присущи Субстанции?

– Она неделима. Вы можете себе представить Бога, разрезанного на кусочки? Она бесконечна по протяженности. Ее энергия неисчерпаема. И, конечно, она одна: вторая Субстанция невозможна.

– Каковы взаимоотношения Бога и человека?

– Таких взаимоотношений в традиционном смысле просто нет. Человек – это настолько мелкая, ничтожная частица Вселенной, что Богу-творцу, разумеется, нет до него никакого дела. А вот нам – наоборот. Бог является высшим смыслом нашей жизни.

– Нечто отдаленно похожее я читал у Аристотеля, которого вы заодно с Декартом презираете. Однако вынужден отдать должное – логика в ваших рассуждениях безупречна.

– Воля и разум Бога имеет не больше связи с волей и разумом человека, чем Созвездие Пса с собакой, лающей на соседней улице, каким бы обидным это ни казалось.

– Иными словами, у человека нет и не может быть свободной воли?

– У человека есть иллюзия свободной воли. Ему кажется, что он свободен: примерно так же, как глядя на подброшенный камень, поначалу кажется, что он летит. Однако его полет строго предопределен. Так же и все вещи проистекают из природы Бога и не могут быть иными. Разум и воля человека – это часть атрибута души Бога. Впрочем, нельзя сказать, что у человека вообще нет свободы воли. Просто это путь греха. Когда мы делаем то, что угодно Богу, это и есть добро. Когда противимся заведенному Им ходу вещей – зло. Я вывел универсальное определение: свобода – это осознанная необходимость.

– Но я ведь могу поднять сейчас руку, а могу не поднять. Это и есть свобода.

– Вам кажется, что вы ее можете поднять или нет, что это ваше решение. На самом деле, вы ее подняли, только чтобы поспорить со мной, а сам наш спор предопределен Богом

разностью наших суждений о мире. Мир совершенен, так как Бог совершенен. Если что-то происходящее нам кажется злым или несправедливым, то лишь в силу того, что мы не понимаем всей сути замысла Бога, или потому, что судим сгоряча. По истечении времени любое зло, ставшее следствием неправильной воли какого-то человека, Богом будет наказано и исправлено.

– Возможно. Но порой справедливости приходится ждать слишком долго.

– Слишком долго для кого? Для Бога любой промежуток времени – это миг. И он, разумеется, не ставит себе целью восстановить справедливость, защитить слабого, покарать злодея. Его не могут заботить такие мелочи. Однако сам заведенный Им ход всех вещей в этом мире столь красив, строен и продуман, что справедливость в конечном итоге свершится сама собою. Мгновенно, или спустя тысячи лет – для Вселенной это совершенно неважно.

– Мне гораздо ближе Бог, который следит за миром и сознательно вершит в нем справедливость.

Спиноза немного раздраженно пожал плечами.

– Что есть справедливость? То, чего хочет Бог. Что есть истина? То, что считает правильным Бог, Вселенная. Вы рассуждаете о вещах снизу, как человек. В божественной перспективе все иначе. Справедливости и несправедливости в мире не существует. То, что кажется справедливым одному, часто несет последствия, ограничивающие и ущемляющие другого, и наоборот. Между людьми должен быть верховный арбитр, направляющий все. Мы сами не в состоянии объективно судить о том, совершили ли мы добро или зло тем или иным поступком, ибо не видим всей картины.

– И все же, каков, по-вашему, характер человеческой природы? Как люди должны жить?

– Я полагаю, что характер большинства людей не очень хорош. Всякий, к сожалению, ищет только выгоду для себя. Люди по своей природе подвержены аффектам, разрушительным страстям. Аффект – всегда искажение той или иной идеи Бога. Главная сила, делающая человека своим рабом – это его желания. В желаниях выражается сущность человека. Чревоугодие, секс, развлечения, власть, месть, зависть. Но это разрушительные желания. Удовлетворив их, человек ощущает пустоту и страх, а страх возникает вследствие бессилия его духа. Потакая аффектам, человек смотрит на Вселенную словно через кривое зеркало.

– Как же следует правильно на нее смотреть?

– Есть три способа познания мира, доступные человеку. Первый – самый примитивный, через органы чувств. Люди,

ощущающие мир только так, подобно животным, предельно далеки от Бога. Второй способ – логика и разум. Это достойный путь, присущий хорошим людям. Но все же лучший – третий путь. Отталкиваясь от разума, подниматься выше. Мыслить, как мыслит сам Бог. Вспышкой, озарением, божественным вдохновением. Однако, такой путь доступен лишь единицам – гениям.

– В чем заключается человеческое счастье?

– Я счастлив, когда осознаю, что все в мире совершается по воле Бога в силу неизменной необходимости. Это понимание доставляет мне величайшее удовлетворение и абсолютное, действительно прекрасное спокойствие. Высшее счастье – интеллектуальная любовь к Богу. Понимая, что все происходит в соответствии с замыслом Божьим, мы чувствуем невыразимое облегчение, которое естественным образом перейдет в постоянное ощущение успокоенности нашей души и счастья. Даже свою тяжелую болезнь я воспринимаю с благодарностью Ему.

– Иными словами, люди в вашей картине мира – это не актеры, а только восхищенные зрители. Мы смотрим на все, происходящее вокруг, как на захватывающий спектакль, который дан нам как щедрый подарок судьбы, Субстанции, за то, что мы родились. И в этом наше счастье.

– Театр я очень люблю: много раз посещал его прежде, когда жил в Амстердаме.

Философ привстал, собираясь поправить что-то на столе, но зашелся кашлем. Затем продолжил.

– Любовь к Богу прекраснее любой другой уже хотя бы потому, что она не знает страха, ревности и зависти – этих вечных спутников земной любви. Чем сильнее мы любим женщину или ребенка, тем больше наша душа наполнена беспокойством о тех вещах, на которые мы не в силах повлиять. Возрастая сверх предела, наша земная любовь превращается в мучение, боль переживаний, которые могут легко растерзать душу. В отличие от этого спокойная и ясная любовь к Богу может расти до любой степени, охватить душу полностью, и при этом она все равно будет оказывать благотворный эффект, приносить нам счастье. Бог – это совершенство, и когда вы любите совершенство, в вашей душе приближаетесь к нему, то неизбежно испытываете духовный экстаз. Кроме того, любя Бога, вы обязательно будете любить и людей. Ведь они – тоже Его творение, и даже, в более широком смысле, – Его частицы.

– Но какой смысл любить Бога, которому до нас, ничтожных, нет ровно никакого дела?

– Любящий Бога не должен желать любви Бога к себе. Ведь в таком случае его любовь эгоистична. Чтобы быть счастливыми, мы должны страстно любить Творца и не ждать ничего взамен.

– Вы не допускаете возможность загробной жизни?

– Душа умирает вместе с телом в том смысле, что после смерти вы утратите все воспоминания о земной жизни, ваше «я» будет похоронено, вы навсегда перестанете быть личностью, которой были. Однако ваша душа, как частица всемирного духа возвращается к Богу, в Субстанцию. Мы смертны, но Бог вечен. Наша душа – частица Вселенной и всегда ею будет. В этом и только в этом смысле она бессмертна. Лично меня такое положение абсолютно удовлетворяет.

Я видел, что молодому, но болезненному философу продолжать беседу было тяжело. Я отвлекся ненадолго, чтобы согреть отхаркивающее питье для облегчения его состояния. Напоследок же я вернулся к интересной, актуальной для многих сейчас, в XXI веке, идеи Вселенной как единой и неразрывной во всех ее элементах Субстанции, или Матрицы, как одно время принято было говорить.

– То, что я сейчас поставил на стол напиток для вас, могло ли пройти как некое воздействие через всю Субстанцию, и отразиться отзвуком где-нибудь в далеких глубинах Вселенной?

– Несомненно. Вселенная едина. Дергая за ниточку в каком-то одном месте, вы обязательно воздействуете не только на это место, но и на всю Субстанцию целиком.

– Другими словами, можно ли Вселенную назвать строго выполняющимся математическим алгоритмом?

Ответа на этот вопрос я не получил. Спинозу вновь охватил мучительный кашель. Поддерживая стакан, я помог ему выпить горячую жидкость, посоветовал пить больше воды и пораньше лечь спать.

Уходя, я думал об удивительном парадоксе наследия Спинозы. Буквально в каждой фразе своих работ он говорит о Боге, считая его источником всего. Но при этом, поскольку его Бог – это во многом сама природа, философ стал кумиром будущих поколений атеистов и агностиков.

Спиноза скончался от чахотки в сорок пять лет. Считается, что его жизнь была трагически короткой, но для того времени и своей болезни, он прожил, возможно, даже дольше, чем можно было надеяться.

Представление о том, что боги не вмешиваются в дела людей, так как слишком велики для этого, звучало у Аристотеля и Эпикура. Счастье как следование природе и естественному ходу вещей – основная идея даосизма Лао-Цзы. Этика в стойкости духа

против пустых страстей близка учению Сенеки. В то же время взгляд Спинозы на Вселенную как на единую бесконечную, полностью взаимосвязанную субстанцию и воплощение Бога вкупе с критикой Библии стал новой, весьма яркой и полностью оригинальной страницей в истории философии.

Проклятое иудаизмом, христианством и исламом учение Спинозы было почти забыто на двести лет, до конца XIX века. В это время бурный рост естественных наук дал его философии новую жизнь. Поклонниками Спинозы были Эйнштейн и другие выдающиеся физики. Новый всплеск интереса к мыслителю происходит сегодня, на фоне «матричных» концепций мира.

С точки зрения обычного человека Спиноза, столь ярко одаренный талантом, мог получить от жизни абсолютно все, но из-за интеллектуального упрямства обрек себя на унылое одиночество.

Но его большие блестящие глаза словно и сейчас внимательно смотрят на нас из тьмы ушедших веков. Искушают наш разум, заставляют поднимать голову, вглядываясь в звезды и ночное небо в поисках ответов на мучающие нас вопросы – где-то там, в глубинах огромной вечной субстанции.

Глава 25
Спор титанов-основателей (Готфрид Лейбниц и Исаак Ньютон)

Место: Кембридж (Англия) и Ганновер (Германия)
Время: 1704 год

Университетский городок Кембридж, расположенный среди зеленых полей, в ста километрах прямо на север от Лондона, в начале XVIII столетия был намного скромнее, чем сейчас. Но уже тогда он считался признанным центром не только английской, но и мировой науки.

За прошедшую сотню лет место Британии в европейской политике, экономике и науке сильно изменилось. Теперь она была уже не провинциальным островом на окраине континента, а одним из главных игроков на международной арене. Промышленная революция только начиналась, до изобретения ее главного двигателя – паровой машины – оставалось еще несколько десятилетий. Однако уже сейчас экономика Англии, превращавшейся в настоящую империю, росла невиданными темпами. Тут и там возникали промышленные мануфактуры, текстильные предприятия, угольные шахты. Став признанной владычицей морей, Британия играла важную роль в международной торговле и владела колониями во всех частях света.

Экономическим изменениям в Англии сопутствовали и бурные политические события. После казни короля Карла I в середине XVII века на смену монархии пришла республика Кромвеля. Но в отличие от Голландии, которая для многих стран служила примером, эта попытка оказалась кровавой и неудачной, после чего ограниченная монархия на острове была восстановлена и пребывает почти неизменной по сей день. Последующее противостояние Англии с Нидерландами, сначала политическое и торговое, а затем и военное, продлилось пару десятилетий и закончилось неожиданно. Правитель Голландии Вильгельм Оранский при вторжении в Англию был восторженно встречен ее жителями (которым не нравился их король – католик и шотландец), и они провозгласили его новым монархом Англии. После смерти Вильгельма в начале XVIII века на престол взошла Анна, дочь предыдущего короля, которая, как и большинство подданных, стала протестанткой и проводила современную прогрессивную политику. Именно Анна впервые объединила

Англию и Шотландию в единое государство – Великобританию.

Примерно в это же время на почетный пост председателя Лондонского королевского общества – Академии наук – был избран человек, к которому с антипатией относилось большинство британских ученых того времени. Однако заслуги этого человека, как научные, так и государственные, были столь велики, что другие кандидатуры на эту должность даже не рассматривались.

Как и многие гении, в быту этот ученый казался весьма странным, а его острый, колючий, нетерпимый к критике, не склонный к компромиссам характер стал в Лондоне притчей во языцех. Даже к преклонному шестидесятилетнему возрасту у него не было ни друзей, ни семьи; его отчаянно не любили его студенты – и он отвечал им взаимностью. Со стороны он обычно выглядел одновременно рассеянным и одержимым какими-то идеями, вечно куда-то спешащим, словно не желающим удостаивать окружающих своим вниманием и драгоценным временем. Что касается его идей, особенно научных, то и ими он вовсе не спешил делиться с внешним миром. Писал-то он много, но в основном в стол. Кто-то полагал, что сэр Исаак Ньютон (так звали этого ученого) просто не выносит критики, неизбежной при обнародовании любых революционных идей, другие считали его неисправимым перфекционистом (почти все свои работы он дополнял и уточнял до самого конца жизни). Самые главные свои научные трактаты он публиковал через десятки лет после их написания, что впоследствии не раз становилось почвой для конфликтов и авторских разбирательств.

Собственно, эксцентричным характер этого человека был с самого детства. Он родился в обеспеченной семье, однако, детским забавам со сверстниками предпочитал одиночество, молчание, чтение книг и конструирование механизмов. В восемнадцать он поступил в самый престижный из колледжей Кембриджского университета, с которым оказалась потом связана вся его жизнь. Во время учебы он оставался предельно замкнутым, нелюдимым, порой конфликтовал с преподавателями, считая работы древних греков и схоластов устаревшими, но при этом взахлеб, ночами напролет, читал полузапрещенные книги ученых нового времени – Галилея, Декарта, Кеплера. Главный прорыв в жизни и будущей карьере Ньютона произошел, когда ему было всего 22 года. В Англии вспыхнула одна из последних в истории эпидемий чумы, и весь Кембридж почти на два года был распущен, или, говоря современным языком, переведен на режим полной самоизоляции. Ньютон вернулся в родной городок в глубинке, поселился там в

большом доме с красивым цветущим садом, принимая только разносчиков продуктов, и полностью погрузился в занятия наукой. О том, что в те годы вышло из-под его пера, человечество узнало лишь много позже.

По возвращении в Кембридж ученая карьера Ньютона (еще до публикации его главных открытий) резко пошла в гору. Он получил степень магистра, кафедру математики и большое жалование. В свободное от лекций время Ньютон, первым в истории разложивший луч света на семь цветов с помощью призмы, сконструировал и лучший телескоп своей эпохи. Со временем он начал активно переписываться со многими английскими и европейскими учеными. В письме еще более молодому, чем он, но тоже чрезвычайно одаренному немецкому ученому по фамилии Лейбниц Ньютон вскользь, в двух словах, избегая точных определений, упомянул открытый им принципиально новый математический подход: метод флюксий (или производных, как их позже назвал сам Лейбниц). Данный метод опрокидывал устоявшиеся представления о математике, открывая беспрецедентные возможности для расчетов скоростей и траекторий движущихся объектов – до этого математика изучала только неподвижные объекты. В ответном письме заинтригованный Лейбниц попросил его описать подробнее, как работает этот чудо-метод, но Ньютон ему не ответил.

В глазах самого Ньютона этот новый метод не имел бы такой уж большой ценности, если бы не одно важное обстоятельство. По призванию и интересам он был физик, а не математик. Его привлекало изучение всех тех загадочных сил и явлений, которые управляют нашим миром, а математические методы он считал необходимой подмогой, инструментом.

Примерно к сорока годам Ньютон, все еще не опубликовавший ни одной серьезной работы, стал одним из самых уважаемых ученых Англии, членом академии в Лондоне. В его беседах и письмах тех лет центральное место заняли нерешенные вопросы астрономии. Великие европейские ученые тогда уже не только довольно подробно описали движение и орбиты планет и крупных комет, но и выявили глубокие закономерности в этом движении. Однако по-прежнему никто не мог описать эти закономерности на языке строгих математических формул.

Исааку Ньютону первому пришла в голову простая, казалось бы, мысль о том, что законы движения тел на Земле и в космосе – одни и те же. Закон всемирного тяготения он открыл еще в юности, во время той самоизоляции в деревне, но не был в нем до конца уверен. Действительно, в его записях того времени были

неточности. Лишь после двадцати лет сомнений и доработок, в 1687 году, в возрасте сорока пяти лет, Ньютон решается наконец-таки опубликовать свой первый научный труд «Математические начала натуральной философии». Эта работа произвела эффект разорвавшейся бомбы. История всей мировой науки разделилась на две половины – «до» и «после» нее. Ньютон фактически открыл в ней физику. Сформулировал три базовых закона движения объектов, привел формулу закона всемирного тяготения, математически описал траектории движения небесных тел.

В том же году у Ньютона неожиданно случился конфликт с королем. Ученый пошел на принцип и отказался дать степень магистра Кембриджа другу короля, не имевшему научных заслуг. Казалось, что этим Ньютон похоронил свою карьеру. Однако случай приобрел известность, и когда через год короля свергли, новая власть обласкала Ньютона за его принципиальность, как только смогла. Ему назначали огромное содержание в Кембридже и дали кресло в парламенте. Политикой ученый не интересовался, и его единственной репликой за три года работы в Парламенте была просьба поплотнее закрыть окно в морозное зимнее утро. Он отказался от парламентского кресла при первой возможности, но зато на другом государственном посту раскрыл новую грань своих способностей. Это был пост главы английского Монетного двора. Проведенные Ньютоном реформы избавили Англию от фальшивых монет и отчасти поспособствовали будущему бурному росту экономики Великобритании.

Внося неоценимый вклад и в науку, и в благосостояние государства, в быту Исаак Ньютон оставался человеком желчным, малообщительным, склонным к мелким конфликтам. Лекции студентам он читал нудным безразличным тоном, словно делая им одолжение, раздражаясь на любые уточняющие вопросы. Более того многих вполне заслуженных членов академии он открыто называл выскочками, а то людьми, укравшими его идеи, не всегда утруждая себя обоснованием своей позиции.

Однако самое громкое и неприятное происшествие случилось совсем недавно, несколько месяцев назад. Только сейчас, когда ему перевалило за шестьдесят, Ньютон наконец-то соизволил подготовить и издать большой трактат о математике – о том самом методе флюксий, который почти не упоминался в его бессмертной работе по физике. Эта работа ждала публикации целых сорок лет. Выяснилось, что в Германии уже давно издан целый ряд работ по той же теме, описывающих, хоть и в других терминах, абсолютно такой же метод. Причем их автор в своих математических исследованиях сумел зайти намного дальше

Ньютона. Фамилия этого немецкого ученого была Лейбниц. Он не скрывал, что когда-то получил письмо Ньютона с упоминанием метода флюксий. Однако, по утверждению Лейбница, из того письма было невозможно понять суть метода. И он вывел его сам.

Тогда, как и сейчас, за признание авторства научной идеи могла развернуться нешуточная борьба. Тем более если идея была столь грандиозна. Весь научный мир Европы начала XVIII века разбился на два враждующих лагеря.

В этот раз я был ученым, математиком, действительным членом Парижской академии наук – весьма авторитетного научного сообщества. Скандал между двумя знаменитыми учеными дошел до ушей самого Людовика XIV, Короля-солнце. Престарелый монарх вызывал меня в свои роскошные покои в Версале и поручил разобраться в конфликте с объективностью стороннего незаинтересованного наблюдателя (а кем еще мог быть француз в споре англичанина и немца?), а после доложить ему лично.

В Кембридж я прибыл в начале осени. Знакомые пугали меня английскими дождями, ненастьем, ранними холодами, сильной качкой при пересечении Ла-Манша. Но, вопреки этим опасениям, погода стояла отменная, и вся поездка вышла исключительно приятной. Правда, в самом университете мне пришлось неделю дожидаться аудиенции. Магистр Ньютон, занятый и на госслужбе, и в научном обществе в Лондоне, бывал здесь лишь наездами. Разумеется, я мог попытаться встретиться с ним в столице, но мне хотелось, чтобы наш разговор о науке прошел в спокойной обстановке, в его альма-матер – там, где родились его великие идеи. Когда магистр наконец появился, он долго расспрашивал своего секретаря обо мне и цели моего приезда, и явно не горел желанием тратить на меня время. Лишь узнав, что от моего суждения может зависеть вердикт мирового ученого сообщества, он нехотя согласился на встречу, заранее холодно предупредив, что наш разговор будет недолгим.

Исаак Ньютон ждал меня в назначенное время, сидя в глубоком кресле с высокими подлокотниками за столом в кабинете, служившем кафедрой математики кембриджского Тринити-колледжа. Мне показалось, что самим нашим положением в ходе беседы он хотел подчеркнуть свое превосходство и свою безусловную правоту в обсуждаемом вопросе.

Несмотря на весьма преклонный возраст, ученый оставался энергичным. В кресле он выглядел солидно и представительно. Но когда по ходу беседы он встал и начал нервно прохаживаться от стены к стене, оказалось, что, несмотря даже на высокие

каблуки, роста он был ниже среднего, и при этом тщедушного, не вполне ладного телосложения. На голове Ньютона был высокий роскошный парик пепельного цвета, подобающий его положению. Однако в помещении было душно, и скоро он снял свой парик, обнажив редкую, полностью седую, неприятного оттенка шевелюру. Было заметно, что ему недостает зубов, хотя речь от этого не страдала. Без парика, стоя, он был похож на усталого деревенского старика, которого все на свете раздражает одним своим существованием.

После краткого знакомства он протянул мне какие-то бумаги, написанные на латыни от руки.

– Посмотрите на этот документ. Вам все сразу станет ясно. Вопрос исчерпан.

– Что это?

– Это копия того моего письма Лейбницу. Посмотрите на печать и дату. Хорошо, что вся научная переписка обязательно ведется не простой почтой, а через секретарей Королевского общества Лондона. Они отвечают за сохранность корреспонденции, и с каждого исходящего и входящего письма членов Общества обязательно делают копию, которая хранится в архиве бессрочно. Вы держите в руках копию с той копии. Я специально попросил ее сделать, на всякий случай. Можете взять ее себе, чтобы показать в Академии Парижа.

– Понятно. А на что в документе следует обратить внимание?

– На четкую формулировку моего метода. Переверните несколько страниц. Видите, я пишу об открытом мною методе флюксий? Затем, внизу, через несколько абзацев, упоминаю о касательных, которые требуется провести к графику функции. В этом ключ идеи. Лейбниц – способный математик, с этим я не спорю. Однако же в этом случае он поступил как уличный мошенник. Обсуждать нечего.

Я внимательно прочитал письмо. Оно было довольно большим – на несколько страниц. В основном Ньютон комментировал различные научные новости, упоминая о методе флюксий лишь в одном кратком абзаце в самом конце. О касательных там тоже что-то упоминалось, но разбираться в сути прямо сейчас, в его присутствии, было затруднительно.

– Магистр, вы видели работы Лейбница? Вы же знаете, какой огромный прогресс он совершил? По-вашему, для этого ему было достаточно всего нескольких этих завуалированных слов?

– Разумеется. Главное – натолкнуть на идею. Развить ее для способного математика несложно.

– Не сочтите за дерзость, но сама идея о том, чтобы провести касательные к функции, и посмотреть, что из этого получится,

тоже принадлежит не вам. Об этом писал еще ранее один швейцарский математик. Но дальше этого он не продвинулся, в отличие от Лейбница. И Лейбниц точно читал ту его работу. А что, если он и вправду украл идею – но не у вас, а у того математика? Или еще у кого-нибудь?

– Вздор. Вы несете ересь. Я даже начинаю сомневаться, что вы вообще хоть что-то смыслите в науке.

Ньютон нервно зашагал по комнате. Мне было ясно, что любой суд сегодня отклонил бы иск Ньютона: туманная идея в нескольких словах еще не дает права на изобретение. Что мешало Ньютону первым опубликовать свою работу, которая давно была у него готова? По каким-то своим причинам он этого не сделал, а теперь кусает локти.

– И потом, вы знаете, что Лейбниц до моего письма не был математиком? Он был юристом, историком, философом. Если бы не мое письмо, он бы вообще не взялся за математику. Мошенник.

Поток обвинений мог продолжаться еще долго. Я поблагодарил англичанина за копию письма и обещал представить его на суд Парижской Академии и короля. Напоследок, чтобы охладить страсти и переменить тему, я вежливо поинтересовался, над чем магистр работает в данное время. Обычно ученые рады возможности поговорить о своих исследованиях, но его ответ был сухим.

– Пишу исторический очерк, анализирую некоторые события, описанные в Библии, а также провожу химические опыты.

– Вы занимаетесь алхимией, секретами выплавки золота из недрагоценных металлов?

– В том числе и этим.

– Не думаю, что из этого что-то получится. Знаете, меня самого в науке особенно привлекает философия. Вы признанный физик, исследователь. Подвигли ли вас занятия наукой на протяжении всей жизни к каким-то общим выводам, суждениям о Боге, о смысле бытия, структуре Вселенной?

Открыватель закона тяготения посмотрел на меня с некоторым удивлением, но затем его взгляд и тон голоса неожиданного смягчились, успокоились. Кажется, когда речь не шла об авторских правах или о его работах в области точных наук, общаться с Ньютоном можно было вполне спокойно.

– Я, разумеется, убежденный христианин. Физические законы, повелевающие Вселенной и всеми телами на Земле, столь красивы и гармоничны лишь по той причине, что совершенный Господь создал их такими.

– Но у вас наверняка есть свои философские взгляды, суждения?

– Разумеется, нет. Гипотез не измышляю. Если вы не в состоянии что-то доказать, то все остальное, что вы говорите – чушь, фантазии, домыслы. Например, меня много раз просили объяснить, каким образом работает открытый мною закон всемирного тяготения. Ведь это и вправду может казаться странным. Как Земля и Солнце, или поверхность Земли и пушечное ядро, на расстоянии, без какой-либо видимой связи, только благодаря их массе, тяготеют друг к другу? Если бы на моем месте был любой другой философ, он обязательно придумал бы объяснение. Наплел бы что-то о «всемирном эфире», как Пифагор, или о «вихрях материи», в духе Декарта.

– Но к чему-то вы все же склоняетесь?

– Я много размышлял о природе тяготения, но ни к чему не пришел. Нет никакой связи между Землей и падающим ядром, которую можно было бы увидеть, пощупать, измерить. А фантазии – это дело поэтов. Истинному ученому надо иметь мужество, чтобы сказать «я не знаю». Так вот: я не знаю.

– Как физик-естествоиспытатель, верите ли вы в загробную жизнь?

– Библия, в которую я верю, утверждает, что она есть. Что это такое с точки зрения науки, я тоже не знаю. Простите, у меня дела. Если по существу у вас больше нет вопросов, разрешите откланяться.

Концовка нашего разговора с Ньютоном – поначалу острого – оставила у меня приятное послевкусие. Я искренне, от души поблагодарил его за уделенное мне время.

Отказ от трактовки механизма всемирного тяготения делал английскому гению честь. Первым, кто предложил внятное и логичное объяснение этой вечной загадке, оказался Эйнштейн спустя двести лет. Его объяснение, хорошо подкрепленное математически (искривление пространства под действием массы), тем не менее, тоже не вполне ясно раскрывает суть механизма главного закона Вселенной. После Эйнштейна появилось немало других, тоже вполне научных версий на этот счет.

Мой вояж из Кембриджа в Ганновер (крупный, но очень провинциальный город в самом центре Германии) оказался долгим и куда менее приятным. Мне пришлось вернуться во Францию, а затем пересечь все Нидерланды, перебираясь через бесконечные каналы, низменности и дамбы. В начале октября в Германии резко похолодало, начались снегопады, и ехать напрямую через густые леса было небезопасно. Чтобы не застрять посреди бездорожья и не попасться разбойникам, мне пришлось сделать большой крюк через весь юго-запад страны, включая старинные города Аахен и Кельн. В Ганновере, при всей спешке, я

оказался только спустя три недели, сильно измотанный.

Этот город считался важным торговым центром. Раз в год, в конце весны, здесь проводилась огромная общеевропейская ярмарка. Но сейчас, промозглой осенью, Ганновер не произвел на меня никакого впечатления. Знаменитые ярмарочные кварталы в деловом центре были составлены массивными, но невыразительными и архитектурно скучными зданиями из темно-красного кирпича. Некоторые из них служили торговыми помещениями, другие – просто большими складами. Возможно, во время ярмарки центр Ганновера был весьма оживлен, однако, сейчас в этих мрачноватых кварталах встречались лишь редкие прохожие. Было не то чтобы очень холодно, но неприятно: пронизывающий ветер с реки, носивший по земле жухлые листья, продувал до костей. Складывалось ощущение, будто я нахожусь где-то в абсолютной глуши, а вовсе не в торговом и географическом центре Европы.

Разыскать Готфрида Лейбница оказалось несложно. Хотя в Германии было немало университетов, и все больше немецких ученых теперь играли заметную роль в разных сферах науки, в целом дела в ней на государственном уровне обстояли неважно. Вероятно, причина была в феодальной раздробленности. Многочисленные германские земли принадлежали мелким местным правителям, князьям, курфюрстам, каждый из которых не имел ни достаточных средств, ни тем более желания содержать при себе штат ученых. Жалование университетских профессоров тоже было весьма скудным. Поэтому многие, если не большинство ученых Германии имели другую, основную, кормящую их профессию, а наукой занимались в свободное время.

Даже такой видный и всемирно признанный ученый, как Готфрид Лейбниц, не был исключением. В молодости он работал в нескольких немецких университетах, но затем бросил преподавание, ринувшись в пучину своих разнообразных увлечений: много путешествовал по всей Европе, состоял в тайных обществах, служил советником у разных правителей. Однако, в зрелости, не накопив богатств, поступил на службу к молодому правителю Ганновера. Тот платил ему жалование, и даже предоставил Лейбницу большой дом в центре города. Но он ничего не понимал в науке, и даже не представлял себе, какого масштаба человек и ученый оказался в его распоряжении. Для него Лейбниц был не более чем подручным: составить поздравительное письмо, перевести текст с латыни, навести порядок в библиотеке, подобрать подходящую горничную. Разумеется, Лейбницу претила эта работа. Однако его жизнь

сложилась так, что лучших вариантов обустройства на старости лет у него не было. Кроме того, в дни, когда его патрон был в разъездах (что случалось нередко) он мог спокойно, без помех заниматься научной работой.

Масштаб интересов и знаний этого человека был таким, что в это до сих пор трудно поверить. Готфрид Лейбниц не просто был эрудитом и универсалом. Многие историки науки утверждают, что именно он был последним ученым в истории, который был глубоко сведущ во всех сферах современных ему знаний. Лейбниц был практически Аристотелем новой эры. Ввиду бурного развития наук, начавшегося как раз в то время, после Лейбница быть знатоком переднего края всех наук стало физически невозможным для одного отдельно взятого человека, каким бы гением он ни был.

В отрочестве Лейбниц увлекался библейскими текстами, перечитал почти всех древнегреческих философов, поэтов, драматургов. Обладал феноменальной памятью – мог цитировать прочитанное дословно. Говорили, что к четырнадцати годам он прочитал больше книг, чем средний ученый читает за всю жизнь. При поступлении в престижный университет в пятнадцать лет он уже знал больше, чем выпускники того же заведения. В двадцать лет Лейбниц стал доктором права (что в те времена было очень почетно), издал свою первую философскую работу и изобрел самый совершенный в мире арифмометр: механический прообраз современного калькулятора. До него подобные приборы могли только складывать и вычитать. Хитроумный арифмометр Лейбница позволял осуществлять также умножение, деление и даже извлечение квадратного корня.

Спустя несколько лет Лейбниц посетил Лондон, чтобы продемонстрировать арифмометр ученым Королевского общества. Те пришли от устройства в восторг. К сожалению, на том заседании не присутствовал Ньютон – рядовой член общества, он бывал в Лондоне лишь иногда. Но слухи о молодом талантливом немце до него дошли. Ньютон написал ему письмо, тот ответил. В своем втором письме Лейбницу (который ему поначалу явно понравился живостью ума) Ньютон как раз и похвастался мимоходом своим «методом флюксий».

Еще через несколько лет математика захватила Лейбница с головой. Неизвестно, послужило толчком письмо Ньютона или что-то другое. Основным фронтом его работ действительно были функции, производные, дифференциалы и интегралы. Но он пошел в этих исследованиях намного дальше Ньютона, а также сделал открытия в других областях математики. Гениальным прозрением Лейбница была предложенная им идея двоичного

счисления вместо десятичного как основа для программирования счетных машин будущего (за 250 лет до их создания!).

Несмотря на пристрастие к работе в одиночку, в отличие от Ньютона, Лейбниц охотно и регулярно общался с другими учеными, политиками и просто интересными людьми. Однажды в замке Ганновера он провел целый вечер в личной беседе с русским царем Петром I, который остановился там проездом. Лейбниц произвел на царя столь неизгладимое впечатление, что спустя двадцать лет он прислал ученому предложение возглавить Академию наук, но тот отказался. Путешествуя по Голландии, Лейбниц посетил и Спинозу, однако их философские взгляды так сильно разошлись, что впоследствии в своих работах Лейбниц отзывался о нем резко негативно.

Я застал ученого под вечер в его просторной тихой библиотеке, где кроме нас никого не было. Лейбниц сидел за одним из письменных столов с пером в руке. Рядом высилась толстая стопка исписанной бумаги. Он пояснил, что герцог Ганновера поручил ему составить подробную историю своих земель за последнюю тысячу лет, и эта нудная работа отнимает у него слишком много времени, отвлекая от серьезной науки. Заметил, что легковесный характер и уровень учености герцога, к сожалению, оставляют желать лучшего. Говоря это, Лейбниц, конечно, не мог и помыслить, что через много лет, после его смерти, карьера этого юного аристократа резко пойдет вверх, и к концу жизни он окажется на английском престоле.

Как и Ньютон, Лейбниц был невысок, худощав, и для своих шестидесяти – бодр и энергичен. Высокий пышный парик пепельного цвета придавал его образу торжественность. В отличие от англичанина, Лейбниц не пытался возвыситься над собеседником и продемонстрировать превосходство. Напротив, он был скромен и дружелюбен. И в то же самое время неуловимые движения глаз вкупе со странной мимикой создавали впечатление, что ученый не до конца откровенен в своих словах. Мы начали говорить по-немецки, но далее плавно перешли на английский, которым Лейбниц владел так же хорошо, как и родным. О существе дела он высказался однозначно:

– Неужели снова тот же вопрос? Меня искренне расстраивает весь этот шум, возникший из ничего. Из того письма Ньютона, которое я к тому же давно потерял, я понял лишь одно: мой коллега занимается исследованием бесконечно малых величин, к которым стремятся некоторые функции. Сам я в то время делал в математике лишь первые шаги, и на слова Ньютона не обратил особого внимания. Куда больше функций меня увлекали правила математической логики. Как известно, ее открыл Аристотель. Не

исключаю, что, будь он жив, он тоже обвинил бы меня в краже его «исходных идей». Хотя, насколько я знаю из истории, Аристотель был рассудительным и осторожным в суждениях человеком, чего не скажешь о Ньютоне. Жаль, что я никогда не имел возможности лично увидеться со своим английским коллегой. В Лондоне мы разминулись, а сейчас оба уже слишком стары для долгих поездок, а потому нам не суждено встретиться и объясниться лично, как подобает разумным мужчинам.

– Но как же тогда получилось, что ваш метод – почти копия его?

– По очень простой причине: другого математического метода анализа функций попросту не может быть. Что же касается внешних различий, то их более чем достаточно. Я использую другие термины, записываю расчеты и уравнения другими знаками. И именно мои термины и знаки легли в основу науки математического анализа. Кроме того, я пришел к гораздо большему количеству выводов, чем излагает Ньютон в своей недавней работе. Он, бесспорно, гений. Но все же он физик, а не математик.

– Научный мир считает вас не только математиком, но и ярким, самобытным философом.

Готфрид Лейбниц довольно прикрыл глаза, отложил подальше перо, отодвинул стопку бумаг. Говорить о философии, науке наук, ему было приятнее, чем описывать «историю родного края».

– Начну с того, что я решил идти иным путем, нежели современные философы – Бэкон, Декарт и тем более Спиноза. Все они начинали с того, что объявляли прежнюю философию устаревшей, ошибочной, и начинали с чистого листа. Я же признаю, что почерпнул ряд идей, к примеру, у Декарта. В то же время я не считаю, что такие грандиозные умы как Платон или Аристотель заслуживают забвения. Как логик, я долго искал синтетическую систему, которая бы примирила философские системы прошлого и настоящего.

– И вам это удалось? Примирить Аристотеля и Фому Аквинского с Бэконом и Декартом?

– Я уверен, что удалось. Правда, далеко не все примут мой взгляд на мир.

– Что вы имеете в виду?

– Свою философскую систему я называл «монадология». Монада в переводе с греческого означает то же, что и атом: неделимая частица.

– Почему бы вам не назвать учение «атомология»? Смысл тот же. Но звучит, как минимум, привычнее.

– Дело в том, что между атомом и монадой есть принципиальная разница. Атом в представлении древних греков – это комок материи, мертвого вещества. Я же полагаю, что мир состоит из одушевленных, мыслящих частичек духа, если хотите, энергии. Вы понимаете разницу?

Я кивнул, подумав о том, что Эйнштейн доказал эквивалентность материи и энергии. С этой точки зрения взгляд Лейбница не грешил против научной истины.

– Монада – это духовная частица, не материальная. Она присутствует во всякой вещи. Монада – сгусток энергии. Все эти частицы находятся в управлении Бога. В каждой, как в капле воды, отражен весь мировой порядок, и нет двух одинаковых частиц во всей Вселенной. Монады можно назвать мельчайшими субстанциями, кирпичиками мироздания. Здесь корень моих противоречий со Спинозой. В его картине мира вся Вселенная – одна огромная субстанция. Если бы существовала только одна, единая, неделимая субстанция, то она была бы замкнута сама на себя, омертвевшая и бессмысленная. Живой мир есть гармония бесконечного множества субстанций.

– Я не вполне понимаю. Где находятся эти субстанции?

– Абсолютно во всем. Даже в неживой материи. Есть монады нескольких уровней. Из самых примитивных, лишенных мыслей монад состоят предметы. Камни, деревья, земля – все это лишь кажется статичным. Камни рассыпаются, деревья расцветают и засыхают. Они тоже в некотором смысле живые, только их жизнь протекает гораздо медленнее и иначе, чем наша. Монады второго уровня – кирпичики, которые составляют животных, насекомых. Они находятся в постоянном динамичном движении. Но и они не обладают высшими способностями. Монады третьего уровня – наиболее совершенные. Формируя уникальный человеческий мозг, они позволяют нам бесконечно развивать наш интеллект, вести насыщенную впечатлениями жизнь. Наконец, высшая субстанция – это Бог, источник всех монад. Благодаря Богу и его бесконечно высокому разуму во Вселенной существуют единые и неизменные законы природы. Бог заботится о том, чтобы симфония из бесчисленного количества разлитых по Вселенной монад звучала гармонично.

– А разве наш мир так уж гармоничен, насколько-то справедлив? Откуда тогда в нем берется зло?

– Я написал работу под названием «Теодицея», оправдание Бога. В ней я на примере всей истории человечества доказываю, что человеческая история постоянно движется в сторону добра, разума, блага. Бог не мог создать Вселенную совершенной с самого начала. Он обладает огромным могуществом, но все же –

не всесилен. Даже великий дирижер, лидер оркестра, сам не может исполнить симфонию вместо музыкантов. Ведь если бы он мог, то зачем ему был бы нужен этот оркестр? Кто-то из музыкантов поначалу ошибается, но с каждой репетицией оркестр звучит все лучше, чище, прекраснее. Иногда зло совершается, но только ради того, чтобы этим предотвратить неизвестное нам еще большее зло. Так же и Бог совершенствует мир. Не сразу, а постепенно, шаг за шагом. Мир, в котором мы с вами сегодня живем – самый совершенный из всех, которые были возможны, исходя из всех первоначальных условий и из качества того разного и не всегда идеального материала, который был у Бога под рукой в начале времен.

– Самый совершенный мир из возможных на сегодня… Любопытно. А завтра он станет еще лучше?

– Разумеется. Не для нас с вами – мы покинем его. Но монады, которые становились лучше внутри нас на протяжении нашей жизни, превратятся в новых людей, в новые умы. Наука будет развиваться бесконечно, делая жизнь людей радостнее, а их самих – умнее, здоровее, нравственнее.

– Я знаю, что при всей его склонности к точным наукам, Ньютон – искренне верующий человек. А как в вашем случае сочетаются вера и исключительные знания?

– Абсолютно естественно. Отдельные обрывки знания лишь отделяют человека от Бога. А по-настоящему глубокие знания неизбежно возвращают к Нему.

– Мне кажется, ваше учение весьма оптимистично.

– Иначе быть не может. Оглянитесь вокруг. Во Вселенной нет ничего бесплодного. Нет смерти, нет хаоса, нет беспорядочного смешения. Вся природа одушевлена. Каждая частица в ней имеет собственную силу, энергию, развитие. Все вместе они стремятся к Совершенству. За всей Вселенной внимательно присматривает ее Создатель. Воистину, мы живем в лучшем из миров.

– Но при этом мы все равно умираем. Когда-нибудь придет конец и всей Вселенной.

– Конца Вселенной не будет никогда. Конец – это что-то связанное со временем. Хотя я не могу это доказать научно, но интуитивно уверен, что и время, и пространство – величины относительные. В глубинах Вселенной время может ускоряться, замедляться и даже останавливаться. Полагаю, что окончательного совершенства нет. Бог будет улучшать мир бесконечно.

– Возможно. Спасибо вам огромное за беседу. Ваш оптимизм действительно дарит надежду.

На прощание я как бы невзначай протянул ученому

небольшой, но тугой кошелек с серебряными монетами. Вероятно, там была пара скромных месячных жалований одинокого мыслителя. Я знал, что герцог уже несколько месяцев задерживал ему плату, рассердившись на то, что Лейбниц недостаточно усердно работает над историей Ганновера. В результате тот едва сводил концы с концами; случалось, ему не хватало средств даже на еду и лекарства. Лейбниц поблагодарил меня и аккуратно убрал подарок в карман.

По возвращении в Париж я представил подробный рассказ и выводы руководству Академии, а затем и лично королю. Вывод состоял в том, что конфликт двух великих ученых на деле не имеет никакого смысла. Они оба, параллельно и независимо друг от друга, совершили величайшую революцию в математике. Ньютон совершил такую же революцию и в физике, а Лейбниц, развивая их общие идеи, изобрел целостную систему, навсегда ставшую основой высшей математики.

Сравнивая Ньютона и Лейбница, невозможно определить, чей вклад в развитие науки более весом. Они оба были абсолютными гениями.

Хотя сами они считали друг друга противоположностями, у них было много общего. Оба в юности были самоучками, предпочитая книги живым учителям. Оба сторонились женского пола, не были женаты, не имели детей (Ньютон, вероятно, остался девственником; у Лейбница были отношения, но недолгие). Оба остро воспринимали критику своих работ, что во многом и вызвало их конфликт. Оба для своего времени прожили долгую жизнь – Лейбниц скончался в 70 лет, Ньютон – и вовсе в 84.

Возможно, если бы Ньютон и Лейбниц не были непримиримыми врагами, а работали бы много лет вдвоем, то смогли бы сформулировать некий прообраз теории относительности на основе феноменальной интуиции Ньютона в области физики и идей Лейбница об относительности времени и пространства. Впрочем, такая теория настолько опережала бы уровень науки эпохи, что вряд ли кто-то из их современников смог бы ее оценить и даже просто понять.

Незадолго до кончины Ньютон написал в дневнике: «Не знаю, как меня воспринимает мир, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу и иногда отыскивающим яркие камушки и ракушки. В то время как океан истины расстилается передо мной неисследованным».

Вероятно, и сегодня великие ученые и философы согласились бы с этими словами.